

АЛЁНА НИКИТИНА



БЕЛАЯ НИТЬ

Тень угрозы нависла над лесом Барклей. Загадочные смерти соплеменников вынудили наследника клана дриад пуститься на поиски ответов. Он и сам едва не стал жертвой душегубов. Еще и владыка клана куда-то запропастился. Уж не связаны ли обрушившиеся на лес бедствия с его спешным отъездом? Или к беспорядкам причастна очутившаяся в лесу колдунья, с которой наследника связывает неведомая белая нить?

Распутывая плотный клубок тайн и интриг, наследник всё глубже погружается в тёмное прошлое своей семьи и уже не знает, в силах ли он спасти родной клан от гибели.

Часть 1. Пролог

Издали Морионовые скалы походили на распахнутые крылья. Чёрные, дышащие испарениями горячих подземных источников, они почти отвесно обрывались перед лесом Барклей и обозначали границу. Деревья теснились у их подножия, особо смелые вскарабкались и пустили корни на каменных уступах.

Многим скалы казались негостеприимным местом, остальные и вовсе называли их проклятыми. Ходили слухи, что в древности здесь жили существа, могуществом почти равные богам: Тофосу и Умбре.

Жили и сгнули, а обитель осталась.

Почему? Отчего? Никто толком не ведал. Но Морионовые скалы окутывала дурная аура. И на эти чужие территории, пусть и покинутые, мало кто решался ступить. Только хины — паразиты — навевались раз-два в год, словно отдавать исчезнувшим Древним дань уважения.

Здесь всегда было тихо. Скалы стояли задолго до того, как в сердце леса появились первые дриады. Видели их зарождение. Наблюдали, как Барклей растёт и крепнет, подбирается ближе.

Вот и сегодня чёрные камни безмолвно наблюдали за дриадой. Высокой. С пышной грудью, какой впору хвалиться. И золотыми глазами, которые глядели поверх вуали, укрывшей каштановые локоны и нижнюю часть лица. Как у всякой дриады, уши её напоминали вытянутые треугольники с длинными витыми кончиками. От локтей до запястий руки укутывали лиственные рукава.

Дриада стояла на лужайке. Взирала на лес и будто не замечала, как ночную тишину рушат щелчки грозových разрядов. Они сверкали в пещере у подножия скал, откуда тянуло кровью и горелой плотью.

Там вершилась месть. Там подопечные дриады умертвляли девчонку, из чьей глотки уже не вырывалось ни звука.

Спирея — так звали первую жертву, дочь Хатиоры.

— Гера! — Зов дриады, не встретив преград, упорхнул во тьму пещеры. — Вы позабавиться решили?

— Да ладно тебе, — прозвучал шипящий голос. — Всё равно ждёшь. Никто ещё не пришёл.

— Не заигрывайтесь! — Она ждала, постукивая каблуком сапога по земле.

Втянув носом воздух, дриада снова обратила взор к лесу. Оглядела кроны деревьев, по которым рассыпались лунные блики.

Когда-то она жила в Барклей вместе с братьями. Но ныне немногие дриады знали, что она жива, и её там никто не ждал. Никто не отвесил бы ей поклона. Не проводил бы взглядом, полным благоговения. Столкнись она теперь с кем-то из соплеменников, одни — кто помоложе — уже не признали бы её, а другие поспешили бы удалиться, вереща, что в лесу завелось привидение.

Ночью к чёрным скалам приближались либо одурманенные, либо заплутавшие, и шанс встречи с кем-то стремился к нулю. Потому подстёгнутая опрометчивым побуждением, дриада и призвала сторонников сюда.

Они бесшумно выскользнули из-за деревьев. Все мужчины в зелёных накидках с

капюшонами — лиц не разглядеть. Дух захватывало, как красиво раздулся плащ одного из них, когда он ступил на лужайку, ринулся к дриаде и запечатлел на смуглой щеке поцелуй. Она не воспротивилась ласке. Напротив, будто ждала её. Улыбнулась и сунула руку в карман шаровар.

— Цветешь и пахнешь, дорогая, — промурлыкал он и уселся на замшелый валун, держа идеальную осанку.

— Льстишь и не стыдишься. — Она выудила на свет несколько алых, казалось, пропитанных кровью листов. И громче добавила: — Хватит, Гера!

— Да-да, отдаю, — донеслось из пещеры шипение.

— Правитель Антуриум ускакал, — произнес один из молчавших до сих пор мужчин. — Ежели интересного вам.

— Когда? — Вопрос дриады прозвучал ровно и чётко, но по лицу пробежала тень тревоги.

— Поутру.

— Куда?

— Не ведает никто, — вступил в разговор тот, кто наградил её поцелуем. — Тихо он упорхнул.

— Кому правление доверил? — поинтересовалась она. — Сыну?

— Архихранителю, — хором ответили мужчины.

— Аспарагусу?! Значит, они и правда близки. Как все изменилось...

Дриада улыбнулась с неожиданной для себя грустью. Обождатель не сводил с неё глаз, будто силясь заглянуть в душу, прочесть мысли. Пальцы его левой ладони сжались в кулак.

Во мраке пещеры вновь сверкнул грозовой разряд. Запах жжёного мяса обострился, бросая ожидавших снаружи в дрожь и пот. В то же мгновение из-под каменных сводов вывалилось и упало ничком девичье тело. Обгорелое, почти черное. К окровавленному лицу и к шее липли волосы.

Наконец-то!

Дриада окинула труп равнодушным взглядом, словно не изувеченное тело рядом лежало, а сухое бревно. Подошла ближе. Опустилась на колени. Двумя пальцами отогнула край обгоревшего кармана и спрятала в него один из алых листов.

— Всё, забирайте!

Осознание, что первая кровь пролилась, снова искривило её губы в улыбке. Она передала сторонникам оставшиеся листы. Пока они прятали их в складках накидок, поглядела во тьму пещеры.

— Будь осторожна, Гера! Вия, Нэрита, Содэ, вас это тоже касается! Приглядывайте друг за другом. Прощаемся.

— До встречи! — долетел до слуха хор перекликающихся возгласов. — Скоро увидимся! Угу!

На миг дриада заколебалась. Сомнения вдруг пустили корни, созрели. Предчувствие неминуемых потерь сдавило сердце. Хотя казалось, от него ничего не осталось — нечему биться в тревогах, омертвело всё давно.

— Привязалась? — спросил её обождатель и щёлкнул с плеча соринку. — Жалость пробудилась? Не этого ли ты жаждала? Не для того ли растила и воспитывала их? Ради тебя они горы с землей сравнивают. Одна приговорённая уже пала. Других они тоже прикончат. Я помогу, не беспокойся.

— Знаю, — сдавленно отозвалась она и покинула лужайку, невзирая на тяжесть в груди и ногах.

Пригнувшись, нырнула под переплетение ветвей и зашагала вдоль скалистых стен в сгущающуюся ночь. Вопрошавший, живописно взмахнув плащом, побрёл за ней тенью. Убедился лишь, что девчонки притихли, а оставшиеся у пещеры собратья взялись оттащить труп в лес.

Дорога вела к расколу в камнях — коридору, где дриада привязала вихреца[1]. Вела через перелески, разбитые лужайками. Под сапогами пружинили скрученные прутья, скрипела трава. Пары, струящиеся из расщелин, удушали, подгоняли не хуже хлыстов.

Дриада не оборачивалась, чтобы не видеть воспитанниц — боялась передумать. Потому ускорялась, едва ли не бежала, обрывая невидимые нити, которые тянули назад.

Это другие считали её девочек чудовищами. Вырожденками, теряющими рассудок в мгновение ока.

Но для неё они — единственная семья. Иной нет. Иную отняли.

Не смей рыдать, — внушала себе дриада, пока на глазах вспухала солёная морось, а пальцы сминали тревогу в кулаках.

Ветвь, царапнувшая плечо, отрезвила. Дриада оцепенела. Вздохнула полной грудью и возвела глаза к небосводу, упиваясь ветром на распалённой коже. Всё те же морионовые камни громоздились слева дымящейся стеной. Все те же древесные стволы, опутанные лианами, темнели справа. Она дёрнула щекой, ощутив на затылке жар чужого дыхания.

И вдруг в уши задуло чей-то возглас:

— Меня кто-нибудь слышит?!

Дриада устремила взгляд к нагромождению валунов, прикипевших к скалам. Разглядеть их в полумраке и дыму было трудно. Они словно подернулись темно-серой трепещущей взвесью.

— Что это? — Она посмотрела на спутника. — Ты слышал? Кажется, говорил кто-то.

— Истинно, говорил. — Подельник вышел из-за её плеча и осмотрел камни.

Потер подбородок, о чем-то размышляя. Его глаза сверкнули в тени капюшона.

— Эй, вы тут? — Зов явно раздавался из пещеры, которую перекрыли булыжники.

— Судя по голосу, девица, — заключил обожатель дриады тоном, каким баловни судьбы сетуют на ранние пробуждения. — Наверяд ли из наших. В Барклей мало дурных гулять по ночам у скал. Но любопытно иное. Хм-м... Её убить хотели? Ежели заточена она, кто её заточил? На кой?

И правда. Немногим известно — обвалов и осыпей в Морионовых скалах не бывает.

— Обожди-ка... — Набрав в грудь воздуха, дриада крикнула: — Вас завалило? Слышите меня?

— О-о-окх-кх... — на радостях пленница поперхнулась, но довольно быстро обрела дар речи: — Я... Нет... Не завалило, но тут много камней. Могло завалить. Думаю, мне повезло.

— Кто вы? — спросила дриада.

— Эсфирь.

— Это ваше имя. А сущность?

— Что такое сущность?

Двое переглянулись. Дриада приподняла бровь — головой Эсфирь ударилась, может?

— Не ложь, не блажь, — бросил подельник. — Выражается бездумно, выдает первое, что на уме зародилось.

— Так мы с ней не поговорим, — выдала дриада. — Я едва её слышу. Эсфирь — в переводе с древнего...

— Звезда.

— Может быть, она плеяда?

— Плеяда у Барклей? — Спутник дриады переломил палочку, которой до сих пор поигрывал. — Сомнительно.

— Вырожденка? Тогда понятно, почему её убить хотели.

— Желаете вызволить? Вызволяй, беседуй. Прикончу, ежели что. Только не томи, порезвее, молю. Опасно мне надолго отлучаться. Мне ещё девчонок должно в Барклей вести, не запамятовала?

— Отойдите к дальней стене, Эсфирь! — Восклик дриады прозвенел и растаял в ночи.

Она попятилась, оборачиваясь и отступая на хлипкий свет, на участок почвы, где луна посеребрила траву. Застыла. Снова обернулась, оценивая деревья, выстроившиеся полукольцом. В них-то она и выстрелила чарами быстро и прицельно, стараясь не думать о верности замысленного.

Лозы и ветви дрогнули. Напоенные жизнью, змеями протянулись к булыжникам. Скрутили их, опутывая сетями — к счастью, прорех в завалах хватало.

— За дело! — Голос дриады огрубел, как и взор, мнилось, застланный морозной коркой.

Ведомые её волей, лозы и ветви натянулись и затрещали от напряжения. Рывок первый, второй — и валуны выскочили, впечатались в траву друг за другом. Земля загудела. Заходила ходуном, проседая под тяжестью камней. Чудилось, конца им нет, но брешь разрасталась шире и шире — еще чуть-чуть, и Эсфирь сумеет выйти на луг.

Но еще до того, как она вынырнула из прохода, подельник схватил дриаду за запястье и утянул в заросли, шепнув:

— Плюнь на неё! Сюда идут!

[1] Вихрец — перепончатокрылый зверь, выдыхающий ледяные ветра и морозную пыль.

За мгновение до...

Над землей раскинулась ночь, и лес погрузился в рассеянный теплый мрак. Выполз погулять месяц. Привлѣк к себе толпы звезд-поклонниц. Одарил их вниманием, подсвечивая синюшные небеса-просторы.

Но что до земных существ — о них он запомнил. Еще бы! Сдались они ему, когда рядом столько красавиц мерцает! Без света проживут. И вообще. На кой лесным детям в ночи колобродить? Их время иное — покуда солнце властвует. У него-то, поди, света с избытком, всем раздарит. А ночь для дриад — соратница скверная.

Что за дрянные думы?

Олеандр перескочил на очередной сук и тряхнул головой, прогоняя дурные мысли. С ним такое бывало — он часто размышлял о глупостях, когда положение размышлениям не потворствовало. Он и в целом часто размышлял. Но ныне, теряясь в раздумьях, рисковал головой — он толком не видел ветвей под ногами и полагался лишь на животное чутье. В ночи зрение подводило, а Олеандр гнался за хином, чтобы убедиться — паразит отбежит к Морионовым скалам и никому не навредит.

Но зверь, как назло, кружил и шнырял по кустам, к слову, с удивительной прытью для столь неповоротливой туши. Громадной, превосходившей Олеандра на голову, а то и две. Чѣрной и чадающей. Только во тьме провалов на вытянутом рогатом черепе сверкали красные глаза-бусины.

Задние лапы хины оканчивались копытами. Передние выглядели обычно — только крючковатыми когтями выделялись. В основном эти звери передвигались на задних лапах. Но порой бегали и на четвереньках.

В один миг хин шмыгнул в колючки, в другой — Олеандр приземлился на сук. Хруст возвестил о скором падении. К счастью, Олеандр схватился за лиану прежде, чем ветвь обломилась и он упал.

Зелен лист, он потерял хина! Зато уберѣг от сотрясения мозг — самое ценное, чем одарила его природа.

— Так вы не ушли! — прозвенел в тишине голос, едва не отославший его дух к прародителям.

Твою ж!..

Болтаясь на лиане, Олеандр поѣжился и обратил взор на зов — так хищник смотрит на добычу, прежде чем вонзить в неё когти. Потрясение схлынуло столь же быстро, сколь и пробудилось, словно кто-то макнул его в ледяную воду.

Крикунья мелькала за деревьями на расстоянии десяти-пятнадцати шагов. Ходила туда-сюда, меряла шагами лужайку у Морионовых скал. И белизна её кожи отчетливо выделялась среди густевших вокруг дыма и тьмы.

Что за девчонка? Таких Олеандр не встречал ни в жизни, ни в книгах о населяющих мир существах. Белые, покрытые перьями, крылья и плавно изогнутые рога в смоляной шевелюре из вздыбленных кудряшек.

Она выглядела так, будто вылезла из погреба, где её поколачивали, морили голодом и недосыпом. Её кофтенка, оголяющая живот, держалась больше на честном слове, нежели на

зашейных подвязках. Левая штанина была оторвана до колена. Пояс разболтался, позволяя порткам сползти ниже положенного.

— Эй! Где вы? — кричала она в тот миг, как разум подкинул Олеандру иной вопрос: «Где треклятый хин?»

Он перебросил ноги через обломок ветви и соскользнул по лиане вниз. Спрыгнул на траву и прошёл к лужайке.

— Кто ты? — спросил он и вынырнул из-за деревьев.

Крикунья вздрогнула и обернулась. Моргнула. Окинула его напряженным взглядом исподлобья.

Олеандр поймал её взгляд. И в голове поселился престранный вопрос: «Не встречались ли они прежде?» Нет. Он определённо не знал эту девушку. Но от неё веяло знакомым, почти родным теплом. Он будто давнюю подругу оглядывал, с которой они побывали во всех мыслимых и немыслимых передрыгах. Оглядывал, и на уме вертелись дурацкие мысли о переселении душ, о Судьбе, решившей свести в новой жизни двух потерявших друг друга соратников.

В один миг даже показалось, что Олеандр увидел белую нить, которая протянулась к нему от крикуньи.

Что за ерунда? Он встряхнулся, прогоняя наваждение.

— Я Эсфирь. — Её ответ повторило скальное эхо. — Вы уже спрашивали.

Спрашивал? Похоже, она его с кем-то спутала. Хотя он слабо представлял, где она ухитрилась встретить другого такого полудурка, надумавшего прогуляться ночью у Морионовых скал.

— Ничего я у тебя не спрашивал, — пробурчал Олеандр. — Я впервые тебя вижу.

В глазах Эсфирь — черных, великоватых для тощего лица — промелькнула тень недоумения.

Олеандр хотел спросить, что её изумило, но отвлёкся, заинтересованный беспорядком. Прокрутился вокруг себя, щурясь и осматривая лужайку.

Деревья и кустарники обступали её полукругом и примыкали к чёрным скалам. У их подножия темнел проход в пещеру, возле и внутри которой громоздились расколотые камни. Некоторые едва ли не до верхушек деревьев достигали. Часть осколков опутывали потрепанные лозы. Огрызки лиан валялись на земле, тянулись к стволам, цеплялись за них, овивали.

Вот что за грохот недавно донесся до слуха! Некто, похоже, камни передвигал. Ночью. У Морионовых скал.

Бессмыслица!

— Что здесь произошло? — спросил Олеандр, но голос его потонул девичьем.

— Это ваш друг?..

И он дернул щекой. Предчаяние беды разлилось по венам холодом. Олеандр глянул через плечо — хин медленно подкрадывался сзади. Позорище! Как можно его не заметить?!

— ...Кажется, — слова Эсфирь сливались со звоном, гуляющим в ушах, — ваш друг хочет нам что-то сказать.

— Да не друг он мне!

Хин мешкал. Не спешил нападать. Олеандр пожелал сунуть руку в карман, чтобы выудить семена дурмана. Но едва пошевелился, шар чернильной мглы ударил в предплечье. Впитался в кожу, отнимая чары.

— Ой! — пискнула Эсфирь.

Проклятие! Дыхание оборвалось. Сознание рывком провалилось во мрак и прояснилось, как бывает при засыпании. Простое движение обернулось пыткой, как если бы Олеандр толкал в гору бревно.

Не сразу, но пальцы нырнули в карман. Семена скользнули в ладонь, и он швырнул их в хина. Поочередные хлопки растревожили ночь, схлестнулись с рыком зверя. Он отскочил, но поздно — облака розоватой пыли окружили хина, просочились в разрезы костяного черепа.

Зверь шагнул к Эсфирь. Но ветра одурения качнули его в сторонку. Уронили на останки бульжника.

Чары больше не утекали из тела. Олеандр рванул к Эсфирь. Коснулся её плеча и потащил в лес. Она недолго поддавалась.

— Вы что натворили?! — выскользнула из хватки, стоило хину осесть наземь.

Отпрянула и метнулась к зверю столь резко, что Олеандр опешил.

Вот ведь дуреха! Он кинулся Эсфирь наперерез. Голова кружилась дико, шатало. И всё же он ухитрился её обогнать и встал перед упавшим хином неподвижно, словно вырезанный из дерева.

— Совсем дурная? — слетело с языка первое, что пришло на ум. — Ты на кой к нему в пасть лезешь?

Эсфирь не удостоила Олеандра и взглядом. Немыслимо! Тревога в её глазах — за хина!

Олеандр моргнул. Оглянулся, и кровь загромыхла в ушах, вторя гулким ударам сердца. Непозволительно быстро зверь отошёл от отравления. Постукивая копытом о копыто, он врезался когтями в землю, разогнул спину. Воззрился на них сверху-вниз и выдохнул дымное облако.

— Улетай! — выдали губы Олеандра, пока рассудок перебирал всевозможные пути отхода.

Он пятился, отталкивая Эсфирь.

— Но... — заикнулась она.

— Без «но»!

Клыкастый череп заклацал, выдувая смог. Вспыхнули и затанцевали на когтях хина чёрные витки колдовства.

— Сюда! — Олеандр утянул Эсфирь за бульжник, и в тот же миг над ними просвистел сгусток тьмы.

Раздумья отнимали время, которое и без того не любило, когда его растягивают. Поэтому Олеандр воззвал к чарам, и тепло расплзлось по жилам, ощерило листву на предплечьях. Он выбежал к зверю. В повороте ускользнул от сгустка мрака. Напружинился, готовый обороняться.

Хин вдруг понесся на него, дымясь, как выпавшая из костра головешка.

Завитки чар стекли с пальцев Олеандра и впитались в траву, оживили сорняки. Он хотел опутать копыта зверя. Но раньше, чем до этого дошло, отвлёкся на выпрыгнувшую из-за бульжника Эсфирь. Растерялся, не ведая, то ли ему девчонку защищать, то ли с хином бодаться.

Растерялся и поплатился за промедление — когтистая лапа мелькнула перед взором, полоснула по шее. Боль разрядом прошла тело. Кровь хлынула за шиворот, алыми пятнами вспухла на рукаве туники.

— Прекращай! — прозвенел девичий голос в мире, расплывшемся кляксами. — Хватит драться!

Сейчас! Олеандр воззвал к сорнякам. Вняв немоу приказу, они удлинились и опутали копыта зверя. Хин глухо зарычал. Дернулся вперёд. Но путы держали крепко. И он рухнул мордой на траву и потерял возможность шевелиться, повязанный от рогов до копыт молниеносно выросшими растениями. Сейчас он напоминал сплетенный из стеблей и листьев холмик, сквозь узкие просветы из которого сочился дым.

— Всё, — Олеандр выпустил воздух из легких и посмотрел на Эсфирь. — Ты жива там?

— Вы... вы... — Неуместная бравада, похоже, аукнулась ей одеревенением. — Вы что наделали?!

— Совсем ополоумела?! — рявкнул Олеандр в угоду гневу. — Он мог тебя убить!

Крылатое Недоразумение — иначе и не скажешь — с тоской поглядело на зверя и спросило:

— Он плохой?

— Мир не делится на плохих и хороших. — Олеандр тронул порезы на шее. На ладони отпечатались кровавые пятна. — Хины — паразиты. Попросту говоря, травят и поглощают чужое колдовство.

Эсфирь не нашлась с ответом. Её глаза сновали туда-сюда, точно стремясь обогнать мысли.

— Я запуталась, — выдала она хрипло, с ноткой беспокойства. И запустила пальцы в кудри. — Не вы меня спасли. Вы юноша. А меня спас не юноша. Цвет очей у вас с ней тоже разнится.

— С кем с ней?

— С женщиной. У неё золотые, у вас зелёные. Но... Кажется, с ней еще кто-то был, не вы ведь?

— Не я, — Олеандр понятия не имел, о чём Эсфирь толкует, но никаких женщин он никуда не сопровождал. — В самом деле! Ты что, не помнишь, с кем встречалась? Ты с головой вообще дружишь?

— Так я её потеряла!

— Голову? Заметно.

— Женщину!

Беседа заходила в тупик. Да и вряд ли получила бы развитие, ведь куда сильнее Олеандра занимала жгучая боль в шее. И от скал веяло жаром. Их дымные испарения вытравили жизнь.

— Так, — выдавил он, угрюмо глядя на Эсфирь. — Сущность мне назови. Откуда ты прилетела?

— Я...

Она открыла рот и закрыла. Поежилась и растерла предплечья, о чем-то крепко задумавшись.

— Кто ты? — Олеандр сорвался с места, зашагал к ней, и она попятилась, отходя к деревьям.

— Я...

— Ты кочевница?

— Не ведаю. Не помню...

— Как можно не помнить, кто ты такая? — Кровь закипела в жилах, Олеандр дернул

щекой.

— Я правда не помню, — Эсфирь поскользнулась на траве, но не упала. — Честно-честно!

— За дурака меня держишь?!

Чем больше вопросов он задавал, тем пуще она мрачнела. Он наступал, она отступала. Взгляд её метался. Колени дрожали и подгибались. Она всё чаще спотыкалась о свои же крылья. Сжималась в комок, будто пытаюсь сберечь остатки стойкости и здравомыслия.

Эсфирь наткнулась на препятствие. Ударилась спиной о дерево и вжала голову в плечи.

— Ты точно издеваешься! — Крик Олеандра отскочил от скал и разбился на отголоски.

— Я просто не знаю, что ответить! — как на духу выпалила она, и белесые искры запрыгали по её коже.

Они спутывались. Обращались движущимися петлями и сливались, заключая её в непроглядный кокон. Олеандр отпрыгнул. Но тревоги сразу же улетучились. Чары девчонки ни во что не воплощались, не ранили.

Чудилось, она сдуру высвободила их — от испуга, без мысленной подпитки и каких-либо приказов. Высвободила и стекла на почву. К счастью, Олеандр подхватил её прежде, чем рога-волны стукнулись о валун.

Ну что за напасть? Проследил, называется, за хином!

Чужой среди своих

Дриады всегда ладили с лесной живностью. Часто звери откликались на их зов и спешили на выручку. Многих Олеандр мог бы дозваться. Но ныне его интересовали бродячие скакуны.

Он не хотел тащить потерявшую сознание девчонку на горбу. Поэтому трижды свистнул, надеясь, что призыв на подмогу достигнет нужных ушей. Повезло. Один элафия прогуливался неподалёку. Не сразу, но он подобрался к лужайке. Сперва из-за деревьев показались рога, похожие на листовенные ветви. Затем на хлипкий свет вынырнул их хозяин, величественный, с кучерявой шерстью.

Недолго думая, Олеандр взвалил Эсфирь ему на спину. Устроился позади неё, и они углубились в чащу.

Страшась пересудов, Олеандр не рискнул напрямик скакать в поселение. Чтобы схорониться от вопросов, решил удлинить путь и проскакать по слепым пятнам, обогнуть участки, охраняемые собратьями-дриадами.

Кто-то однажды сказал, что обратная дорога проходит быстрее. Вздор! Зелен лист, умник тот никогда не мчался во мраке через лес, истощенный и раненый, с беспамятной девицей под боком.

Считая ускользавшие за спину стволы, Олеандр и сам не понял, как большая часть пути осталась позади.

В рассветном небе ещё не висело солнце. Лучи ещё не излизывали кроны деревьев, не рассыпались по листве бликами. То тут, то там на стволах уже встречались трилистники, нарисованные белой краской — знаки, подсказывающие чужакам, что совсем рядом проживают дриады.

Впереди показалась сплетённая из ветвей ограда. Она окольцовывала поселение, громоздилась до древесных верхушек. Ветра и ливни кое-где погнули её, но подпорки-бревна надёжно уберегали от обрушения.

Удача повернулась к Олеандру лицом. Чудом он избежал любопытных глаз и спешил к неприметной калитки. Стащил Эсфирь со спины элафия и чуть не взвыл, когда она мешком упала в его объятия.

Не то чтобы она весила прилично, просто запёкшиеся порезы на шее словно солью посыпали.

— Господин Олеандр! — прозвучало сверху, и он сжался, будто вор, застигнутый врасплох.

Из большого гнезда на дереве высунулось лицо. Растрепанные волосы выглядывали из-под листовенного венка.

— Ш-ш-ш, — Олеандр приложил палец к губам, признав в мальчонке Юкку, одного из юных воинов — хранителей леса.

— Что произошло? — пыхтя и отдуваясь, Юкка выполз из гнезда и оторопело уставился на Эсфирь. — О!.. Ого! Кто это? Гарпия?

— Пожалуйста, никому о ней не говори! — прошипел Олеандр и смахнул прилипшую к щеке прядь волос.

— Л-ладно, — Юкка растерянно моргнул, глядя на него сверху-вниз. — А вы... Вы ранены?

— Пара царапин. Не страшно.

— Архихранитель как чувствовал, что с вами дурное приключилось. Ушли вечером и будто в пропасть провалились. Он стражей за вами отправил и сам на поиски ускакал.

— Аспарагус. — Имя ненавистного гада осело на языке Олеандра ядом. — Не рановато ли он запаниковал? Когда это его заботила сохранность моей шкурки? Зеф постарался?

— С ним я не беседовал, — Юкка пожал плечами. — Я получил приказ от господина Аспарагуса. А как вы?.. Где так поранились? Благо до поселения добрались. Ой! Надо бы знак подать! Вы ведь вернулись!

Его рука взметнулась вверх. Вспышка зеленого света сорвалась с пальца и, прощурившись, озарила небо.

Хранители леса часто переговаривались так между собой. Призывали на подмогу, например.

— К Морионовым скалам, похоже, хины подступают. — Олеандр крутил Эсфирь то так, то эдак, думая, как бы её поднять и не помять крылья. — Я встретил одного. Оповести Аспарагуса и поселенцев, хорошо?

— Конечно. Так это хин вас подрал?

— Юкка!

— Прошу прощения. — Юкка всё еще таранился на Эсфирь с немым любопытством. — Всё передам. И, клянусь честью, от меня о девушке никто не узнает. А вы... Может, лекаря навестите?

— Обойдусь.

Олеандр мог бы похвастаться познаниями во врачевании. Да что там, он швы с закрытыми глазами накладывал. В пять лет, услышав вопрос «Что таится у существ на сердцах?» пустился в рассуждения о вскрытиях. Честно! Ежели Тофос и предрасполагал существ к какому-либо ремеслу, Олеандра он явно предрасположил к целительству. Отец даже предлагал ему трудиться на благо клана. Но нет. Помочь по нужде? Милости просим. Изюм в день подтирать сопливые носы? Увольте.

Олеандр подхватил Эсфирь и миновал калитку со спокойной душой. Поплелся вдоль ограды, прячась за занавесом из лиан. От сердца отлегло. Он вернулся до того, как поселение ожило и взорвалось разговорами.

Кто навевался сюда, часто шутил, что нужно дриадам благодарить — они солнце ото сна расталкивают. А у того и выбора нет — поди понежься в объятиях покоя, когда лесные дети всю гремят и грохочут.

Хижины жались друг к другу и боками, и крышами, и потолками — тесно-тесно, даже неприлично. На каждой улочке и перекрёстке, у лестничных уступов ютились по десять, а то и по двадцать обитателей. Одни перекрывали древесные стволы, прикипев к ним и утекая к шапкам-кронам. Другие восседали на ветвях под навесами листвы и гроздьями плодов. Третьи парились на свету, и овившие их лианы первыми приветствовали солнце, шевеля бахромой.

Три яруса дриады отвели для жизни. Спускались и поднимались по лианам и лестницам. Мосты, вечно захлавленные и заставленные бочками, тянулись от дома к дому, от ветви к ветви.

Пахло пряно-сладкими благовониями. Облака пыльцы кружили в нашептанных ветрами танцах.

Тут Олеандр родился. Пустил корни и расцвел, как выразились бы дриады. И отсюда, не

уродись он сыном Антуриума, владыки клана, с радостью сбежал бы. Неважно куда, лишь бы тишина густела непробиваемая.

Серьезно! Иногда ему казалось — природа что-то напутала и породила его в Барклей по ошибке. Он не терпел шумихи. Ненавидел пустословие и сплетни, которые множились здесь резвее, чем пыль. Он отстранялся от дриад тем пуще, чем старше становился. Рос очень одиноким.

И хорошо, что рос в период правления отца, а не деда — Эониума, чаще нарекаемого Стальным Шипом.

Дриады до сих пор поминали Эониума с содроганием. Он вошёл в историю клана, залитый кровью, потонувший в отрубленных головах. Ярый блюститель строжайших порядков и устоев. Жестокий до умопомрачения, но честный перед собой и преданный клану. Он намертво впечатался в память своих подданных.

Дарованное ему прозвище как нельзя лучше отражало его сущность. Хранителей леса — воинов, служивших ему верой и правдой — нарекали либо просто Стальными, либо Стальными Шипами. А период его затяжной тирании называли Эпохой Стальных Шипов.

Страшное тогда царило время. Суровое и беспощадное. Слишком открыто оденешься — избыют на глазах у собратьев. Ненароком к чужой супруге прикоснёшься — руку отрубят или что пониже. Своеволие проявишь, без спросу мнение выскажешь — лишишься языка.

Дриады лишней раз моргнуть боялись. Ведь кара за прегрешения нередко сопрягалась и с гибелью. Об одном молились провинившиеся — чтобы посыльный не вручил им алый, словно пропитанный кровью, лист аурелиуса. Такие послания называли судными листами. Или приглашениями на казнь.

Нетрудно догадаться, какая участь ожидала дриад, получивших аурелиус.

К счастью, властвование Стального Шипа кануло в небытие. Перехватив бразды правления, отец Олеандра принялся выкорчевывать нелепые законы. И был прав. На свалке им самое место.

Олеандр до того глубоко увяз в размышлениях, что не сразу понял, как уткнулся носом в нужную дверь. Хин вытряс из него только силы и чуток чар. Ключ остался в кармане. И скоро провернулся в замке.

Хижина встретила тишью и застоявшимся теплом. Ложе Олеандр в свое время сюда притащил добротное. Лежал на нём не матрас, а перина, которая обволакивала, обтекала спящего. Пылинки взвились и затанцевали в воздухе, когда Олеандр повалил Эсфирь на кровать, а сам забрался в кресло напротив.

На миг в уши будто затычки вставили. Он не слышал ничего, кроме стука растревоженного сердца. Теперь время не подгоняло. Теперь он оглядывал её заострённые коготки, плетеные из серебряных нитей браслеты, украшенные белым пером и лоскутом кожи. Оглядывал, и разум наводняли вопросы.

Что за девчонка? Мастерница нести околесицу!

Дышала Эсфирь ровно. Серьезные увечья плоть не оскверняли. Но сколько бы Олеандр ни тряс её, сколько бы ни подносил к лицу тряпицы, смоченные едко-пахнущими травами, она и пером не вела.

Возможно ли, что где-то он недоглядел? Возможно ли, что хин задел Эсфирь и выхлебал чары? Не все, ясное дело, остаток она растратила на вспышку, ту самую, после которой сознание потеряла.

В таком случае обморок — закономерный исход, не досадное совпадение.

Известная истина: лишенные колдовства существа засыпают до тех пор, пока оно не восполнится.

Наверняка так оно и есть, — решил Олеандр. И едва уселся поудобнее, как провалился в сон.

Проснулся с острым желанием умереть. Сон в позе зародыша не пошёл на пользу. Спину ломило, а вдобавок скрючило — казалось, ходить ему теперь всю жизнь, склоненным к земле. В восемнадцать-то лет от роду. Прелестно, что тут скажешь. Посох, что ли, пора мастерить?

Как назло, под рукой не очутилось и кувшина с водой. Хотя ничего такого здесь и быть не могло, потому что Эсфирь он притащил в необжитую хижину, куда ему только предстояло переселиться.

Согласно традиции клана, каждый двадцатилетний дриад покидал отчий дом. К заветному дню он сооружал и обустроивал логово, символизирующее его расцвет, вступление во взрослую жизнь. Дом, где он будет хозяином и положит начало семейному быту, куда приведет супругу.

Олеандр задумался о возведении хижины раньше сверстников, еще будучи подростком. Ровесники зазря трепали языками, в то время как он усердно трудился. Много воды с тех пор утекло. Тогда он стирал руки в кровь, словно с кожей сдирались из памяти гнетущие воспоминания. Потел от рассвета до заката, делал что угодно — лишь бы не думать, не вспоминать о смерти матери. Ему и тринадцать не стукнуло, когда она свела счеты с жизнью.

Тогда он потерял разом двоих: мать погибла, а его названный брат, океанид, покинул Барклей. Глэндауэр — так его звали — очутился в их семье по настоянию своего деда, бывшего владыки Танглей.[1] И сказать, что Олеандр нашел в его лице опору и понимание, значит не сказать ничего.

Их мысли, как сказали бы танглеевцы, качались на одной волне.

Тогда все было по-другому. А ныне...

Ныне звучание его имени сжимало Олеандру горло. Из того притворства, по дурости спутанного с родством душ, он вынес одно: дружба — не клятва на века. С ней никогда не знаешь, что разольется по телу в следующий миг: тепло от подбадривающего похлопывания или кровь от кинжала, всаженного меж лопаток.

Пути Судьбы неисповедимы, — голос брата отразился в сознании на удивление отчетливо.

— Боги... — Олеандр зашипел — шею в который раз обожгло.

Он ведь рану не промыл!

Пришлось исправлять оплошность. Пусть вода не нашлась, но склянки с травяными настоями обнаружили. Одна из них перекочевала на подоконник, потеснила пустующие горшки для цветов. К оконцу со скрипом подъехало и кресло, там же пристроилось небольшое зеркало на ножках.

Долго Олеандр промывал два косых пореза. Сперва, шипя и морщась, отрывал от них ворот вместе с запекшимися корками. Потом кровь стирал и оценивал — нужны ли швы? Следом напитокывал обеззараживающим раствором. И вот набухшие алым тряпицы улетели за

плечо.

Руки перематывали шею в тот миг, когда взор прилип к Эсфирь. Её крыло, доселе спокойно расстеленное по полу, дернулось. Олеандр дёрнул щекой, снова ощутив странный трепет сердца.

Сознаться, ему не терпелось обрушить на Эсфирь град вопросов. Скорее всего, она кочевала, а крылатые путешественники в Барклей — гости редкие. За прожитые годы он встретил пару стемф, которых высвободил из плотоядного бутона, прежде чем тот ими отужинал.

— Странная ты все-таки, — проворчал Олеандр, натягивая тунику. — Как можно сущность свою не помнить, ну?! И на кой ты хину в пасть лезла? Не знаю, как принято у вас в клане, но у нас в битвы рвутся хранители! Стража! И то не всегда. Лучше миг побыть трусом, чем навсегда стать мертвецом.

Эсфирь, зелен лист, молчала, продолжая тихо сопеть, уткнувшись носом в подушку.

Занятная все же штука — истощение. Как ни шуми, хоть бревна над ухом опустошенного пили, он и бровью не поведет. Недаром толкуют, что потеря чар на поле брани равносильна смерти.

Олеандр нащупал сапоги, обулся и выполз из кресла. Ему полегчало. С души будто камень упал. Даже странно, учитывая, что с тем же успехом он мог бы выместить недовольство на кустарнике.

Ладно. Поднимется на чердак. Глядишь, раздобудет пару-тройку пледов и доспит на полу.

Он шагнул к лестнице. И замер, остановленный внезапным стуком в дверь.

Проклятие!

— Господин Олеандр! — прикатился в хижину взволнованный голос. — Прошу прощения, но мне нужно с вами поговорить.

— Мне тоже много чего нужно, Драцена, — узнав хранительницу, отозвался Олеандр. — Я спать хочу.

— Так раз вы все равно пробудились, — не сдавалась Драцена, — может, выйдете ненадолго?

— Кто-то покалечился? — поинтересовался Олеандр, сгибая и разгибая занемевшую спину.

— Не совсем.

— Пожар?

— Нет, там...

— Аспарагус издох?

Навряд ли, конечно, архихранитель их всех еще похоронит. Но помечтать-то можно?

— Господин Олеандр!

— Потом побеседуем.

— В лесу тело нашли! — выкрикнула Драцена и тише добавила: — Дочь Хатиора, Спирея, мертва!

Услышанное отозвалось в груди жжением — будто раскаленные угли у ребер проросли, как семена. Не слишком хорошо, но Олеандр знал Спирию. Его дед и её отец распрощались с жизнями в одной битве.

Сердце, уколотое тревогой, дрогнуло. Разум озарила надежда: «Может, это ошибка?»

Олеандр отодвинул задвижку. Толкнул дверь и воззрился на Драцену. Молча — лицо

выражало мысли не хуже слов.

Она устало выдохнула. Кивнула, подтверждая сказанное.

— Что произошло? — Его голос сорвался, звеня тревогами. — Как она... Где? Почему?..

— Лучше взгляните. — Драцена оправила плащ, сомкнутый под горлом брошью-трилистником.

И застыла. Уловила донесшийся из недр дома лепет:

— Капстэ ти фотья, — молвила Эсфирь тихо и мелодично, но почему-то её слова отдавали проклятием.

Наверное, потому что переводились с древнего языка как «Гори огонь». Ну или что-то близко к этому.

Выругавшись, Олеандр отступил от двери, чтобы углядеть Эсфирь. Она до сих пор мирно дремала, смешно хлопая губами. Чисто пташка, ожидающая, когда матушка бросит червя.

— Э-э-эм, — Драцена уже стояла рядом. Почесывала обритый череп. — Эта девочка...

— Прошу, никому о ней не говори, — взмолился Олеандр, вытолкав хранительницу на крыльцо и запирая дверь. — Я у Морионовых скал её встретил. Гнался за хином и... Долго рассказывать! Она чар лишилась, похоже. Теперь пару-тройку дней проспит.

— Будьте спокойны, не скажу. Но... Кто она?

— Не знаю.

— Серьезно? — спросила Драцена. — Ужель и правда не ведаете? Полагала, вы ведаете обо всем на свете...

Лесть то была или нет, а зверь в груди Олеандра благодарно замурлыкал. Хотя вскоре поперхнулся и затих, ведь скрытность обернулась крахом.

— ...Идёмте?

— Да.

Отличало Драцену одно прекрасное качество — ненавязчивость. Было видно, интерес бьёт в ней ключом, но быстро угасает под давлением чужой просьбы. Щелкнула серебряная заколка, и перед носом Олеандра расстелилась накидка воина, подцепленная кончиком пальца.

— Наденьте, — посоветовала Драцена. — Шея у вас перемотана. Да и рубаха в крови измаралась.

Точно! Олеандр мысленно отвесил себе пинка и набросил плащ.

Беглый взгляд на сумеречное небо. Выдох... и он сбежал за Драценой со ступенек, пересёк округлый дворик. Не сговариваясь, они нырнули под занавес из лиан. Над их макушками сомкнулись своды глухого тоннеля, пошитого из скрученных прутьев, подбитого мхом.

Собратьев такие коридоры не прельщали. Сгнившие. Неустойчивые. А Олеандр сберегался в их тиши от издёвок Аспарагуса и ревности суженой. От уничижительных пересудов и вопросов «На кой наследник патлы отрастил до лопаток? На кой пять серёг-колец нацепил? Не под стать ведь сыну правителя побрякушками бряцать! Не под стать косицы заплетать!»

Не мог Олеандр похвастаться, что изучил тоннели назубок, но половину поселения точно обежал бы, сокрытый от цепких глаз — соплеменники иногда и не ведали, что он рядом притаился.

Под сапогами пружинил настил. Завитки ушей то и дело распрямлялись, тронутые

свисающими лозами. Олеандр скрутил волосы в узел и снова устался Драцене в затылок.

Со спины она мало чем отличалась от юноши. Да и спереди тоже, потому как пышной грудью не славилась. Женщину в ней выдавали кисти рук, изломы запястий, когда она жестикулировала в такт словам.

Скорее уж Олеандр больше походил на девушку. Из-за малого веса, мягких черт лица и длинных волос его нередко нарекали девицей. Пока он не подавал голос. Шелковый баритон достался ему в наследство от отца.

Разумеется, дриады и по лицу не спутали бы наследника с девчонкой. Но чужаки, взирая на него, порой каменели, думая и прикидывая, кого же им посчастливилось встретить: юношу или девушку?

— Не ведаешь, кто к переполоху листья приложил? — пробубнил Олеандр, подслеповато щурясь.

— М-м-м, — протянула Драцена. Каждый её шаг сопровождался ударом ножен по бедру. — К вашим поискам в лесу?

— Угу.

— Зефирантес...

Ну конечно!

— ... вроде бы он искал вас вечером. К ночи обеспокоился, поэтому и обратился к архихранителю.

Обратился? А то как же! Наверняка вломился в дом и в красках обрисовал картину гибели наследника. Видит Тофос, Аспарагус столкнулся с проблемой, выраженной вопросом «Как выставить из обители бугая весом с гору?» и пришел к выводу, что проще внять мольбам.

Запах гнили усиливался, подогреваемый нараставшими топотом и гомоном. Лучи света все чаще выстреливали из прорех в потолке. Пятно света впереди разрасталось.

Чем ближе Олеандр подбирался к выходу, тем пуще тряслись поджилки. Взирать на мертвое тело Спирей? Он вовсе этого не желал. Потому и оцепенел, когда мох перетек в протоптанную дорогу.

Тучи дриад стянулись к краю поселения. Цепи желающих вызнать, что произошло со Спиреей, кривились и путались. Уползали к постройкам-лекарням. Воздух гудел. Нагрелся от летающих шепотков — того и гляди загорится. Кто-то обвинял Спирею в распутстве. Мол, любила она в догонялки с молодыми мужами играть. Прыгала по ветвям, вот и свернула шею — Тофос наказал. Другие возражали, мол, шея-то у нее цела, а ума капля, раз по ночам у Морионовых скал гуляла.

И сквозь весь этот шум и гам, сцепив зубы и пихаясь локтями, проталкивался Олеандр. Дважды болото ора едва не засосало его. Трижды он наступил кому-то на ноги, но до извинений не снизошел. Перед кем извиняться-то? Лица дриад размывались, словно облака в предрассветной дымке.

Кто-то толкнул Олеандра, разжёл внутри него искру гнева. Но! Властвующим дриадам не дозволено идти на поводу у злобы. Не дозволено воплощать в явь думы, перво-наперво пришедшие на ум — так и до бесчинства можно докатиться.

Отец толковал: правление — тяжкая ноша. Изо дня в день он выслушивал просьбы и жалобы соплеменников. И далеко не каждый из них заботился об учтивости. Он не раз каялся, что порой ему кажется, будто жизнь упростится, ежели пара-тройка из них лишатся голов.

На самом деле — не упростится. Усложнится. Ибо ярость мимолетна, а чужая кровь вьется в руки намертво.

В один миг Олеандра так отравила мысль: «Может, Стальной Шип и прав был, держа дриад в ежовых рукавицах?» В следующий — толпа выплюнула его к крыльцу лекарни, швырнула к двум стражникам.

Лязгнули вырванные из ножен мечи. Скрестились перед ступенями крыльца, лоснясь сталью.

— Это наследник, — прокричала Драцена, и лезвия, вспоров воздух, вернулись в ножны.

— Думайте, кому путь преграждаете, — Олеандр приподнял капюшон и дернул щекой.

— Господин Олеандр, — два суховатых поклона отразили не то извинения, не то приветствия.

— Я подожду вас, — вымолвила Драцена.

Поскрипывая, дверь лекарни затворялась, пожирая расстелившуюся на ступенях полосу света. Но Олеандр успел нырнуть внутрь прежде, чем раздался хлопок.

— Аспарагус! Наследник! — крикнули они хором с архихранителем и отскочили друг от друга, словно боясь испачкаться.

Твою ж деревяшку! Олеандр вжался в стену, чувствуя, как колени дрогнули и подогнулись. Не только его, почти всех взгляд Аспарагуса словно вбивал в пол, укорачивая рост, а заодно языки.

Тени от златоцветов плясали на лице архихранителя. Точнее, на половине лица — вторая хоронилась под древесной маской. Укрывала кожу от линии волос до кончика носа. Его умиротворенный взгляд, пальцы, оглаживающие подбородок, толковали скорее о тяге попить чайку, нежели о желании изучить тело жертвы. Нагрудник из варёной кожи облегал торс, подчеркивал мышцы. Коричневые волосы были зализаны к затылку. На плечах зелёной накидки красовались стальные шипы.

Аспарагус тронул ножны за поясом и оправил плащ. Усмехнулся в густые с рыжиной усы.

— Благого вечера, сын Антуриума, — бархатным тоном молвил он и сверкнул единственно-видимым золотым глазом.

— И тебе, — процедил Олеандр, выдавливая слова из пересохшей глотки. — Чего забыл-то тут? Соскучился по запаху крови? Нынче головы не летят, как во времена Стального Шипа и...

— Довольно! — Аспарагус говорил тихо, но тон его остужал почище приставленного к глотке лезвия.

На долю мгновения Олеандр осекся. Внутренний советчик подсказал, что он перегибает палку.

А отвращение вперемешку со злобой снова потянули за язык:

— Рот мне затыкаешь? Не сочти за дерзость, но кто даровал тебе на то право? Не кажется ли тебе, что ты ненароком запомятовал, с кем ведешь беседу? Видать, старость уже не за горами, м?

— Уста вашего деда изрекли немало мудрых слов, — спустя вечность с положенной любезностью отвечив Аспарагус. — Но кое-какие мне запомнились крепче прочих: «Для глупца нет ничего лучше молчания. Но ежели бы глупец знал, что для него лучше, не был бы он глупцом».

— Ах, ты!..

— Окажите любезность, не бродите по ночам невесть где!

Слова прозвучали, и Аспарагус рванул к выходу. Олеандр зажмурился от нахлынувшего ветра. К счастью, успел отскочить. В ином случае архихранитель вынес бы его в толпу, а потом дриады вытоптали бы из него дух. Дверь бахнула. С притолоки посыпались древесные крошки.

Гад! Кровь так и грохотала в висках. В кромешной тишине Олеандр подсчитывал удары сердца. Но скоро сбился. Стучало оно столь же часто, сколь по земле барабанит град. Напрасно он затеял перепалку. Но — чтоб ему мантикоре в пасть угодить! — Аспарагус бесил до его до зубного скрежета. За всю жизнь сил не скопил бы, чтобы рот на замке держать.

Да и как еще Олеандру относиться к гаду, который сперва его деду подол лобзал, а следом пригрелся у листвы отца? И ладно только это. Так нет! Аспарагус заручился расположением и доверием. В поселении насмешка витала: ежели нужно кому отыскать владыку, ищите Аспарагуса. Где первый ходит, там и второй бродит. Везде они на пару плащи трепали, как смолой приклеенные.

— Лицемер! — Олеандр смежил веки и выдохнул напряжение.

Перевёл взор на койку в углу, и стыд обжёг щеки. Там под прицелом пучков трав, подвешенных к потолку, лежало тело, укрытое покрывалом.

Шаг первый, второй. Руку уколола шерсть пледа. Сдернутый, он скатился на пол, собираясь складками.

И Олеандра прошил озноб. Он не смел пошевелиться, затопленный волной тихого ужаса. Зажмурился, уповая на чудо. Без толку. Не сворачивала дочь Хатиора шею. Она обгорела. Зверски. Кожу Спиреи пятнали не то что ожоги — чернь, кое-где запрятанная под клочки обугленных шаровар и туники. Узоры запекшейся крови испещряли плечи. Вместо глаз зияли провалы.

Такое не спишешь на несчастный случай. Такое убийством смердит — беспощадным, остервенелым. Но за какие грехи умертвили Спирею? Кому подвластно изгнать существо до неузнаваемости? Пожалуй, либо фениксу, либо граяду. Огню и молниям. Оба клана имели дурную славу. Оба отнекивались, что поддерживают кочующих собратьев — изуверов-мародёров.

С натяжкой, с очень большой натяжкой можно было говорить о заказной казни.

И все же...

— Сомнительно, — превозмогая дрожь, Олеандр набросил на труп плед и покинул лекарню.

[1]Танглей — северо-водный клан. Его населяют три народа: океаниды, nereиды, наяды.

Узы по ошибке

К отцовскому дому Олеандр шел наугад. Он и сам сомневался в заказном убийстве, но прежде чем удалиться на дежурство, Драцена еще сильнее пошатнула этот вывод.

Пошатнула двумя словами:

— Может, вырожденец?

Может...

Два Творца корпели над миром, населяя его существами. Первый — Тофос. Его подданные, к примеру, дриады. Второй — Умбра. Он слепил и наделил чарами, к примеру, фениксов. Бродили по земле гибриды — двукровные, зачатые в безвредном союзе. Им даровали жизни создания, пустившие корни от одного Творца.

Бродили по земле и вырожденцы, зачатые в союзе вредном. Двукровные-одарённые. Несущие чары двух Богов.

Как рассказывал Олеандру отец, вырожденцы часто погибали, толком света белого не узрев, реже — во чреве матери. А ежели они выживали, удел их подстерегал скверный — принять смерть от рук тех, кто их породил.

Зелен лист, не всегда. В ином случае вырождков не существовало бы. Да и проблем с ними тоже.

Они отражали две чистые силы, их хитросплетения. Жаль, цену за мощь платили высокую. Чем старше становился вырожденец, тем свирепее в нём разгоралась борьба сущностей.

Силы Тофоса давили силы Умбры, силы Умбры давили силы Тофоса. Клинки их противостояний иссекали сознания вырождков. Испещряли их разумы в пыль удар за ударом и подталкивали к падению на дно безумия. Растерзанные и изломанные, к двадцати, может, к двадцати пяти годам они превращались едва ли не в хищников, уже не способных отличить друга от врага.

В идеальные орудия убийства, которым, как показал печальный опыт, никто не ровня.

Свихнувшемуся вырожденцу не нужны подоплёки, чтобы отнять чужую жизнь.

А лимнады, соседи дриад, недавно прислали письмо в Барклея — сообщили, что лицезрели ламию-гряду. Гряду!

Перед внутренним оком Олеандра с кристальной ясностью развернулась картина, как Спирея выгибается, пронзённая грозовой стрелой. Как её охватывает пламя, изжигая крики и мольбы. И он прильнул к стволу; разум отказывался принимать воображенное за правду.

— Боги!

Поход в лекарни вымел из тела крупницы сил, которые питали тело. Чтобы сдвинуться с места, казалось, потребовалась вечность. Но потом Олеандр ускорил шаг, раскачивая подвесной мост.

К родной хижине он ступал уже твёрдо.

Их с отцом обитель занимала два яруса: второй и третий. Она овивала дерево, пронзенная стволом и увенчанная толстым и распластанным, словно разомлевшим от жары, рыжим бутонем. Он красовался на ветвях. Но раскрываясь поутру, затмевал их, очерчиваясь тычинками.

В иные вечера Олеандр любовался цветком, не раз отрисовывал его, устроившись в тени крон. А ныне лишь бегло оценил. Невидимые ветра дули в спину, заталкивая его в укрытие.

Он не вошёл — ввалился в хижину. И упал на рулоны с шелками, сваленные в углу. Черета покальваний пробежала по телу, разгоняя кровь. Он был дома, в стенах трапезной, окутанных тишиной.

Как ускакал его отец невесть куда, так и вымерла их обитель. Не тянуло с веранды курительными благовониями, не слышались шелест книжных страниц и редкие покашливания.

Но что хуже — бразды правления пали в клешни Аспарагуса.

Олеандр кожей ощутил чужой взгляд. Острый и колючий, изучивший его от макушки до пят столь же цепко и пристально, сколь лекарь оглядывает захворавшего с неведомым недугом.

— Явился, — растревожил безмолвие до боли знакомый голос. Фрезия? — Могу я спросить, где тебя носило?

Он приподнялся на локтях. Открыл сперва правое веко, потом левое. И надежды на неполадки со слухом рассыпались пеплом. У ствола, устроившись на подушке с золотыми кисточками, восседала его суженая.

— Дозволь и мне тогда спросить, — выдавил Олеандр, размышляя, не отдаться ли на растерзание хинам, пока невеста, чего доброго, не довела его до греха. — Кто впустил тебя в дом владыки?

— Вы дверь не заперли, — с запинкой отозвалась Фрезия. — И я решила... Я просто хотела...

— Застать меня врасплох? — догадался Олеандр.

Мрачная тень залегла под глазами Фрезии. Как ни странно, они засверкали ярче, будто к ним поднесли подожжённую ветвь. У Олеандра вспотели ладони, а губы, напротив, пересохли.

Дурной знак!

— Прошу, больше не заходи без спросу в дом владыки, — выдохнул он. — Во-первых, это неправильно. Во-вторых, ты можешь попасться стражникам. Оно тебе надо? Доложат твоему отцу, и он тебя... Хорошо, если просто в хижине на месяцок-другой запрет.

— Я не настолько глупа, Олеандр, — Фрез фыркнула и надула губы. — Я не попадусь.

— Может быть. И тем не менее...

Он поднялся с шелков и подковылял к чану с водицей.

Трапезную окутывал полумрак. Из вороха златоцветов, прилипших к потолку и стволу, тьму разгоняли лишь два. Золотые отблески рассыпались по воде, уползали в её глубины, подсвечивая плавающие лепестки — будто лодки по озерцу плавали в полночном свете. Едва ли Олеандр сумел бы сказать, сколь долго простоял, опираясь на чан и пялясь на свое усталое отражение. Просто в какой-то миг в уши вторгся скрип половиц, голова снова заработала.

— Где ты был? — И колесики разума завертелись, переваривая слышимое. — Зачем шею перемотал?

Расти у Фрезии вместо волос ядовитые змеи, спина Олеандра уже послужила бы им мишенью.

— Не за тем, о чём ты подумала.

Он зачерпнул водицы. И холодные струйки, коснувшись лица, расплзлись по коже, смывая усталость. Он выдохнул и обернулся. Моргнул раз, второй. И наконец рассмотрел суженую.

Она стояла у низкого, оцепленного подушками, столика и глядела на Олеандра тяжело, исподлобья. Её рыжие волосы горели огнём. Заплетённые в два колоска, толстые косицы пристроились на оголённых плечах. Расширившиеся зрачки поглотили сирень глаз, украшающих маленькое личико-сердце.

Невольно Олеандр сравнил Фрезию и Эсфирь. Сравнил чувства, которые вызывали у него две такие разные девушки. Красотой первая с лихвой затмевала вторую, похожую на воплощение ночного кошмара.

Но Фрез не будоражила воображение. Олеандр знал её от и до, мог фразы за неё заканчивать и предсказывать поведение. Эсфирь же он совсем не знал, но она порождала море вопросов. Окутанная туманом загадочности, так и просила её разгадать — будто вызов бросала.

— Молчишь? — голос Фрезии сочился отравой. Щеки покраснелись, будто ветром обожжённые. — Ты возвратился под утро, и я...

— Рассудила, что я с кем-то греху предавался? — докончил Олеандр. — Мне ведь больше заняться нечем.

Мгновение они хранили молчание, разделенные пропастью значительного непонимания.

— Не хочешь по-хорошему, значит? — Фрез наморщила нос, словно под боком свалили гниль.

— Я не забавлялся с дриадами.

— Лилия и Сумах тоже вернулись по утрам...

— И?..

— ...и ежели ты не сознаешься, — выкрикнула Фрезия едко, не слишком заботясь о тяжести брошенных слов, — все узнают, кем была твоя мать. Распутной девкой! Блудницей! Шлюхой, которая...

Она перешла черту. Покусилась на святое, и Олеандр не выдержал. Вытолкнул её за дверь и задвинул щеколду.

Возможно, есть в мире существа, несовместимые друг с другом от рождения. Казалось бы, Олеандр и Фрезия во многом схожи. Излишне порывистые, но уязвимые. Излишне напористые, а на деле неуверенные в себе и своих силах. Казалось бы, они чуть ли не слиться должны в единое целое.

Да вот беда — глядят в разные стороны.

Отец же всегда твердил Олеандру, что схожесть нравов вторична. Сравнивал жизнь и быт с Фрез с ураганом. Внушал, что брак с ней — непоправимая ошибка, жертва разумом в угоду чувствам.

Но!.. Что тут скажешь, Олеандру тогда и шестнадцати не стукнуло. Правильно говорят, красота женщины — стальной капкан. Ступишь — и он сомкнется, издерёшься в кровь, пока высвободишься.

Фрез выросла. Похорошела и распустила лепестки, превратившись в прелестный цветок. Мужчины жаждали обладать ею, женщины — походить на неё.

Некогда её очарование и Олеандра не обошло стороной. Окутало. Застлало взор. И привело к Каладиуму, её отцу, с просьбой о скреплении помолвки. Тогда Олеандр и

помыслить страшился, что кто-то опередит его, и желанная дриада окажется в чужом саду.

Почему он не послушал отца? Почему не внял предостережениям? Как Олеандру находиться с ней рядом, ежели он боится каждого её слова? В прошлом он доверился ей, поделился болью, рассказал о матери.

А ныне Фрез просто взяла и снизошла до подлого приёма. Использовала полученные сведения против будущего супруга.

Чудилось, век Олеандр стоял, не шевелясь.

Потом была пробежка на веранду к многоэтажной полке с бутылками. Потом он топил в вине горе. Только бы забыться! Только бы не думать об ошибке, которую он совершил, скрепив помолвку.

Миг, когда лоб встретился со столом, он прозевал. Тьма без сновидений поглотила сознание и развеялась лишь поутру.

Прокравшаяся сквозь приоткрытые ставни пыльца оседала искрящимися крупинками. Луч солнца обжёт лицо. И Олеандр зажмурился, прогоня сонливость. Отлип от стола.

Трапезная расплывалась перед глазами кляксами — все равно что картина, нарисованная детенышем.

Пару раз Олеандр проваливался в небытие. Думал, опять увязнет во сне. Но когда до хижины долетели обрывки беседы за окном, глаза распахнулись самовольно. Завитки ушей развернулись, обостряя слух.

— Слушай, малец, — шипел кто-то отдаленно знакомый. Рубин? — Отвял бы ты уже, ну! Такой ты напористый, жуть берёт!

— В который раз спрашиваю, — прокричал Юкка. — Кто вы? Вломились в поселение и...

— Стало быть, у вас тут перед всеми врата распахивают? — отозвался все тот же шепелявый голос. — Головой подумай! Хранители меня пропустили. Остальное тебя не касается, усёк?

— Я отвечаю за безопасность!

— Не смейся! Тебе в куличики играть полагается. О клинок, небось, спотыкаешься.

Точно Рубин!

Дело пахло жареным. Поэтому Олеандр, спотыкаясь, ринулся к ближайшему окну и вцепился в подоконник.

— Все в порядке, Юкка! — прокричал он в приоткрытые створки, силясь придать голосу твердость. Вышло из рук вон плохо — язык одеревенел и едва шевелился. — Я впущу его!

— Ой! — пискнул Юкка. — Благого утра, наследник. Тогда... Тогда ладно. Прошу прощения.

— Смекнул, наконец? — с издевкой прошипел Рубин. — Он меня впустит, так что исчезни!

— Следи за языком, Рубин, — прорычал Олеандр. — Ты с хранителем разговариваешь!

— Открывай, сын Антуриума! — воскликнул тот. — Некрасиво старых друзей на пороге держать!

— Мы с вами еще потолкуем. — Тон Юкка понизил, но угроза распознавалась явственно.

— Топай-топай, — Рубин отмахивался от него, как от жужжащего над ухом насекомого. Стоило задвижке отъехать, Рубин скользнул в хижину вместе с пылью и ветром.

Расстегнул брошь на вороте. И провонявший пылью плащ упал за его спиной, кончик раздвоенного языка выглянул изо рта.

Олеандр поперхнулся зевком. Ежели ему не изменяла память, что вряд ли, не виделись они с Рубином года полтора, а казалось, лет шесть-семь. Ничего уже не осталось от того нескладного юноши, который вечно горбатился и шаркал. За время кочевания он возмужал и окреп. На костях его выросли мышцы, а свободные рубахи и шаровары сменились на варварское одеяние: безрукавку, перчатки без пальцев и драные на коленках портки, пошитые из лоскутов чёрной кожи.

Не дракайн возвышался над порогом — феникс. Только темно-рдяных крыльев Рубину и не доставало.

Крыльев?.. Воспоминания об Эсфирь мелькнули в сознании Олеандра. Нужно её проведать! Он оставил в памяти пометку и взмахнул ладонью. Приятель ответил тем же, раскрывая пальцы веером и переводя взор на стол.

— Винцо хлещешь? — Губы Рубина искривила улыбка. — Не похоже на тебя. Допёк кто?

— Фрезия, — Олеандр тяжело вздохнул и взобрался на подоконник, подминая под себя ноги.

— М-м-м, — протянул приятель. — Ведаешь, на любой свадьбе есть ребятня, которая сидит в тени и набирается. Чую, на твоей свадьбе одним из таких смельчаков буду я. О!.. Еще отец твой!

— Очень остроумно, — Олеандр прицокнул языком и уставился в окно, ничего толком не видя.

Мир будто в хороводе кружился. Очертания улочек и деревьев дрожали и смазывались.

— Ку-ку! — Щелчок пальцев вызволил его из пьяно-сонной ямы. — Присесть-то согласишься?

— А?.. Да-да, садись.

Рубин, чаще нарекаемый среди дриад Змеем, в предвкушении растер ладони. Сумка соскочила с его руки. Он водрузил её на стол и принялся в ней рыться, красуясь рыжиной чешуи на предплечьях.

— Зачем ты вообще на ней женишься? — поинтересовался Рубин. — Не твоё же, ну! Хотя одну причину озвучь.

— Она не невинна.

— Вы?..

— Ага, — Олеандр сглотнул, чувствуя, как разум снова окутывает дрема. — Всего разок. Но этого было достаточно, чтобы выжечь на ней клеймо неприкосновенности. Кто, ежели не я? Юноши, воспитанные Сталью, даже не посмотрят в её сторону. Да и прочие тоже! Тут не столько её испорченность погоду сделает, сколько понимание, что от неё отказался наследник клана. Почему? Из-за чего? Что с ней не так? Только представь! Сразу ведь вопросы у дриад возникнут. Не говоря уже о том, что я не горю желанием ссориться с её отцом.

Хотя в голове Олеандра вертелось тихое подозрение, что до ссор и разбирательств дело не дойдёт. Вряд ли Каладиум его прикончит. Но изувечит точно — исподтишка, чужими руками.

— Я потолковать с тобой хотел кое о ком. — Рубин увел разговор в спокойное русло и сгладил напряжение. — Но позже. А ныне...

Он отступил в сторонку и церемониально отвел руку — таким жестом гостей обычно в дом зазывают.

— Принимай дары, — возвестил он, ослабившись, и среди белых зубов сверкнули удлинённые клыки.

— Какие еще дары? — Взгляд Олеандра упал на стол, и он чуть слюной не подавился от потрясения.

Пузатые склянки призывно поблескивали, выстроившись в ряд. За прозрачными стенками искрились мутноватые соки — выжимки из итанга, цветов, которые дракайны берегли как зеницу ока.

Что одним погибель сулит, то у иных благом слывет. Не существовало в мире растительной отравы, способной умертвить дриада. Напротив — такого рода яды отрывали захворавших от коек. Вот самый чудотворный из них — итанга — и очутился в Барклей. И наблюдая, как пляшут у дна сосудов отличительные косточки-звезды, Олеандр не посмел усомниться в его подлинности.

— Как ты?.. — бессвязно молвил он, уставившись на флакончики. — Откуда?.. Когда?..

— Недавно, — вяло ответил Рубин. — Наведался к дракайнам, чтоб им языками подавиться!

— Ты украл итанга?!

— Грубовато. Позаимствовал?

Твою ж!.. Олеандру почудилось, словно его сперва на небеса подняли, а потом с силой швырнули наземь.

— Я не возьму их, — буркнул он, покуда сердце рвалось из груди. — Не хочу потакать воровству.

Рубин смолчал. Только кисло ухмыльнулся.

Понятное дело. Чего ему горевать и терзаться чувством вины? В кои-то веки он извернулся и подгадил соплеменникам по матери.

Чары двух Творцов его кровь не оскверняли. Отнюдь. Дорогу жизни перед ним расстелили феникс и дракайна, подданные Умбры. Дрянная там вышла история. Как наверняка было — никто не поведает. Но существа горазды домысливать. Неуёмные языки разнесли слух, что предки Рубина предались греху по глупости. Разделили ложе и разбежались. Женщина понесла и избавилась от нежеланного дитя. Не прикончила. Подкинула на Ифлога[1], уповая то ли на скорую гибель сына, то ли на совесть его горелца.

К счастью, Рубину повезло. Он увидел свет под счастливой звездой, потому что случилось третье: на него наткнулись ореады. Не кто-то из стражи, а Цитрин и Яшма — владыки клана. Они и пригрели бедолагу-гибрида под своими крыльями. И воспитали наравне с кровными детьми — Сапфиром и Чароит.

— О! — памятуя о друге-ореаде, Олеандр вспомнил об ином. — Сапфир обещался навестить меня.

— Когда? — Рубин посмурнел, хотя души в названном брате не чаял. — Скоро, стало быть?

— Со дня на день. А что? Боишься встречи с ним? Ты сколько уже кочуешь? Давно на Ааронг[2] заползал?

— Давненько.

Скрещенные за спиной мечи-парники соскользнули с плеч Рубина. Ремни юркнули

точно в ладони, и он уложил оружие на подушку — нежно и заботливо, будто подношение кому делал.

Вроде остался он прежним. И все же что-то в нем изменилось. Лёгкое, почти неуловимое, оно ускользало, только Олеандра думал, что подобрался к разгадке. В одном сомневаться не приходилось: Рубин поднаторел и набрался опыта. Твёрдость шага. Взгляд, оценивающий и настороженный. Привычка отводить руки к затылку — туда, где обычно торчали рукояти мечей. Всё выдавало в нем воина. Казалось, нет таких невзгод, которые вырвут у него из-под ног почву. Он как клинок на наковальне — от ударов кузнечного молота только крепнет. Таких бойцов на поле брани лишь смерть подсекает.

Пока Рубин разминал плечи, жажда приволокла Олеандра к столу. Чтобы залить засуху во рту, пришлось осушить полбутылки с нектаром. И вдруг дыхание оборвалось. На грудь будто бочку с камнями поставили. Он попытался вздохнуть, но вздох застрял на полпути к легким.

— Эй, Цветочек! — возопил голос в мире, тонущем во мраке. — Ты чего это? Что с тобой?

— Дышать не могу, — прохрипел Олеандр и смолк — иглы боли вонзились в шею, прожигая насквозь.

Жар раскатился по телу со скоростью вихря. Чьи-то руки легли на плечи, встряхнули Олеандра, силясь привести в чувства. Да какой там! Он горел. Утопал во пламени. Кисти рук занемели — не пошевелить и кончиком пальца. Сердце трепыхалось в груди. Билось за жизнь, неровно и глухо, на последнем издыхании, через стук спотыкаясь о когти смерти.

С запозданием разум озарила мысль, что отравился Олеандр чем-то цепким, схватывающим мгновенно. С еще большим запозданием ум прикинул, влиянию каких ядов соответствуют ощущения.

Но сколь бы резво Олеандр ни размышлял, победу в гонке с отравой одержать не удавалось. Выводы ускользали, не успев сложиться. Мысли путались, утекали к потугам урвать глоток воздуха.

Удар боли швырнул его на пол. И он обмяк на ковре, погружаясь в бессодержательную темноту.

— Хранители, чтоб вас!.. Аспарагус! — услышал он голос Рубина прежде, чем его засосала вязкая чернота.

[1]Ифлога — территория клана фениксов.

[2]Ааронг — территория клана ореадов.

Приглашения на казнь

Веки не желали размыкаться. Малейшие шевеления упрочивали темноту, опускали Олеандра на невидимую гладь, уносившую далеко-далеко. Там густело безмолвие. Не звенели над ухом споры и ругань. Не прилипала ко рту тряпица, пропитанная кисловатой влагой. Там всё было проще. Он не хотел выбираться оттуда. Но кто-то упорно дёргал плоть за незримые нити. Расшатывал лодку его покоя и утягивал к свету, горевшему всё ярче и ярче, ближе и ближе.

Снова и снова тело качало вниз-вверх. Снова и снова он то беспамятствовал, то ощущал на губах едкую водицу.

Не сумел бы он сказать, сколь долго колыхался туда-сюда. Но только над ухом прошелестело злополучное «Наследник, слышите меня?» — и свет вдруг обступил, окутал его коконом.

— Наследник? — растекся рядом бархатный голос, который он предпочел бы стереть из памяти.

Олеандр прикусил щёку с внутренней стороны. В ушах вновь разлился зов архихранителя:

— Сын Антуриума?

Надо думать, поговорку «Даже смерть не разлучит» сложили о них с Аспарагусом. Везде он Олеандра преследует, Боги! Даже в царстве мёртвых достал!

— М-м-м...

Время утекало, а Олеандр всё лежал бревном. Не получалось даже палец приподнять, чего уж и говорить о чем-то потяжелее. Например, о руках, которые будто примёрзли к ложу. Взор ошибался. Метался от потолка к ряду книжных полок. Сперва нечёткие и дрожащие, корешки фолиантов обретали ясность тем пуще, чем чаще скатывались по щекам слезы.

Животные яды, — прочитал он название одного из них. И разум ожил, настигнутый двумя осознаниями:

— Я не умер, меня отравили, — просипел Олеандр и отвел голову к плечу. — Твою ж!.. Почему ты? Нет, у меня мало друзей, конечно. Но они ведь есть! Почему я на тебя-то вечно натыкаюсь?

Облокотившись на колени, Аспарагус восседал в кресле у ложа. Черты лица его размывались в полумраке. Лишь бровь и усы выделялись тёмными кустами, будто хищник притаился в засаде.

— Хвала Тофосу, вы живы, — произнес он и выдохнул столь протяжно, словно до сих пор не дышал.

— Честно? — Олеандр отодрал руку от ложа и стер со щеки влагу. — Мне казалось, я погиб. Глупо, но...

— Вы и погибли, — высказался архихранитель. — Благо ненадолго. На мгновение-другое.

Зелень чар сорвалась с его пальцев и облепила балдахин, напитывая прицепленные к нему златоцветы. Растревоженные, они вспыхнули друг за другом и залили комнату теплым светом.

Олеандр моргнул раз, другой. Рассудок, чудилось, коркой порос, сквозь которую

пробивались мысли. И единственное, на что хватало сил — оценивать обстановку, обретшую ясность.

Опрятностью Олеандр никогда не отличался. Вечно раскидывал принадлежности для рисования. Комкал шаровары и рубахи, которые скатывались безобразными кучами. Но ныне покои дышали чистотой. Частый их спутник — запах краски — выветрился. Из-за ширмы у стены выглядывали треноги для рисования. Строгим рядом выстроились на подоконнике баночки, ощерившиеся кистями.

Один шкаф, облепленный ракушками, высился в углу — за дверцами хранился посох рек и озёр, ещё в незапамятные времена подаренный дриадам наядами. Ряд книжных полок примыкал ко второму шкафу, пониже, со множеством квадратных отсеков. Внутри каждого, томясь в пухлых сосудах, хранились целебные настойки и отвары. Олеандр расставлял их впопыхах, не слишком заботясь о какой-либо упорядоченности. Но точно знал, где и что стоит.

Наградил его Тофос ценным благом — совершенной памятью. Желая запомнить что-то, он мог отпечатать видимую картину в уме и такой себе слепок в уголке сознания откладывал.

— Сколько я пре... — Словосочетание «предавался сну» отразило бы смысл пережитого неверно. Олеандр исправился: — Беспамятствовал?

— Отравились вы поутру, — по-деловому сухо ответил Аспарагус. — Уже стемнело.

Точно. Свет, заливший покои, путал. Низкое и грузное, за окном висело синюшное небо.

— Так, — скорость мышления донимала — Олеандр привык соображать быстрее, — когда... — Руку дёрнуло болью, и он прикусил язык. Зажмурился, терпя ворох покальваний, разбежавшихся по телу. — Что за напасть?

— Тени пережитого, — казалось бы, повествуя о погоде, произнес Аспарагус, — вас разум подводит?

Одному Тофосу известно, скольких усилий Олеандру стоило безмолвие. Его так и подмывало швырнуть в дедова приспешника чем-нибудь грузным — цветочным горшком, например.

— Сын Цитрина распознал в бутылке яд ламии, — между тем произнес архихранитель, видимо, почуяв дыхание смерти. — Право, вам надлежит поблагодарить его. Выжимка из итанга сослужила вам добрую службу. В противном случае, боюсь, мы с вами не беседовали бы.

— Ради такого и умереть не жалко, — проворчал Олеандр и добавил: — Ламия. И как её отраву очутилась в бутылке?

— Немудрёное деяние, — чуть помедлив, откликнулся Аспарагус. — Зелен лист, некто подмешал её туда.

— Не беси меня, Аспарагус!

— О чём вы жаждете выведать? — резко спросил тот, поглаживая усы большим пальцем. — Деяние немудрёное — истинно. Отец ваш ускакал, обитель его два дня хозяина не видывала. Стража начеку, но... В самом деле, наследник, отраву могли еще на разливе подмешать.

— Не два дня, — поправил Олеандр, осмысливая услышанное. — День. Одну ночь я провел у себя и...

— Повторюсь, — прилетело сбоку, — яд могли подмешать на разливе, поди разбери нынче, когда доставили бутыль. Недавно? Иль ожидала она вас на полке, положим, пять

рассветов?

Действительно. Да и кто из дриад сознается теперь, что жаждал отравить наследника клана?

Аспарагус прицокнул языком. Ладонь его скрылась, вызволяя из-за складок камзола два темно-алых листа:

— Прошу.

— Аурелиусы! — Сердце Олеандра подскочило, забилося у горла. Он вспыхнул и сел, следя за приглашениями на казнь, которые переключевали к пледу. — Рехнулся? Убери немедленно!

— Один я отыскал в кармане у Спиреи, — прозвучало следом. — Другой — в бутылке с нектаром.

— Что?!

Потрясение жгучим комом засело в груди. Мгновение Олеандр глядел на аурелиусы столь цепко и пристально, будто они мечом палача обернулись, который завис над шеей. Судные листы, чудилось, выжигали на простынях дыры, сочась и переливаясь оттенками алого, как пятна крови на месте злодеяния.

Выходит, гибель Спиреи — не воля невезения? Выходит, жертвой вырожденца она пала неслучайно? Кто-то и правда её заказал? А еще наследника клана дриад попытался отравить? Seriously?

У Олеандра голова пошла кругом. Дрожащей рукой он подхватил аурелиусы. Всегда он размышлял, каково это — держать их и сознавать, что скоро лепестки жизни опадут. Как вышло, не шибко страшно. Хотя, наверное, не стоило сравнивать, ведь участь Спиреи его миновала. А покуситель вдобавок всё извратил: сперва вредил, потом листы подсовывал.

В Эпоху Стальных Шипов провинившиеся сначала об аурелиусы обжигались, а затем уж голов лишались.

— Пф-ф, — Олеандр собрался с духом и осторожно развернул послания.

Почерк у покусителя был недурственный — равняться можно. Не столь изящный, сколь у океанид, но тоже ладный.

«Мудрецы толкуют, ежели жить по убеждения «око за око», мир ослепнет. Вздор! По моему разумению, слова эти, воплощаясь, рождают справедливость, коя разливается рекой.»

А. — правитель клана дриад».

Вот и всё, что он удосужился написать. Чёрные слова отчетливо выделялись на алой бумаге. Правда, на одной слегка расплылись, словно рыдая — томление в бутылке не пошло им на пользу.

Проклятие! Олеандр откинул аурелиусы, и они, покачнувшись, соскользнули с ложа и ниспали на ковер.

Око за око. Справедливость. Письма пованивали мезтью, намекая, что он и Спирея за что-то поплатились. Но в чем они провинились, Боги? Перед кем? А главное, ужель кара их настигла за схожее деяние?

Неспроста ведь судные листы — близнецы!

— Это намёк на отца? — Взор так и падал на треклятые подписи, и Олеандр смежил

веки. — На кой это ничтожество владыкой-то подписалось? Это ведь дриад, верно? Возможно, Стальной. Во-первых: аурелиусы. Во-вторых: он неплохо меня знает, потому как...

— Нектар — ведаю, — закончил Аспарагус. — Нектар из ягод тиалия. Отец ваш его не вкушает. И все же я посоветовал бы вам не торопиться с выводами. Прошу, дозвольте мне выяснить...

— Ну уж нет! — Олеандр в сердцах долбанул кулаком по ложу. — Я из-под земли этого гада достану!

— Скорее уж, себя закопаете, — бросил архихранитель. — Будьте любезны, не вмешивайтесь.

— Не указывай мне!

— Самодовольный юнец! — рывкнул Аспарагус, вскочив и напоминая змею перед броском даже больше, чем Рубин. — Полагаете, я с вами шутки шучу?! Ваш отец поручил мне заботу о вас, а вы!..

— Почему ты смолчал о судном листе?! — не остался в долгу Олеандр. — Сокрыть чёрное дело решил?!

— Боги!

На миг архихранитель скрылся за стволом дерева, пронзавшим пол и потолок комнаты, а возвратился в сопровождении. Двухъярусный столик на колесиках, подогнанный его пинком, прикатился и уперся в ложе. Тут покоились и жевательные корешки, и три вида салатов, приправленных маслом, и засахаренные ломтики плодов — красивые такие, залитые сиропом, чуть ли не мозаикой выложенные на блюде.

Призывное урчание пронеслось по покоям. Олеандр ойкнул и обнял живот, сиюсь подавить постыдные звуки. Да какой там! Есть он хотел до одури. Но не смел касаться пищи, с подозрением косясь на неё.

— Не заблуждайтесь на мой счёт, — голос Аспарагуса сквозил холодом. — Смерть ваша меня не возрадует...

Олеандр буркнул что-то невразумительное. Кряхтя, спустил ноги с ложа и принялся за трапезу. А пока набивал рот, следил за расстелившимся по ковру подолом плаща, который полз к окну за хозяином.

— ...Не совершайте опрометчивых поступков, — чеканил архихранитель, — носите при себе выжимку из итанга. Не бродите в одиночестве. И еще... Слухи и паника. Не должно нам плодить их. Посему я и сокрыл аурелиус, куда его не отыскивали другие.

— М-м-м, — протянул Олеандр, смакуя дольку сангрии — ломтик плода таял на языке.

Аспарагус устроился на подоконнике, уложив ступню на колено. Стальные шипы на плечах его накидки бликовали. Ладонь оглаживала черенок меча, припрятанного в ножнах за поясом — хоть кисть хватай и пиши портрет: одинокий герой взобрался на вершину скалы в ожидании побоища.

И плевать, что все, за исключением десятка собратьев, считают его воплощением зла. Плевать, что лицо у него безжалостнее, чем у злодея, который вознамерился утопить мир в крови.

— Гм-м, — Олеандр отложил вилку и вздрогнул под прицелом золотого ока. — Ну что?! Я и без тебя понимаю, что нужно каждый шаг прощупывать. И все же... Мне не дохлого жука в салат подсунули! Меня убить пытались! Этот... кем бы он ни был, похоже, у выродка отраву раздобыл. Спирею изожгли. Меня отравили. А лимнады упоминали о ламии-

гражде. Яд и грозы! Совпадение?

— Торопитесь, — отрезал Аспарагус.

— Ты охрану усилил? По Барклей убийца-вырожденка носится, а мы ерундой страдаем!

— Горазды вы возводить напраслины. — Аспарагус отвёл руку от меча. Но чувство, что он вот-вот кого-нибудь разрубит, не улетучилось. — Двукровное отродье ищут, третий день кряду ищут.

— Нектароделов допросили?

— Прошу, разрешите мне оглядеться. Не нагнетайте, не сейте панику!

Аспарагус что, всё замять пытается? Что-то странное мелькнуло в его тоне. Что-то тёмное, пустившее по позвоночнику мороз. На краю сознания замигал огонёк тревоги, и Олеандр склонил голову в кивке.

— Благодарю. Отдыхайте.

Архихранитель скупо поклонился и, обогнув ствол, скрылся. Вскоре тишину нарушил скрип лестничных ступенек.

— Хм-м... — Олеандр зажевал губу.

Казалось, пора облегчённо выдохнуть. Но нет. Беседа сделалась столь же утомительной, столь и потуги возвратить телу подвижность. Опасения пробили доспех напускной кротости и возвали к разуму. Раздумья поглотили Олеандра, обращаясь зазвеневшими в голове выводами.

Складывалось впечатление, Аспарагус то ли сам к вредительству причастен, то ли укрывает кого, то ли подозревает, а посему и взывает к ничегонеделанию, ссылаясь на ненужность шумихи. С другой стороны, зерно истины в его словах крылось. Откровенные проверки чреваты переполохом. Велик риск, покуситель заляжет на дно и затаится. И тогда они точно никого не повяжут. Разве что вырожденку, его пособницу, настигнут и допросят. Но и её отлов — задача незаурядная, сопряженная с угрозой. Едва ли она сдастся на милость правосудия, а сражаются двукровные за пятерых, а то и за десятых.

Детворе с юных лет внушают, что бегство при встрече с ними — единственно-верное решение. Усредненная цена тому, чтобы вступить в неравный бой с вырожденцами — жизнь.

Так, может, хранителей леса лучше отозвать? Может, зря Аспарагус обязал их искать вырожденку?

Мысли-мысли-мысли. Они не давали покоя. Олеандр не понимал, что делать, как поступить, а вдобавок в упор не видел связи между собой и Спиреей. Кому она мешала? Он — ладно. Его отец стальные устои выкорчевывает, а ежели покуситель из ярых стальных, то понятно, почему он подгаживает тем, кто стирает следы канувшего в небытие владыки.

Но Спирея!.. Ее отец Эониуму служил. Девчонка сиротой осталась, вела себя тихо, в склоки не лезла.

С натяжкой звено общности между ней и Олеандром проследилось бы в поддержке теперешней власти. Смутьян мог отомстить им за пособничество владыке, который свернул с намеченного Эониумом пути. Да вот беда: Спирея не изъявляя преданность властвующему правителю.

В мести Аспарагусу больше смысла нашлось бы!

Кроме того, слова око за око подразумевают обмен равноценный. Ну хоть приблизительно! Нет? Означает ли это, что Олеандр и Спирея повинны в чьих-то... смертях?

Бред!

Олеандр постучал кулаком по виску, выбивая глупые домыслы. Вопросов на уме вертелось слишком много, а ответы и предположения утопали в море противоречий и нестыковок.

А ведь клятый мерзавец еще и правителем подписался. На кой? Самомнения не занимать? Пошутил? Едва ли же на власть претендует. Едва ли настолько невежественен, чтобы не знать — лес нуждается в дриадах, по венам которых течёт кровь первозданных собратьев.

Всего двое таких цвели ныне: Олеандр и его отец. И единственное, чего добьётся покуситель, умертвив правящих — обречёт Барклею на угасание и лишит защиты Вечного Древа, прародителя леса.

И тут всплывает иной вопрос: кто из дриад настолько дик, что готов подточить опоры родных земель? Не страшится ли, что крыша дома по итогу обрушится и на него?

Глухой шлепок — будто мокрой тряпкой кто по полу ударил — прервал поток мыслей. Олеандр вздрогнул. И обратил взор на звук. За стволом мелькнула увесистая листок-лапа.

В покои наведалься Душка, его приятель, мало-мальски разумный цветок, похожий на алую ягоду-переростка. Живя на ветвях дерева, он нередко спускался, чтобы порисовать. Ну или ведро с водой стащить.

Облака рыжеватой пыли окружили Душку, когда он прикатился к ложу, подобно снежному кому. И распушил листву. Уселся, стукнув угольком по полу.

— Нет, — Олеандр вздохнул. — Сейчас не могу. Завтра порисуем. Я не... Прекращай! Что ты?.. Хм-м...

Левой лапой-листочком приятель растрясал столик, а правой, с угольком, уже расчерчивал на полу узоры. Черные линии неспешно складывались в треугольник, по бокам которого рядом с вершиной пристраивались еще два поменьше. Так дитя нарисовало бы накидку с шипами.

Душка намалевал плащ стального хранителя. Ничего страшного. Но!.. Уголек снова пополз по полу, ведомый лапой.

И скоро неподалёку появился еще один рисунок.

— Что это? Бут... — Сердце Олеандра ухнулось в пятки. Воздух в покоях, мнилось, раскалился, застыв жаркой взвесью. — Бутылка?! Ты кого-то видел? Значит, я прав? Это кто-то из воинов Эониума?

Жаль, Душка не отозвался. Мало он понимал. Да и речи чужие разбирал с превеликим трудом.

Сумасшествие заразно

Трудная у Олеандра выдалась ночь. Четырежды он просыпался в поту, выбитый в явь блеском занесенного над шеей меча. А пробудившись в пятый раз, устроился на подоконнике с чашкой травяного отвара. Устремил взор к улочке в тени лиственных крон.

Статуя Тофоса, сгорбленного старца в плаще, стояла там и глядела ввысь, вскинув руки к небосводу. Пробегавшие мимо дриады то и дело замирали возле неё. Вот две девушки припали к тропе и ударились лбами о босые ступни Творца. Вот ребёнок упал на колени и прильнул щекой к подолу его накидки.

В другое утро Олеандр нарек бы собратьев глупцами — нужно ли Тофосу, чтобы его древесное воплощение головами подтачивали? А ныне суета успокаивала. Он наблюдал за поселенцами. Взирали на их мельтешение сквозь просветы ветвей, и туман в голове развеивался. Сердце замедляло бег.

Отравление. Беседа с Аспарагусом. Аурелиусы. Покуситель, братающийся с вырожденцем. Пережитое выжгло на душе дыру, которую Олеандр никак не мог заполнить.

Ответы — вот что забило бы её наглухо. Ответы. А заодно — посмотреть в глаза клятому подлецу, который мало того что умертвлял, так вдобавок судные листы жертвам подсовывал.

Знатно ему обломилось. Не предвосхищал, небось, что Олеандра спасут, напоят выжимкой из итанга.

Так, может, прав Аспарагус? Может, не темнит вовсе и пока что всем лучше помалкивать? Затаиться. Присмотреться к поведению Стальных воинов. Глядишь, мерзавец сам себя выдаст.

Олеандр вздохнул. Надумал сползти с подоконника, как вдруг перехватил за окном шевеление. Взору предстала картина, достойная пересказов. Из-под размашистых ветвей выскочил и пронёсся по мосту молодой элафия с рыжим бутонем на рогах.

— Да постой же ты, Боги! — прогорланил бегущий за ним дриад, чью голову укрывала шапка рыжих завитков.

Зефирантес! Олеандр прыгнул на пол. Стащил через голову отцовскую рубаху, в которой тонул — аж рукава плыли по ветру! Надел тунику и, на ходу скручивая волосы в узел, помчался вниз по лестнице. Ну как помчался... Вернее сказать, поковылял, придерживаясь за перила.

Олеандр распахнул дверь и угодил в объятия. Повезло — успел до того, как приятель снес бы дверь вместе с домом. Ребра затрещали, скованные огромными ручищами. Рослый, щеголяющий развитой не по возрасту мускулатурой друг обнял его крепко-крепко, до треска костей. Потом отпрянул. Встряхнулся и снова обнял.

— Да жив я! Жив! — прохрипел Олеандр и покосился на выглянувшего из-за веранды скакуна. — Ты зачем элафия напугал?

— Да оседлать его всё пытаюсь, а он не даёт, — проворчал Зеф. И взвыл, как угодивший в капкан зверь: — У-у-у! Я ж как вырвался, так к тебе помчался сразу. Думал, не свидимся уж. Мастер Аспарагус сказал, очнулся ты, а я на посту! Ты это... Как ты? Нельзя ж лакать, что попало, ну! Нектар этот... Подлый Змей яду подлил!

— Чего? — Олеандр уперся ладонями в грудь приятеля и оттолкнул его, вырвался из хватки.

— Сынок Цитрина, — Зеф отступил на шаг. Солнечные блики прыгали в его кудрях, подсвечивали крупинки пота. — На кой он в Барклей-то приполз? Не кочуется? Решил тебе подгадить?

Ну и чушь! Да кто в здравом уме заподозрил бы Рубина в отравлении?!

— Чепуху мелешь, — проговорил Олеандр. — Я ему жизнью обязан. Где он, кстати? Не знаешь?

Зефирантес крикнул.

— Поди угляди за змеёй, — пропыхтел он. — Либо уполз, либо невесть где шастает, детвору распугивает.

Что ж, на сочувствие Рубин ожидаемо не растратился. Он вечно кривился, когда существа проявляли слабость, не вел и речи о поддержке. Стоило отдать ему должное, не требовал он участия и от других, предпочитая залечивать и осмысливать пинки судьбы в одиночестве.

— А Фрез? — Олеандр возвратился в дом. И посмотрел на склянки с итанга, до сих пор стоявшие на столике у ствола. — Ей рассказали о яде?

— Чего не знаю, того не знаю, — донёсся из-за спины густой бас. — Отцу её сообщили вроде.

— Понятно! Идём.

— Куды?

— Прогуляться хочу.

Сорвав с крючка накидку, Олеандр перекинул её через плечо. Потом подхватил сосуд с целебной выжимкой. Выскользнул во двор и запер дверь. Покосился на друга и обжёгся о его взгляд. Зеф глядел на него как дитя на сражавшихся на плацу воинов: не то со страхом, не то с восторгом и благоговением.

— В бутылке и правда аурелиус нашли? — шепнул он и сжался, словно в кустах притаились враги.

Хотел бы Олеандр, чтобы ему почудилось, но...

— Правда.

Стоило отдать Аспарагусу должное: взывая к сохранению тайны, он укоротил языки — хотелось верить, не в прямом смысле слов — всем, кто знал или вызнал о произошедшем. Никаких шепотков об отравлении, о судных листах, разве что о смерти Спиреи поселенцы шептались по углам.

Жаль, на затяжное затишье рассчитывать не приходилось. Дриад ягодами не корми, дай языками потрещать. Проговорится один хранитель... Нет, просто намекнет — и вести о случившемся пронесутся по лесу. У каждого куста Олеандра повстречают беседы об отравлении и аурелиусах, притом уже изрядно извращённые.

И все же сейчас он ступал по тропам, не страшась, что на него налетит толпа голодных доподробностей собратьев. Ступал твердо и старался не выдавать упадка сил. А лицо подставлял солнечному свету, который оживлял, напитывал кровь и плоть теплом и распушал листву на предплечьях.

Зеф следовал за ним тенью, как прирученная мантикора на веревке. Переговариваясь, они миновали заставленную бочками тропу и замерли на перекрёстке. Лохматый дриад в потрёпанной рубаше и шароварах преградил путь, подскочив к Олеандру.

— Господин, — парнишка бегло поклонился и протянул несколько листков, — прошу,

посмотрите. Ваша помощь нужна.

— Почему моя-то? — Олеандр мысленно застонал. Но листы перехватил и быстро перебрал, скользя глазами по строчкам. — Обязанности правителя Аспарагус исполняет, не запомнил?

— Так он же Стальной!

И правда. Он Стальной. И оставался бы Стальным. На кой он к отцу Олеандра притёрся будучи поборником идей Эониума?

Это ли не лицемерие?

— Так, — Олеандр вручил листы парнишке. — Вижу, брак в доставленных клинках обнаружили. Впервые такое случилось, но... Напишите ореадам, сообщите о проблеме. Скорее всего, владыка Цитрин посыльного в Барклею направит, который привезет новое оружие и заберет порченное. Дальше... Доставка в Вальтос благоволий и рулонов с шелками. Тут тебе нужно попозже ко мне подойти — я кольцо-печатку в доме оставил, не могу разрешение на выезд подписать. А по поводу пострадавшей от грозы рощи, боюсь, тебе все же придется переговорить с Аспарагусом. Он архихранитель. Ему решать, кого он готов отправить для починки деревьев.

— Благодарю. — Ударив кулаком в грудь, парнишка снова поклонился и скрылся за хижинами.

Олеандр и Зеф между тем спустились на первый ярус по лестнице, приросшей к стволу. Спрыгнули на одну крышу кладовой. Затем побрели по иным, растянувшимся дорогой.

— Спирию захоронили? — Олеандр перескочил едва приметный стык.

— Ага, по-тихому, — пробасил из-за спины Зеф. — Зря ты мастера Аспарагуса подозреваешь. Ведаю — вы не ладите. Но... на кой ему убивать-то тебя? Вдобавок это ж он Спирию нашел.

— Аспарагус?

— Угу. Тебя искать отправились все. И наткнулся архихранитель на тело. Но убийство не там случилось, говорит. Вроде как никаких следов в той чаще нет. Чисто. Так что умертвили её в другом месте и...

Подкинули туда, где она не осталась бы незамеченной, — додумал Олеандр, подступая к краю крыши.

— ...Может, Змей таки? — слышалось из-за плеча.

И Олеандр застонал:

— Прекращай!

— Тогда кто-то наших, — с видом знатока заключил Зефирантес. — Из Стальных, видать. Судные листы...

— Вот это уже ближе к истине, — Олеандр щёлкнул на него пальцами. — Сознаться, сперва я решил, что гибель Спирии — воля невезения. Подумал, ей просто не повезло наткнуться на выродка.

— Но аурелиусы!..

— Верно, — Олеандр кивнул. — Что это за выродок такой? Откуда бы ему знать о судных листах? Зачем намекать на некую расплату? Зачем подписываться правителем Барклею? Вдобавок, проникнув в поселение, двукровное отродье вряд ли не привлекло бы внимания. Отнюдь, думаю, он... ну или она причастна к случившемуся. Отравы ламии едва не отняла у меня жизнь, чары гряды умертвили Спирию. Но!.. За спиной выродка стоит дриад. Кто-то из бывших подпевал Эониума.

— Мрак какой, ну! — Зефирантес скривил губы в отвращении. — Кто ж с вырождением рискнет дружбу водить?

— Хороший вопрос, — Олеандр устало потёр лоб. — Но ныне меня занимает иное — я связи не вижу. Ну, между собой и Спиреей. Судные листы — близнецы, веришь? Эти слова... Око за око... Выходит, смерть за смерть? Но кого я убил, Боги? Кого убила Спирея? За что нам мстили?

— А мастер Аспарагус что говорит?

— Ничего путного, — Олеандр отмахнулся. — Просил панику не сеять, хочет сам во всём разобраться.

Солнце слепящим пламенем играло на лиственных кронах. Перегуд голосов заливал уши — хоть затычки втыкай.

Олеандр схватился за лиану и соскользнул к крыльцу кладовой. Зеф тяжело плюхнулся следом. Они миновали калитку и побрели вверх по откосной улочке к площади, тонувшей в полумраке.

Вечное Древо раскидывало там грузные ветви, затмевая солнечный лик и удлиняя тени. Оно отражало саму сущность леса — его олицетворение и душу. Казалось, стволы рядом умалились, напоминая детенышей, окруживших прославленного старца. Тысячи корней испивали землю. Спутываясь, возлежали тяжелеными косами.

В листьях Вечного Древа и зародились первозданные дриады: Примулина и Акантостахис, предки Олеандра. Иные лесные дети, узрев свет позже, признали превосходство Примы и Аканта и преклонили колени.

Легенды гласили, не было равных Приме и Аканту. Только они могли воззвать к сокрытым силам отца своего Древа. Только на их зов откликался посох, Древом подаренный. Не говоря уже, что они располагали большими выдержкой и стойкостью, большим количеством чар.

Первые цветы украсили ветви Древа, когда тайники сердец Примы и Аканта раскрылись друг для друга. А последние захилели и сгнули после смерти Камелии, матери Олеандра.

Трудно сказать, взаправду ли цветение воплощало взаимные чувства, но дриады не теряли веры, что скоро, совсем скоро наследник и Фрезия породнятся. И отец первозданных снова оденется в цветочные одежды, похвалится проклюнувшимися бутонами.

Много секретов скрывало Древо. С его помощью владыка проводил ритуал передачи власти и провозглашал наследника. Или напротив — отсекал негодную кровь от рода, как Стальной Шип отсек старшую дочь Азалию, когда она нарушила межклановый запрет и спуталась с океанидом. И за прегрешение поплатилась — лишилась доли чар и права называться потомком первозданных.

Олеандр нырнул под один корень, аркой изогнувшийся над землей, потом обогнул другой, тревожа вспыхнувшие на нём златоцветы, и замер. Знакомое пыхтение его уже не сопровождало.

— Зефи? — Он огляделся, подтверждая домыслы: приятель отстал, застыл у кустарника.

— Ты ничего не слышал? — Зеф рассеянно перебирая кудри. — Вроде шуршал кто-то.

— В кустах? — Олеандр развернулся на пятке, подступил ближе и наострил уши.

Не сразу, но он перехватил шорох. Кажется, в листве и правда кто-то притаился.

— Птица, наверное, — предположил Олеандр, в тот миг как в глубинах зелени нарисовались глаза. И он отпрянул, едва не шлепнулся, угодив каблуком сапога в ямку. — Твою ж деревяшку!..

Зрачки неизвестного расшились, перекрывая радужку. Отражая блики златоцветов, вместо синевы очей засверкала непроглядная темень — почти что небосвод звездной ночью.

— Кто это? — Одной рукой Зефирантес придержал ножны, второй потянул за рукоять.

И клинок выскочил на волю. Он описал им над головой полукруг — и острие уткнулось зверю промеж глаз, близко-близко. Утробное рычание, явно не предвещавшее ничего хорошего, прокатилось по площади.

— Убери железку, — произнес Олеандр.

Поздно. В листе что-то сверкнуло. Клацнуло. Зверь выпрыгнул из куста. К счастью, инстинкты не подвели: Олеандр и Зеф отпрянули друг от друга. И шерстяная туша пролетела между ними и врезалась когтями в корень. Фыркнула и обнажила ряд острых зубов-лезвий.

Кто это? В памяти зашелестели, перемешиваясь и сливаясь, пожелтевшие страницы перечня живности. Одна, вторая, третья... Всё не то! Олеандр снова глянул на зверя, отмечая короткий синий мех, хвост-метелку, тупую морду с огромными глазами-блюдцами, мелкие изогнутые рожки.

— Силин? — изумился Олеандр, едва память обратилась к иной книге, где упоминалось древнее зверье.

Шерстяной комок зашипел. От кончика его хвоста растянулись во все стороны серебристые нити чар, скручивающиеся в шар.

— Спрячь клинок, Зефирантес, — стараясь не повышать голоса, проговорил Олеандр.

— Зачем?

— Ты пугаешь его...

Меч опустился, вспоров воздух. Слишком резко. Шар колдовства на хвосте силина разросся, кроша искры. Глаза-блюдца неотрывно смотрели на лезвие, будто пытаются испепелить.

Тревога штыком кольнула Олеандра меж лопаток. Он дернулся к приятелю. Оплошал. Свечение колдовства ослепило. Пронеслось перед взором, сбивая шаг. И ударило Зефа в грудь. Он покачнулся. Попятился, болтаясь, как пьяница. Меч выпал из его ладони и закатился под корень.

— Треклятый комок шерсти! — Олеандр ухватил Зефа за плащ, не позволяя рухнуть в кусты.

Тщетно. Мало кто сумел бы удержать столь тяжкий груз. Ткань с треском вырвалась из пальцев. Одурило моргая, Зеф плюхнулся наземь. Взгляд его заволокла дымчатая вуаль, повествующая об ошеломлении.

Фырчанье силина походило на смех — мерзкий такой, издевательский. Пасть его снова растянулась в оскале. Он распушил хвост и пополз по корню, резво перебирая кожистыми лапами. Забрался повыше и спрыгнул на выстроившиеся в ряд бочки. Одна из них грохнулась, покатила на Олеандра. Он перескочил через неё. Ринулся вдогонку за зверем, но цепкие пальцы потянули назад. Зеф схватил его за грудки, заставляя склониться, уткнулся почти носом в нос.

— Если я погибну, — замогильным тоном возвестил Зеф, — найди мне супругу. И скажи ей, что я любил её.

— Это ошеломление, — бросил Олеандр и, оторвав от туники пальцы, метнулся за силином. — Пройдёт!

С грохотом повалились новые бочки. Шлепнулись на бока цветочные горшки и корзинки, расставленные вдоль склона-улучки. Один из дриадов выбежал на дорогу, чтобы

преградить силу пути. И зверь, недолго думая, запрыгнул ему на плечо, оттолкнулся и, шлепнув бедолагу хвостом по лицу, испарился за его спиной. Мужчину тоже окаймило серебристое свечение. Ноги его подкосились, и он рухнул наземь. Затрясся, бестолково вертя головой.

В окнах ближайших хижин разгорелись златоцветы. Распахнулись ставни. Захлопали двери. Дриады выглядывали, выскакивали во дворы, заинтересованные суматохой. Кто-то перекидывался удивленными возгласами. Другие сразу рванули к оградкам жилищ, наблюдая за зрелищем.

— Наследник! — ударили по слуху Олеандра два голоса. — Вам нужна помощь?

По подвесному мосту впереди семенил Юкка. Чуть дальше в просветах листвы виднелась лысая голова Драцены.

— Силин! — громыхнул Олеандр и ушел влево, пропуская катившуюся по дороге бочку.

Её внутренности вытряхнулись. По дороге растеклась лужа сиропа, приправленная кореньями и лепестками. Напрасно Олеандр понадеялся, что земля быстро вберёт в себя сироп. Нога проскользила. Тело повело вбок. И он врезался в прохожего, который в свой черед толкнул второго прохожего. Все трое проломил прутья забора и упали в кусты стонущим клубком.

На миг перед глазами сгустилась чернота, а чуть позже Олеандр обнаружил себя уткнувшимся в потный затылок. Фу! Спешно извинился. Отряхиваясь, вытянулся в рост и устремился в погоню.

— Ловите силу! — выкрикнул он и свернул на узкую тропу, которая утекала к пятаку.

Там поселенцы затеяли танцы. Там среди десятков ног и мелькал синий хвост-метёлка.

Великий Тофос, пощади! Олеандр ворвался в толпу. Резанули по ушам дудки, поддерживаемые звяканьем бубнов и хлопками. Мелодия звенела в воздухе громом суматошных нот, заводила толпу. Кто-то подхватил его руки, прокружил раз, второй, третий.

Одно смеющееся лицо сменялось другим. Бряцание монет на юбках девиц раздражало. Бесили шелковые платки, извивающиеся вокруг волнами. Покрывало ниспало на лоб, Олеандр тут же сорвал его. Швырнул в музыканта, который, пританцовывая, подкрадывался к нему со свирелью у губ.

Швырнул — и припал к земле. Прополз на четвереньках и узрел, как силин удирает вверх по дороге.

Тычок ноги пришелся в бок. Олеандр стиснул зубы, запирая рвавшиеся на свободу ругательства.

Одному Тофосу ведомо, каким чудом он вырвался из галдящей толпы. Казалось, не пару мгновений он там пробыл, а пару лет. Казалось, его пережевали и выплюнули. Но он все равно ринулся в погоню.

С Юккой они сошлись на перекрестке и едва не стукнулись лбами. Драцена подросла позже. И шесть вспышек света соскочили с пальцев трех пар рук, озарили листву и воздух зеленою чар.

Десятки лиан, опутавших деревья и кустарники, ожили и изогнулись хлыстами.

— Вместе! — крикнул Олеандр.

И лианы со скоростью ветра устремились к зверю. Одна за одной они свивались в кольца. Скручивались, пытаясь опутать и зажать изворотливую тушу. Но силин словно всю жизнь с удавками боролся. Он кружил, прыгал из стороны в сторону, уворачиваясь и

выскальзывая из петель.

Снова загрохотали переворачиваемые бочки. Тучи лепестков и пылищи взвились в воздух.

Олеандр чувствовал, что вот-вот вспыхнет и пустит из ушей пар, как перегретый над огнем котел.

— Дурман!

Хранители вняли зову. Лианы взмыли к стволам, в тот миг как листья на предплечьях Олеандра ощерились. Кожу ладоней перекрыло сотканное из коры полотно. Он растопырил пальцы, дозволил чарам покинуть плоть. Зелёные нити стекли с рук, окольцевали сучья по бокам тропы.

Мысленный приказ — и сучья отогнулись и застыли дугами, дрожа от натянутого напряжения.

— Бросок!

Горстка семян полетела навстречу силину. Раздался треск, потом — поочередные хлопки. Розоватая пыльца развеялась над тропой, мерцающая и переливаясь на солнце. Олеандр задержал дыхание. Сглотнул. И ослабил хватку. Сучья рывком распрямились, поднимая ветра, которые сдули пыльцу в сторону рогатой макушки силина. Зверь тряхнул мордой. Чихнул. И всё.

И всё, твою ж деревяшку! Лапы потащили его дальше. К лекарням, где недавно лежала Спирея.

— Да что с этим зверьём не так?! — выпалил Олеандр в угоду гневу. — Что хин, что силин, Боги!..

— За ним? — спросил Юкка.

— Обожди, — Драцена коснулась его плеча. — Господин Олеандр, похоже, он несётся в...

— В сторону моей хижины, — докончил за неё Олеандр и добавил: — Юкка! Беги за ним, гони его в тоннель. Мы с Драценой пойдём к другому входу, попытаемся его перехватить.

— Понял.

Юкка взмахнул подолом плаща и рванул за силином. Драцена и Олеандр сошли с тропы, затерялись среди деревьев. Он спрыгнул с земляного уступа. Подал ей ладонь, помогая слезть.

Вскоре среди листвы замаячила крыша дома. Сознание полоснуло воспоминанием, словно он позабыл о чем-то важном. Отложенная в памяти пометка дала о себе знать. Эсфирь! У Олеандра аж дыханье перехватило. Он выбежал во двор. Отметил, что из дома Крылатое Недоразумение не выходило. До сих пор спит? И огляделся. Слева высилась хижина. Справа — тоннель.

— Плети сеть, — Олеандр поглядел на подоспевшую Драцену через плечо. — Мастерим ловушку.

Лианы сползли с древесных стволов, подхваченные чарами. Скрутились в нехитрую сетку: дернешь за концы, и она сомкнется капканом. Сеть плавно опустилась и укрыла дворик.

Завитки ушей раскрутились. Олеандр весь обратился в слух, прячась за стенкой тоннеля.

— Внимательно, — бросил он, и Драцена закивала, затаила дыханье, вслушиваясь в шорох.

Ветви затрещали совсем близко. Еще раз. Еще. Еще. Силин вылетел на свет.

— Давай! — выкрикнул Олеандр.

Безмолвный приказ — и лианы оторвались от почвы, затачивая зверя в невод, как пойманную рыбу.

— Ну вы и дурни! — прозвучал из темноты шипящий голос. — Шерстяную метлу поймать не можете?

Олеандр заглянул в тоннель. И отпрянул. Струя отравы прыснула оттуда, стрелой вонзилась в спину силина.

— Боги! — Воздух с хрипом вырвался из легких Драцены, когда зверь пискнул и с глухим шлепком упал.

Чары сгнули. Сетка оседала, погребая силина под завитками лиан. Над его тушкой вилось облако ядовитого тумана. Кончик хвоста еще трепыхался. Глаза-блюдца скрылись за веками.

Истошный женский визг разнёсся по округе.

Рубин ступил во двор и приложил ладони к ушам, сокрытым под остроконечным капюшоном.

— Как жестоко! — Драцена кинулась к зверю, разгребла лианы и тронула усатую морду. — Жив.

— Жив... — выдохнул Олеандр, внушая себе не идти на поводу ярости, направить мысли в иное русло.

Не получилось:

— Ты рехнулся? — гаркнул он на Рубина.

Драцена тоже хотела высказаться, но осеклась. Надрывный женский вопль снова прокатился по двору.

— Ой, да заткните вы ее уже кто-нибудь! — прокричал Рубин.

Только теперь Олеандр осознал, что у крыльца собрался рой собратьев. Один из мужчин прижал сирену к груди. И она уткнулась лицом в его тунику, дрожа и тихонько всхлипывая.

— Тебе в хор записаться бы, милая, — Рубин тряхнул пальцами так, словно смахивал грязь.

Он подплелся к силину пьяным шагом. Пихнул его мыском сапога и поймал неодобрительный взор Драцены.

— Какие мы нежные, — с издевкой проговорил Рубин. Рукава его накидки закатались, обнажая ядовито-рыжую чешую на предплечьях. — Девушка-хранитель? Серьезно? Нелепость!

— Не тебе о том судить, — Олеандр вытер со лба льющийся градом пот.

Рубин хмыкнул. Присел на корточки и уперся локтем в колено. Ослабился, разевая клыкастую пасть, и с издевательским «чирк» лизнул нос Драцены узким раздвоенным языком.

Вот ведь дурень! Олеандр раздраженно провел рукой по щеке.

Драцена даже не дрогнула. Она стянула с плеч накидку, закутала в неё силина и отошла к крыльцу.

— Куда же ты, дорогая? — загоготал Рубин. — Видишь ли, красота — порок, а я — великий грешник!

— Хорош придуриваться! — В Олеандре снова заклокотала ярость. — Довольно!..

Он так и застыл с открытым ртом. Перед внутренним оком промелькнуло лицо

архихранителя. Захотелось срочно прополоскать горло и сплюнуть прилипшее к языку словечко, которое так любил Аспарагус, в ведро.

— Наследник! — прозвучал совсем рядом бархатный голос, горьким ядом просачиваясь в душу.

Твою ж!.. Нет, ну как такое возможно?! Только помяни Стальное отродье в маске — и оно тут как тут.

— О-о-о, — протянул Рубин, разгибая колени и вытягиваясь в рост, — стальная братва подросла!

И правда. Следом за Аспарагусом ступал его бывший сослуживец — Каладиум, отец Фрезии. У двора они поравнялись. Переглянулись и вышли к разворошенной сетке рука об руку, меч к мечу.

Жаль, никаких признаков грома и молнии на небе не наблюдалось.

Пока Аспарагус разгонял зевак, Каладиум оглядывал дом с видом существа, привыкшего глядеть на всё и вся свысока. Его рука упиралась в бедро, чуть комкая золотой плащ. Одна полоска щетины делила подбородок надвое, вторая тонкими усами оттеняла по-детски надутые губы.

— Дивно, дивно... — елеиный тоном пропел Стальной Палач, Меч Правосудия, Золотой Кинжал, Потрошитель...

Прозвищам, которыми наградили Каладиума, конца не имелось.

Если Аспарагус служил Стальному Шипу глазами и ушами, Каладиум — безотказным орудием расправы. При виде первого дриады спешили раскланяться и спрятаться в хижинах, при встрече со вторым — вытягивались по струнке и замирали, будто заледеневшие прутья.

Ныне все пошло схожим путем. С единственным отличием: поселенцы явно запутались. Одни удалились, только и сверкая каблуками сапог. Другие застыли, страхась моргнуть.

И последних Аспарагусу пришлось едва ли не силком выпихивать со двора.

Олеандр не относил себя ни к беглецам, ни к закоченевшим. Хотя на вторых все же походил больше. Он вмиг ощутил себя червяком, по воле злого рока оказавшимся подле когтистых лап грифона. Вот и угораздило же его породниться с Палачом в шкуре тонкокостного мужчины, которому танцы с мечами отплясывать бы, но уж точно не отсекаль головы.

— Мой будущий зять, — Каладиум посмотрел на него в упор, и взгляд этот словно вытягивал из тела силы. — Счастлив видеть вас в добром здравии. Хвала Тофосу, беда миновала. Вы живы.

Тонкая рука с окольцованными пальцами протянулась к Олеандру. Ничего не поделаешь, на приветствие пришлось ответить. К счастью, потом никто не помешал отвести кисть за спину и обтереть. Зелен лист, он бы лучше окунул ее в чан с горячей водицей и отмыл с мочалкой.

Но, как говорится, пустому столу и иссохший листок послужил украшением.

— Ой! — Рубин рыгнул и выпустил изо рта тучку дыма. — Извиняйте, господа.

От него смердело гарью, табачными листьями и выпивкой. Не вином. Чем-то едким, вроде глушницы. Из любопытства Олеандр как-то раз ее вкусил и едва отдышался, чудилось, сгорая заживо. На вкус она оказалась паршивой. Все равно что кипяток, приправленный перцем.

— Пьянь ядовитая, — прошипела Драцена, но в наступившей тишине ее услышал каждый.

— Грубовато, — буркнул Рубин под тяжелый вздох Аспарагуса. — Хамка ты, знаешь...

На ладони Каладиума вспыхнул зеленый огонек чар, который тут же спрыгнул наземь и впитался в листок:

— Болтает сын Цитрина много, истинно? — вымолвил и закатал рукава, недобро ухмыляясь. Он повысил голос: — Рубин, будьте любезны, умолкните!

В тот же миг лист вспорхнул и накрепко приклеился ко рту Рубина. Тот ошалело моргнул и принялся сдирать кляп.

— Каладиум! — вскрикнул Аспарагус.

— Аспарагус. — Поклонился ему тот.

— Рубин! — Олеандр поспешил на помощь приятелю.

— Зефирантес!..

Чего? А он тут откуда взялся? Олеандр повернул голову к дому. Аспарагус и Каладиум тоже. Зеф топтался под крышей веранды и почесывал щетину. Выглядел он лучше — следы ошеломления исчезли.

— Эм-м-м, — проронил он. — Извините, думал, вы перекличку затеяли. Ошибся, видать.

— Мило. — У Аспарагуса задержался единственный видящий глаз.

Бред какой-то! Олеандр сглотнул и медленно втянул носом воздух. Еще разок, еще и еще.

— Так, — начал он, взывая к рассудку и собирая мысли в кучу. — Мы ловили силина, и я...

Слова повисли на кончике языка, по двору ураганом разлетелся шипящий вопль:

— Я убью тебя! — Рубин откинул сорванный кляп и придавил каблуком сапога, растирая в кашу.

Остроконечный капюшон сполз с его макушки, выявляя лицо с вздувшимися заалевшими венами. Его клыки оголились. Правая ладонь сжалась в кулак и вспыхнула пламенем.

Тишина сомкнулась над двором. На лицах Зефа и Драцены застыл откровенный ужас. Аспарагус дёрнул щекой.

Даже Каладиум пошатнулся — видимо, врожденный страх огня пошатнул годами оттачиваемое умение скрывать чувства, перенятое у океанид.

— Вы ко мне обращаетесь? — оживился он и ткнул себя пальцем в грудь.

— Никто. Не смеет. Затыкать. Мне. Рот! — брызжа слюной, проорал Рубин. — Никто! Смекаешь?!

Он тяжело дышал, сжимая и разжимая огненный кулак. Из раздутых ноздрей вырывался дым, белки глаз покраснели, почти слились с алой радужкой.

Олеандр сделал осторожный шаг к Рубину. Для верности поднял руки к ушам, давая понять, что нападать не собирается.

— Э-эй, дружище! — Голос предательски срывался на писк. — Ты чего распалился-то? Ты ведь сознаешь, что можешь натворить? Ты ведь не хочешь никому вредить, я прав?..

Еще шаг.

— ...Ты нарушаешь закон, Рубин, слышишь? Не мне тебе рассказывать, что разжигать пламя в лесу запрещено...

Шаг.

— ...Посмотри на меня!

— Не приближайтесь. — Рука с серебряным перстнем сжала плечо Олеандра и потянула назад.

Перед взором возник зеленый плащ со стальными шипами на плечах. Аспарагус заслонил Олеандра спиной и очертил в воздухе жест, приказывающий хранителям не обнажать оружие. Запоздало. Мечи с лязгом покинули ножны. И Рубин бросился в атаку. Его плащ вздымался над головой, словно капюшон дикой кобры. Пламя на кулаке разгорелось яростнее, опалая воздух.

Златоцветы на стволах беспокойно замигали и сомкнули лепестки в бутоны, защищаясь от жара.

Глаза Олеандра защипало от близости огня. Картинка поплыла, как если бы подёрнулась маслянистой взвесью. Он смотрел то на друга, то на будущего тестя, раздираемый желанием положить зарождавшемуся безумию конец, раздавить в зачатке как почку, пока она не распушила листья.

— Рубин, переста...

Слова приглушила потная ладонь, прикрывшая рот.

— Даже не думайте, — отрезал Аспарагус. — Вы не приблизитесь к Змею. Он не владеет собой.

— Мф-ф, — пропыхтел Олеандр, силясь оторвать руку от своего лица.

Рубин размахнулся для удара и получил ступней по животу. Отскочил. Споткнулся, но устоял.

— Сын Цитрина, — Каладиум уже шёл по кругу, голос его звучал так, будто он оглашал приговор, — я взываю к вашему благоразумию. Отец ваш приходится давним другом Антуриуму, владыке клана дриад. Одумайтесь. Не марайте доброе имя отца столь омерзительным поведением.

— Цитрин вырастил меня, — Рубин рывком сдернул плащ и откинул, — а отец мой — феникс!

В свете огня просияли шипы, усеявшие его безрукавку, из-под которой выглядывала кольчуга.

Каладиум пятился к крыльцу дома, расстегивая брошь-цветок под воротом золотой накидки. Он двигался плавным, легким шагом, отведя свободную руку в сторону и едва ли мизинец не оттопырив.

— Ну и убожество! — Рубин издевательски расхохотался. — И это знаменитый Стальной Палач? Тот самый Потрошитель? — Его повеселевший взгляд снова уперся в Каладиума. — Извиняй, дорогуша, но тебе бы с девками на сеновале кувыркаться. Толку побольше будет. Да и удовольствие получишь.

— Дуэль! — выкрикнул Каладиум. — Свидетелей достаточно, полагаю?

Хотя никто и не отозвался, Олеандр едва не припал к земле, чтобы побиться об нее лбом.

Рубин с разбегу прыгнул на Каладиума, взмахивая огненной рукой и целясь в скулу. Промазал. Палач выгнулся назад и молниеносно закружился, ускользя от пожирающего пламени.

— Падла! — Рубин отскочил, опустил руку за шиворот, и в пальцах сверкнуло что-то острое.

Каладиум склонил голову к плечу. Остроконечная звезда просвистела у его шеи и вонзилась в дверь хижины.

Еще и дом изуродуют! Олеандр скрипнул зубами, тщаь вырваться из стальной хватки.

— Ва отвисти вже веня! — Он с силой наступил Аспарагусу на ногу, за что получил ребром ладони чуть выше локтя.

Боль ледяной волной захлестнула разум, затапливая ростки всяких мыслей и намерений. Олеандр взвыл и рухнул на колени. Перед глазами запрыгали угольные мошки-точки.

— Прошу прощения, — промурлыкал Каладиум, — могу я узнать, кто был вашим мастером?..

Рубин снова замахнулся кулаком. Не ударил. Раньше ушел в сторону, спасаясь от брошенной в глаза пылицы.

— ...Право, на ореадов не похоже. — Уголки губ Палача подрагивали, стягивая с лица улыбку. — Столь агрессивная манера фениксам присуща. Но... Для бойца с Ифлога вы несколько туповаты...

Глаза Рубина поглотила краснота. Вены на висках извивались, как если бы под кожей его прокладывали путь насекомые. С уст слетел клетот. Он подскочил, заводя кулак за ухо.

Каладиум вскинул руку, охваченную зеленью чар. И лепестки полетели с его пальцев, ураганом закружились перед Рубином.

— Одумайтесь, не сын Цитрина. — Каладиум присел в выпаде, из-за рукава в ладонь юркнул кинжал.

— Катись в пекло!

Рубин зашипел, изжигая лепестки взмахами кулака. Нанес короткий удар, но рассек воздух. В тот же миг по бедру его, разрезая штаны и плоть, прошлось лезвие. Он сдавленно выругался. Попятился на полусогнутых, зажимая порез. Его пламя погасло столь же скоро, сколь и вспыхнуло. Между пальцев пробивалась кровь, стекая на почву, излизывая портки и сапоги.

Рубин припал на колено, закашлялся дымом. Каладиум подступил к нему плавным раскачивающимся шагом и стащил с плеч накидку. В другой его руке поблескивал позолоченный кинжал.

— Ап! — Острие уткнулось Рубину в горло, прочертило царапину чуть левее и надавило на пухлую вену.

— Каладиум, нет! — завопил Олеандр, чувствуя, что сердце того и жди проломит ребра.

— Истинно, мой дорогой зять, — протянул тот, прикусив щеку. — Я кое о чём запамятовал.

Клинок скрылся в рукаве. Но выдохнул Олеандр напрасно — Каладиум сменил кинжал на меч. Тот самый, стальной, с шипом на рукояти, которым в эпоху правления Эониума калечил соплеменников.

— Теперь все в порядке. — Он накинул плащ на голову Рубина и затянул вокруг шеи, скручивая концы в жгут. — Главное — вовремя осознать и исправить оплошность, верно?

Рубин припал к тропе, оказываясь на четвереньках. Под его коленями растеклась лужа крови.

За какое-то утро он нарушил сразу несколько устоев клана: разжег на территории поселения пламя. Оскорбил входящего в правительственный совет дриада, а следом напал на него с огнем. Дуэль была оправдана — тут и к провидцу не ходи.

Сердце Олеандра бешено стучало в груди. Он приказывал себе думать, но мысли разбегались.

— Смертная казнь отменена! — отыскал лазейку Олеандр. — Мой отец... Владыка

клана отменил её!

— Ежели мне не изменяет память, — по лицу Каладиума скользнула тень непонимания, — указа о запрете дуэлей с иными не существует. Стало быть, мы вершим правосудие, исходя из стальных законов. В битве выживает один.

— Есть другой указ, — пискнула Драцена. — Сраженному даруется право загладить вину, принеся извинения.

Каладиум изучил её столь пристально, что она пошла красными пятнами от ушей до ключиц. Если бы взглядом можно было убить, Драцена уже бы лишилась жизни, послужив ему тушкой для разделки.

— Это так, — на трясущихся ногах Зеф спускался по лестнице с крыльца, — есть там... Как это? Поправка? Уточнение?

— Всё верно, — подтвердил Аспарагус.

Каладиум помрачнел.

— Не думаю, — после зловещего затишья вымолвил он, — что сын Цитрина сумеет принести мне извинения. Да и едва ли я соблаговолю их принять. Уж слишком тяжелы его прегрешения.

Золотой плащ соскользнул на землю, и Рубин повалился на бок сродни выпотрошенному мешку.

— Особого приглашения ждете? — прошелестел над ухом Олеандра голос Аспарагуса.

Олеандр дернул щекой. Знал он, что нужно делать. Знал, но язык никак не желал складывать буквы в слова.

Кланяться Стальному Палачу! До чего он докатился?

— Беги за лекарем! — наспех бросил он Зефу, а сам приблизился к Каладиуму, ударил кулаком в грудь и склонил голову. — Молю, прости Рубина и пощади. Он не ведал, что творит.

— Что ж, — произнес Каладиум, поглаживая полоску усов. — Признаюсь, я несколько удивлен, но... — Меч со стальным шипом опустился в ножны. — Извинения приняты.

Рождённые в древесной броне

Аспарагус мог не разгонять зевак. Они удрали бы сами, узрев перемазанного в крови наследника.

Да что там! Олеандр даже не измазался в крови, скорее искупался, позабыв об осторожности. Неприятно, конечно. Но что поделать? Кровь его не страшила. Он всего-то подсобил полудурку недофениксу. Один лоскут разодранного плаща затянул ближе к паху. Рубина, другой приложил к порезу на его бедре.

Каладиум точно ведал, куда бить. При таком ранении любой отошел бы в мир иной через пару мгновений — любой, кроме феникса, чей народ Умбра наделил даром самоисцеления.

— Ну вот и всё. — Олеандр еще разок окинул взглядом наложенную повязку и остался доволен.

Большого он сделать для Рубина не мог, поэтому просто уселся рядом в ожидании лекарей.

Вечер украдкой затмевал день, мазок за мазком иссушая палитру лесных красок. Во хлипком свету двор превратился в жуткое место, напоминавшее не то рисунок из книги о побоищах, не то картину безумного художника. Почву вокруг исписали багряные кляксы и брызги — словно огромную кисть, смоченную в алой краске, кто-то встряхнул. В двери переливалась метательная звезда. Под кустом валялись обугленные ошметки чёрного плаща, в них хозяйничал ветер.

Олеандр отвёл взор от островка травы, обмазанного кровью, и крепче прижал ткань к порезу.

— Ничего, очухаешься, — бормотал он, посматривая на Рубина. — На Стального Палача замахнулся... Додумался тоже! Seriously! Да лучше бы ты на стаю хинов в одиночку набросился!

Сетка вен на лице Рубина бледнела. Дыхание учащалось, а рана под повязкой дымилась и шипела.

Все причины его странного поведения теперь виделись как на ладони. Неспроста он прятался в тоннеле. Неспроста вышел оттуда в плаще с капюшоном. Он явно наглотался какой-то дряни, чтобы придушить в себе дракайна, а за накидкой скрыл признаки перевоплощения в феникса.

Две сущности гибрида не могли на равных правах делить плоть и разум хозяина, одна извечно поглощала другую. В цепи сотворения дракайна пребывали выше фениксов — ступили на землю раньше. Пламя никогда не изожгло бы яд, ежели бы Рубин не изловчился. Ежели бы не обездвигил змею, чтобы растрясти от спячки огневика.

К слову, высунул нос феникс очень вовремя. Ровно к тому мгновению, как грянул бой. Повезло так повезло.

Для таких везунчиков дриады прозвище припасли — Рождённые в Древесной Броне.

— Я... я убью, — неожиданно прохрипел Рубин. — Убью... тебя... убью...

— Да-да, ты уже попытался, — Олеандр коснулся его носа. Между пальцев заструился воздух горячих выдохов. — Может, хватит?

— ... сын Дуги́, — донеслось следом.

И Олеандр дернулся, как от удара. Сын Дуги́? Аон-тотутпричем?

— Гле... — заикнулся Рубин.

— Нет!

— Глен...

— Не произноси это имя!

— Глендауэр.

— Хин тебя раздери! — Олеандр отполз от Рубина. Совсем как от заразного. — Он-то тебе на кой сдался?! Это о нем ты хотел со мной поговорить? Вы ведь даже не знакомы! Или я чего-то не знаю?

— Не знакомы, — сквозь стиснутые зубы прошипел Рубин. — Хочу узнать о нём больше.

— Зачем, Боги?!

— Нужно, — пропыхтел Рубин и тише добавил: — Прости. За драку. Я виноват и раскаиваюсь. Могли пострадать не...невинные...

Чушь хинова! Рубин врал как дышал. Сожалеет он? Да ну! Его заботила сохранности лишь собственной жизни, на остальных он плевал с верхушки дерева.

— Ты лжешь, — скрежетнул Олеандр.

— Я не...

— Не умеешь врать. Это я понял. Мне любопытно иное: почему ты желаешь Глен... сыну Дуги смерти?

Повисшая тишина раздражала. Похоже, Рубин очнулся в лёгком бреду и сболтнул лишнего. От сочного пинка его спас шелест шагов. Олеандр оглянулся и устало вздохнул.

— Аспарагус, — буркнул он и отвернулся. — Зачем вернулся? Ускакал за Каладиумом? Вот и возвращайся к нему. Посидите там, возродите в памяти былые деньки на службе у Стального Шипа, а меня оставьте в покое. Благодарите Тофоса, вам не придется смотреть в глаза Цитрину, рассказывая, что его названный сын мёртв. И... да, правитель обо всем узнает, не сомневайся. Дерзнул поднять руку на наследника? Что ж, заплатишься. Если бы не ты, я бы в два счета пресек дуэль!

— Интересно, — растекся по двору бархатный голос. — Ваш отец...

— Владыка Антуриум.

— ...извечно возвещает, что его дражайший сын наделен притким умом и даром предвосхищать последствия каких бы то ни было поступков. Своих или чужих — не столь важно.

Олеандра обдало ветром благовоний, терпких, с примесью чайных нот. Похожие раскуривал отец.

— Так ответьте мне, наследник, — Аспарагус явился взору и скрестил руки на груди. Зелень его камзола не оскверняла и полоска крови. — Сколь часто вы обращаетесь к гласу рассудка, прежде чем свершить какое-либо деяние? Не считаете ли вы, что предотвращение минувшей дуэли — далеко не самая блестящая из ваших идей?

Достойных ответов на уме Олеандра вертелось полчище. Но каждый из них продлил бы беседу, превратив её в игру «Кто кого изящнее унизит». Не говоря уже, что препирательства отжимали силы, которые и так сгинули.

— Чего ты хочешь, Аспарагус? — спросил Олеандр, стараясь не думать о том, что проявил слабость. — Желаешь поупражняться в острословии? Так я тебя огорчу, соперника ты избрал неважного. Я очень устал. Правда.

— Вижу. — Аспарагус почти не скрывал насмешки. — Посему и намерен оказать вам

помощь.

К предплечью Олеандра потянулась горячая рука, а затем листьев коснулись два пальца, даря ощущение свежести и восполнения утраченных чар. Он резко обернулся и, боясь пошевелиться, дважды тряхнул головой, всеми силами пытаясь осмыслить увиденное. Зеленые паутины чар опутывала предплечье виток за витком, впитываясь в листву и испаряясь.

Разум переваривал узорное медленно. А когда переварил, в голове будто пожар разгорелся.

Безумие! Вздор! Нелепость! Устои клана дриад возбраняли раздел чар между теми, кто не приходился друг другу родственниками! В Эпоху Стальных Шипов за такой проступок отрубали руки, приравнивая его по тяжести к супружеской измене!

Конечно, ныне варварский закон канул в небытие, но!..

В сознание Олеандра вонзилась следующая мысль: «Аспарагус попирает стальные традиции!» А затем еще одна: «Чего застыл? Немедленно отпихни его!»

— Еще немного, — вымолвил архихранитель с твердостью, какую обычно проявлял отец Олеандра.

— С у-ума сошел?!

Олеандр до того лихо выдернул руку, что не удержал равновесие и повалился на спину. От резкого восполнения чар заныли зубы. Горло засадило, как если бы он залпом осушил кувшин с кипятком.

— Напоминаю, — прилетело сверху, — что не так давно вас едва не отравили. Молю, не растрачивайте колдовство. Право, наследник, уж точно не на пустую беготню за силином.

— Не понимаю тебя, — просипел Олеандр, глотая ртом, казалось, пропитанный пламенем воздух. — Что ты творишь?! Сначала молчать просишь, потом драчунов не позволяешь разнять, а теперь вдруг чарами со мной делишься. Какую игру ты ведешь? Чего хочешь?

— Лекари подросли.

Рядом послышалось сдавленное хрипение. Олеандр покосился на стонавшего Рубина и шумно выдохнул, заталкивая поглубже наводнявшие голову проклятия и ругательства. Все равно брань улетела бы в пустоту — архихранителя уже и след простыл.

Во дворе топтались целители. Они явились на зов втроём. Двое виделись Олеандру ровесниками — явно поступили на службу недавно. А вот третий, Мирт, трудился на благо клана еще в эпоху Стальных Шипов. В ниспадавшей на тропу белой мантии, опираясь на кривую деревянную трость, он выделялся среди помощников и казался старым, очень старым. Его седые лохмы торчали из-под сетки для волос.

— Благого вечера, наследник. — А голос наводил на мысли о ножах, соскребающих древесную стружку.

Олеандр коротко кивнул. Поднялся и отступил к хижине. Замыслы по возвращению в дом отца рассыпались прахом. Отдать Рубина на растерзание Мирту он не посмел — не горел желанием узреть потом заколоченный гвоздями гроб, в котором заточили тело приятеля.

К прискорбию, Мирт порой ошибался. А во времена Эониума и вовсе совершил роковую оплошность: во всеуслышание заявил, что дочь Стального Шипа, Азалия, никогда не познает счастья материнства. Невозможность родить дитя в клане дриад приравнивалась к невозможности выйти замуж. Желающих породниться с дочерью Эониума резко

поубавилось. И Азалия рискнула всем. Нашла утешение в запретных объятиях океанида. Итог: отречение от рода и подавление чар, клеймение и изгнание.

Казалось бы, история закончилась. Но нет. Позже Эониум узнал, что заблудшая дочь породила двойняшек-вырожденцев.

Жизнь Мирта повисла на волоске. Стальной Шип приговорил его к казни через обезглавливание. Не убил. Попросту не успел, потому как погиб раньше, чем Каладиум отсек седовласую голову от тела.

И бразды правления пали в руки Антуриума, ярого противника насилия и смертной казни.

Поразительное стечение обстоятельств. Поразительное везение.

Ежели поразмыслить, Мирт тоже родился в древесной броне.

— Я рядом, — сказал Олеандр скорее себе, нежели Рубину и лекарям.

Сказал и ступил на веранду. Из дома не доносилось ни звука.

Эсфирь до сих пор спит, что ли? Зайти к ней? Нет? Пожалуй, не стоит привлекать внимание.

Олеандр прошёл к запыленному столу и улегся на него, чтобы дать гудящим костям немного отдыха. Колесики разума закрутились, оценивая угрозу. Ему не пришлось собирать себя по частям после урагана пересудов — к слову, дело это муторное и безотрадное. С вопросами соплеменники на него не накинулись. Значит, об Эсфирь до сих пор знали двое: Юкка и Драцена.

Фух! Иначе не доказал бы Олеандр никому, что хотел помочь девчужке. Годами отмывался бы от обвинений распутстве. А что сказала бы Фрез? Боги! Да он даже думать с том страшился!

Бревенчатый настил, укрывавший пол, содрогнулся от топота. Олеандр силился открыть глаза, но не мог. Веки налились тяжестью. Разум обуяло неукротимое желание забыться во сне и окунуться в прошлое. И уснуть почти удалось. Он ощутил прикосновение материнских рук.

Но густой бас выдернул его из забвения:

— Вымотался совсем, ага?

Следом на грани сознания задрезжали и обрывки чужих разговоров. Олеандр снова ощутил жесткость стола. Дуновения ветра, гулявшего в волосах. Нагретое дерево под подушечками пальцев.

— Живой? — И незначительную тряску, стоило Зефу приблизиться.

— Живой, — Олеандр размял затекшую шею. — Силин?..

— Очухался. Драцена с Южкой накапали ему на нос какой-то дряни и выпустили в лес.

Что ж, одна проблема разрешилась. Хорошо.

Олеандр разлепил веки и узрел навес веранды. Ускользавшие лучи солнца просачивались сквозь изломы прутьев, разрезались на нити и расписывали пол узорами-клетками.

Устроившись на стуле, Зеф запихнул в рот чуть ли не целую ветку с ягодами и зубами стянул их с грозди с таким звуком, будто у гитары полопались струны.

— Ладно! — Олеандр похлопал себя по щекам и стек со стола. — Не время разлеживаться!

По телу медом разливалась усталость. Снова захотелось спать. Ненадолго. Запах

лекарственных трав забил ноздри и рассеял пелену забывтья.

Солнце почти уползло за кроны, а целители до сих пор суетились вокруг Рубина. Мирт что-то отчаянно втолковывал помощникам, среди вороха нескладных звуков отчетливо различались и повторялись слова: «Он не жилец».

И Олеандр тут же ринулся во двор.

— Мирт! — окликнул он лекаря, спускаясь по ступеням крыльца. Морщинистое лицо старика повернулось к нему. — Что происходит?

— Сын Цитрина не выживет, наследник, — сипло произнес Мирт. — Вы славные потрудились, но...

— Почему не выживет? — парировал Олеандр. — Его рана начала затягиваться, кровь восполнялась.

Мирт невозмутимо пожал плечами.

— Чутье.

Чушь хинова! Больше глупости Олеандр в жизни не слышал. Целительство не являлось собой ремесло, которое позволяло дриадам полагаться на шестое чувство. Знания и опыт — вот на что лекарям должно было делать упор, занимаясь искусством врачевания.

— Простите, могу я с вами поговорить? — Один из помощников между тем отвел Олеандра в сторонку и зашептал на ухо: — Ежели позволите, наш наставник не совсем точно выразился. Когда мы подросли, сын Цитрина действительно выглядел на удивление сносно, но... — Парень положил свою коричневую, как древесная кора, ладонь Олеандру на плечо. — Простите, наследник, но едва ли он выживет.

— Хоть ты поясни.

— Поглядите сами.

Сознаться, Олеандр проникся к молодому лекарю уважением, хотя и знать не знал, кто он. Раздражение поутихло, уступая место заинтересованности и беспокойству.

Лучше один раз увидеть, нежели сто раз услышать. Все верно!

Олеандр присел на корточки и прикоснулся к окровавленным пальцам Рубина. Холодные! Понижение температуры говорило не столько о кровопотере, сколько о том, что феникс задремал и уступил право контроля над плотью дракайну.

Дыхание Рубина участилось. Кожа приобрела синюшный оттенок, по лбу и вискам ручьями скатывался пот.

Похоже, дракайн выполз из норы в тот миг, когда феникс принялся излечивать хозяина.

Твою ж!.. Вот чем опасны игры с сущностями!

— Агрх! — Олеандр до скрежета стиснул зубы, что не способствовало ясности мышления.

Трясущейся рукой стащил с ворота туники брошь-трилистник. Отогнув медную иглу-застежку и вонзил Рубину в подушечку указательного пальца. На коже выступило пятно крови. В остальном тело никак не откликнулось на раздражитель.

— Треклятый полудурок! — Олеандр размахнулся и в сердцах швырнул брошь в кусты.

По жилам растекалось пламя праведного гнева. Руки так и тянулись к ядовитому недоумку в стремлении придушить.

Нет, ну а что? Рубин быстро отойдет к праотцам, а заодно в кои-то веки свершит благое дело и окажет другу честь — Олеандр самолично прикончит его за невиданные тупость и высокомерие.

— Может, еще выкарабкается, — сдавленно пролепетал Мирт, растирая заспанные

глаза. — Но... вряд ли, конечно. Разве что у вас в хижине припрятан божественный целитель.

— Мне нужна каменная пыль! — нашёлся Олеандр. — Дракайны ненавидят камень, не переваривают и...

Он осекся. Зеф и целители глядели на него так, словно узрели за спиной стаю хинов во главе с призраками умерших предков. Мирт попытался что-то спросить, но из горла вырвался один хрип.

— ...Просто принесите пыль, — добавил Олеандр. — Я попытаюсь отравить дракайна и вытащить феникса.

— Понял. — Зефирантес кивнул и опрометью ринулся исполнять просьбу. — Скоро вернусь!

Оставалось надеяться, что с такой заурядной задачей, как поиск каменной пыли, он справится влет.

Зеф не оплошал. Олеандр едва успел оттереть с ладоней кровь, когда перед ним плюхнулся мешок, доверху набитый рыхлой смесью горных пород с явным преобладанием мориона.

— Ты что, к скалам бегал?! — изумился он, раздумывая, не прикидывается ли друг дурнем, а в сущности может вполне сносно соображать, ежели малость поднапряжется.

— Из лачуги прихватил, — Зефирантес взмахнул рукой, едва не пришибив щуплого лекаря. — Рассудил, что обычный песок не сгодится. Дракайны подле пустыни живут. У них это... как его?

— Невосприимчивость к некоторым видам камня, — подсказал Олеандр. — Откуда знаешь?

— Книжки читал.

Серьезно?! Зефирантес и книги, книги и Зефирантес. Диво дивное, — заметил бы Каладиум.

Рубина было решено занести в дом и переложить на что-то помягче древесного настила и почище запекшейся лужи крови. Мирт поворчал, что все потуги спасти сына Цитрина бессмысленны и надо бы заняться омовением тела, но противиться воле наследника не рискнул. Его помощники подняли носилки и слаженным шагом принялись отступать к хижине.

Олеандр плелся слева от ноши, прижимая к носу Рубина клочок плаща, обсыпанный морионовой пылью.

— А что с девицей той? — вдруг спросил Зефирантес, поравнявшись с ними.

— О ком ты?

Они миновали лестницу на крыльцо.

— Мне Драцена рассказала, — заговорчески шепнул Зеф.

Он отвел предплечья в стороны и усердно замахал ладонями, то ли подражая какой-то птице, то ли попросту тронувшись умом. Его потуги смотрелись жутковато, учитывая, что шаровары и подол плаща насквозь пропитала кровь. Он сжал кулаки. Отогнул указательные пальцы и стоймя приложил к ушам, очевидно, изображая рога. И вприпрыжку заскакал по веранде, грозясь проломить пол.

Олеандр отступил от бесноватой туши, но уперся бедром в носилки со вторым полоумным приятелем и выругался.

Боги! С кем он общается?! Один краше другого!

А Зеф... Он на Эсфирь намекает, что ли?

Краем глаза Олеандр заметил на висках лекарей капли пота. Крепкими телами целители не отличались, а кольчуга и шипы на одеянии Рубина добавляли ему веса.

— Что-то не так? — Мирт почесал седую макушку.

— Дальше мы сами справимся, — возвестил Олеандр. — Вы свободны, благодарю за помощь.

Лекари в недоумении переглянулись. Мирт смерил его оценивающим взором и прищурился.

— У вас в доме кто-то есть? — Его голос сочился подозрениями. — Кажется, я что-то слышал...

— Так это птица моя! — встрял Зефирантес. — Попросил вот наследника за ней приглядеть и...

— Какая птица? — Мирт ошалело моргнул.

— Белокрылая. С рогами.

Боги! Олеандр закатил глаза, тогда как за стенами хижины и впрямь что-то гроыхнуло. Лекари снова переглянулись.

— Очень буйная птица, — добавил Зеф.

Или ее хладное тело с переломанными ногами и свернутой шеей.

Мнилось, воздух подле дома заледенел и застыл в ожидании. От Мирта так и несло притворным отступлением. Губы его больше не размыкались, но на лбу почти что горели слова: «Надо бы поведать о птичке Аспарагусу». В звенящей тишине лекари сошли с крыльца и затерялись среди деревьев.

— Спасибо. — Внутри Олеандра всё колотилось и тряслось от перенапряжения.

— Да чего уж там, — проговорил Зефирантес, и они подхватили носилки с Рубином.

Во власти искажённого восприятия

Изувеченное девичье тело, к счастью, в доме не валялось. По комнате, так и сяк подступаясь к опрокинутому креслу, скакала вполне себе живая и невредимая белокрылая птица с рогами.

Стоило Олеандру и Зефу занести Рубина в хижину, Эсфирь вскинула голову. Тряхнула шевелюрой, рассеивая запах серы и копоти.

И застыла. Все такая же неказистая и тщедушная. Окаймленная призрачным сиянием, которое словно подсвечивало её, обволакивало солнечным контуром. Буря чёрных кудрей спутывалась с рогами-волнами, доходила ей до поясницы. Пепельный узор вен отчетливо выделялся белизной кожи, изрисовывал её кривыми линиями и завитками.

Не девушка — ночное видение! Кошмар наяву!

Эсфирь сдвинула брови. Ее взгляд уперся в Рубина, который потугами двух пар рук уже возлежал на кровати. Олеандр только поправил ткань с пылью, прикрывавшую нос приятеля.

— Он жив? — спросила Эсфирь, а потом сама же ответила: — Да, жив, но близок к смерти.

Как она это поняла? Олеандр оглянулся и замер, пронятый не то её сиянием, не то переливами голоса. Да. Эсфирь при первой встрече вызвала у него интерес. Но ныне она источала дурманящее очарование. Вынуждала едва ли не преклонить колена, клясться в вечном служении и сердцем, и клинком.

Что за несуразное чувство? Откуда взялось? Назвать Эсфирь красавицей у Олеандра язык до сих пор не поворачивался. Куда сильнее она походила на призрак — на воплощение ночного страха.

И Зефа пробрало. Он переминался у двери, будто страхась нырнуть в хижину, и глядел на Эсфирь как на потерянное и вновь обретённое сокровище. Пятна смущения облепили его лицо до завитков ушей.

— Это ваш дом? — спросила Эсфирь, созерцая цветочные узоры на полу. — Вы принесли меня к себе?

— Что? — Олеандр моргнул, чувствуя, как сердце заходится в пляске. — А!.. Да, принес. Вроде бы.

— Большое вам спасибо. — Она тепло улыбнулась, поклонилась и продолжила: — Я хорошо помню вашу драку с тем худым господином-тенью в костяном наморднике. Еще помню, как упала, как вы обняли меня и взяли на руки, а вот потом — пустота.

— Не благодари. — Он не произносил, скорее, шептал. — Я мог тебе помочь. И помог.

— Спасибо.

Щеки Олеандра обжег румянец. Очертания Эсфирь помутнели и расплылись от наворачившихся слез.

— Вы долго, — проговорила она с ноткой обиды. — Я тут давно сижу. Побоялась выходить...

И слава Тофосу, что побоялась!

— В прошлый раз мы толком не поговорили. — Олеандр моргнул. — Я, похоже, напугал тебя. Разозлился... Прости... Как ты очутилась у Морионовых скал? Ты кочевница?

— Не знаю. — Чернокудрая голова склонилась набок. — Извините, но я все ещё не могу ответить на ваши вопросы. Я мало что помню. Помню, как проснулась в пещере, заваленной

камнями. Но одна женщина помогла мне выбраться. Она как вы, думаю — тоже ветками махала. Потом убежала, я только золотые глаза рассмотрела. Ах, да! С ней еще мужчина был.

Речи Эсфирь расставили всё по местам. Вот почему у скал тогда разломанные булыжники валялись. Зелен лист, дриады опутали их лианами и оттащили от прохода в пещеру, чтобы помочь пленнице.

Но что за парочка прогуливалась ночью у чёрных скал? Почему они скрылись? Узрели хина и испугались?

И помалкивают ведь. Днём Олеандр полпоселения облазил, а шепотки о крылатой девице слуха не тронули. Очень странно. И подозрительно, ведь в лесу той же ночью мёртвое тело Спирей нашли.

Нашли в роще. Где-то близ Морионовых скал. Совпадение?

— Погоди-ка! — опомнился Олеандр. — Мало что помнишь? Что это значит?

— То и значит, — Эсфирь пожалала плечами. — Я помню, как очнулась в пещере. Помню всё, что случилось после. А вот до...

— Помнишь, кто ты?

— Эсфирь. А как вас зовут?

Да не о том Олеандр спрашивал, Боги! Он скрипнул зубами. И, к своему изумлению представился:

— Олеандр.

— Дарованное вам имя ласкает слух, — пропела Эсфирь, и он покраснел пуще прежнего.

Да кто она такая, в самом деле? Одним присутствием довела двух взрослых дриад до смятения. И ладно бы только Олеандра, но Зефирантес!.. Он вообще, чудилось, зачоченел, напоминая холст, на который разлили ведро с алой краской. Какими чарами нужно обладать, чтобы пробить броню этого гиганта? В кругу девиц он изредка тушевался, но столь потерянным и взволнованным не выглядел никогда. Никогда! Ни разу!

— А я Зе... Зе-фи-ран... — запинаясь на каждом слоге, забормотал приятель. — Зе-зефирантес.

— О-о-о! — Эсфирь хлопнула в ладоши и подскочила к нему. — Я так рада, рада нашему знакомству! А там... Не подскажите, что снаружи произошло? Кричали все. Страшно. Олеандр вон весь в крови измарался. И юноша, которого вы принесли...

— Да это... дуэль там... да, дуэль случилась.

Свет! Её свет во всем повинен! Точно!

Олеандр уже хотел спросить, что за сияние её обволакивает, как вдруг в груди пророс росток гнева. Мозолистые пальцы друга потянулись к лицу Эсфирь. Потянулись к тому участку кожи над губой, где темнела милейшая родинка, похожая на звезду.

Да как он смеет?!

Кто-то незнакомый овладел сознанием Олеандра. Заколотилось сердце до того отчаянно, что к глотке подкатил комок дурноты.

— Не трогай её! — Олеандр и сам не понял, как очутился возле парочки и саданул Зефа по ладони.

Шлепок, сочный и влажный, отразился от стен хижины. Загулял в ушах, затрагивая струны благоразумия.

— Ой! — пискнула Эсфирь.

— Обезумел совсем?! — взревел Зефирантес. — Думаешь, раз уродился сыном

правителя, так тебе теперь все дозволено?!

— Да! — ляпнул Олеандр. — То есть нет. То есть да!

Ему бы встревожиться из-за затруднений с ответом и извиниться. Крупицы здравого смысла наперебой твердили, что он угодил в ловушку искаженного восприятия, велели опомниться. Но капкан неведомых чар не позволил отступить:

— Будь так добр, покинь мой дом.

Олеандр оттолкнул Эсфирь плечом и заслонил собой, взирая на гиганта, в чьих глазах сверкнул недобрый огонек.

— Поглядите-ка, защитник нашелся, — Зефирантес сжал кулак. И мышцы на его руке налились, забугрились. — Изнеженное дитя. Никогда ты меня не ценил! Не ведаешь, не понимаешь, сколь это трудно — сражаться за место среди воинов и тащить на плечах мать и сестру!

— Не ведаю, — согласился Олеандр.

Взор проскользил по потолку. Застыл на переплетении лоз, овивших балки, и метнулся вбок. Над ложем на полке, изогнувшейся улыбкой, покоилась в ножнах древняя сабля Дэлмара, оставленная братом.

— Не ведаю, — повторил Олеандр, отступая, — но у каждого свой путь. Я многое отдал бы, чтобы оживить мать. А брат...

— Глендауэр! — вскрикнул Зеф — Ну конечно! Вечно ты дымишься, стоит кому его припомнить. А сам вещички его хранишь! Что? Думал, не вижу я ничего? Ты не влюблен в братца-то?

— Идиот!

— Треклятый всезнайка!

— Вы ведь не собираетесь драться?! — возопила Эсфирь.

Её восклик словно спустил лавину. Олеандр вскинул руки, метнул в потолок вспышку чар, напивая и укрепляя лозы. Зеф тронул ножны, и меч с лязгом выскользнул из них. Один за другим лозы ринулись к полу. С грохотом вонзились в него, решеткой разделяя комнату на две половины.

Зефирантес отскочил к двери, явно не ожидая подобного. Олеандр рванул к ложу, запнулся, но все-таки стащил саблю и сразу же обнажил. Лезвие сверкнуло в свете златоцветов.

Эсфирь сдавленно охнула, когда Зеф рассек лозы надвое. Нижняя часть ограды повалилась, верхняя все еще висела. Он нырнул под неё. Крепче перехватил меч и понесся вперед с такой скоростью, с какой катится валун со склона горы. Возвёл лезвие над головой, намереваясь ударить с размаху и рассечь соперника надвое.

Оплошал. Звон скрестившихся клинков огласил дом. Олеандр налег на свой, чтобы нагнуть меч, выбить во вращении. Да какой там! Колени подгибались. Ноги разъезжались — поди перебори воина, который вдвое, а то и втрое превосходит тебя по весу.

Меч со скрежетом проехался по сабле. Олеандр отступил на шаг. Еще раз. Еще и еще.

Без толку! Рядом блеснула полоска стали. И грудь пронзила боль. Пинок в живот откинул его к креслу. Да столь лихо, что он рухнул. Прокатился по полу и поцеловал затылком подлокотник кресла. В ушах загудело. Взор перекрыло угольное полотно. Тупой стук в висках удар за ударом выбивал из головы мысли. Чары утекали из тела вместе с кровью, стекающей по ребрам.

Он чувствовал близость Эсфирь. Слышал, как она бежит к нему. Как велит Зефу убрать

оружие. А тот в ответ лопочет что-то о защите её достоинства. О защите её чести.

Какой еще чести, спрашивается? Ее чести ничего угрожало. Олеандр хотел... А чего он, собственно, хотел? Чего хотел Зефирантес? Что они натворили? Сцепились, как два озверелых самца!

Ради чего? Почему? Их словно лишили воли и умения трезво осмысливать происходящее.

Олеандр понял, что терял сознание, когда в уши вторгся знакомый бас:

— Не шибко я в том разбираюсь, — бормотал Зеф. — Но рана вроде как несерьезная. Ты посторожи его немного, хорошо? Я мигом. Сбегаю за травами и водицей!

Послышался шорох шагов, потом хлопок двери. Порыв ветра разогнал туман в голове, и Олеандр разлепил веки.

Зефирантес что, ушел? Блеск! Хорош друг! Просто взял и бросил Олеандра в компании обездвиженного недофеникса и девицы, чье свечение так и увлекало на греховный путь.

— Зря он убежал, конечно, — просочился в сердце сладкий голос. — Сложно с вами...

О, нет-нет-нет! Боги милостивые, спасите! Только не она, пожалуйста! Только не снова!

Олеандр с опаской отвёл голову к плечу и увидел лицо Эсфирь. Увидел броскую родинку-звезду над губой, острые скулы, покатый лоб. Заглянул в мрачную бездну глаз и едва не пал ниц в мольбе о вечном служении.

Все что угодно! Он готов был исполнить любую ее прихоть, лишь бы она его не покинула. Лишь бы не лишила чести млеть от трели голоса. От заката до рассвета прижимать к груди. Одаривать букетами наслаждения и упиваться музыкой стонов, слетающих с губ.

Это был провал. Сладкий и пьянящий, но все же провал — полное и бесповоротное поражение.

Видит Тофос, Олеандр возжелал Эсфирь больше, чем есть, пить, дышать — словом, жить.

Воображение нарисовало с десятков картин слияния во грехе. И соблазн воплотить нечестивые мысли в явь плотоядным цветком пророс в душе. Она подползла слишком близко. До того близко, что он слышал биение её сердца, уголок белого крыла ниспал ему на колено.

— Я попробую помочь, хорошо? — проворковала она и заправила за ухо непослушную кудряшку.

Дыханье Олеандра отяжелело, охрипло. Вожделение тугим комком стянулось чуть ниже живота, разливая по венам жар.

— Чувствую, что могу. Понимаешь?

— Понимаю.

На лице Эсфирь возникло странное выражение, читаемое как «А вот я не очень понимаю, но все равно пойду напролом». Олеандр так удивился, что едва не спросил, одаривали ли её лаской прежде. Её робкие касания и краска стыда подтверждали домыслы вернее слов. И он солгал бы, поведав, что сердце не ёкнуло, возрадовавшись неожиданному подарку судьбы.

Он, Олеандр, сын владыки клана дриад, Антуриума, наследник и потомок первых детей леса, Примулины и Акантостахиса, явится для Эсфирь первым, последним и лучшим выбором.

— Можно я тебя обниму? — Ее вопрос прозвучал внезапно, как гром в разгар засушливого сезона.

Не веря своему счастью, Олеандр просто смотрел в черные глаза, балансируя на кромке веку, словно на краю кристально-чистого водоема. Боясь спугнуть Эсфирь неосторожным жестом, он не шевелился, жадно наблюдая за пушистыми ресницами, ложившимися на веки.

— И поцелую, — прошептала она, и сердце его пустилось вскачь, в голову ударила кровь.

Она уселась ему на бедра, обхватила коленями — тонкая и звонкая, с горящим лицом и рассыпанными по плечам кудряшками. Опираясь на подлокотник кресла, наклонилась к его лицу и запечатлела на лбу поцелуй. Казалось бы, кроткое касание, а Олеандра повело. Он согнул ноги в коленях, заставляя Эсфирь приблизиться. Мазнул пальцами по её оголенной спине, обнял.

Эсфирь вцепилась в ворот его туники, прижалась к груди. Она не сопротивлялась, потому он вовлек её в настоящий поцелуй, поглощая прерывистый выдох. Добрался до зашейных подвязок кофты, за которой проглядывались очертания груди. Снова впился затуманенным взором в глаза и углядел два залитых белым ока без зрачков. В уголках её века подрагивала смоляная влага. Собираясь в капли, она неспешно стекала, испещряла щеки Эсфирь грязными разводами.

Олеандр открыл рот, но тут же захлопнул, не ведая, что сказать. Почему она плачет?

— Ты такой поломанный в душе. — Она повела плечами. — Эту боль я не могу стереть. Но боль в теле...

О чем она говорила? Что имела в виду? Олеандр не мог ни пошевелиться, ни отвести от неё взгляд. Он замер, как зачарованный, уже не нуждаясь в пояснениях. Одна горячая ладонь опустилась ему на грудь, другая прижалась к затылку. Мгновение — и тела их охватил кокон белесого пламени. Мерцающие огненные языки перетекали на листья Олеандра, растворялись в них.

— Потерпи. — Голос Эсфирь огрубел, отдавая сталью. — Прости, но без боли нет исцеления.

— Что?..

Ежели ответ и прозвучал, Олеандр его не услышал. Кокон потемнел, сделавшись практически черным. А потом грудь и затылок прошила острая боль от недавних ранений и ударов. Он вскрикнул. Спина выгнулась бы, но цепкие пальцы прижали его к креслу, не позволяя вырваться.

— Перестань!

— Терпи!

Она накрыла его ладонь своей, но он порывисто выдернул руку. Внутри что-то сломалось. Заставило прозреть и осознать, что он покачивается в губительной колыбели, убаюкивается в такт свершаемым ошибкам. Каким-то чудом удалось вскинуть ладони. Он нашел с десяток причин не свершать замысленного — просто достучаться до Эсфирь, высказаться тверже.

Но поздно. Олеандр с силой оттолкнул её, вскочил и вlepил себе пощечину. Помогло. Кокон потух — мир перед глазами перестал расплываться цветными пятнами.

Боги! Ну разве может существо пасть еще ниже? В столь мрачную пропасть, где удел разделить ложе с девушкой — желаннее всех сокровищ мира. Где переступить запретную черту легче, чем сорвать бутон. Где единственно-весомым препятствием слывет боль, а

выходом — грубость.

Эсфирь так и восседала на полу. Тихо всхлипывала и растирала костяшками пальцев ушибленный висок. Ничего уже не осталось от того призрачного сияния, которое её окутывало. Свет испарился. Ее кожа утратила лоск. Глаза обозначились черной радужкой и потускнели.

— Ты злой! — вскрикнула она, вперив в Олеандра гневный взгляд.

Он моргнул.

— Кто злой? Я?!

— Ты!

— Почему это?

— А потому!

— Почему?

— Потому!

— Вот ведь заладила! — Он пнул огрызок лозы. — Сама ко мне полезла, а теперь жалуешься!

— Я хотела помочь! — возразила Эсфирь. — И у меня получилось! Может, хоть посмотришь?

Понимание подкралось медленно, но ударило с размаху. Он тронул затылок — и ничего не ощутил. Отогнул ворот туники и узрел чистую кожу. Молоточный стук в висках больше не норовил разломить череп. Порез на груди исчез, будто стертая с начищенного сапога грязь.

— Ранку на шее я тоже залечила, — добавила Эсфирь, разглаживая погнутые перья на крыле.

— Невероятно! — Олеандра коснулся повязки, за которой скрывались следы от когтей хины.

Ткань ухнула на пол. И он провел ладонью по шее — пальцы беспрепятственно проскользили к ключицам.

Потрясающе! Но как?

— Ты целитель! — вскрикнул он и умолк. Отец учил его не выносить в мир очевидные очевидности. — Невероятно!

Мирт как в воду глядел. Сам о том не ведая, Олеандр укрыл в хижине божественного лекаря. Подумать только! Узнай он об умениях Эсфирь раньше, она затянула бы порез Рубина и...

В голове будто колокола прозвонили.

— Рубин!

Олеандр метнулся к ложу. И ужас разлился по венам пламенными волнами. Страх сковал плоть, не давая продохнуть — клочок плаща с морионовой пылью сполз с носа Рубина к уху. Его пальцы ощущались холоднее льда и испускали слабый дым, как от жженных листьев.

— Нет-нет-нет! — запричитал Олеандр, схватившись за шевелюру и чуть не выдрав клоч. — Так не пойдет, Рубин, слышишь? Ты не посмеешь! Ты не можешь умереть, просто не можешь!

С клыков приятеля стекала слюна. Чешуя на предплечьях стремительно бледнела, теряя рыжину.

— Нет, Рубин, нет! — Олеандр тряс его за плечи. — Дыши! Ты обязан дышать, понимаешь? Ради Яшмы и Цитрина! Ради Сапфира! Ради меня, чтоб тебя хины отымели

пaдлa ть ядовитая!

Рубин дернулся, чудилось, приходя в себя. Но следом хрипло выдохнул и оцепенел. Его грудь больше не вздымалась от размеренного дыхания. Сердце еще раз толкнуло кровь и застыло.

Птичка со скверной аурой

Эсфирь сидела на коленях возле ложа. Глаза её снова залились белым, а мерцающий кокон пожирал тело Рубина, разрастался всё пуще, вуаль за вуалью стекая с чернокудрой головы. Величественность мгновения омрачала лишь недопесня о войне-рыбке, которую она намурлыкивала под нос:

*Рыбка, рыбка побеждай,
Врага насмерть забивай,
Меч из рук не выпускай,
Землю кровью омойвай...*

Дёргаясь в трех шагах от ложа, Олеандр постукивал каблуком сапога по полу и изводился думами о своей ненужности. Он вёл счёт. Восполнял в памяти позабытые легенды, даже раскуроченное кресло попытался починить. Всё без толку! Снова и снова взгляд цеплялся за парочку. Снова и снова разум одолевали страх за жизнь Рубина и ревность к Эсфирь.

Невозможно!

А дурная песнь все текла и текла, сиропом разливаясь в ушах. Совесть и воспитание не позволили Олеандру запустить в Эсфирь чем-нибудь тяжелым. Поэтому он просто заткнул уши. Правда, тут же опустил руки.

В самом деле! Слабак он, что ли?

— Рубин змейка, а не рыбка, — все-таки поправил он Эсфирь и выругался. — Змея он, не рыба!

— Клыкастая змейка, — подхватила Эсфирь. — А почему Рубин? Это... Как правильно?.. Порода?

— Порода? — Олеандр усмехнулся. — Нет. Это имя существа. Имя ошибки природы, которая травит себя в попытках перевоплотиться в долбанного огневика с Ифлога! В феникса!

— Рубиновая змейка.

Боги! Олеандр хлопнул себя по лбу. И невольно искривил губы в улыбке. Простодушие и непосредственность всегда его привлекали. Было в них что-то чистое и доброе — этакий очаг света и теплоты, еще не измолотый в пыль грузом пережитых трудностей и потерь.

— Уже почти! — Белесый кокон вспыхнул ярче, рассыпая искры, отбрасывая на стену бродячую тень.

Эсфирь прильнула ухом к груди Рубина. И Олеандр отвернулся, задвигая в дальний ящик непрошенные мысли, что она вот так запросто прижимается к другому. Seriously, разве должно его это заботить? Нисколько! Она — не его собственность: не суженая, не супруга, даже не подруга.

Вдобавок куда сильнее она напоминала непутевое дитя, нежели коварную соблазнительницу.

Нежданный порыв ветра, завывавшего снаружи, настезь распахнул дверь и оконные ставни. Вломился в дом, сметая с пола подсохшие лозы, и набросился на очаг лечебного пламени.

— Я закрою! — Укрыв лицо предплечьем, Олеандр тяжелым шагом добрался до порога и ахнул.

На улице бушевал ураган. Вихревые потоки перекачивали по двору лианы и кружили опавшую листву. Дождь рвал тишину, нещадно молотил по земле. Мутный свет златоцветов едва пробивался сквозь тьму, подсвечивая взметнувшуюся пыль.

Олеандр захлопнул отвисшую челюсть пальцем и взялся за дело. Чтобы задвинуть щеколду, пришлось призвать чары и решетками приклеить раскиданные лозы по обе стороны от ставней и двери. Сетки вышли крепкие. Но держались они на колдовстве, которое утекало и требовало восполнения.

— Буря стихнет, когда ты закончишь? — Олеандр заполз на подоконник, чтобы прибить ставни еще и телом.

— Всё! — донеслось в ответ.

Всё? Мысли об урагане выдуло из головы. Кокон потух, и Олеандр воззрился на окровавленное ложе. В тот же миг Рубин выгнулся, широко распахнул рот, заглатывая щедрый глоток воздуха.

— Он жив? — едва слышно проговорил Олеандр, глядя, как к лицу приятеля приливает кровь.

— Угу, — Эсфирь пошатнулась и уперлась ладонью в стену, приложив два пальца ко лбу. — Жив.

— Жив! — эхом повторил Олеандр и громче добавил: — Жив! Ты спасла его! Невероятно! Потрясающе!

На радостях он подхватил Эсфирь на руки и закружился по комнате. Её смех переливался в ушах. И он смеялся вместе с ней.

Без лишних слов и препираний, без тени сомнения и паники она просто взяла и излечила двух незнакомцев. Он не простил бы себя, погибни Рубин сегодня. Эсфирь не просто исправила чужую оплошность, — она поймала Олеандра в полете ко дну пропасти, утыканной шипами невозможности повернуть время вспять.

Но нет! Нет, нет и еще раз нет! Выкуси, мать-природа! Он не потерял друга! Свеча жизни Рубина не погасла. Она будет гореть еще очень и очень долго, прежде чем потухнет. Зелен лист, если завтра он снова не сцепится с Каладиумом. Ну или с дерева не упадет. Или...

Неважно! Олеандр кружился и кружился, запинаясь о раскиданные лозы и хохоча, словно безумный лекарь, которому удалось сварить зелье бессмертия. Крылья Эсфирь трепетали, казалось, вознося их к небесам.

Всё испортил стук.

Ветер сорвал с двери сетку лоз заодно с затвором. Шквал мокрого воздуха ворвался в хижину и остудил кровь и веселье.

Олеандр замер, кожей ощущая чье-то присутствие — так хищный цветок улавливает трепыхание жертвы, бредущей по лепесткам. Напрасно, очень даже напрасно он окрестил виновницей вторжения непогоду. Судя по терпкому запаху благовоний, на пороге стоял дриад в древесной маске, которого в последние дни отличало одно поразительное умение — он упорно вырастал там, где находился Олеандр.

Слышал Олеандр о мелких вивернах. Они покусывали хозяина, впрыскивали медленный яд, а потом всюду за ним бродили, ожидая, когда тот издохнет и послужит ужином.

— Милая птичка, наследник, — молвил Аспарагус тихо, но так, что мороз пробирал до

внутренностей. — Правда, не слишком походит на заурядное пернатое творение и источает весьма скверную ауру.

В хижине повисло напряженное молчание. Волосы прилипли к щекам архихранителя, кожу и маску омывала стекающая влага. А лицо Аспарагуса делалось тем мрачнее, чем дольше он глядел на Эсфирь.

Олеандр вдруг сообразил, что до сих пор стискивает ее в объятиях. Отпустил и собрал руки за спиной. Отпрянул, ожидая продолжения стального натиска, но что-то пошло наперекосяк.

Аспарагус повернулся к двери и произнес в темноту ночи:

— Прошу вас...

В проеме показался Зеф. Он поглядел на Олеандра, чиркнул ребром ладони по шее, как если бы говорил «Нам конец», и вкатил в дом бочку. Громыкнув, она пересекла комнату и ударилась о стену. Следом, изогнувшись в полете, в кресло плюхнулись колосья ливра — пучок целебных растений.

— На пост. Живо!

Аспарагус не церемонился. Подол его плаща взвился, когда он подцепил ногой дверь и захлопнул её перед носом Зефа. Звук получился такой, что Олеандр соотнес его со словами «Удар злого рока».

— Благой ночи. Я Эсфирь, — раздался веселый голосок.

Олеандр усмехнулся. Он начинал подозревать, что звучание собственного имени доставляет ей немалое удовольствие. Пускай в доме будут десятеро, она подойдет ко всем и представится каждому.

— Вас ничего не смущает, наследник? — спросил Аспарагус, явно намекая на непогоду.

Раздуваясь, за окном пролетела чья-то накидка. Вдогонку ей промчались сапог и кружевные подштанники.

И почему Олеандру захотелось рассмеяться? Еще бы его не волновал внезапно разошедшийся ураган! Он видел такое впервые в жизни и, мягко говоря, малость опешил. Но ежели ради спасения приятеля ему нужно пожертвовать одним солнечным днем, значит, так тому и быть.

— Чего ты хочешь, Аспарагус? — выдохнул он. — Рубин оказался при смерти отчасти из-за твоего бездействия. А она, — он указал на зевающую девушку, — помогла его излечить!

— Не совсем, — возразила Эсфирь, восторженно. — Скорее, оживить. Хотя... Знаете, тут как посмотреть. Его душа не отделилась от тела. Потому-то я и смогла ему помочь...

Чего? Олеандр ждал, когда она добавит что-то вроде «Я пошутила», но с её уст слетело неуместное:

— ...Что-то кушать захотелось. — Она гулко причмокнула, точно смакуя невидимую пищу.

Не припоминал он, кому из знакомых существ в последний раз удавалось поставить его в тупик. Наверное, заслуга та до сих пор принадлежала Глену — однажды он сочинил за ночь поэму.

Аспарагус уже в десятый раз оглядел Эсфирь с пят до рогов и с рогов до пят.

— Она...

— Я нашел её у Морионовых скал, — пояснил Олеандр — сгустившееся напряжение

подталкивало к откровенности. — Она...

— Она вырожденка.

— Что?!

Архихранитель всегда утверждал, что хорошего воина красит невозмутимость. Он обучался у океанид, привык утаивать истинные чувства. Но ныне броня его дала трещину. Кулак сжался. Венка на виске забилась часто-часто, а пальцы как бы невзначай огладили ножны, торчавшие из-за пояса.

— Вышел! — бросил он.

— А не много ли ты себе позволяешь?! — рявкнул Олеандр. — Вообще-то это мой дом!

Эсфирь пятилась, со страхом взирая то на одного, то на другого. И тут ставни второго окна распахнулись, с грохотом ударились о стены. Разбрызгивая влагу, в хижину влетела мохнатая туша. Аспарагус отскочил к двери и едва ли не в прыжке выхватил меч. Но вдруг лезвие выскользнуло, звякнуло о пол, а сам архихранитель заскакал по комнате, стряхивая с ноги впившегося в нее зубами силина.

В тот же миг зверь разжег на кончике хвоста чары. Спрыгнул и швырнул в архихранителя световой шар. Чары ударили Аспарагуса в живот, впитались в плоть, ошеломляя. Серебристое сияние охватило его, и он попятился. Врезался в опрокинутое кресло и, не удержав равновесие, перевалился через него.

— Больно, наверное, — злорадно выдал Олеандр и рванул в сторону.

Второй пучок ошеломления просвистел над плечом. Третий врезался в ставню, за которой он укрылся. И слух потревожил стук каблуков. Когда он решился выглянуть, силина уже и след прослыл. Как и Эсфирь. Воспользовавшись суматохой, она, похоже, выскочила в ночь. О её недавнем присутствии напоминало лишь белоснежное перо, перекатываемое ветром по комнате.

И куда её понесло, спрашивается?

Видит Тофос, Олеандр никогда не плодил слухи. Но ныне язык так и чесался донести до собратьев весть, что великого архихранителя, глаза и уши Стального Шипа, уложил на лопатки мелкий зверь. Олеандр многое бы отдал, чтобы подольше понаблюдать за Аспарагусом, который выполз из-за кресла на четвереньках, сияясь нащупать выскользнувший из рук меч.

Жаль, время подгоняло. Потому Олеандр только отпихнул клинок подальше — тихонько так, мыском сапога. Затем оглядел Рубина. Удостоверился, что с ним всё в порядке. Сунул в карман перо. Подхватил с пола ножны с саблей и выбежал во двор. Туника и шаровары мгновенно прилипли к телу — на улице до сих пор бушевал ливень. Ледяной и надрывный, он раздирал тишину поселения.

Олеандр пересёк двор и нырнул под крону ближайшего дерева. Раздвинул ветви, поникшие от влаги. И взору предстала дыра в ограде — достаточно широкая, чтобы через неё, пригнувшись, вынырнула в лес тощая девица.

Нетрудно догадаться, кто прогрыз отверстие. Клятый силин! Возможно ли, что они с Эсфирь знакомы?

— Наследник! — донёсся до слуха возглас, и Олеандр выругался. — Куда это вы собрались, интересно?

Как говорится, недолго листва шелестела. Олеандр скрипнул зубами и ринулся в дыру. Но цепкие пальцы схватили его за ворот и потянули назад. Он подался вперед, и ткань

туники врезалась в горло, затрещала.

— Вы с ума сошли? — прорычал Аспарагус и рывком затащил его под ветви. — Вы слышали?..

— Она не выродок! — Олеандр резко обернулся. Мокрые волосы шлепнули его по лицу. — С чего ты вообще это взял? Ты можешь назвать её сущности? Нет. Тогда ты не можешь и утверждать, что она двукровная. Боги! Да она толком ничего не помнит. Чар лишается и призывает их по глупости!

— И кто же она? — В золотом глазу Аспарагуса еще плавал дым ошеломления, но вопрос его прозвучал твердо.

— Не ведаю! — сознался Олеандр, отдирая от боков тунику. — Но точно не выродок!

— Идиот! — гаркнул Аспарагус и добавил: — Потешались с распутницей? По нраву пришлось? Право, слишком долго я живу на свете, чтобы не уловить ауру очарования. Штаны подтяните, наследничек!

Сперва Олеандра бросило в жар, следом в холод. Он отвел глаза, ощущая на себе колючий взгляд, от которого в жилах стыла кровь. Какой там побег Эсфирь?! Он старался хотя бы дышать, вдоволь наглотаться промозглого воздуха, пока волна осуждений и гнев Фрез не смыли его на дно океана.

— Смею доложить, — процедил Аспарагус, — я намерен усилить охрану поселения и найти девчонку. Дерзните вмешаться? Что ж, прослывете распутником и прелюбодеем. Я понятно выразился?

Процедил и зашагал напрямиком к тоннелю, попутно швырнув в ограду вспышку колдовства.

Красиво он тебя уделал, — шепнул внутренний советчик. И Олеандр чуть не завыл от унижения. Дыра стремительно зарастала, скручиваясь древесной плетенкой и перекрывая проход. Зеленое свечение распространялось по стене, впитываясь в каждый узел, в каждый завиток.

Воображение уже распоясалось, рисуя картины гибели Эсфирь. Одна виделась страшнее другой: испорченный мечом живот, десятки стрел, пронзившие плоть, перерезанная глотка...

Олеандр невольно схватился за ветвь, и макушку оросила влага. Ледяные капли осыпались на голову, сползли под тунику, и он будто ото сна очнулся. Тоска сдавила сердце.

Нет! Он обязан отыскать Эсфирь первым и спасти. Вот только ныне его из поселения никто не выпустит.

Что делать?.. Что делать?..

Вырожденка!

Эсфирь пришлось не по нраву это слово. А еще не внушил доверия взгляд дриада, нарекаемого Аспарагусом. Страшным он уродился мужчиной. Очень страшным. Да и маску жуткую надел! Может, с побегом она и поторопилась. Но чего уж теперь сожалеть, верно? Она испугалась. Испугалась до того сильно, что перья до сих пор стояли дыбом. Когда ужас захватил голову в плен, ноги сами потащили её во двор. И она доверилась зверьку, шмыгнула за ним в дыру.

Сознаться, Эсфирь не ведала, куда держит путь. Просто бежала за зверьком, порой болтая с ним и задавая вопросы. Жаль, отклика не находила. Как выяснилось, в мурлыкании и сопении сложно распознать слова. Иной раз чудилось, будто парочку она различила, но потом обнаруживалось, что зверь чихнул.

Одно радовало — дождь в лесу почти не ощущался. О нём смело можно было бы позабыть, ежели бы слух не тревожила скорбная дробь, отбиваемая холодными каплями по кронам. Листва-крыша надежно укрывала от ливня. Кое-где в редких просветах виделись его косые строчки, разрезавшие воздух, подсвеченные лунным сиянием — призрачным и манящим.

Не раз Эсфирь и зверёк прятались— то в огромные листья-одеяла заворачивались, то в ямы прыгали. Повезло. Никому не попались. Казалось, зверь точно знал, какие пути безопасны, а какие нет. И чем дальше они пробирались, тем реже слух улавливал подозрительные шорохи, тем реже глаза обращались к зеленоватым вспышкам чар вдали.

И все же кое-что не давало Эсфирь покоя. Мысль, что лес разумен, не желала улетучиваться, подогретая страхом. Ну правда! Прутья некоторых кустарников покачивались и извивались, хотя ветра у земли не гуляли. А когда она вынырнула на умытую ливнем просеку, бутоны на деревьях распустились и, почудилось, уставились на неё во все лепестки.

— Думаешь, они следят за нами? — озвучила Эсфирь свою самую страшную догадку.

Зверёк с добродушными видом задергал рожками. Запрыгнул на поросший мхом валун. Уселся на него, крутя усатой мордой и словно кого-то высматривая.

Глаза у него, конечно, такие... Всем глазам глаза! Большие и голубые, как небесная гладь. Но кого он ищет? Зачем?

Вокруг не ютилось и души, не считая странных, даже очень странных цветов-надзирателей.

И... Эсфирь показалось? Или вон тот стебелёк и правда приветственно помахал ей листком?

Страх какой, а!

— Ох! — Она упала у валуна и похлопала себя по щекам, пытаясь собраться с силами.

Ноги гудели. Отказывались идти на поводу у здравого смысла, который велел выбираться из леса. И поскорее. Неважно куда, лишь бы куда подальше. Подальше от Аспарагуса.

Эсфирь вздохнула. Губы еще горели от поцелуев. Там, в хижине, она натворила дел. Забыла погасить чары очарования, а потом и вовсе подалась навстречу сладкому чувству, ласковым перышком завертевшемся в груди. Подалась — и чуть не прозевала смерть. Еще немного, и Рубин откинул бы рога. Их у него, разумеется, нет, но что еще должно

откидывать существам, помимо рогов? Разве рога подходят для откидывания не лучше всего?

Что за дурацкие мысли? Эсфирь мотнула головой, разбрызгивая осевшую на кудряшках влагу. И едва не подпрыгнула от испуга — гром сотряс землю, на долю мгновения небо разрезала молния.

Ужель непогода и правда — дело рук Эсфирь?

Пребывание в доме Олеандра не прошло для неё даром. Картинки из прошлого не сложились, она не вспомнила свою жизнь. Но изучила себя. Прислушиваясь к ощущениям, поняла, что тоже наделена чарами — очарованием и исцелением.

Еще она чувствовала души.

Стоило малость сосредоточиться, и зрение менялось. Обострялось, позволяя заглянуть во чрево тела, узреть огонь горящего духа. Ни много ни мало, а уже кое-что. Правда, исцеление давалось хуже. Оно растрчивалось мгновенно, хоть и восполнялось от чужого тепла и ласки, поглощая их, как узник поглощает воду. Да и в целом колдовство — любое! — будто что-то держало, запирало в теле. А ежели Эсфирь пыталась его высвободить, браслеты обжигали, как бы намекая на ошибку.

В тот же миг сознание наводняли тревоги. На волю рвался совершенно неуместный смех. И Эсфирь уступала. Уступала беспокойству, чуя, что иначе потеряет связь с действительностью, а значит, потеряет связь с разумом. Каждый рывок к запертым чарам подводил к чему-то запретному.

Хотела бы она разузнать к чему. Но... Может, попозже?

— Знаешь, — Эсфирь и покосилась на зверька, — этот юноша, Олеандр, он... Как бы это сказать... Я будто знакома с ним. Вернее, была знакома. Когда-то... Такие странные чувства он у меня вызывает... В один миг я даже белую нить увидела, которая протянулась от меня к нему.

Пушистик, конечно, молчал, продолжая кого-то высматривать.

Эх! Эсфирь снова вздохнула, отпуская тяжелые думы. И вскинула бровь. Воздух вокруг уплотнился и приобрел маслянистую вязкость. Тени от ветвей, лежавшие на просеке, сделались гуще.

— Что это? — Эсфирь вытянулась в рост, услышав шорох и цокот копыт.

Рогатая тень, испускавшая с боков дым, выскользнула из-за деревьев. За глазницами вытянутого костяного черепа, сковавшего морду, в самой глубине точно два костра во тьме сверкали залитые алым очи.

— Хин! — вспомнила Эсфирь, и дымящийся громадина припал на колени, склонил перед ней рогатую голову. — Ч?..

Эсфирь моргнула раз, другой. Но видимое не развиделось. Господин Тень, тот самый, который напал на Олеандра — она узнала его по колечку в клыке — и впрямь сидел около нее, как слуга подле владычицы.

— Интересно.

Она обратила взор к пушистому зверьку, и он кивнул, как если бы говорил «Хин не опасен».

Дым прибирался в нос, удушая. Задержав дыхание и размахивая перед лицом ладонью, Эсфирь поглядела на хина. Странно, но страх не сковал её, не пустил по коже мурашки.

Хин повернул голову. И глазницы его черепа обратились к чаще, точь-в-точь намекая, что идти нужно туда. Ничего толком не понимая, Эсфирь вновь поглядела на пушистика. В голове забрезжил свет иного осознания: «Так вот кого он ждал!» Такие непохожие, эти звери

водили дружбу.

Может, поэтому хин не напал на неё? Хотя... Ежели поразмыслить, у чёрных скал он нападал только на Олеандра.

Дриады и хины не ладят? Или... Или что?

— Я... — Эсфирь не сдержала тяжелого вздоха, полного смятения. — Ты хочешь подружиться?

Ответом сделался шелест листвы. Хин вытянулся во весь свой немалый рост и указал когтем на заросли, явно желая, чтобы она пошла за ним. Идти? Не идти? Сомнения неожиданно окружили Эсфирь, взгромоздились выше деревьев. Но в конце концов она сдвинулась с места.

Пушистику она доверяла. А он затерялся во тьме деревьев следом за хином.

Эсфирь сбилась со счета, сколько раз они поворачивали, петляя между стволов. Хин неся до того быстро, будто за ним погоня тянулась. А исходивший от него дым сизыми клубами вился за его спиной, отравлял воздух.

Лес его недолюбливал. Куда бы он ни сворачивал, куда бы ни направлял копыта — цветы прикрывали бутоны листьями и припадали к траве. Один из них, желтый-желтый, даже умудрился выдернуть из земли корни и в страхе пуститься прочь.

Вот тут-то терпению Эсфирь и пришел конец. Она догнала хина. Дёрнула за лапу, заставляя обернуться.

— Ты не мог бы их не пугать? — И указала на очередной скукожившийся цветок.

В алых глазах зверя полыхнул огонь непонимания. Ну конечно, — подумала она. — Он просто таков, каков есть. Едва ли он когда-либо вообще задумывался над тем, что может кому-либо навредить.

— Ты портишь цветы, — не сдавалась Эсфирь. — Это нехоро... Что это?

В каких-то сорока шагах от них, переливаясь всеми оттенками зеленого, мерцала густая дымка. Она сочилась из глубин прикорневой впадины-норы и волной уплывала вдаль.

Будь на месте Эсфирь кто-то другой, он поспешил бы скрыться, ведь дымка походила на разбавленные чары дриад. Но она о побеге даже не подумала. Точнее, подумала, но мысль схлопнулась, сраженная постижением: «Кто-то умер!» Из норы разило смертью, жестокой и насильственной.

Растеряв осторожность, Эсфирь рванула к вздымавшемуся корню. Должно быть, хин глядел на неё как на дурную. Но она не мешкала. Ни разу не сбилась с шага. Под сапогами ломались прутьями, пружинила хвоя. Крылья то и дело бились о деревья. Эсфирь перескочила через ямку, нырнула в землянку, тревожа зелёную дымку. И ахнула в сложенные ладони.

В замшелой, исшитой корнями норе без чувств лежал щуплый старец, весь грязный, в обугленных лохмотьях. На месте его глаз и рта чернели провалы. Взамен правых руки и ноги сочились кровью уродливые обрубки.

К горлу подкатил комок тошноты. Эсфирь сглотнула. Она щипала себя за бок, растирала глаза, хлопала ладонями по щекам. Всё равно изувеченный старик никуда не испарился.

Кто посмел его убить? Зачем? Голова Эсфирь пухла от домыслов. Прикорнувший на её плече Небо — так она назвала пушистика, — соскочил на землю и уставился на мертвеца.

— Э-это ведь не вы его убили? — выпалила Эсфирь, когда рядом выросло чадающее тело хина.

Силуэты зверей едва различались за изумрудным светом, стекавшим с ладоней старца. Мохнатая лапа неожиданно отогнулась и указала на хина, как бы намекая, что виновник рядом.

— Не смешно! — вскрикнула Эсфирь и осеклась — крик упорхнул из норы и разве что под звездами не прозвенел.

Не покойся перед нею изуродованный старец, она бы рассмеялась, глядя, как хин попытался лягнуть мохнатого лгуна копытом. Но ныне ей было совсем не до смеха и пустых склок. Не звери изувечили старца. Нет. Конечно, нет. Было глупо и опрометчиво обвинять их в его смерти.

На неверных ногах Эсфирь подковыляла к мужчине и присела на корточки. Едва касаясь его уцелевшей руки, закатала рукав туники и решительно убедилась, что он дриад. Помимо длинных ушей с завитками, сходство подтверждали обугленные листья на предплечье.

Так разумно ли возвращаться к Олеандру и сообщать, что их сородича кто-то умертвил? А если он рассудит, что это она повинна в гибели старика? Вдруг она и пером не успеет повести, как откинет рога, настигнутая мечом Аспарагуса? Даже ныне, пребывая возле старца, она рисковала. Испускаемая им зелень стелилась по воздуху вуалью — её и слепец заметит.

Что делать? Как поступить? Вернуть старца к жизни Эсфирь не могла. Кожей чувствовала — тело его уже не годится для хранения духа, как не годится для залива нектара дырявая чаша.

А ведь душа дриада еще не ушла. Билась в плоти угодившей в капкан пташкой и сверкала, как звезда, указующая заблудшему путнику дорогу к родным краям. Вскоре она пробьет оковы. Улетит и закружится пущенным по ветру пером. Такова печальная мирская истина: чем тяжелее умирает существо, чем нестерпимее его муки, тем неприкаяннее дух.

Откуда явилось то знание? Эсфирь не ведала, понимая одно — она вольна предотвратить эти скитания.

И предотвратит.

Во рту начала собираться вязкая слюна, а руки задрожали, совсем как при лихорадке. Правильные слова ворвались в ум скопом, не потрудившись перед тем собраться в мысли.

— Явись мне, друг и враг всего живого, — зашептала она, — оружие мира сего, отец смерти!

Она на выдохе расправила плечи. Вытянула ладонь перед собой, будто для рукопожатия. И полоса чар, чёрная, с едва приметными белыми вкраплениями, вспыхнула рядом, соединила пол и потолок землянки. Колдовство развеялось, и Эсфирь сжала появившийся клевец. Его угольную рукоять венчали металлические пальцы, державшие изогнутое прозрачно-тонкое лезвие, наделённое особой силой — оно навсегда отсекало душу от тела.

Размах, молниеносный проблеск — острие вонзилось в чахлую грудь старца и вышло тихо и гладко, не оставляя ни крови, ни ран. Искрящийся завиток взвился над телом. Танцуя под потолком, рассыпал искры, разрастаясь всё пуще и пуще, отращивая ногу и руку.

И вот дух старца завис перед Эсфирь. Тревожно заозирался, верно, не понимая, почему ничего не видит.

— Вам глаза выжгли, — подсказала она. — Думаю, в этом дело. Говорить вы тоже не сможете.

Старец застыл. Ладонь его прилипла ко рту, вернее — к провалу, который зиял там, где когда-то были губы.

— Я заберу вас, — промолвила она и воззвала к инстинктам. — Избавлю от скитаний, хорошо?

Рожки Небо вдруг задергались. Он встrepенулся, а вместе с ним встревожился и хин. Они друг за другом выскользнули из землянки— и слух Эсфирь ранил пока что едва слышный цокот копыт.

— Ой!

Она сжала плечо опарашенного старца. И прошла сквозь дух, впитала его в себя. Надумала вынырнуть из норы, но ступни отяжелели. Пережитая дриадом боль растеклась под кожей, как круги от брошенного в воду камня. Эсфирь тряхнуло, будто грозovým разрядом поразило.

Укусы и ожоги, порезы и удары... Её било со всех сторон. Она провалилась в темноту на мгновение, а уже в следующее крепко прижимала ладони ко рту и смаргивала слезы.

Не кричи, только не кричи, — приказывала она себе. Глаза щипало от слез до того сильно, что хотелось их выцарапать. Браслеты жгли запястья. А руки, ослабев, выронили клевец.

Оружие обратилось взвившимся над почвой дымом и исчезло. Эсфирь шагнула к выходу. Да какой там?! Ноги задрожали, подкосились, и она упала на колени. Взор уткнулся в оторванную ногу старика. Сверкая алыми кляксами, она валялась под корневой впадиной.

Сил крепиться не осталось. Страх и боль захлестнули. И Эсфирь закричала. Закричала так, словно крик мог вернуть старца к жизни. В любой сверкающей дождевыми каплями травинке, в любом следе от копыт хина, в любой поблескивающей в небе звезде грезилась кровь.

Багряная и склизкая, она кипящими потоками растекалась по лесу, пузырясь и стекая в землянку.

Мир исчезал — растворялся в кровавом океане, который затопил Эсфирь, утягивая ко дну.

Сабля Дэлмара

Порой Олеандр думал, что Фрез заменима. Но стоило дрянным мыслям пустить корни, она убеждала его в обратном — убеждала по щелчку, показывая свои исключительность и непревзойденность.

Врожденная изворотливость позволяла ей водить за нос не то что хранителей — самого Каладиума! Серьёзно. Кто ещё изловчился бы годами раскручивать в лесу огненные пои[1], оставаясь при том горячо обожаемой, а главное — живой дочерью Стального Палача?

Фрез могла обвести вокруг пальца любого. Могла пролезть туда, куда никто и никогда не пролез бы.

Неспроста Олеандр обратился к ней за помощью. Часто она превращалась рядом с ним в капризное дитя. Часто не следила за словами, сгорая от ревности. Но запах жареного, окутывавший его, улавливала за версту. И только он щекотал нос, что-то внутри неё ломалось и склеивалось заново.

Она снова превращалась в ту девушку, о которой Олеандр некогда говорил: «Да мы с ней горы свернём!»

Так случалось прежде. Так случилось и ныне.

Он вырос на пороге её дома — весь взъерошенный, в окровавленной тунике, порезанной на груди. Она распахнула дверь и, воровато озираясь, затащила его в комнату.

Фрезия не задавала неуместных вопросов. Не тянула время, пытаясь вытрясти из него ответы. Она просто помогла.

— Что нужно? — только и спросила она и, получив ответ, принялась рыться в сундуках с одеждой.

Как и ожидалось, ненавистный трюк с переодеванием сработал. Позже, ступая к воротам, Олеандр оглядывал себя и видел юношу, по дурости облачившегося в женские тряпки. А воины, мимо которых он прошёл, узрели девушку в глухой накидке-летяге. Её глаза, подведенные чёрной краской, смотрели на мир поверх вуали, укрывшей волосы и нижнюю часть лица.

— Далеко не отходите! — прилетел Олеандру в спину восклик хранителя. — Рядом вырожденка бродит!

Клятый Аспарагус! Уже всем раструбил про Эсфирь! Олеандр сдавленно выругался, кивнул и двинулся вдоль ограды.

Потом он бежал до поляны, где предавался сну его элафия. Потом Абутилон принюхивался к белому перу.

И вот Олеандр запрыгнул приятелю на спину. Они рванули на запах Эсфирь, сотрясая землю, взвихря опавшую листву.

Ветер больше не срывал злость на деревьях. Ливень поутих. И лес, невзирая на суматоху, окутала тишина. Скачке мешала лишь тьма. Черный всадник по кличке Ночь распоясался, погрузив лес во мрак.

Абутилон нёсся галопом. Чуть замедляясь, взбирался на земляные склоны и снова набирал скорость. Набирал ровно до тех пор, пока по ушам не ударил надрывный девичий визг.

Вопль Эсфирь прокатился по округе и разве что луну с небесных цепей не сорвал. Пошатнул так уж точно.

Вот дуреха! И чего она разоралась? Привлечет ведь внимание стражей — и пиши пропало.

Щеки Олеандра горели, обожжённые хлеставшим в лицо ветром. Он оглядывал тропинки, усыпанные иголками. Шнырял глазами то влево, то вправо, силясь углядеть белоснежные крылья. Без толку! Кроме островков травы, окроплённых угольной слизью, взор ни во что не утыкался.

— Хин? Опять? — Олеандр дёрнул щекой, шурясь и пытаясь различить во тьме очертания беглянки.

Ряды стволов утекали за спину. Он уже решил сойти с тропы. Но раньше, чем до этого дошло, узрел вдалеке зеленоватый дымок, расстилавшийся по воздуху тягучими волнами и облаками.

Что это? Чары дриад? Странно. Присутствия собратьев рядом не чувствовалось. Но кто-то же призвал колдовство, так? Ежели сотворили его не ныне, ему давно следовало бы испариться.

И все же зелень застоялась. Почему?

Чем ближе Олеандр подступал к дыму, тем более маслянистым ощущался воздух, предвещая скорую встречу с хином.

Как там его нарекла Эсфирь? Господин тень в костяном наморднике?

Вот только его мне не хватает для полного счастья, — подумал Олеандр и потянул рога на себя.

— Ты что-то слышишь, Аби? — шепотом спросил он и оправил перекрутившуюся накидку.

Элафия, зелен лист, не ответил. Лишь тряхнул ветвистыми рогами, откликаясь на зов хозяина.

— Оставайся здесь, ладно?

Олеандр спрыгнул на землю и похлопал Абутилона по спине.

Неожиданно приятель вздрогнул. Боднул его в плечо, отталкивая к дереву, а сам отскочил от пролетевшего мимо клубка чернильной темноты. Олеандр больно ударился о ствол, вскинул голову и тут же выкрикнул:

— Слева!

И Абутилон заплясал на тропе, уворачиваясь от смоляных шаров и вздымая тучи иссохших листьев. Бутоны на его рогах распустились, оголяя тычинки. Он повёл мордой, сбрасывая с цветов дурманящую пыльцу и сдувая ее к кустарнику, дымившемуся и увенчанному изогнутыми рогами.

Из тьмы листвы послышалось угрожающее рычание, какому обычно сопутствует шарканье лапой. Смоляная конечность уперлась в дерево рядом, крючковатые когти с хрустом врезались в кору.

Олеандр подобрал накидку. Выхватил из ножен саблю. Хин вытянулся в рост. Вытекавшая из его костяной пасти слизь марала листья, оседала на них тяжелыми каплями.

— В маскировке ты не шибко преуспел, — выдал Олеандр. — Я в жизни не видывал кустов с рогами.

Выдал и пожалел. Стрелял хин лучше, чем маскировался. Угольный шар колдовства просвистел над плечом, а в голове Олеандра промелькнула мысль о повторении уже пережитой истории. Он не растерялся. Ушел в сторону, спасаясь от второго удара. И тут же Абутилон оттолкнулся от земли. Бросился к хину в длиннющем невообразимом прыжке.

— Аби, нет! — Олеандр воззвал к чарам, но запоздало.

Приземлился элафия, окутанный тьмой. Копыта его заплелись, бутоны на рогах сомкнули лепестки. Он врезался в дерево, споткнулся и повалился на бок.

Ярость забурилась в Олеандре безудержным пламенем. Клинок в руке почернел, заключился в кокон изо льда.

Олеандр бросился в бой, как озверелый хищник, орудуя саблей и нанося удар за ударом. Алые глаза хина, которые так и хотелось выкорчевать, теперь блестели очень близко, сверкали огненными звездами. Где-то в глубине души, в самых потаенных ее уголках Олеандр сознавал, что одержим. Но — Боги милостивые! — столь же сладок был тот гнев, сколь и горек.

И удаль, охватившая сознание, подстегивала Олеандра с каждым уклонением в повороте, с каждым росчерком лезвия.

Хин кружился в бешеном танце. Уворачивался, следил за полоской клинка. В один миг он ушел от лезвия, в другой Олеандр опутал его копыта ветвями. И зверь, запнувшись, упал и вонзился когтями в почву.

Олеандр застыл, вращая рукоять сабли вокруг тыльной стороны кисти и снова сжимая в ладони. Ведомые чарами, пара ветвей спустились к нему, подхватили, вознося над повитой сорняками тушей. Он стащил накидку через голову. Отшвырнул. Перекинул ноги через сук и повис вниз головой.

Сквозь череду кровожадных мыслей, жалящих ум, прорвался шелест шагов, а следом голос. Кажется, сюда кто-то шёл. Кажется, этот кто-то кричал, велел не отнимать у хина жизнь.

Еще чего! Острие сабли нацелилось на хина. Настал миг расплаты за прегрешения.

— Да погоди ты! — в который раз донесся до слуха вопль. — Прекрати! Ты что делать удумала?

— Убивать, — отозвался Олеандр.

Взмах ноги — и тело, совершив сальто, понеслось вниз. Ледяное лезвие хищно сверкнуло во тьме. Оно почти вонзилось в чающую плоть, как на его пути вырос сверкающий серебром бульжник.

— Что за?.. Откуда?..

Олеандр рухнул на камень и сразу же скатился с него. Ударился еще раз, теперь уже о землю — бульжник, оказывается, висел в воздухе, прикрывая хина. По телу расползлась клокочущая дрожь. Клинок вывалился из занемевших рук. И внутри будто солнце взошло, светом истины озарившее разум.

Слепящая ярость улетучилась, Олеандр поёжился. Все встало на свои места: объятый гневом, он вызвал злобу из клинка. Поглотил. И отразил на хина, словно кусок отполированного металла.

Треклятая сабля Дэлмара[2]! Ну вот какой немой мантикоры она решила вдруг заработать?

— Вы как? — раздался поблизости все тот же странный голос, чуть заглушаемый шорохом листвы.

Бульжник мягко уселся на землю. Олеандр растёр ушибленную макушку, поглядывая на зверя.

— Не буду лгать, Барклей меня нынче озадачивает, — между тем продолжил незнакомец. Его глухие шаги, сопровождаемые треском хвороста, звучали все отчетливее. —

Хин, силин...

Силин! Эсфирь! Побег!

— Ты видел силина? — Олеандр приподнялся на локтях и выразительно глянул на подоспевшего юношу. — С ним была белокрылая девушка? Где ты его видел? Где-то рядом? Она...

Он осекся. Рядом с оцепеневшим элафия и опутанным хином стоял ореад. И не абы какой, а...

— Сапфир?

— А? — Ореад вопросительно приподнял серую бровь. — Верно, вы слышали обо мне от наследника Барклей?

— Я и есть наследник Барклей, Сапфир! — растирая спину, Олеандр вытянулся в рост и развел руки в стороны.

— О! — ахнул приятель. — Не признал. Ты на кой глаза-то подвел? Говорил ведь, что тебе претит сходство с девицей.

Названный брат Рубина не изменился. Все такой же сухотелый и бледнолицый. Он смотрел на Олеандра в упор и шурил и без того узкие синие глаза. За ссутуленными плечами вырисовывались изгибы пепельных крыльев. Короткие серые волосы торчали в разные стороны. Кожу предплечий перекрывали растрескавшиеся каменные полотна-рукава.

— Зачем ты с хином сцепился? — растерянно пробормотал Сапфир, почесывая макушку когтем. — И как сцепился-то! Танглей по тебе плачет! Только там я такие трюки и лицезрел!

— Не ори, — шикнул Олеандр.

Благо лес из голов собратьев вокруг него до сих пор не вырос. Чудо, иначе и не скажешь. Зеленоватый дым, наполнявший воздух, мерк и уплывал в сторону Шёлкового моря.

— А как ты...

— Тпру! — Олеандр с сочувствием поглядел на элафия, а затем ухватил Сапфира за плечи и спросил: — Прошу, сосредоточься и поведай, где ты видел силина? Где-то поблизости, верно?

Ореад подтвердил догадки. Как вышло, только он ступил в лес, его едва не ошеломило. Глаза-блюдца долго наблюдали за ним, пока он отходил все левее и левее, а потом услышал звуки боя.

— Не хотел я с ним драться, — пояснил Сапфир. — Посему и поспешил уйти. От греха подальше. Вот!..

Он взбежал на пригорок и указал на темневшее внизу дерево. Один из вздыбившихся корней там как бы отгибал край почвы. Над земляным карманом густел всё тот же зеленоватый дым.

— Сюда я вышел, — добавил ореад. — Девушку не видел. Но силин точно напал на меня где-то здесь.

Пришлось Олеандру смириться, что хозяина чар он прозевал. Одно радовало: помимо ореада ныне рядом никто не крутился. Лес снова дышал тишиной, укрытый ночным покрывалом.

— У Абутиллона чары выхлебали, — прошептал Олеандр. — Будь добр, оттащи его от хина и прикрой ветками.

— Хорошо, — кивнул ореад.

— Потом ступай за мной.

— Куда за тобой?

— В самом деле, Сапфир! — Олеандр посмотрел на него. — Тофос тебе крылья даровал — найдешь!

В небе уже забрезжил рассвет. Разбегавшиеся тучи выгоняли из лесу тени. Наученный горьким опытом, Олеандр продвигался перебежками и прятался за деревьями. Всё чаще глазам являлись невесть кем обожжённые сучья. Всё чаще разум одолевала мысль: «Кажется, неподалёку кто-то подрался».

Треклятая сабля Дэлмара, припрятанная в ножнах за поясом, так и резала глаз. Олеандр старался не смотреть на неё. Старался сосредоточиться на поисках. И удача повернулась к нему лицом.

Лес в этом месте обрывался. Плетеная из ветвей и лоз ограда спутывалась стеной и обозначала конец территории дриад. За оградой простиралась обрыв и узкая полоска ничейного песчаного берега, облизываемая морем. Вот к ней-то силин и подтаскивал Эсфирь, уцепившись зубами за кофту. Смотреть было больно, как её крылья и тело волочились по земле.

Опять она сознание потеряла, что ли? Хин настиг?

Каждый нерв во плоти Олеандра пробудился от острого желания кинуться Эсфирь на помощь, сделать для нее хоть что-то хорошее, ведь отчасти она пострадала из-за мнительности его соплеменника.

Он опустил на корточки, прижал подсвеченную чарами ладонь к земле. С пальцев соскочила мерцающая зелень. Огибая корни и кустарники, она ковром раскатилась по почве. Уперлась в ограду, к которой силин подтянул Эсфирь. И поползла выше, впитываясь в древесные завитки и узлы.

Безмолвный приказ — и перевязь дрогнула. Ветви и лозы зашевелились, распутываясь, как змеинный клубок.

Силин зашипел. Покосился сперва на разраставшуюся дыру, потом на дерево, из-за которого выглядывал Олеандр.

— Ну иди же, иди, — шептал он, надеясь, что зверь вытащит Эсфирь к морю — туда дриады вряд ли пойдут.

И чудо произошло.

[1]Пои — пара шаров, связанных верёвкой или цепью, инвентарь для кручения и жонглирования.

[2]Сабля Дэлмара — оружие, по легенде некогда посланное океанидам самим Умброй и наделенное даром впитывать гнев. Испокон веков оно передавалось членами правящей династии от отца к сыну, помогало им обуздать эмоции. Но с течением времени все пошло наперекосяк. Оружие сменяло одного владельца за другим. Наполнялось яростью хозяев. Перевоплощалось, являя собой опасный артефакт, способный удваивать, а то и утраивать злобу любого существа. И в конечном итоге, как ошибочно сочли многие, лишилось чар и потеряло ценность вместе с опасностью.

Чужой среди чужих

Змеиное говнище! Рубин растирал глаза в попытке хоть немного привести себя в чувства.

Полудурок! Какой же он полудурок!

Нужно было сразу припомнить рассказы о Стальном Шипе и понять, что тот не утвердил бы на должность палача неумежу. Но нет. Узрев смазливое лицо Каладиума, Рубин решил, что навыки и умения того сводятся к совращению недалеких девиц и пустому словоблудию.

Проще говоря, Каладиум привиделся Рубину одним из тех бездарей, какие увешиваются клинками для украшения.

Тьфу ты!..

Рубин вздохнул. Спустил ноги с ложа и прохрустел пальцами. Интересно, что всю ненависть к Палачу как ядом смыло. Ловкость и изящество, с которыми он уворачивался от пламени и наносил удар за ударом, невольно осели в душе едким горючим, растопившим угли восхищения.

Таким матерым умельцем Рубин желал видеть себя — стремительным и точным, как пущенная по ветру стрела.

Сойдясь в бою с Янаром[1], Палачвряд ли одержал бы победу. И все же подобное мастерство испокон веков заслуживало уважения.

Но довольно пустых дум! В дуэли той распрекрасной Рубина ранили. И ранили серьезно.

Он тронул бедро, намереваясь стянуть штаны и осмотреть порез, как позади раздался надменный голос:

— Ну-с, не сын Цитрина, все разбежались. Полагаю, теперь мы с вами можем побеседовать?

Руки интуитивно потянулись за голову к мечам-парникам, но нащупали лишь ворот безрукавки, замызганной кровью. Рубин обернулся. Каладиум стоял у противоположной стены, сжимая бурые, обтянутые чешуйчатой кожей ножны; два скрещенных чехла венчали каменные рукояти искомым лезвий.

— Какой мантикоры ты!.. — прошипел было Рубин.

Но Стальной Палач оказался расторопней:

— Осторожнее с оскорблениями, не сын Цитрина. — Да он издевается! — Смек заметить, ныне вы пребываете в крайне невыгодном положении, чтобы хамить члену правительственного совета.

— Члену, говоришь? — гоготнул Рубин. — Ты там один мужик, что ли?

Каладиум коснулся полоски усов под губой. И криво улыбнулся:

— На мой вкус — пошловато, — промурлыкал он. — Да и поймет далеко не каждый, знаете ли. В таком значении это слово употребляется крайне редко. Я бы даже сказал, весьма и весьма редко.

— Слушай, мне вот любопытно, — Рубин откинулся на стену и сплел пальцы на животе, — а какого называют дриады, м? Дубинка? Палка-копалка? Или как там было в той сказке вашей... Ха! — Он хлопнул себя по бедрам. — Вспомнил! Древко-встанька!

— И ничему-то вас жизнь не учит. — Улыбка сползла с лица Каладиума. — Видит

Тофос, я желал того избежать, но...

Едва уловимый щелчок пальцев — и дверь распахнулась. В дом влетели два рослых хранителя. Их клинки, прочертив в воздухе дуги, застыли у кадыка Рубина. От потрясения он едва не прикусил язык. Пот ручьем хлынул по спине, в ушах зазвенело.

— Прикрываешься за чужими спинами? Славненько.

Хранители не дрогнули, даже не шелохнулись. Цокнув языком, Каладиум прошествовал в соседнюю комнату, и каблуки его сапог простучали по бревенчатому настилу ровно кирки.

Рубин мазнул взглядом по стальным шипам на плечах воинов. И оглядел их смуглые лица.

Птерис и Клематис!

Любопытно. И чего это Стальная братва вдруг пробудилась? Прежде, когда Рубин навещал Олеандра, бывлые подпевалы Эониума вели себя тише воды ниже травы, а ныне шастали по поселению чисто хозяева. Клематис, Птерис, Каладиум. Ой, да чьи только рожи не мелькали! Вся стальная свита ожила. Сознаться, после отравления наследника Рубин не раз ловил себя на мысли, что из-за дерева вот-вот высунется и сам Стальной Шип.

— Надо сказать, вы большой везунчик, мой друг, — разнесся глас Каладиума, приглушенный расстоянием и стенами. — Прямо-таки любимчик Судьбы, рожденный в древесной броне.

Еще до того, как он возвратился, в воздухе отчетливо завоняло духами.

— Итак. — На его предплечье покачивался заплечный мешок Рубина. — Изволите ли вы меня выслушать?

Будто Рубину оставили выбор, в самом деле! Острия мечей до сих утыкались в глотку. И что-то подсказывало ему, что воины не преминут пустить их в ход при малейшем намеке на сопротивление.

— ...Молчите? — донеслось от Каладиума, пока Рубин натужно соображал, где он находится.

Комната виделась просторной — просторнее, чем те каморки, где ему приходилось ночевать во время кочевания. Но какой-то высушенной, словно заброшенный склеп для захоронения. То тут, то там бревенчатые стены перекрывали иссушенные пучки трав, подвешенные на нитки под потолком. Окна застилала прогнившие кожаные пологи. Видно, не так давно на лес обрушился ливень. По тряпицам медленно стекали прозрачные капли. Воздух отдавал сыростью, а сквозь просветы занавесов в комнату просачивалась серость рассвета.

М-да уж, что огляделся, что не огляделся. Рубин понятия не имел, куда его приволокли. А пока силился сообразить, содержимое его мешка усеяло кушетку у противоположной стены.

Каладиум вытряс не все. Его заинтересовали вещи фениксов, милостью Янара отхваченные Рубином на Ифлога. Так на кушетке очутились пяток алых перьев и связка черных листьев с дерева эвено[2]. Цепочка, на которой посверкивал кулон-огонь — на каждом из четырех застывших языков пламени переливались буквы, складываемые в имя Оган — имя, каким Азер[3] желал наградить первенца. И ряд продолговатых склянок, погруженных в чехлы кожаного пояса. За мутновато-серым стеклом плескалась искрящая рыжиной кровь фениксов — без ее живительной силы Рубин давно издох бы. Травля дракайны уже не раз аукалась ему не шибко приятными недугами: от острой боли в висках до глубоких обмороков.

Еще до того как в ушах отравой разлился вкрадчивый голос, Рубин понял, каких дел натворил и прикусил губу до того сильно, что чуть не пронзил ее клыком.

— Вы спутались с фениксами. — Каладиум ткнул окольцованным пальцем в раскиданные вещи. Он смотрел на хранителей. — Видели ли вы то, что имею честь лицезреть я?

— Истинно, — хором ответили мужчины.

— Подтверждаете ли вы, что все узримые вами предметы с Ифлога были найдены в мешке Змея?

— Подтверждаем.

— Как законы клана дриад велят наказывать подозреваемого в сговоре с фениксами, ежели вина его доказана?

— Заключение под стражу и казнь через удушение.

— Да-а, — протянул Каладиум, — как оказалось, в этот закончик поправки еще не внесены. Едва ли Антуриум мог предвидеть, что недосын его давнего приятеля заявится в Барклей с барахлом фениксов...

Он подцепил ногой резной табурет и уселся на него. Уткнулся локтями в колени, кулаками подпер подбородок. Глумливо оскалился, а следом вымолвил до зубного скрежета насмешливое:

— Ай!..

Каладиум глядел на Рубина с тем самодовольством, какое выказывал в мгновения их недолгой дуэли.

Что делать? Что делать? Что делать? — закрутился в голове Рубина вопрос, когда раздался звучный щелчок пальцев. Хранители спокойно отвели лезвия в стороны и сделали два шага назад.

И как у стальной братвы только руки не отсохли?

— ...Думается, — с издёвкой вымолвил Каладиум, — ядок больше подтекать не будет, верно?

Спазм сковал шею Рубина — не шевельнуться. Олеандр спас его от гибели один раз. Быть может, убережет и во второй?

— Где наследник?

— Ой, — отмахнулся Каладиум, — вы ведь ничего не знаете. Точно. Олеандр девицу в клан притащил. Аспарагус счел её вырожденкой, наследник считает иначе. Девчонка сбежала, и они... В догонялки они там играют, словом. Забавно, истинно? Она-то, как видится, и исцелила вас.

— Что за!.. — Рубин осекся, глядя на дыру в портках. Порез, запекшийся кровью, бедро не украшал — рана и правда исчезла. — Хм-м...

В хижине сгустилась тишина. Он тяжело дышал, силясь собраться с мыслями. И какого хромого хина ему не сиделось в тоннеле? На кой он кинул там вещи и ввязался в игру «поймай шерстяной веник прежде, чем тот разнесёт поселение»? На кой полез с огнем на Стального Палача?

Глушница! Клятое дриадово пойло, пьянящее разум похлеще дурмана! Да чтоб Рубин еще хоть раз к нему прикоснулся!

Он уперся кулаком в ложе и смежил веки. Его трясло. В груди против воли разгоралось пламя гнева.

— К чему это представление, дорогуша? — прошипел он. — Ни ты, ни твои подпевалы

и понятия не имеют, кому я прихожусь сыном! Да Янар от вас и кучки пепла не оставит, ежели...

— Янар! — В рассветном сумраке сверкнула белизной широкая улыбка. Бровь Каладиума выразительно изогнулась. — Слыхали? — Он перевел взор на воинов. — Ля, какими парень именами раскидывается!

— Истинно, — ответили хранители.

Твою ж!..

— Янар, значит-са, — повторил Каладиум. — Брат владыки Ифлога...

— Владыка, — вставил Рубин.

— М-м-м. А что с Азером случилось?

И кто Рубина за язык тянул?

— Пал.

— Что ж, благодарю за ценные сведения. Не ведал я, что на Ифлога власть сменилась. Но полно. Вам есть что сказать перед смертью?

Спору нет, Каладиум хорош, словно извергающийся вулкан. Потрясающее зрелище, да надежнее заглядываться на него с вершины далёкой горы. По дурости и самонадеянности Рубин подполз слишком близко. Новый поток оскорблений так и рвался с губ, едкой сажей растекался по языку. Но Рубин велел себе думать и рассуждать, как советовал Олеандр.

И тут рассудок подкинул вопрос: «Почему Каладиум тянет время?»

Почему Рубин до сих пор дышит? Не варится заживо во чреве плотоядного цветка, не валяется в грязи с перерезанной глоткой. И даже не просиживает зад в пропахшей деревом и землей темнице?

Тебе даруют шанс заключить договор, — набатом отразился в сознании голос Олеандра.

Точно!

— Чего ты хочешь? — спросил Рубин.

От Каладиума исходила насмешливая решимость. Взгляд лиловых глаз резал без лезвия.

— Неожиданно. — Слова его зазвучали, как клацанье бича. — Оказывается, мозги у вас еще не спеклись.

Стальные хранители отступили еще дальше. Встали от Каладиума по обе руки. И Рубин ощутил себя червяком, который высунулся в логове грифонов.

Брякнула заколка-трилистник, смыкающая ворот золотого плаща. Каладиум приподнялся. Стянул накидку и остался — Умбра, выколи Рубину глаза! — в шелковой тунике цвета крови и черных шароварах. Палач выглядел, как трагический герой-любовник. Художники обычно запечатлевают таких с прижатым к груди цветком и взором, устремленным к лику луны.

К горлу подкатил комок тошноты. Рубин прижал кулак к губам и отвернулся, слясь обуздать рвоту, как вдруг комнату озарил зеленый свет чар. Ставни захлопнулись, и хижина погрузилась в полумрак. Только колдовство дриад и разгоняло темноту, комкаясь под потолком.

Зрачки Рубина вытянулись. Обратились вертикальными щелями, а следом почти полностью заполонили глаза.

— Мне нужен огонь, — возвестил Каладиум. — Заговорённое пламя феникса с примесью яда дракайна, помещенное в предмет-сосуд. Вы гибрид. Значит, навыком владеете, верно? Как быстро испаряются ваши чары?

И всего-то? Сознаться, Рубин ожидал куда более размашистой просьбы. Изувечить кого-то, отравить... На худой конец, украсть ценную безделушку. Чужими руками-то оно всегда безопаснее.

— За четыре дня ручаюсь, — отозвался он. — А больше... — Он пожал плечами. — Может, выгорит. Может, не выгорит. Я-таки не выродок, смекаешь? И действовать мне придется резво.

— Пока идет перевоплощение — ведаю, — закончил Каладиум. И воздух от речей его, казалось, загустел. — Добро. Зелен лист, мы даруем друг другу клятвы о неразглашении подробностей встречи. Всех и каждой. Вплоть до той, что мы вообще вели беседу. Вещички с Ифлога останутся при вас.

Видит Умбра, молчание Стального Палача сулило Рубину избавление от многих проблем.

Тем не менее даже клятвы можно нарушить. Их нерушимость могли скрепить лишь мойры — порождения Тофоса, которые вели отшельническую жизнь и чурались иных существ. Посему-то Рубин и поперхнулся слюной, когда Каладиум вытянул из нагрудного кармана золотистый волос. Его свет резал взор почище тончайшего лезвия ножа.

К такому жизнь Рубина не готовила. Все заготовленные вопросы шипами встали поперек горла, страхась вылетать в мир, который определенно сошел с ума. Как?! Что существу должно свершить, чтобы отщепенка-мойра добровольно передала ему волос, пропитанный чарами?!

Острого ума для этого недостаточно.

— Тут нужно Творцом уродиться, — вслух произнес Рубин.

— Богом меня еще не нарекали. — На лице Каладиума читался с трудом удерживаемый смех. — Благодарствую.

Рубин вытер ладонью катившийся по лбу и вискам пот. Последние сомнения стерлись. На смуглой ладони перед ним лежала пресловутая нить Судьбы. И наблюдая, как танцуют в ее толщах витки колдовства, как они переливаются золотом и манят к себе, он не мог ей не верить.

Наступило тягостное затишье, которое в конце концов нарушил его сдавленный возглас: — По рукам.

Такие клятвы затыкали плотки крепче эвеновых пробок, отмоченных в вулканической лаве.

Но Рубин не будет размышлять о мойрах. Он просто сделает дело и отвяжется от Каладиума.

Удивительно, но Каладиум свершил все так, как и было оговорено. Зароки зачитывались долго и нудно, чтобы исключить лазейки. Но вскоре волос мойры расслоился и овил шеи принесших клятвы подобно ожерельям из золота. Это была обманка. За красотой украшения, впитавшегося в кожу, таилась опасность — кара, горадая настичь клятвопреступника на краю света.

Какая? Палач не ответил. Но чутье подсказывало Рубину, что связана она либо с удушением, либо с обезглавливанием. Скорее всего, со вторым — под стать былому ремеслу Каладиума.

Ходили слухи, Каладиум никогда не отсекал головы одним верным росчерком лезвия. Вроде и меч хватал заточенный до зеркального блеска. Вроде и лёгкости руки его

позавидовал бы всякий лихой истязатель. Да что-то извечно шло сикось-накось, и приговоренных настигали мучения.

Казни превращались в неумелую разделку туш. Каладиум попросту кромсал соплеменников.

Отсюда и прозвище одно получил — Потрошитель.

Ни один окаянник, будь он хоть тысячу раз грешен, не заслуживал столь лютой смерти. И это не упоминая уже о том, что за душами дриад обычно стояли плевые провинности.

Стальная братва давно упорхнула, а Рубин всё протирал портки о кушетку, пялясь в стену и сознавая произошедшее. Сказать, что Каладиум теперь пугал его до хиновых бредней, значит не сказать ничего.

— Эпоха Стальных Шипов, — только и выдал Рубин, покручивая в пальцах самокрутку.

И в грязи этих слов все вопросы потонули. Лес тогда настигло гиблое время, безжалостное и кровопролитное.

Дрожащими руками Рубин поднес курево ко рту и стиснул зубами. Разжѐг на ладони огонек и вскоре выдохнул к потолку сгусток дыма. Скучные пожитки из новой жизни, которую он обрѐл у фениксов, уже потонули на дне мешка. И он коснулся единственно сбереженных предметов из старой жизни — мечей-парников, от грузных рубинов на гардах которых исходил приятный холодок.

Рубин погладил их подушечками пальцев. И воспоминания пробудились. Перед глазами с кристальной ясностью пронесли вечера, когда он, еще будучи сопливым юнцом, воображал себя бывалым воякой. Носился по каменистым тропам Ааронг и размахивал дарованными Цитрином клинками.

Курево чуть не соскользнуло с губ. К счастью, Рубин подхватил его языком и потушил. Отдернул кисть от оружия, словно касания нанесли мечам оскорбление. И ощутил, как в груди затрепыхалось в сомнениях то, чему он трепыхаться запретил.

Наперекор свершенному выбору, душу раздирало на части. Одна тянулась к истрескавшимся скалам, желая увидеть лица Яшмы и Цитрина, Сапфира и Чароит. Другая — к фениксам, истинным собратьям, которые не гнушались марать руки в чужой крови. К Янару, подлинному дяде, чьи боевые навыки приводили в восторг. А слова о том, что ни одному портрету не дано отразить черты Азера столь же точно, сколь лицу Рубина, заставили преклонить колено.

Азер и Рубин ходили друг на друга, как две искры в костре.

Это был удар в сердце. Янар не просто открыл Рубину имя родного отца. Верховный заклинатель огня даровал ему право пребывать на Ифлога столько, сколько вздумается. А взамен попросил безделицу — наказать океанида, повинного в смерти Азера. Кому как не сыну павшего владыки вершить правосудие?

Мудро? Справедливо? Да как яду испить!

Ко всему прочему, лицо убийцы было известно. Не только Янару. Рубину тоже, ведь на эту горделивую рожу с разномастными зенками он в былые деньки насмотрелся, перебирая рисунки Олеандра.

Глендауэр! Вот кто убил Азера!

Самокрутка повалилась на пол, и Рубин растер ее каблуком сапога. Осознав, что гневается, прикусил язык и не отпускал до тех пор, пока боль не расшвыряла тяжелые мысли по углам.

Нет. Он не вернѐтся на Ааронг. Ни за что не вернѐтся. Руками фениксов он обрел дом и

жизненную цель. У ореад же — от заката до рассвета прозябал среди камней. Влачил тухлое существование, ощущая себя чужим среди чужих. И внимал нравоучениям Цитрина о том, что тяга к истинным братьям есть не более чем зов плоти и сущности, первородный инстинкт.

Свой выбор Рубин сделал. Отступить значит изменить самому себе.

[1]Янар — нынешний владыка Ифлога, правитель клана фениксов.

[2]Эвено — неопалимое дерево с черными листьями, растущее исключительно на Ифлога.

[3]Азер — ныне покойный правитель клана фениксов, старший брат Янара.

Танцы на лезвии ножа

Силин притащил Эсфирь на песчаную пустошь — участок бесхозной земли, веками отсекающий лес от воды. Почти всё восточное побережье занимали скалы, и лес круто переходил в обрыв. Но именно тут на несколько пядей вперед стелился пологий проход к Шелковому морю, бесконечному, лоснившемуся мягкими отблесками восходящего солнца.

Облака изукрашивали небеса серыми пятнами. Ливень уже не хлестал, и птицы вновь кружились над водной гладью, то камнем бросаясь вниз, то взмывая ввысь с бьющейся в клюве рыбой.

Промокший и уставший, с трясущимися от напряжения руками, Олеандр ткнулся носом в ограду из вьющихся лоз и ветвей. Через щель он наблюдал за отступавшим по песку силином и думал, как подобраться к Эсфирь и не угодить под чары ошеломления. В подушку для терзания превращаться тоже не хотелось, а вот досчитаться пальцев, напротив, крайне желалось.

Ой, пошло оно всё! Олеандр и так потерял время. Еще не хватало, чтобы из-за его нездоровой склонности просчитывать каждый шаг Эсфирь сломала крылья. Волочение, пусть и по песку, явно не шло им на пользу — силин утягивал её к водице, как мешок с требухой.

Что это? Только ныне Олеандр осознал, что силин и Эсфирь перемазаны в крови.

— Я оттащил Абутилона подальше, — послышался за спиной возглас. — А хин так и лежит связанный и...

— Не ори. — Олеандр обернулся и наградил приятеля взором, смысл которого был понятен без слов.

Примирительно вскинув ладони, Сапфир приблизился к щели в ограде и прищурился.

— Великий Тофос! — едва слышно произнес он. — Ого! Я... Это её ты искал? Почему она в крови? Я не вижу никаких ран.

Олеандр моргнул.

— Уверен? — уточнил он. — Кровь обычно из чего-то вытекает, сознаешь?

— Её слишком много, — с нажимом ответил Сапфир. — Быть может, мелкие царапины даже я отсюда не вижу, но...

Столько кровищи ими не оправдать, — рассудил Олеандр. С губ слетел вздох облегчения с толикой непонимания. В услышанном сомневаться не приходилось. Пролетая высоко над землей, орады при желании и черного жучка разглядывали на черном камне. А ныне ночь стремительно уступала господство над миром утру, что существенно упрощало задачу.

Догадка о нападении хина рассыпалась пеплом, как сгоревшая ветвь.

— Откуда тогда кровь взялась? — вырвалось у Олеандра.

Вид у Сапфира был хищный, почти как у дикого стервятника на охоте. Его когти медленно скользили по прутьям ограды. Звук получался такой, словно он перебирал зубья гребня для волос.

— Я могу ошибаться, — туманно начал он, переводя взор на Олеандра. — Ты только не пойми меня неправильно, но...

Некоторые выражения лиц отражают помыслы вернее речей. Примерно как рисунок, где глубоко одинокое существо изображает себя в компании веселящихся друзей-соратников.

Догадаться о потаенных думах в таком случае столь же легко, сколь и перевести на нужный лад ужимки Сапфира.

— ...быть может, это кровь кого-то, кто ей не угодил? — продолжил он.

И Олеандр мысленно усмехнулся.

— Сговорились вы все, что ли? Тоже думаешь, что она выродок? Между прочим, она недобратца твоего ядовитого с того света вытянула!

— Рубин в Барклей?!

Лицо Сапфира посерело и пошло трещинами, выдавая его родство с камнем. Одно радовало — он растерялся.

Пока он силился зажечь в голове свет и отыскать разбежавшиеся мысли, Олеандр расширял щель, и вскоре они очутились по ту сторону ограды и торопливо побрели за силином.

На берегу дышалось легче. Не ведал Олеандр, с чем это связано, но в Барклей ныне царила убийственная, звенящая на самых высоких нотах тишина, из-за которой в груди прорастало семя недоброго предчувствия.

Хотя силин и оттащил Эсфирь за ближайшую скалу, выступавшую почти что из воды, к ней тянулся след из крови и опавших перьев. Стараясь на намочить ноги, Олеандр обогнул каменистую стену. И столкнулся с гневным взором глаз-блюдец. Рожки силина зашевелились.

— Мы тебя не тронем! — возвестил Олеандр.

— Ты не сумеешь ей помочь. — Голос Сапфира звучал мягко, но уверенно. Он указал на Эсфирь, чье оперение и кудри облизывала вода. — Доверься нам, я тоже горник, мы почти братья.

Усатая морда повернулась к ореаду. Сперва силин наградил его презрительным взглядом, каким правитель одаривает жалкого подданного. Но мгновением позже — невероятно! — заскулил. И то был вовсе не вой одинокого низшего, призывающего соплеменников на подмогу, а печальное завывание уставшего зверька, охваченного нестерпимой тревогой.

Птичий крик глухим эхом отразился от каменной возвышенности. И в тот же миг по округе разнесся леденящий кровь хохот.

— Что это? — Сердце Олеандра ухнулось в пятки.

Сапфир споткнулся на ровном месте и едва не шлепнулся. Они переглянулись и вскинули головы к краю обрыва.

— Дриады? — предположил Сапфир.

— Не думаю. — Голос Олеандра обострился смятением.

Завитки ушей вытянулись в струнки. По слуху ударило странное колотье не то погремущки, не то трещотки. В памяти вспыхнуло воспоминание о ламии-гряде, с которой, возможно, сотрудничал дриад-покуситель.

— Ламия? — В груди Олеандра зашевелился росток волнения.

— Поглядим.

Ореад взмахнул крыльями. Ветер рывком подхватил его тело, поднимая ввысь.

— Куда?! — Олеандр окликнул его, заклиная немедленно возвратиться, но зов поглотила раскатистая громовая волна.

Над морем запрыгали ломаные нити грозových разрядов, вестников скорого пришествия гряды.

Силин принялся оттащить Эсфирь под скалу, будто пытаясь сбегать от наступающей угрозы.

Сердце, растревоженное дурным предчаением, гулко ударило о ребра. Олеандр инстинктивно коснулся сабли Дэлмара, но тут же отдернул кисть. Прислушался к шорохам.

— Уходим, Олеандр, уходим! — Сапфир камнем спикировал на берег. — В лесу выродки!

Послышался треск; это ветви ограды сломались и опали, сдавшись под натиском перьев-лезвий. Из леса, заливаясь смехом и облизывая когти, на склон вышли две вырожденки: стемфа-мойра и ламия-гряда.

Первая уродилась красавицей. Тонкая и звонкая, с хвостом золотых волос и похожего оттенка глазами, она приковывала взоры. Если бы не перепончатые крылья, перемазанные кровью, если бы не сдавленный писк Сапфира, Олеандр, наверное, пустил бы слюну.

— Мы умрем, — выдавил орад, когда две пары вырожденских глаз устремились к ним. Своевременное примечание! Олеандр стиснул кулаки, но все равно не смог скрыть дрожь в руках.

— Скорее всего, сбежать мы не сможем, — вымолвил он. — Отступая, нам придется защищаться.

— Положим, бескрылой твари мы сумеем дать отпор, — рассудил Сапфир. — Но мойра!..

— Да-а...

Связываться с мойрой не хотелось. Потому что мойр Тофос наделил редким умением — они возвращали пущенные в них чары и снаряды. Навык их называли по-разному: кто возмездием, кто ударом Судьбы.

Девушки двинулись к берегу пьяным шагом. Золотая раскрыла крылья. Другая уперлась ладонями в песок. Выгнула спину и продолжила путь ползком, как паучиха. Ее лицо расчертили вздувшиеся вены. Багряные кудри извивались над плечами, будто она находилась под водой.

— Мяско-мяско-мяско! — Издевательский лепет паучихи повис в воздухе, прерванный гулким хохотом мойры.

Олеандру стало тошно, но он довольно быстро оправился. Листья на его предплечьях ощерились. Засверкали в приглушенном свете.

— Мы не справимся, — заключил Сапфир.

Его привычная сутуловатость сменилась бравой выправкой.

— Улетай, — прошептал Олеандр. — Я попробую их отвлечь, а ты...

— Какого ты обо мне мнения?

— Тогда вместе.

— До победы.

Полыхающие молнии стекли с ладоней паучихи и взметнулись ввысь, соединяя небеса и почву двумя зигзагами. Разряды друг за другом распоролы воздух. Косым дождем хлынули на берег, вкалываясь в песок. Прижавшись к скале, Олеандр пустил по торчащему корню чары, но тот оторвался.

Проклятие!

Где Сапфир? Олеандр огляделся и заметил его крылатый силуэт, несшийся вдоль каменного склона.

Оценить разделявшее их расстояние не вышло — над головой просвистел грозовой кол,

растаявший в воздухе. И Олеандра прошиб ледяной пот. Он забылся. Забылся и едва не обратился кучкой тлеющих щепок. Страшно подумать, что случилось бы, упали орудие в воду.

Делать нечего, придётся ему тащить листья навстречу беде. Иначе велик шанс подвести выроженку к Эсфирь, а это усложнит задачу. Вдобавок так он, возможно, выиграет время для Сапфира.

Дриад против граяды — нетрудно догадаться, кому здесь кланяется господин Преимущество.

Но!.. Раз, два, три: решение принято!

Да сжалится над ним Тофос, ежели к творениям у него имеется хоть немного сострадания!

Сияясь не думать о том, что следующая молния угодит в лоб, Олеандр затаил дыхание, накрыл ладонью эфес сабли. Пробежка в сторону — и он обогнул скалу. Сабля с тихим шелестом покинула ножны.

Медленно, сосредоточенно думая, как переносит вес с одной ноги на другую, Олеандр ступил вперед и сглотнул подступивший к глотке комок. Электрические зигзаги, искрясь и извиваясь, плясали на склоне. Какой прорвой чар нужно располагать, чтобы такие смастерить? Счастье, что они извергали разряды беспорядочно, пока ни в кого конкретно не целясь.

Выроженки не спешили нападать. Золотая топталась на склоне, со зверским вожделием развязывала холщовый мешок, из прорехи которого торчала лиственная палка. Рядом с нею на кровавой кляксе раскинулось худощавое тело паучихи, её губу и бровь пронзали металлические кольца. Услышав шорох, она вперила в Олеандра взгляд рдяных глаз, прорезанных вертикальными зрачками.

— Вышла, милашка? — Роняемые ею слова звучали, как скрежет ножовки, протягиваемой по позвоночнику. — А чего так? Расхотелось играть в прятки? Не терпится сдохнуть?

— Это мальчик, Гера. — Золотая зевнула. — Думаю, сын Антуриума.

— Правителя Антуриума, — выдал Олеандр.

И покосился на деревья. Ринуться в бой? Или повременить и дожидаться Сапфира?

— О! — ахнула Гера. — Так ты не издох еще?

— Кто вас нанял? — Глупо было бы не спросить, хотя на ответ Олеандр особо не рассчитывал.

— Дриады.

Золотая отбросила мешок на песок.

— Вия! — Гера произнесла имя подруги как предупреждение.

Чуткий слух Олеандра перехватил скрежет и рокотание. Как вдруг над обрывом, разбрызгивая воду и комья грязи, взметнулись десятки бульжников, пожираемых сизым огнем. Позади них тенью лавировал Сапфир, на плече которого возлежал — да они рехнулись! — силин.

Хвост зверя распушился. На конце вспыхнул серебристый шар чар. Вия и Гера, визжа, кинулись врассыпную. И каменные снаряды засвистели над склоном, врезаясь в землю, тараня ограду и корежа деревья.

Вера в происходящее пошатнулась: не уснул ли Олеандр, случаем? Осознание цапнуло голову враз с осколком, рассекшим висок. И он пустился наутек. Куда? Да хоть

куда-нибудь! Отыскать мало-мальски безопасное место, чтобы внутренности не превратились во внешности.

Пожелал, называется, помочь Эсфирь. И вляпался по самые листья в резню с выродками.

Все вокруг гудело, дребезжало и громыхало. Два трехнутых полудурка не иначе как явили земле конец света. Пыль и песок поднялись столь плотно, что о сносной видимости не шло и речи. Свечения было слишком много, оно ослепляло. В один миг Олеандру показалось, что ноги несут его на солнце. В другой — он отпрыгнул от зигзагов, извергавших грозные разряды.

Близость электричества пронеслась по телу колючими покалываниями.

— Идиоты-идиоты-идиоты! — прокричал Олеандр, когда над головой пролетел грузный булыжник, гордый вышибить из тела кости. — Вы хоть смотрите, куда швыряетесь!

Ответом сделался глухой удар каменюки по стволу. Дерево с грохотом рухнуло, взвевая новые тучи песка. Не выдержало тяги. Впрысочку покатило по склону. Олеандр в кувырке ушел от мчащегося ствола. Не рассчитал. Ветви стеганули по плечам, хватанули затылок. Не обращая внимания на раны, он рывком вскочил на ноги и почувствовал запах гари.

Лес горел. Оттуда стаями вылетали горлающие птицы, прорывавшиеся через клубы черного дыма.

— Сапфир! — Олеандр осматривал небо и почву, пытаясь найти двух безумцев, убедиться, что они живы. — Ну ты и придурок, Сапфир, чтоб тебя!.. Ради Умбр... ради Тофоса, Сапфир, где ты?!

Никакого отклика не последовало. Только звон разлетающихся камней да стоны израненных деревьев.

У Олеандра возникло чувство, будто он вот-вот подавится сердцем, заколотившимся у горла. Ворох оглушающих звуков не позволял сосредоточиться и прочувствовать сеть корней под землей. Пыль мешала увидеть деревья. А выплеск чар сопрягался с риском растратить их попусту.

— Потеряла меня, милашка? — Олеандр вздрогнул. Голос, который он услышал сквозь дымную взвесь, звучал ближе, чем хотелось бы. — Может, ты будешь вкуснее, чем тот другой дриад. На вид такой сладенький.

Он замер, осмысливая услышанное. А потом в голове укоренилось постижение: две вырожденки — две бездушные озверелые твари — растерзали кого-то из дриад на куски и оставили гнить.

Всё обрело смысл. И застоявшееся зеленое свечение в лесу, и глухая тишина говорили, что неподалеку лежит мертвое тело мученика, испускавшее чары. Словно в подтверждение к сапогам Олеандра прикатился мешок. Из прорехи в нём вывалилась рука — смуглая, покрытая обугленной листвой и запекшейся кровью. На кисти отпечатались следы укусов, ближе к плечу плоть изодрали до кости.

— Кого. Вы. Убили? — Олеандр не узнал собственного голоса, настолько тот прозвучал грубо. Внутри вспыхнул огненный шар, сотканный из гнева и жажды мести. — Говори, падла! Не прячься!

Олеандр поворачивался, чувствуя поблизости движение. Эфес сабли терся о ладонь, охлаждал кожу. Нервировали капли крови, стекавшие из раны на виске. Раздражала взвившаяся пыль, от которой слезились глаза. Он увидел, как по земле ползет тень. Услышал щелчки грозных разрядов. Рванул в сторону — и молния вонзилась в песок точно там, где

он только что стоял. Сновавшая по склону Гера выпрыгнула из дымовой завесы и кинулась в атаку. Зубы кланули у плеча, когда Олеандр отскочил и встретился с Герой лицом к лицу. Опутанная нитями паутины и искрящаяся, с пепельным лицом, она врѣзалась когтями в землю и ослабилась, точно хвастаясь пятнами крови на клыках — крупными, ягодно-алыми.

Иступленная злоба бушевала, закипала в груди Олеандра. Она пробуждала саблю и возвращалась троекратно. Он перекинул клинок в правую руку. Он же левша, нет? На выдохе расправил плечи. И выгнулся назад, пропуская череду грозových разрядов. Ничего себе, а он так умеет?

Олеандр принял боевую стойку. Теперь он не раздумывал. Наугад выпустил к земле чары и закружился. Паутина выстрелила в него с ладони ламии, он ушел от нее в повороте. Зажал лезвие зубами. Согнулся. Оттолкнулся. В перевороте ускользнул от молнии. Сам не зная почему и совершенно не понимая зачем, вытянул руку.

Сабля скатилась по предплечью, рукоять скользнула в ладонь. Выпад, стойка — и клинок льдисто блеснул. Олеандр ощутил, как под землей зашевелились корни. Застыл. Посмотрел на Геру. Ни единой черты невозможно было разглядеть за полыхавшей разрядами тварью.

Взметнулся и завертелся над её головой стог искр. Отслоились и напряжинились паутины, опутавшие запястья.

Почва содрогнулась. Из нее с грохотом вылетели корни. Усыпанные грязью, они толстели и трещали. Один подхватил Олеандра в прыжке и вознес к небу. Второй устремился к Гере. Попытался хлестануть по коленям, но раньше впитал разряд и вспыхнул. Третий свился кольцом, цапнул её за щиколотку и принял горестный удел собрата. Подпалённые корни раскroились. Брызнули щепками, вгоняя в песок занозу за занозой. Часть цапнула Геру.

Она завизжала. Припала к земле и принялась кататься, расколупывая каблуками песок.

Тогда-то Олеандр и узрел падение ореада. Тот пикировал над склоном, сложив обагрившееся кровью крыло.

Послышался крик. Тяжелый шлепок.

И сердце ёкнуло. Олеандр вынырнул из забвения, глотнул пагубный смог действительности. Мысли заскакали в голове. Разум пробудился.

Сапфир мертв! Затылок и висок прострелило болью. Олеандр заорал. И запястье резануло перо-лезвие. Кровь прыснула на листья и тунику. Клинок выскользнул из занемевших пальцев, затерялся в дыму.

Вия не заставила себя ждать. Золотой шлейф чар тянулся за ней тропой, она неслась Олеандру навстречу. Неслась плавно, почти не тревожа крылья, хотя одно из них на треть обуглилось.

Проклятие! Корень изогнулся. Олеандр повис на руках, спускаясь вместе с ним. Ступни коснулись земли. Правый сапог угодил во что-то липкое — к счастью, в кляксу крови, не в паутину.

— Сбежать вздумал! — и неожиданно липкая струя, ударив между лопаток, сбила его с ног.

Позади стучала трещотка — Гера приближалась. Олеандр пытался содрать склизкие канаты, заползавшие в нос и горло, сковывавшие запястья и ноги. Но тщетно. Сколько ни барахтался, даже не мог встать.

На помощь пришел корень, который слепо ткнулся в бок. Он пробрался под путы, рассек паутину, спутавшую ноги. А с той, что сковала руки, управился осколок торчащего из земли камня.

Где Гера? Олеандр услышал топот, скрежет металла, потом вперемешку с проклятиями голос:

— Ищите наследника! — И из леса выскочил Аспарагус.

За ним подтянулись и другие дриады. Трое тут же закричали, пронзенные перьями-лезвиями. И рухнули навзничь, истекая кровью.

В глотке Олеандра скатался крик. Паутина выстрелила в ногу, опутала. Рывок — и он, едва поднявшись, грохнулся. Обжег живот о щепки.

— Ты проиграл, сын Антуриума, — Гера подступала сзади. — Смирись с судьбой.

— Катись в пекло!

Олеандр схватил какую-то палку, которая валялась рядом. Не успела вырожденка прыгнуть и вонзиться в него клыками, он вскочил и швырнул в неё — о, Боги! — отгрызенную руку дриада. Она втемяшилась Гере в лицо. Сила удара была невелика. Да и орудие попало куда-то. Но песок с него просочился вырожденке в глаза и ослепил.

Недолгой заминки хватило, чтобы Олеандр воззвал в корню. Отвел его для решающего удара.

Корень взвился. Изогнулся, как натянутая тетива. Рванул к цели. Из-под багряной, заляпанной грязью челки на него воззрилось лицо с вздувшимися венами. В глазах Геры не виделось и намека на испуг — выродки и правда идеальные орудия убийства.

— Гера, я помогу!

Крик прогремел столь же внезапно, сколь круто Вия спикировала перед подругой.

О, нет-нет-нет! Ежели удар придется по мойре, возмездия не миновать!

Стук сердца залетал в уши. Олеандр спасовал. Приказал корню отступить. Но поздно. Столь стремительный разгон с наскака не погасишь. Потому скоро и раздавался хруст. Жуткий, пробирающий до судорог — с таким треском ломаются ребра. Корень врезался мойре поперек груди.

Бред какой, а? Губы Олеандра искорежила ухмылка. Его затрясло. За падением вырожденки он не наблюдал. Просто не мог смотреть и содрогаться от мысли, что рука возмездия вот-вот наградит его схожей затрешиной. А на расправу она оказалась мало того что быстрой, так еще и невидимой.

Удар вырвал из-под ног почву. Олеандра скрутило в узел, протащило по песку и впечатало во что-то твердое. Боль, подобно проглоченным лучинам, терзала и рвала на куски. Вздохи и выдохи вырывались с хрипением, отдавались ломотой в ребрах. Он хватал ртом воздух, но до легких он не доходил — будто в перегородку утыкался. Тело оцепенело, отказывалось повиноваться.

Мысли выветрились.

Остались только боль и нежелание верить, что лепестки жизни осыпаются.

С погибелью лицом к лицу

Как оказалось, у Погибели очень теплые руки. Нежные и ласковые, отчего-то такие родные. Они опустились Олеандру на щеки, даруя упоительное ощущение спокойствия, безмятежности. Он попытался пошевелиться. Но единственное, на что его хватило — приподнять палец.

Боль зверем вгрызалась в тело. В груди будто кипяток разливался.

Погибель изучала Олеандра ладонями, а потом прильнула губами к губам. И плоть снова отозвалась жжением. Он пожелал отпрянуть, но она углубила поцелуй, призывая к отклику. Он откликнулся — откликнулся, невзирая, что ребра словно разом расплавились. В горле гвоздем заколотился крик, поглощаемый и перерождаемый в выдох наслаждения.

Кто бы мог подумать, что Погибель является павшим во плоти. А еще провожает в последний путь столь нецеломудренным способом.

Действительность проявилась неожиданно. Сквозь рваный шум Олеандр различил крики соплеменников. Сквозь мерцающую пелену слез медленно проступали очертания горелых деревьев, подёрнутых дымовой завесой. Мир перед глазами склеивался. Олеандр моргнул и встретился с Погибелью лицом к лицу в лице чернокудрой девушки. Её лик казался знакомым.

Жар поцелуя остывал на губах, когда она проворковала тихо:

— Не шевелись, Листочек.

И взобралась на корень. Оттуда — на ствол поваленного дерева. И скрылась, рассеивая по воздуху запах серы и копоти.

Тогда-то в голове и завертелся круговорот пережитого. Разум Олеандра заработал, оценивая обстановку. Никакая Погибель за ним не приходила. Как цвет сорвать, он смотрел на Эсфирь. И ныне ветра глупости понесли это непутевое создание туда, где до сих пор кипел бой.

Не в силах ни перекричать собратьев, ни вмешаться в сражение, Олеандр, плохо ведая как, может, сродни гусенице, добрался до верхушки упавшего дерева. Через узкие просветы почерневших ветвей он увидел Аспарагуса, который отразил перо-лезвие в полете, плашмя подставив под него клинок. Позади него, среди надтреснутых бревен и догорающих сучков лежала...

— Драцена!

Застёжка-цветок на вороте ее плаща сверкала в свете молний и переливалась медью.

Драцена стойчески прижимала ладони к рваной ране на боку.

Чуть поодаль в дыму полыхающих деревьев кружили вооруженные дриады. Склон трещал по швам. Разверзлся под давлением корней, призванных на смену испепеленным. Скученные потоки воздуха пропахивали землю, стегали и расшвыривали хранителей, как деревянные фигурки с доски. Золотые волосы Вии то и дело мелькали среди сталкивавшихся снарядов: она что, до сих пор жива? Гера не отставала. Перемещалась столь резво, что кружилась голова.

Олеандр потерял счет попыткам встать и помочь соплеменникам, пропавшей дурехе-беглянке. Хоть кому-нибудь, в конце концов! Как вдруг призывы к атаке разом смолкли. Сгусток белой мглы — чары Эсфирь? — выпорхнул из леса и ударил Геру в живот. Тут же из-за корня выскользнул Каладиум. Его плащ взвился крылом, с руки сорвался позолоченный

кинжал.

А что произошло дальше, Олеандр толком и не понял. Только что он узрел плохо перевариваемое рассудком зрелище. И вот грозовые разряды потухли. Гера замешкалась. Вены на её висках посветлели. В глазах отразилась осознанность. Она посмотрела на Каладиума, выкрикнула:

— Мас!.. — И в тот же миг рухнула на песок как подсеченная, захлебываясь кровью.

Язык-трещотка выскользнул из-за шилоподобных зубов. Чуть повыше ложбинки между ключицами, врезавшись в горло почти до гарды, торчала рукоять позолоченного кинжала.

Это был даже не самый безжалостный удар, учитывая все, что Гера и Вия натворили. Олеандр и предположить не мог с какой непроглядной бездной выносливости и чар столкнется, вступая в бой с двукровными — как говорится, и рисунком не передать, и словами не описать.

Над склоном сомкнулась тишина, нарушаемая шелестом волн и размеренным хлопаньем крыльев. Прорезая дневное марево, Вия терялась в дыму и тучах, сопровождаемая десятком пар глаз.

— Живой! Он живой! — прогремел бас, который Олеандр узнал бы из миллионов похожих.

Огромная туша с кучерявой рыжей головой неслась на него подобно тарану. Вялому такому, прихрамывающему на левую ногу, но все равно тарану. К счастью, Олеандра удосужились спасти от безотрадной участи заново переживать переломы костей. Преградив Зефу дорогу, Каладиум с каким-то странным выражением поглядел на тело Геры.

— Что с ней произошло? — Зеф посмотрел на заросли, откуда вылетело колдовство Эсфирь.

Олеандр тоже обратил взор к лесу. Ужель её чарам подвластно взывать выродков к разуму?

— Иногда с существами такое случается, — прошипел Рубин. — Ну, знаешь, когда им в глотки ножи прилетают.

Он прохаживался по песку, стягивая огонь с ветвей и приговаривая: «Не благодарите, не благодарите». По-видимому, он опять отравил дракайна, чтобы вытащить феникса. Ну не полудурок ли? Давеча чуть язык не отвесил, а ныне как ни в чем не бывало снова играет с сущностями.

— Дык это, я ж не о том, — поправился Зеф.

И тут же осекся. Олеандр расчертил по воздуху знак — два параллельных креста, призыв к молчанию.

— Э-э-э, — протянул Зеф. — Надо бы это... то самое, как его...

— Тю! — Рубин, с чьих губ уже свисала самокрутка, выдул из носа дым и усмехнулся. — Слушайте, я, кажется, начинаю докумекивать, как к вам в хранители девица заползла...

— Еще одно слово, и я скормлю твое достоинство грифонам! — зажимая ладонью порез на боку, Драцена сплюнула кровь.

Рубин в долгу не остался:

— Не терпится поиграться с моей змейкой, милая?

— Мойра улетела, — прокричал Аспарагус, раздавливая набухшую почку перепалки в зачатке. — Где белокрылая?

Твою ж деревяшку!

— Тоже улетела в сторону моря, — солгал Олеандр. Только сейчас он осознал, что с боков его прикрывают два хранителя со стальными шипами на плащах и мечами наготове. — Я видел. Очнулся и увидел.

— М-м-м, — с обманчивой мягкостью протянул Аспарагус и стиснул эфес меча побелевшей рукой. — Быть может, чей-то взор явился столь же острым, сколь и взор наследника?

Зеф, Рубин и Драцена перехватили красноречивый взгляд Олеандра и высказались ему в поддержку. Некоторые стальные воины смолчали. Другие пожали плечами, мол, не видели, не знаем.

И тут в сад шаткого успокоения прилетело еще одно зерно. От — о, диво! — Каладиума: — Она улетела, Аспарагус.

Не то чтобы Олеандр жаловался, но встречаение Палача настораживало. Он не видел Эсфирь? Сказал бы тогда, что не видел. Смолчал бы. Но нет! Он солгал и прикрыл девицу угрожающую лесу и клану.

Почему? Не признал в ней вырожденку? Пощадил невинную жизнь, над чьей шеей по воле злого рока занесли клинок?

Вздор! Легче поверить, что Каладиум тронулся умом.

— Понятно, — Аспарагус не сводил с него изучающего взгляда. — Стало быть, нам повезло.

— Истинно, мой друг.

Что за игры эти двое ведут? Или Олеандр уже рассудком повредился? Всюду подвох мерещится.

Он дёрнул щекой. Не без помощи хранителей выполз из-за дерева и оглядел поле боя, усеянное дырами от корней и уродливыми нагромождениями камней, жженных сучьев и стволов, пускавших по ветру горящую листву.

По приказу Аспарагуса павших складывали в ряд, бок о бок. Пока что их насчиталось пятнадцать — пятнадцать из тех двадцати семи, кто пришёл на подмогу. Сапфира к распрощавшимся с жизнью не причислили. Изнуренного и бесчувственного, с обагрившимся кровью крылом, его отыскивали у воды и перенесли на склон, где он попал под опеку стражей.

В тот же миг ухмылку сдуло с лица Рубина. Он упал перед Сапфиром на колени и прижался к его лбу своим.

— Держись, братец. Я с тобой.

— Ой ли!

Но этот возглас Каладиума потонул в решительном, полном нескрываемого раздражения крике Аспарагуса:

— Довольно!

Палач вскинул окольцованные пальцы к ушам, давая понять, что вовсе не собирался разжигать ссору. Впечатление подпортила широкая улыбка, оскалом блеснувшая в дневном свету.

Олеандр глянул на Рубина, чьи алые глаза сверкнули на Каладиума так, что мороз пробежал по позвоночнику.

Что-то здесь было нечисто. Хотя, припоминая недавнюю дуэль, неудивительно, что ее участники прониклись друг к другу не самыми теплыми чувствами. Зелен лист, немалую лепту внесли и бывшие высказывания Рубина, что Цитрин ему не отец, а Сапфир, следовательно, не брат.

Что за мысли?.. Проводив взглядом воина, который бежал к Драцене со склянками, Олеандр долго соображал, не кровь ли в них плещется. Оказалось, что настойки из столистника.

На носилках из леса вынесли истерзанное тело с культями вместо левых руки и ноги и уродливыми провалами там, где когда-то красовались глаза, губы и нос. Плоть страдальца одеревенела. Огрызки белого плаща волочились по песку. Окровавленные седые пакли выглядывали из-под покрывала.

Мирт! Олеандр уже не обращал взор к лесу. Не искал Эсфирь. Ей удалось скрыться остаться незамеченной? И хорошо. Довольно с него смертей! Нервным отворотом головы он отвергал предложения о помощи. Направлял хранителей к тем, кому она требовалась больше. Боль пронизывала тело насквозь. Рассекала душу не хуже клинка. Каждый стон пострадавших шипом впивался в череп. Звенел в голове, словно колокол, и проталкивался ниже — к сердцу.

Олеандр чувствовал, как сбивается дыхание. А когда мимо пронесли дриада, из глазницы которого торчало перо-лезвие, вскрикнул и схватился за шею, задыхаясь. Дриады погибли из-за него! Из-за него! Не они должны были пасть в этом сражении. Только он — и никто иной!

Порыв ветра метнул в спину комья песка, и Олеандр едва не подпрыгнул к небесам от испуга.

— Мастер, наследнику дурно! — ударил по ушам вопль Зефа. — Кто-нибудь! Сюда бегите!

— Нет! — воскликнул Олеандр, и крик его эхом разнесся по склону. — Помогайте раненым!

— У вас паника, — прозвучал за спиной мягкий, как шелковая петля, голос. — Позвольте...

— Не позволю! — Олеандр обернулся.

Расталкивая собравшихся у дерева соплеменников, Аспарагус прорвался к нему и замер.

— Ты!.. — Заготовленные оскорбления встали поперек глотки, Олеандр застыл с открытым ртом.

Аспарагус не то снял, не то потерял маску. Грязно-розовая и дряблая левая половина его лица выглядела ужасно — словно некогда на нее пролили расплавленный металл. Глаз с поврежденной стороны был закатан. От переносицы к уху разбегались стянутые временем, но оттого не менее жуткие шрамы. Глубокие и сморщенные, они напоминали порезы на иссохшем плоде.

Ощувив укол стыда, Олеандр отвернулся — негоже пялиться на чужие увечья. Но когда архихранитель схватил его за подбородок, щемящая боль, гнев и вина снова разлились в сердце отравой.

Не слова, угрожающее рычание вырвалось из занемевшего, сведенного яростью горла:

— Мразь ты, Аспарагус! — Олеандр чувствовал, что перегибает палку, но ничего не мог с собой поделать. — Это ведь ты, верно? Ламия! Каладиум убил ламию-гряду! А еще мойра! Они тебе подчиняются? Ты втерся к моему отцу в доверие! Желаеть надавить на него, увеча его сына и губя собратьев? Хочешь подмять нас под себя и заставить действовать по твоему усмотрению, чтобы возродить стальные устои? Не выйдет! Никогда мы с отцом под тебя не прогнемся, потому что мы сильнее! Мы верим в превосходство разума над чувствами! В нас есть сострадание, мы не играемся чужими жизнями!..

Золотой глаз Аспарагуса сверкнул из-под спутанных прядей волос. Невзирая на его спокойствие и холодность, у Олеандра возникло ощущение, будто к глотке приставили нож.

— Ты не посме... — Неуловимый взмах руки, звучный шлепок, и щеку нестерпимо обожгло.

— Ох ты ж! — донеслось от дриад.

Пощечина пришлась на грани удара кулаком. У Олеандра свело челюсть и язык, который он прикусил.

Позор! Немыслимый позор! Так его еще не унижали. Да и кто осмелился бы? Ни отец ни мать не поднимали на него руку, полагая, что беседа по душам вызывает к уму куда лучше кнута и палки.

Тем не менее пожар в груди поутих. Олеандр сумел вздохнуть полной грудью. Рука Аспарагуса шевельнулась в жесте со скрещенными пальцами, мгновенно пресекая нарастающий гомон толпы. Он стрельнул на соплеменников взглядом, словно подбирая жертву. И дриад как волной смыло. Прихрамывая и то и дело оборачиваясь, Зеф примкнул к ним и отступил.

— У вас была истерика, наследник, — в голосе Аспарагуса появился оттенок стали. — Полагаю, нам должно побеседовать.

Олеандр глубоко вздохнул — через рот, поскольку нос забивал металлический запах крови.

— Вы не виноваты, — возвестил Аспарагус, и Олеандр крепко зажмурился. — Не корите себя, не стоит. Ежели бы вы не покинули поселение, ежели бы не ступили к морю...

Аспарагус прищелкнул языком и продолжил:

— ...Вестимо, такие думы тревожат ваш юный разум? Право, наследник, я и не ведал, какое вы, в сущности, еще дитя. Отчего, скажите на милость, вы учитываете лишь крайние перипетии? Будьте любезны, тогда уж смыкайте звенья цепи, начиная от вашего появления на свет. То станет вернее, не считаете? Ежели бы вы не родились, ежели бы не сделали первый вздох, первый шаг. Не сочтите за дерзость, но ныне вы весьма переоцениваете собственную значимость...

Где-то на задворках подсознания Олеандр сознавал, что его пытаются поддержать, но...

— ...Наших соплеменников погубили вырожденки, — предельно серьезным тоном заявил Аспарагус. — Это и есть истинная и непоколебимая реальность, остальное — глас потери.

— Сапфир, он точно... — успели произнести губы Олеандра, прежде чем он понял, что говорит не с отцом.

— Пострадал из-за вас? — подхватил Аспарагус. — Что ж, в таком случае позвольте поинтересоваться, говорил ли он вам, что желает вступить в сражение? Ежели так, тогда окажите наследнику Цитрина честь самолично отвечать за последствия принятых им решений.

С каждым полученным ответом в голову Олеандра лезли мысли, что незачем Аспарагусу его подбадривать, незачем помогать. Все сказанное — уловка, чтобы отвести подозрения. А внутреннее напряжение между тем рвалось наружу. Осколками тающего льда прокладывало путь к горлу и скатывалось в уголках век влагой поражения. Поражения перед дриадом, которого Олеандр описал бы просто: «Ему подвластно уничтожить жертву по щелчку пальцев. Но при этом он одарен умением видеть других насквозь, отпирать замки всяких, даже начисто проржавевших сердец. Посему в какой-то миг его становится сложно

презирать и опасаться».

— Вы верите в превосходство разума над чувствами? — Под усами Аспарагуса пробежала тень улыбки. — Быть может, докажете это делом, а не словом, м? Вы выказали мне весьма серьезные обвинения, не находите? Так окажите милость, потрудитесь извиниться.

Мнилось, не только они — лес и море застыли в ожидании. И даже время поумерило бег.

— Я... — Олеандр сглотнул. — Я прошу прощения. Сорвался. Тяжело...

— Понимаю, — отозвался Аспарагус и добавил: — Ваше мнение обо мне выросло на щедро удобренной почве — не отрицаю. Я служил вашему деду, коего вы не жалуете. И я совершал поступки, коими не горжусь. Разделял ли я взгляды Стального Шипа? Отчасти. Разделяю ли я взгляды правителя Антуриума? Отчасти. Обоим я клялся в верности. За обоим отдал бы жизнь. Владыка Эониум был... Как бы это сказать?.. Не хватало ему осторожности и аккуратности. Он не умел сдерживать порывы. Не умел подавлять вспышки гнева. Антуриум же с юных лет отличался сдержанностью. Он не унаследовал пагубных качеств отца. Сие бремя досталось вам, наследник, уж не сочтите за дерзость.

— Я не похож на Эониума, — буркнул Олеандр.

— Похожи, — прозвучало следом. — Но вы похожи и на владыку Антуриума. А каким вы станете по итогу, определяют ваши же выборы. Примите совет? Не позволяйте гневу дурманить разум. Не подкармливайте вспыльчивость — оглянуться не успеете, как она отравит вас. Но полно! Я заболтался и запамятовал, что с уст ваших извинения слетели. Событие века, право!

Боги! Олеандр спрятал улыбку в кулаке и присел за поваленным деревом. Аспарагус устроился рядом и подтянул левое колено к груди. На долю мгновения рука его скрылась за воротом нагрудника из варёной кожи. И вот он выудил на свет еще один аурелиус — свежий, темно-алый.

— ...У Мирта наши.

Олеандр выхватил судный лист и поспешно развернул. Читал он послание, наверное, раз двадцать, прежде чем оторвал взор от витых и угловатых строк, выведенных твердым нажимом пера.

«Дорогие соплеменники, меня крайне раздосадовала весть о том, что должность старшего целителя до сих пор занимает старик, чьей седой головушке указом Стального Шипа давно следовало разлучиться с телом.

Полагаю, произошло недоразумение, истинно?

Что ж, нестрашно. Вы держите судный лист в руках, значит, столько досадное упущение исправлено.

А. — правитель клана дриад».

На сей раз покуситель выразился прозрачнее. В словах его прослеживался намёк на казнь Мирта, которая свершилась бы, ежели бы Эониум не погиб. Отец Олеандра, перехватив бразды правления, пощадил старого целителя. Дозволил ему коротать отведенный срок, занимаясь привычным ремеслом под надзором сослуживцев, чтобы на корню пресекать оплошности.

И что же вышло теперь?

Теперь замысленное Эониумом воплотилось в явь. Только казнь свершил не Каладиум, а вырожденки.

— Раздосадовала весть, — произнес Олеандр, углубившись в раздумья. — Весть, весть...

Вот теперь он нащупал связь между жертвами.

Сознаться, не ведая он, что сестра отца мертва, по ряду причин точно подумал бы на нее.

Первая: неприязнь к Мирту, по ошибке нарекшему Азалию бесплодной.

Вторая: ненависть к отцу Олеандра, который отчасти приговорил её двукровных детей к смерти.

Третья: ненависть к Хатиору, отцу Спиреи, который сражался в числе тех, кто погубил детей Азалии.

Четвёртая: ходили слухи, Азалия грезила о приручении выродков, считая их кем-то вроде диких зверей, которых можно приютить и смело спускать на врагов в случае угрозы лесу.

Пятая и шестая: оправданная претензия на власть и подпись.

Седьмая: Азалия жила и росла среди Стальных Шипов, она сама отчасти Стальная.

Серьезно! Кусочки мозаики склеились бы в идеальную стрелку, указующую на Азалию.

Склеились бы, ежели бы она не покоилась в корнях-усыпальницах Вечного Древа вот уже...

Сколько? Шестнадцать лет кряду?

Может, кто-то мстит за неё? Кто-то из Стальной свиты?..

Хлопок ладоней прервал поток рассуждения. Олеандр вздрогнул и увидел перед носом смуглую руку. Изуродованное лицо нависало над ним. Аспарагус сдул со щеки прилипшую прядь:

— Я не враг вам, сын Антуриума.

Олеандр взлохматил шевелюру.

— Весть, — он указал на строчку в письме. — Раздосадовала весть... Да этой вести сто лет! Будь смутьян с нами, он так не выразился бы. Он не живёт в Барклей. Вернее, один из смутьянов не живёт в Барклей. Тот, кто с нами пребывает, отравил меня. И он же докладывает всё собрату, пребывающему невесть где. Доложил... Аспарагус... Кажется, мы не с одним врагом воюем. Я спросил у вырожденки, кто их нанял. Она ответила дриады! Дриады!

— Ваша правда, — Аспарагус кивнул. — Вдобавок... Немалая расторопность требуется, чтобы воплотить в явь тройку столь разных нападений. Всё верно.

Проклятие! Олеандр обернулся, наблюдая за воинами со стальными шипами на плащах — теперь ему всюду мерещились недруги. Потом схватился за протянутую руку и вытянулся в рост, в тот миг как архихранитель совершил немыслимое — по-отечески похлопал его по плечу и разогнал тучи в душе.

Жгучая боль, паника, тошнота — все тяготы стерлись. Внутри горячими волнами хлынули силы.

Кто-то надумал мстить за Азалию? Они заручились поддержкой выродков? Мнят себя лучшей властью, карателями неугодных соплеменников?

Что ж, Олеандр из-под земли достанет этих гадов.

— Рубин! Будь добр, подойди!

Но сперва попытается найти и защитить Эсфирь. Не стоит ей бродить по лесу. Это опасно.

Выродок!

Кажется, Эсфирь поняла, что таится за словом, которое Аспарагус выплюнул ей в лицо.

Вылечив Олеандра, она спряталась в кустах за плетёной оградой и некоторое время наблюдала за бойней.

Лесные стражи нарекали двух безумствующих девушек вырожденками. Эсфирь слышала крики. Чувствовала боль и остервенение в душе Геры — казалось, боролась она не только с дриадами, но и с собой. Златовласая девчушка — неописуемо красивая! Она воспринималась иначе — легче. Ее дух тоже ощущался изувеченным, но в глазах Вии не отражались пугающие исступление и ярость, какие затуманили разум её красноокой подруги.

В разгар битвы Эсфирь рискнула. Попыталась помочь Гере — ударила по ней чарами исцеления. Чудилось, впитав колдовство, Гера прозрела. Огляделась с толикой осмысленности. И тут же дриад в золотом плаще сразил её кинжалом. Она упала, и жизнь полилась из её горла багряным потоком.

Существовала ли ничтожная надежда, что озверелость Геры улетучится под влиянием живительных чар?

Все произошло слишком быстро. И шанс пролить свет на эту историю безвозвратно затерялся в прошлом.

Жаль. Очень жаль.

В тот миг Эсфирь ощутила, как на запястье сомкнулась чадящая лапа. Хин увёл её от ограды. Даже не увёл — утащил и поволок вдоль деревьев, попутно стряхивая со шкуры сорняки.

Потуги высвободиться ни к чему путному не привели. Хин желал спасти Эсфирь, и она сдалась. Побрела за ним, непрерывно крутя головой и выискивая Небо.

Где он? Ужель лежит на склоне — без чувств, с колотыми ранами от перьев-лезвий? Или его молнией поразило?

Ужас разлился по венам огнём. Страх разогрел тело, Эсфирь снова дёрнула хина назад, к полю брани. Но зверь и не подумал возвращаться. Он упорно утаскивал её от дриад. Уводил все дальше и дальше к каменистой возвышенности, которая утекала за ограду и разрезалась там на десятки толстых кольев — они походили на колонны покинутого тронного зала.

Хин разломал прутья ограды. Подал Эсфирь лапу, и она вышла из леса. Вздохнула полной грудью, наслаждаясь гуляющим в кудрях ветром. Оглядела себя — и протяжный стон сорвался с губ. Грязная и промокшая, с погнутыми, перемазанными кровью перьями, она напоминала пугало — хоть сейчас в сад выставляй, чтобы жадных до чужого урожая птиц отваживать.

А что если Аспарагус неспроста нарёк её вырожденкой? Что если скоро лицо её тоже исказит гримаса исступления? Эсфирь думала о враге, который жил и дышал вместе с ней, притаившись внутри. Думала до тех пор, пока хин не встряхнул её за плечо. Тогда она отмела тяжелые мысли.

Упокоить души — вот чем ей следовало заняться, а не размышлять, сойдет ли она грядущей ночью с ума.

По коже пробежал холодок. Полоса чар, чёрная, с едва приметными белыми вкраплениями, вспыхнула в воздухе. Развеваясь, обращаясь клевцом с прозрачно-тонким лезвием.

Оружие послушно легло в ладонь Эсфирь.

Шумы мира становились все тише и тише, покуда не превратились в едва распознаваемое гудение.

Эсфирь посмотрела на хина. Он стоял до того близко, что источаемый им дым пробирался в нос.

— Попробуем, да?

Когда она заговорила, тон её голоса окрасили металлические нотки. Воздух, пропитанный испарениями зверя, нагрелся. Поэтому дышалось трудно, очень трудно. Его костяной череп, в провалах которого подрагивали алые глаза-звезды, склонился набок.

— Надеюсь, справлюсь, — кивнула Эсфирь.

Мир утратил краски и посерел. Море застыло. Эсфирь ударила рукоятью клевца по земле.

Мнилось, встреча почвы с клевцом должна бы пройти тихо и мирно. Но их столкновение сопровождал громовой шум — столь оглушающий, что по позвоночнику пробежал морозец. Рокот прокатился по округе, прозвенел между каменных кольев, как стекляшка в банке, и полетел дальше, чтобы отыскать поблизости души. Чтобы вонзиться в них и увести на зов.

Если бы у Эсфирь спросили, как долго всё вокруг неё гроыхало, она затруднилась бы с ответом. Но в какое-то мгновение шум начисто стерся, а единственными не уснувшими звуками сделались тихие хлопки, с которыми в воздухе начали сплетаться серебристо-призрачные тени.

Одна, вторая, третья. Тени неспешно, заново отрачивая руки и ноги, превратились в павших дриад с нехорошими порезами на телах. Они со смесью страха и непонимания воззрились на Эсфирь.

— Белокрылая вырожденка! — выкрикнул рослый мужчина с жидкой порослью на подбородке.

Она подпрыгнула. И тут же согнулась пополам от боли, полоснувшей живот, затылок и грудь. Тени дриад с разгона влетели в ее тело и исчезли — кажется, они не вполне осознали, что умерли.

Эсфирь смахнула с лица кудряшку. Распрямилась, смакуя отголоски боли, которая растекалась по венам. Взмах, проблеск лезвия — и она сорвала клевцом чей-то дух, зависший рядом неясной плетёнкой. Горло обожгло. Клевец растаял, словно льдинка в костре.

— Гера! — Эсфирь схватилась за горло, чувствуя, как её будто прибывают к почве невидимые булыжники.

Дух вырожденки был очень тяжелым. До того тяжелым, что Эсфирь припала к земле, крылья затрепетали. Жаль, она поторопилась. Жаль, поглотила девушку прежде, чем как следует изучила.

Хотя Гера все равно не смогла бы вымолвить и слова — скорее всего, угодивший в горло кинжал лишил её дара речи.

Одно радовало. На сей раз проводы духов прошли куда легче, чем со стариком-дриадам в лесу.

Во всем ведь нужно искать хорошее, правда?

Мир снова ожил. Эсфирь посмотрела на хина. И подскочила от раздавшегося за спиной возгласа:

— Ох ты ж, яйца мои огнедышащие! Не обессудь, милая, но страшна ты, как сама Погибель. Во сне увидишь — ядом не отплюешься.

Огнедышащие яйца? Воображение живо нарисовало зубастые птичьи яйца, плюющиеся огнем.

Позади лязгнули вырываемые из ножен клинки. Вспыхнули и заплясали на когтях хина угольные витки колдовства. Клубы густого дыма, отслаиваясь, повалили с его лап и боков.

— Ч?.. — Эсфирь обернулась.

Еще до того как она выкинула дурацкие яйца из головы, сгусток тьмы соскочил с когтя зверя. Рванул к бредущему незнакомцу, впечатался в два скрещенных меча и сгинул. Юноша, чье лицо скрывалось за капюшоном накидки, со скрежетом развел лезвия в стороны. Напружинился, готовый броситься в бой.

Эсфирь увидела подкинутый в воздух клинок, потом — огненный и смоляной шары, вспыхнувшие на ладонях драчунов. Два снаряда полетели навстречу друг другу, тогда как она оттолкнула хина, и пламя ударило её в плечо. Юноша припал к земле в глубоком выпаде. Отбил смоляной шар мечом, поймал второй клинок и описал им над головой полукруг.

— Куда ты лезешь-то, страшило белокрылое! — прошипел он. — Ты... ты неопалимая, что ли?

Неопалимая? Эсфирь осмотрела плечо. Ожог кожу не изуродовал. Да и жгучая боль руку не охватила.

— Вот же-ш! — Казалось, солнце трижды вышло и зашло, прежде чем она совладала с одеревеневшим языком. — Кого ни встречу, всем лишь бы изувечить друг друга! Что с вами не так?

Хин направил на нее глазницы вытянутого черепа, как бы спрашивая: «Что мне делать?»

Юноша воткнул острие меча в землю. Опираясь на него, встал и спрятал укороченный клинок в ножны за спиной.

— Рубиновая змейка! — пискнула Эсфирь, разглядев в тени плаща знакомое лицо, изо рта которого выскользнул рассеченный на конце язык. — То есть... Рубин? Вас ведь так зовут?

— Вроде как. — С выражением крайнего недоумения Рубин посмотрел сначала на нее, а затем на зверя. — Во-первых, побереги горло для чего-то послаще надрывных воплей, дорогуша. Не так уж далеко ты ускакала от дриад. Во-вторых, я пришел по просьбе Олеандра, он жаждет с тобой побеседовать. А в-третьих... — Он смерил хина с копыт до рогов и с рогов до копыт напряженным взором рдяных глаз, угадывавшихся за спутанными прядями угольных волос. — Не поделишься секретом, как ты умудрилась захомутать его в свои сети?

— У меня нет сетей.

Эсфирь моргнула. И опустила взгляд к кожаному мешочку с затягивающейся горловиной, висевшему на поясе. При всем желании сеть там не поместилась бы, разве что крошечная.

— Совсем с головушкой не дружим, да? — Рубина поглядел на Эсфирь, как на

умалишенную.

— Надрывные вопли не очень сладкие, — запоздало ответила она на первое предупреждение.

— Ты пьяна, что ли?

— Вряд ли, — промолвила Эсфирь, растерянно теребя кудряшку. — Хотя, знаете, будь я пьяна, все равно не поняла бы, что пьяна. Разве может существо понять, что оно опьянело, если никогда не пьянело и... — Тут уже двое существ наградили ее таким взглядом, что даже язык свернулся трубочкой. И она случайно потянула за кудряшку сильнее, чем рассчитывала: — Ай!..

Над пустошью вновь сгустилось безмолвие: ни гласа, ни воздыхания. Эсфирь пришла в голову мысль, что Листочек взывает к беседе по одной причине — чтобы отдать её на растерзание Аспарагусу.

— Не верит Олеандр, что ты выродок, — послышался шипящий голос. — Уберечь тебя хочет.

— Так он не верит! — радостно воскликнула она, а рассудок между тем твердил: «Это ловушка, не соглашайся».

— Ничто не мешало ему отыскать тебя, смекаешь? — Рубин сверкнул клыками и величаво вскинул подбородок. — Но он солгал. Наврал братьям, что ты улетела. Мне-то плевать. Жива ты, издохла — всё едино. Да есть загвоздка: мне не плевать на Олеандра. Да и ты, как выяснилось, жизнь мне спасла. Решайся уже, милая. Извиняй, но я не вызывался кудахтать с тобой до ночи.

Вроде бы сомнения стерлись. Но тягостное чувство, словно Эсфирь подступила к роковому выбору, упорно щекотало мозг.

В который раз у скалистого обрыва повисла тишина, которую, в конце концов, прорезал её тихий голос:

— Хорошо. Идём.

Часть 2. Все в сборе

Позже, толкуя с Аспарагусом, хранители поведают, что океанид тот походил не то на призрак утопленника, не то на истрескавшийся ледник. Вышел на склон глубокой ночью. Ступал по следам недавней бойни плавно и бесшумно, почти порхал над залитым кровью песком. На крики, что воинам Танглей запрещено пересекать границы Барклей, отозваться не удосужился. Известить о цели скитаний чести тоже не оказал, а на большее стражи не растратились.

О малоречивости океанид-воинов витали листопады пересудов, а не познавшие задора битв в лесу никогда не гостили.

Не было ни для кого тайной, что в Эпоху Стальных Шипов дриад и океанид связывали узы дружбы. Былые владыки Барклей и Танглей, Эониум и Ваухан, нарекали друг друга братьями. Избранные хранители, в рядах которых теснились Аспарагус и Каладиум, были первыми, кто по приказу своего правителя принялся оттачивать боевые умения плечом к плечу с океанидами.

Старшее поколение дриад хорошо помнило первую тренировку. И хорошо помнило искаженное ужасом лицо Аспарагуса, когда тот приковывался с плаца и упал на скамейку. Он назвал танглеевцев сумасшедшими. Сказал, что сражаются они столь же мудрёно, сколь и ладно. Но он за просмотр такого боя и медной монеты из кошелька не вытряс бы.

Как бы то ни было, загадочное мастерство приносило плоды.

Вызвать ледяного воина на дуэль отважилось бы существо, разве что пожелавшее пожать руку Творцу.

— Океаниды столь же холодны, сколь сокрушительны, — высказывался о них правитель Антуриум. — Утончённое изящество. Неуклонное спокойствие. Неизменные учтивость и мастерство ведения боя. Они взирают на мир с бесстрашием палачей, в бою свершают уйму лишних движений — но лишь в одном случае: ежели не видят в противнике угрозы.

Ходили разговоры, Танглей не щадит ни разум, ни плоть. Хлебнув ледяных вод однажды, прежний пыл уже не возвратит.

Вот потому-то, восполнив в памяти услышанное, дриады и отмахнулись от неожиданного гостя. В лес чешуи не сует? И ладно. Всё прочее — не их изнуренных умов забота. Им приказали искореженные деревья залечить. К тому же отирал ноги о склон юноша недолго. Покопошился. Побродил туда-сюда по откосу. Сверкнул на прощание мутно-белым оком — другой глаз он прятал под кожаной нащёпкой — и скрылся за скалой.

Тогда дриады забрались поглубже в лес, чтобы привести в порядок кустарники, которые зацепило пламя. Лишь к рассвету они задались вопросом, не встречались ли они с этим парнем прежде? А спустя миг-другой, прохаживаясь по склону, наткнулись на воткнутую в землю саблю, неприметную, изогнутую к острию и туповатую — похоже, ковали её столь же давно, сколь и полировали, — но окружённую не поддающейся описанию аурой гнева и угрозы.

К сабле крепилось послание со строками, выведенными почерком с завитками:

«Будьте любезны, возвратите сей клинок владельцу — сыну многоуважаемого правителя Антуриума Олеандру».

Первые плоды

Вернувшись в поселение и глядя на столпившихся у главных ворот дриад, Олеандр мечтал превратиться в невидимку и скрыться. Затаиться где угодно, пусть даже в замшелой бочке, лишь бы укротить чувство вины, ошалевшим зверем вгрызавшееся в сердце.

Лица, лица, лица... Перед взором проплывали сотни лиц, искаженных гримасами страха и возбуждения. Галдеж стоял неопиcуемый. Невыносимый! Казалось, у ворот скучковался весь клан.

И все жаждали получить ответы.

Протяжно застонали деревья. Подхватывая носилки с убитыми, ветви передавали их друг другу и опускали за распахнутыми воротами. В ответ со второго яруса донесся плач свирели и погребальная песнь.

Её прервал девичий крик:

— Лавр!..

Дриада промчалась сквозь рой соплеменников ветром — Олеандр только хвост рыжего платка и углядел, — кинулась одному из павших на грудь, где алым цветом запекся цветок смерти, и стиснула его плечи, причитая:

— Он ведь не умер? Скажите, что он не умер!

Ее глухие рыдания эхом отражались от деревьев и разносились по лесу. И чем больше дриад признавало в погибших близких, тем отчетливее становилось осознание, что только одной песне даровано передать горечь потери — песне разбитых сердец.

Олеандр не помнил, кто утащил его от ворот и довёл до хижины. В бреду он повалился на ложе и забылся без сновидений. Проспал до следующей ночи. Потом выходил. Напоил из фляги Абутилону, который наконец-то восстановил отнятые хином чары и очухался. Вроде бродил где-то без цели. Снова спал. Утром высунул нос из дома. Даже с кем-то разговаривал.

Но с кем? О чём?

Обрывки бесед закружились в голове позже. Прежде размытые, лица собеседников обрели в памяти четкость. Олеандр говорил сперва с Фрез, а следом с Рубином. Первая выглядела до смерти перепуганной. Вешалась Олеандру на шею. Твердила, что больше никогда не поддержит его в столь глупой затее как побег из поселения. Второй поведал, что отвёл Эсфирь в курганистые земли.

Опасная была затея. Весьма опасная. Пока Рубин сопровождал Эсфирь, их могли засечь. Или хуже — перехватить. С другой стороны, на тот миг большинство хранителей стянулись к морю. Их волновали раненые и павшие. Едва ли они размышляли, куда уполз сын Цитрина.

Отсутствие Рубина никто не заметил. Хотелось верить, не заметил.

Вырваться бы теперь к Эсфирь! Олеандр вздохнул. Он лежал на рулонах шелков, сваленных в углу трапезной, и наблюдал, как крупинки пыльцы играют в воздухе в догонялки.

За стенами дома все галдели и гудели. Ствол, пронзавший комнату, казалось, сотрясался от дрожи. И немудрено. В Барклея, где большинство жителей только и делали, что жаждали шанса потрещать языками, редко происходило что-то на самом деле страшное. Поэтому дриады и принялись засыпать друг друга вопросами, порождавшими ураганы пересудов и нелепых догадок.

Слушок о бедах и судных листах всё-таки просочился куда не следовало. Ныне каждый встречный и поперечный плодил рассады слухов от «Возможно, дочь-изменница Эониума жива» вплоть до «Стальной Шип-пройдоха, верно, дитя заимел на стороне». Кто-то даже предположил, что Мирту выжгли рот, потому что при жизни он слишком много говорил.

Ну не дурасть ли?

Олеандр знать не хотел, как в умах соплеменников рождаются мысли, которые потом слетают с языков столь бредовыми слухами. И все же одна сплетня засела в мозгу занозой — сплетня об Азалии. Он не считал, что она жива. Отнюдь. Все видели её тело. Все видели её похороны.

Просто удивительно, как легко всё объяснилось бы, будь она жива.

— А наследник-то, поговаривают, — долетел до слуха шепоток, — Аспарагуса во всех мыслимых грехах обвинил. Как думаешь, быть может, он и есть тот потерянный бастард, а?

А вот это уже чересчур! Олеандр вскочил, затопленный волной негодования. Наспех расчесал волосы гребнем. Откинул его на шелка и подковылял к окну. Он уже перевесился через подоконник и разомкнул губы, чтобы направить сплетников в одно чудное местечко под хвостом силина:

— Вы!.. — но на шее будто удавка стянулась.

Уснул он, что ли? Такая мысль распустилась в сознании — единственно-разумная мысль, гораздая пояснить узримое.

Куда ни кинь зерно, везде и всюду мелькали хранители в плащах со стальными шипами. Ежели раньше дриады могли просуществовать от рассвета до заката и не встретить ни одного, ныне это казалось непозволительной роскошью. Былые подпевалы Эониума, включая тех, кто сложил полномочия, разбрелись по округе муравьями. Вот из-за хозяйственной постройки, перепугав прачку, вышли семеро. Сквозь их вооруженный строй медленно и величаво, словно водяная змея через озеро, полное рыбы, проскользнул...

— Каладиум? — Олеандр окинул его взглядом и скривился, будто из грязной лужи хлебнул.

Покинув пост палача за ненужностью, Каладиум вечно выглядел, как ряженный грифон. Скандально-прославленный наряд Потрошителя гнил на чердаке и, ежели верить Фрез, давно порос плесенью.

Порос, да не совсем.

Ступни вели Каладиума по подвесному мосту. Вели к двум шептуньям, которые развешивали неподалёку от дома владыки белье. И бредших ему навстречу сметало с пути. Под его жилетом пряталась красная рубаха, перехваченная у талии кожаным поясом, утыканным лезвиями. Голову покрывал чёрный платок. От тугих сапог до колен отходили ремни, они перетягивали бедра крест-накрест. Справа к ремням крепился скрученный мотком хлыст.

Непривычное для дриад оружие. В Барклея не сыскался бы второй воин, владевший хлыстом.

Каладиум улыбался так, как улыбался бы кинжал, приставленный к горлу жертвы.

— Ой, а что это у нас тут?

Он приблизился к околевшим сплетницам. Сделал вид, что подхватил с тропы что-то крайне маленькое и добавил:

— Испокон веков страх приходится нам защитником. Он уберегает носы наши от сования в норы, где их могут откусить. Сознаете? Молю, будьте благоразумны, впредь не

роняйте столь ценный дар. Дриады правящей семьи — не те существа, о ком дозволено распускать сплетни. Я понятно выразился?

Его кисть с оттопыренным мизинцем дрогнула, удерживая ни больше, ни меньше — пустоту. И прачки тупо тарасились в никуда, словно ожидая появления загадочной вещицы с надписью «страх».

Вздор какой, а!

Пожалуй, плеяда — подруга отца — была не так уж и пьяна, однажды по звездам предсказав Олеандру родство с тем, кого нарекут Безумцем Из Преисподней. Не ясно только, почему из преисподней. Но...

Олеандр отвлекся от созерцания творившегося за окном сумасшествия и прикрыл створки.

— Эй, дружище! — ударил по ушам вопль Зефа. — Открывай давай, хорош взаперти сидеть!

— Господин Олеандр, мы к вам с вестями, — вымолвила Драцена. — Дозволите войти?

Олеандр крикнул. Инстинкты подсказывали, что вести те породят в нем желание разбить лоб о дерево.

Так и вышло. Стоило приятелям переступить порог, они обрушили на него град сведений. Новость, что по настоянию Аспарагуса ряды воинов пополнила бывшая Сталь, Олеандр воспринял спокойно. Но поперхнулся, когда Драцена уложила на стол саблю Дэлмара, которую нашел на склоне некий океанид. И замер, читая послание, написанное до боли знакомым почерком:

«Будьте любезны, возвратите сей клинок владельцу — сыну многоуважаемого правителя Антуруума Олеандру».

В ушах запереливался голос Глендауэра: «Не страшитесь, Малахит. Я всегда рядом, пусть и далеко».

Нелепость! Да мало ли на свете океанидов, из-под чьих перьев вытекают стройные письма?

— Говорят, он высокий очень, — Драцена короткими шажками доковыляла до подушки и уселась на неё.

Ерунда! Океанидов, протирающих макушками дверные притолоки, в мире тоже предостаточно.

— Один глаз он под нашлепкой скрыл, — примолвил Зефирантес. — Видать, в бою лишился.

И правда! С чего бы этому океаниду прятать изъян — отличающееся по цвету око, которое выдало бы его?

— Жаль, меня на склоне не оставили. — Голос Драцены сквозил досадой. — Хотела бы я на него поглядеть. Он уплыл и...

— Уплыл, — вырвалось у Олеандра.

— Уплыл, — подтвердил Зеф. — Может, кочевник какой? На склоне-то разруха. Видать, любопытно ему стало. Решил разведать.

И случайно так знал, что Глендауэр доверил саблю Дэлмара наследнику клана дриад?

— Где Рубин? — Олеандр скомкал листок.

Откинул за спину и посмотрел на Зефа, который зачем-то пополз под обеденный стол.

Его руки и торс исчезли, только ноги остались торчать. Со стороны казалось, будто стол вот-вот его съест.

— Нет у меня еды, — пробурчал Олеандр. — В кладовую надо топать.

— У-у-у! — донесся из-под стола рев раненого зверя. — У меня с утра крохи во рту не было!

— Рубин в аптеках, — поведала Драцена. Она вся как-то скукожилась, прижимая ладонь к боку. — У Сапфира, полагаю.

Как выяснилось, залатывая её рану, целители сплеховали. Олеандру ничего не оставалось, кроме как переналожить швы. Стоило отдать Драцене должное, лежа на подушках с оголенным животом и краснея до завитков ушей, она смотрела исключительно в потолок, премного помогая его рукам сохранять прямогу. Края раны медленно, но верно смыкались в невзрачную полоску. Стежки выходили на удивления ладные, узелки стягивались на равном расстоянии.

— А купцы к нам не заглядывали? — спросил Олеандр излишне резко, будто не принял бы отрицательный ответ.

— Лимнад один наведалься, — Драцена почесала щеку. — Вы что-то заказывали у него? Я могла бы забрать.

— Нет, не так. — Олеандру потребовалось мгновение, чтобы вернуться к раздумьям о сущности Эсфирь. — Мне нужен перечень существ. Настолько полный, насколько это возможно.

— Книга? Так у вас же много книг...

— Наши фолианты я знаю наизусть. Таких созданий там не... — Олеандр осёкся и тихо продолжил: — ... нет там нужных мне сведений.

— Хорошо, я передам ему ваш заказ, — вымолвила Драцена.

— Аспарагусу ни слова. — Олеандр приложил ко шву смоченную в обеззараживающем растворе ткань.

— Поняла.

Никаких разговоров о выродках и судных листах. Услаждая слух, из соседней комнаты лились ноты гитарного перебора — не сыскав дела для зубов, Зеф сыскал дело для пальцев. Порой он бухтел себе под нос, что путь к сердцу дриада лежит через желудок. Мол, вместо того чтобы размахивать мечами, Драцене следовало бы научиться готовить — глядишь, и суженые на запах сбегутся. Ответом ему стало недовольное сопение. И слова о четвертом и пятом ребре, между которыми пролегает истинная дорога к сердцу мужчины.

Говорят, существам трудно осознать значимость мгновения, покуда оно не превратится в воспоминание.

Сущий бред! Приятели вдохнули в выцветший мир Олеандра красок. И он прочувствовал этот миг каждой частичкой плоти и разума — окунулся в него, как в горячую купель.

Жаль, пришлось отвлечься.

Порыв ветра, напоенный духами, ворвался в дом через распахнутую дверь и выдул приютившееся там тепло.

— Нужно стучать, Фрез, — Олеандр бегло глянул на вошедшую.

Под стать отцу, Фрезия сегодня решила сиять. Отблески солнца плясали точно по граням драгоценных камней на её лиловом платке. Вынуждали их лосниться переливами и отражать на стены крохотные радуги.

Как-то матушка поведала Олеандру, что одна радуга появляется на счастье, а две и вовсе

предвещают избавление от проблем. Но судя по морщинке, залегшей меж бровей Фрезии, о последнем речи не шло.

Опять дурные вести?

— Могу я поинтересоваться, чем вы занимаетесь? — Лицо Фрез вытянулось, когда она узрела на подушках Драцену с задранной до груди туникой. — У нас что, только наследник клана умеет сшивать раны? Целители уже разучились? И где, скажите на милость, Зефирантес?

— Здравствуй, Фрез, — с запинкой произнес Олеандр, отложив ткань на столик и поднявшись.

Из соседней комнаты прозвучало тихое «брыньк». Дом заходил ходуном. Согнувшись в три погибели, Зеф прискакал в столовую на одной ноге, силясь натянуть на другую сползший сапог.

— Ой! — прокряхтел он и рухнул на стул, отчего тот тревожно заскрипел. — Запаятовал, Фрез. Ты уж зла не держи...

— Дурья башка! — Фрезия сорвала с крючка моток высушенный трав и швырнула ему в лицо. — Тебе велели сопроводить наследника к Древу!

— Да, но...

— Не смей оправдываться!

Вжух! Вжух! Вжух! За первым снарядом последовал второй, третий, четвертый. По столовой разлетались тучи иссушенной листвы. Драцена одёрнула тунику и поспешила отойти к лестнице. Олеандр поймал себя на мысли, что ему должно бы разозлиться. Так что он слегка потерялся, осознав, что сердце не трепыхается в груди, а рот не моросит колкостями.

Перепадка Зефа и Фрезии походила на ссору супругов, о которых говорят: «На рассвете бодаются, на закате ласками упиваются». Seriously! В какой-то миг Олеандр даже задумался, не вопьется ли приятель в губы Фрез поцелуем. И, что еще удивительнее, не испытал при этом тычка ревности.

Все мысли утекали к Эсфирь. К вопросам: «Всё ли у неё в порядке? Не добрался ли до неё кто-то иной?»

Чего греха таить, помимо Аспарагуса, в мире хватало опасных существ.

Олеандру пришлось брести на площадь к Вечному Древу. Кровь снова загромыкала в ушах. Ладони взмокли, сжимая рукоять клинка — подаренного отцом, а не сабли Дэлмара — её он на чердаке спрятал. Перед внутренним оком так и мелькали судные листы.

И Олеандр солгал бы, сказав, что ютящиеся в тенях Древа лиственные свертки не натолкнули его на думы о побеге.

День разгорался. И все больше дриад торопились воздать последние почести погибшим.

Трон владыки, ощерившийся кольями, почти врос в ствол Древа. От подножия трона стелилась лестница. По бокам от неё выстроились двумя полукругами хранители. Их локти были разведены. Уложенные друг на друга ладони накрывали эфесы мечей, остриями вонзавшихся в землю между ступней. Издали казалось, будто у стражей по три ноги, одна из которых металлическая.

Подле Каладиума шептались его ближайшие Стальные подпевалы Клематис и Птерис.

Первый походил на огромного детину — рослый и широкоплечий, на щеках его цвел румянец. Лицо второго скрывалось в тени капюшона — выглядывала только рыжая борода до ключиц. На вороте его плаща сверкала брошь — трехглавая змея, её головы переплетались, посередке застрял меч.

Неподалёку от Стальных братьев, опираясь на корень, возвышался бледный, как мел, Аспарагус.

До Древа оставалось всего ничего, когда ноги Олеандра самовольно замедлили шаг. В груди заворочался хлипкий росток подозрения. Внутреннее око явило взору престранную картину: Каладиум с сожалением глядит на истекавшую кровью Геру, прежде крикнущую ему что-то вроде «Мас...»

Что это значит?

— Благого дня, мастер! — возопил Зефирантес, и Олеандра будто молнией поразило.

Вот и не верь после такого в пресловутый рок судьбы! Олеандр замер, чтобы не спугнуть неожиданное озарение.

Возможно ли, что Каладиум приходился Гере мастером? А Вие?

Или Олеандр ступил в ловушку предвзятости подтверждения, когда из множества толкования существо отдает предпочтение тому, которое говорит в пользу укоренившегося вывода?

Со второго яруса протрубили в рог, призывая толпу к успокоению. Из-за вздыбившегося корня вынырнул Гинура — тощий коротышка с тонкой седой бородкой. Выскочка-посыльный, у каждого куста воспевающий себя, что он ценнейший дриад поселения. Со Стальной Эпохи он любил совать нос в чужие цветники. Всё порывался затесаться и укрепиться в рядах соглядатаев. И однажды проявил сноровку и ошеломил Эониума вестями об Азалии.

У Стального Шипа сердце дрогнуло, когда он узнал, что его дочь-изгнанница, прежде спутавшаяся с океанидом, жива-здорова и воспитывает двойняшек-выродков.

Золотой свет заливал площадь. Выхватывал прыгающих по трону палочников. Этих маленьких жителей Барклей, похожих на обломки сучков, нарекали лекарями леса. Они заделывали трещины и сколы на коре. Но ныне каждый из них выискивал опавшие листья. Листья и лепестки служили им украшениями — кто найдет самый красивый, на того и поглядят собратья, как на героя дня.

Признаться, Олеандра не покидало чувство, что дриады не похороны устраивали, а на совет собрались.

Сперва за спиной послышались шаги, затем громкий плюх — с таким звуком на землю пирог падает. Гинура уронил корзинку с плодами — и теперь площадь украшало пятно размазанной жижи.

— Вы опоздали, — разлился в ушах Олеандра бархатный голос, на корню перерезавший размышления.

Аспарагус схватил его за локоть и подтащил к трону, после чего приложил ладони к губам и прокричал:

— Потомок первозданных дриад Примулины и Акантостахиса, единственный сын и наследник Антуриума Олеандр готов оказать нам честь и избрать хранителя для захоронения павших.

Дриады заторопились. Послания со словами, которые они не успели сказать павшим при жизни, пристроились за лозами и листьями, овившими тела. Переминаться было глупо,

поэтому Олеандр подплелся к Гинуре, который протянул ему корзинку. На выстланном шелком дне покоились плоды тэрго, пухлые и алые, с крестовой веточкой. Из них торчали скрученные листья.

От одного листка, табачного, исходил горьковатый запах, какой обычно исходил из курильницы отца.

Этот лист Олеандр и подхватил. Развернул. Прочитал имя.

— Драцена! — И нашел взглядом хранительницу. — Это не так-то просто, сознаешь? У тебя швы свежие.

Взоры присутствующих разом устремились к Драцене, а взор Аспарагуса — через плечо Олеандра к листку.

— Драцена? — прокричал кто-то из воинов. — Seriously? Гляди, милочка, запутаешься в ритуале. Вот потеха-то будет!

Собратья по оружию поддержали его дружным гоготанием. Драцена вспыхнула до кончиков ушей. Но глаз не опустила, плеч не понурила — в отличие от ума, выдержки ей было не занимать. Нетрудно представить, сколь паршиво она чувствовала себя в окружении Стальных воинов.

— Уверена? — Олеандр пересчитал пальцами серьги в ухе. Хранительница смотрела на него с мольбой, будто за последнюю надежду цеплялась. — Хорошо! Приступаем!

Одной простой истине научил его сегодняшний день: цветок может подвять. Но не иссохнет, ежели к сроку подлить в горшок живительной влаги.

Часть златоцветов потухла. Другие высветили близ трона широкий круг, в который ступили Олеандр и Драцена. Два горящих зеленою магических шара уже висели в воздухе, разрастались все пуце и пуце. Нити света выстреливали из них, облизывали уложенные рядом тела. Цепляясь свободными концами за корни, лозы расплзались по земле кружевом. Они подхватывали свертки с телами. Возносили их над площадью и прижимали к Древу.

Никогда прежде Олеандр не хоронил павших. Ведал, что нужно делать. Ведал и делал, но руки предательски тряслись. Поди удержи столько чар! А меньше нельзя было сотворить — не хватило бы для ритуала.

Олеандр глянул на Драцену. По виску её скатилась капля пота, когда она собралась с силами и направила один из шаров к Древу. Шар со свистом распорол воздух. Впечатался в ствол, облепленный телами.

И Древо ожило. Замахало ветвями, осыпая листву. Олеандр отдал мысленный приказ, и второй шар ринулся к цели. Врезался в ствол столь быстро, что выпал из поля зрения.

Глухой звук, похожий на уханье, прокатился по округе. Вздогнуло Древо, оповещая, что зов принят. Растеклось по кроне зеленое свечение, от сияния которого бросило в дрожь. Чарами Драцена придерживала свертки, а Олеандр помогал умершим сгинуть в древесной толще.

Всё. Теперь Древо само справится. Спустит умерших под землю. И увековечит их силуэты в корнях.

Дриады чуть потоптались и начали расходиться, пугая друг друга выдумками о вырождаках, судных листах и захвате власти. Уставший и вспотевший с ног до головы, Олеандр многозначительно посмотрел на Аспарагуса. Тот пригладил усы указательным пальцем и кивнул, даруя согласие на беседу.

Они нырнули под вздыбившийся корень. Потом ступили на сук, который растянулся по земле откосом, и скоро очутились на ветви Древа, где легко уместился бы ряд хозяйственных построек.

В воздухе полоснуло зеленью чар, и листва вокруг сомкнулась, глуша назойливое кудахтанье со двора.

— Мне нужна правда, — произнес Олеандр, когда глаза привыкли к полумраку. И добавил: — Уверен, что нас не услышат?

— Не услышат, — отозвался Аспарагус. — Ежели я того не пожелаю.

Что бы ни значило это высокомерное утверждение, Олеандр не искал грызни, потому пропустил его мимо ушей.

— Наверное, — проговорил он, понизив голос до шепота, — даже тебе под силу понять, что переломы костей не срастаются по дуновению ветра, а ожоги нельзя стереть с кожи тряпкой.

— Ну разумеется, — скучающим тоном вымолвил Аспарагус. — Зато оскверненные ядом языки отсекаются на раз-два. Один росчерк лезвия — и существо избавлено от недуга. Ежели желаете, я с радостью окажу вам столь пустяковую услугу. Одной немощью станет меньше. — На его губах заиграла улыбка. — Хотя... Пойдите-ка. От прочих вы уже избавились. Видно, мне следует навестить лекаря и проверить остроту зрения. На моих глазах наследник клана угодил под удар мойры, а я и не заметил, что позже он очнулся без единой царапины. Каков я слепец, а!

От потрясения Олеандр потерял дар речи. Мысли понеслись галопом во всех направлениях сразу, и следующие слова архихранителя несколько не содействовали тому, чтобы загнать их в стойло:

— ...Истинно. Ведаю я, чьей волею ваше наследное величие исцелилось. Эта крылатая девчонка...

— Спасла мне жизнь, — с нажимом произнес Олеандр. — Она спасла Рубина, вылечила мои раны. Ее помощь пришлась бы нам очень кстати, не находишь? Эсфирь — сильный целитель!

Аспарагус метнул в него такой взгляд, какой бросают на пойманное насекомое, прежде чем его прихлопнуть.

— Право слово, наследник, порой вы меня поражаете. Иногда вы незначительные мелочи подмечаете. А иногда упускаете необъятное и очевидное. Полагаете, я поверил, что девчонка улетела?

— Ты хочешь сказать, что?..

Внутри Олеандра все похолодело, душу склизкими щупальцами опутал страх.

— Что вопрос об отлете Эсфирь я поднял неспроста, — последовал высокомерный ответ. — Но полно. Давайте разжужаем вам всё, как маленькому. Итак: я видел, как она излечила ваши раны и скрылась в лесу. Я видел, как она выстрелила оттуда чарами. Я знал — о ее спасении вы попытаетесь солгать. Я ожидал услышать вашу ложь о ее спасении, чтобы поглядеть на соплеменников, кои вас поддержат. Среди них затесались крайне любопытные дриады. К примеру, Каладиум. Не думаете же вы, что он послужил вам

подспорьем из родственных чувств, м? — Аспарагус усмехнулся. — Он тоже видел, как чары Эсфирь повлияли на выродка. Возможно, даже знал, что она пребывала в поселении.

— К чему ты клонишь? — прохрипел Олеандр. — Знал? Откуда? Ежели бы меня видели с ней, пошли бы слухи, но...

— Но сплетни по ветру не понеслись, — закончил Аспарагус. — Почему? Мне вот тоже интересно. Вы сказали, что нашли девчонку у Морионовых скал? Не поделитесь подробностями?

— Она очнулась в пещере, заваленной булыжниками, — Олеандр вздохнул и сложил руки на груди. — Дриады помогли ей выбраться. Какая-то женщина с золотыми глазами и мужчина.

— Любопытно...

— Считаешь, Каладиум — тот мужчина?

Аспарагус развернулся на каблуках и, отогнув листок, уставился во двор. Сбитый с толку Олеандр на дрожащих ногах зашел ему за плечо и проложил глазами невидимую нить. Она оборвалась за рядом одноэтажных хижин, тесно жмущихся друг к другу. Перекресток по левую сторону от них запруживался народом.

Правда, сплывалась туда исключительно Сталь. Явно о чем-то переговариваясь, воины подбирались к Каладиуму и бурно жестикулировали. Жаль, отсюда знаков было не считать — слишком далеко.

— Ответьте мне, Олеандр. — Ого, его повисили до «Олеандра»! Надо думать, в лесу вебрь издох. — Сознаете ли вы, сколь трудно держать под узды одного двукровного? А ежели подле вас их пятеро? Десятеро? Задача превращается в непосильную, не так ли? Верно, чары Эсфирь оказали бы нам неоценимую помощь. Ее умения оказали бы неоценимую помощь всякому. Но для дриад, кои вынуждены иметь дело с выродками, это настоящий подарок Судьбы.

Олеандр понимал, что упускает что-то очень важное. Но разум, охваченный дурным предчувствием, все еще водил мысли кругами, не позволяя им скопиться. Тщась уgomонить растревоженное сердце, он завел немой счет. И вскоре в груди проросло острое понимание происходящего.

— Думаешь, — вскинулся Олеандр и пошатнулся, как от удара по коленям, — Каладиум поддержал мою ложь, чтобы очистить себе дорогу к Эсфирь? А ты... Ты отпустил её, чтобы свести их?!

Аспарагус гулко прищёлкнул языком.

— Bravo! — И ткнул ему указательным пальцем в грудь. — Можете ведь, когда хотите! Любопытно, что у вас был шанс меня обыграть. Ваш приятель Рубин мог бы повелеть девчонке улететь за море, оставив меня с носом. Но нет. Вы решили отвести ее в курганистые земли. Прекрасный выбор! Лимнады далеко, дриады под листвой не путаются. Тишь да гладь! Пожалуй, мне должно поблагодарить вас. Честно, не ожидал, что вы столь успешно сыграете мне на руку.

— Ты следил за Рубином?!

Тревоги поглотили Олеандра, сбивая дыхание и подгоняя сердце.

— Мои соглядатаи, — кивнул Аспарагус. — И соглядатаи Каладиума, надо думать...

Нет! Олеандр не верил. Не мог поверить, что все его потуги по спасению Эсфирь обернулись против него. Рискуя жизнью, она отважилась исцелить его в разгар битвы с вырожденцами. И чем он ей отплатил? Завел в паутину треклятого подлеца в маске, который

всухую его надурил! А ныне и вовсе выглядел так, словно нашел под деревом мешок с изумрудами.

К счастью, Аспарагус отвернулся. Иначе получил бы в глаз, по другую сторону от изувеченной половины лица — для гармонии. Вестники совести в его душе, как видно, прозвонили в заржавевшие колокола.

Потому как он поспешил добавить:

— Эсфирь не пострадает, ежели согласится на сотрудничество. Она нужна Каладиуму живой.

— Ежели? — спросил Олеандр, а затем прокричал: — Ежели, говоришь?! А ежели нет? Что тогда? Палач убьет ее? А ежели да — что тогда? Заставит исцелять вырожденцев, который убивают наших? Эсфирь не игрушка, Аспарагус! Не наживка! Подозреваешь Каладиума? Вперед! Выведи его на чистую воду! Ты сильно заблуждаешься, полагая, что я буду сидеть сложа листья...

— Уповая на податливость Каладиума, — перебил его архихранитель, — на ложный путь ступаю вовсе не я, наследник. Будьте благоразумны, не свершайте сомнительных деяний. Ныне мне должно увериться в выводах.

Аспарагус что, поскачет за Эсфирь? И Каладиум тоже?

Отчаяние и страх за жизнь Эсфирь. Гнев и острое желание живьем содрать с Аспарагуса кожу и отправить освежеванную тушу отцу с просьбой прислать взамен кого-нибудь подобропорядочней, например, дохлого вепря. На мгновение все чувства в груди Олеандра смешались. Пальцы сжались в кулак. Он уже размахнулся для удара, как рука оказалась вывернутой за спину. Грубые ладони сомкнулись на плечах. К носу прилипла тряпка, пропитанная какой-то гадостью с резким запахом.

Сонник! Только догадка просочилась в голову, мир перед глазами поплыл. Потуги вырваться ни к чему путному не приводили. Олеандр обмяк на ветви сродни мешку, напичканному опилками.

Не спать! Он распахнул веки и часто-часто заморгал. Но глаза предательски слипались, утягивая в кошмар. Едкий запах сонника обволакивал сознание, дурманил разум. Чувство вины корнями вгрызалось в сердце. Вязло в груди, выкорчевывая наружу горечь поражения.

Впереди маячила расплывчатая зеленая тень. Взоры Олеандра и Аспарагуса пересеклись — будто небо и земля столкнулись.

— Жаждали правды? — бросил архихранитель. — Извольте.

И это были последние слова, которые Олеандр расслышал, прежде чем потонул во мраке.

Передача полномочий

Аспарагус покинул поселение.

Ныне он неподвижно стоял у дерева, завернувшись в плащ. Сердце, поначалу отплясывавшее в груди танец, замедляло стук с каждым вздохом. Он видел крупицы пыльцы, гоняемые по лепесткам дыханием ветра. Чувствовал холод ножен, торчавших из-за пояса. Слышал, как опоенный зноем воздух колышет нити паутины, наигрывая на них тихую мелодию. Шум древесных крон, птичья трель — лес напевал столь ладную песнь, что в ней легко различались подложные ноты, одной из коих явился треск, словно кто-то ступил на тонкий лед.

Сын Дуги! Аспарагус устремил взор к источнику чуждого слуху звука. Досадуя на затянувшееся ожидание, накрыл пальцами эфес меча. Прищурился. Во тьме сгустившихся лозняков проскользнула мерцающая тень, окантованная морозной коркой. За спиной снова послышался хруст. Из-за дерева впереди выступил юноша. Вернее, жалкое его подобие, фантом, сотканный из морозного воздуха.

Он шёл нарочито прямо, будто вместо позвоночника ему вживили металлический стержень. Его локоть едва уловимо согнулся. Из дутого рукава рубахи в ладонь упал поддельный стилет.

В животе Аспарагуса шевельнулся мимолетный росток страха, но рот исказила кривая усмешка. Его дурили. И уловка носила знакомый почерк владыки Дуги — его бывшего мастера. Аспарагус улыбнулся, ожидая удара со спины от реального океанида. Он сделал ложный выпад влево, не перенося вес на согнутую в колене ногу, чтобы в нужный миг ринуться вправо. Стиллет-обманка сорвался с руки фантома. Распоров воздух, оружие просвистело над плечом и растаяло.

На ум Аспарагусу пришла мысль: «Игла!» Неспроста ведь сыну Дуги даровали это прозвище. Стоило выводу укорениться, воздух потревожил другой звук. Казалось, кто-то резко выдохнул.

И Аспарагус припал к земле, пропуская над головой едва заметную иглу, которая с тихим хрустом вонзилась в дерево.

— Благой ночи, сын Дуги, — произнес он, крутанувшись в приседе. — Быть может, покажетесь?

Ответом был трепет листвы. Потому Аспарагус поспешил подняться и спрятать клинок в ножнах.

— Долго я вас искал, — дополнил он. — Наши умыслы схожи, веруете? Мы оба желаем, чтобы сердца дорогих нам существ бились.

— Господин Аспарагус? — тихо, но чётко произнес звонкий голос. — Благой ночи. Окажите милость, пролейте на выказанные слова каплю смысла. Ежели позволите, воды принесли меня в Барклей, ведомые дурным предчаением, иссекающим душу мою вот уже кою ночь кряду.

У Аспарагуса вырвался смешок. Давненько он не общался с океанидами, ох давненько. Он вытащил из дерева иголку. На её кончике запеклась рыжая капля отравы, навлекавшей краткосрочный сон. Яд сей называли «беглым забвением». В больших количествах он мог и умертвить.

— Подплывая к лесу, я узрел следы бойни, — продолжил сын Дуги. — Отыскал на

берегу саблю Дэлмара и...

— Вы испугались за брата, — перебил его Аспарагус и откинул иголку в траву. — Не трудитесь пояснять — намерения ваши прозрачны. — Он вздохнул и добавил: — По всей видимости, мне придётся покинуть Барклей. И я хотел бы, чтобы вы приглядели за сыном Антуриума.

На просеке воцарилась тишина. Воздух насытился пагубной сыростью, будто над лесом взметнулась волна, гораздая поглотить все живое. Чуть поодаль во мраке ночи сверкнул беловатый свет. Сперва едва заметный, он разгорался все ярче и перемещался, подобно блуждающему огню, пока его хозяин, перескакивая с ветки на ветку, спускался с дерева.

Наконец, давление воды исчезло. Перед взором Аспарагуса появился океанид— высокий и поджарый, бледнолицый, со стянутыми на макушке в хвост белыми волосами, лоснившимися серебром. Ныне сын Дуги уже мало походил на того сутуловатого паренька, прежде нараспев читавшего дриадам стихи.

— Полагаю, вопросы мои останутся без ответа? — Его голос иссох, как выкинутый на солнцепек прут.

— Лесу угрожают выродки, за спинами коих стоит Каладиум, — отозвался Аспарагус. — Наследника клана дважды пытались убить. Достаточно?

— Малахиту грозит опасность, — вымолвил сын Дуги, пряча в карман портков тонкую древесную трубку. — Вы желаете, чтобы я приглядел за ним. А перед тем, стало быть, вы намерены отправить меня к праотцам? Как-то не вяжется.

Бровь Аспарагуса в недоумении изогнулась. Он опустил глаза и понял, что рука до того крепко стискивает меч, что на ладони впору отпечататься бледному пятну от рукояти-шипа.

Треклятые океаниды! Всё-то они подмечают!

— Вы мертвы?

— Отнюдь.

— Тогда ваше предположение ложно, — Аспарагус поправил маску и откинулся на дерево. — Хранители вас не узнали. Я и сам сомневался до последнего.

— Коли ведаете, я не услаждал взор красотами Барклей довольно давно, — прошептал сын Дуги, сведя руки за спиной. — Посему речам вашим и не подвластно заронить во мне семя изумления. Сказать по совести, иной раз я и сам с трудом припоминаю себя прежнего.

— Снимете повязку?

Сын Дуги не ответил, но и не отказал. Цокнув языком, он коснулся круглого лоскута ткани, прикрывавшего левый глаз. Нашлепка соскользнула, упала на исчерченную шрамами ладонь, и разноцветные глаза — синий и белый — сверкнули во тьме, два вертикальных зрачка сузились.

Ярость прокралась в душу Аспарагуса обезумевшим зверем. Он привык держать чувства в узде, не давать им воли. На его лице не дрогнул мускул, дыхание осталось ровным. Лишь орошенное ядом гнева сердце пустилось вскачь, погоняемое хлыстом оживших воспоминаний.

Ведь он глядел на океанида, кой перевернул жизнь Антуриума вверх дном и разрушил его семью.

Сын Дуги вздохнул. И вздох его напоминал плеск водной глади, растревоженной взмахом крыльев.

— Думаю, — устало произнес он, — о былых злоключения моих вам поведал правитель Антуриум?

— А вы не думайте, — возвестил Аспарагус, чувствуя, как доспехи напускного умиротворения трещат по швам. — Лучше скажите, скольких лет владыке Дуги́ стоило вылепить воина из поэта?

— О! — Голос океанида сохранял ровность, как натянутая веревка, невзирая на груз, подвязанный к ее середине. — Поверьте, история сия ваш слух не усладит. Ко всему прочему станет весьма затяжной и путаной. Не сочтите за неуважение, но внушительную ее часть я млею в пьяном исступлении.

— И выжили.

— Научился убивать.

Какое-то время Аспарагус глядел на редкую морось, подкошенную ветром. Глядел и молчал, ибо сердце наполнилось тревогой, а разум одолевал вопрос о здравости замысленного действия.

Сомнения почти стерлись — в Баркле́й грядет борьба за власть. Недаром же на судных листах подпись красуется: А. — правитель клана дриа́д.

Из-под завалов Эсфирь вызволила дриа́ду с золотыми глазами. И Аспарагус знал эту дриа́ду. Хорошо знал. Она — корень всех зол. Он хотел встретиться с ней. Хотел хотя бы попытаться воззвать её к разуму.

— Ступайте, сын Дуги́. — Оттолкнувшись от дерева, Аспарагус дернул щекой и устремился к Морионовым скалам, куда и держал путь до намеченной остановки. — Оберегайте наследника. И вот еще что: ежели мы с вами выживем и снова встретимся, отвесьте мне пинка, чтобы больше в моей голове не зарождались столь отчаянные побуждения. Ныне я рискую жизнью.

Он не успел пройти и тридцати шагов, как в спину дохнула морозная свежесть, раздувшая взмокшие волосы.

— Верю, поступаете вы мудро и верно, — произнес сын Дуги́. — Пусть удача благоволит вам. В конце концов, жизнь — это всего-навсего дорога к гибели.

На миг ветер усилился. Аспарагус обернулся. Но вместо океанида узрел на тропе островок подтаявшей изморози.

Капкан сущности

Теперь Эсфирь могла не страшиться, что в миг забытья на шее стянется древесный корень или сорняк. Рубин сдержал слово. Вывел их с Мраком — так она нарекла хина — из Барклей и оставил среди бескрайних земель, испещренных высокими, поросшими мхом и цветами курганами.

— О подозрительности Аспарагуса в пору легенды слагать, — прошипел Рубин, прежде чем ушел. — Но раз ты до сих пор не окружена его подпевалями, значит, он поверил, что ты улетела.

Тогда Эсфирь хотелось задать еще множество вопросов. Но голова отказалась размышлять о чем-то, кроме сна. Они с Мраком заночевали под одним из курганов, в замаскированной листвой и ветвями норе. И всё бы ничего, вот только храпел хин до того громко, что со стен крошево земли сыпалось. Эсфирь едва смыкала веки, как подпрыгивала от жуткого «х-р-р».

Казалось, неподалёку кто-то деревья валит.

Ужас!

Время текло. Усталость накапливалась. Все чаще Эсфирь впадала в уныние. Все чаще сидела сиднем и глядела в пустоту, катая в уме тёмные мысли о выродках, о прошлом, которое никак не вспоминалось.

Рубин оставил флягу с неведомым питьем, но оно отдавало горечью и намекало, что существо скорее откинёт рога, нежели утолит им жажду. Сперва Эсфирь терпела. Но когда сухость во рту стала невыносимой, они с Мраком всё-таки покинули землянку, чтобы отыскать ручей.

Ветра у холмов гуляли страшные. Дули зло и яростно. Гнули престранные растения, громадные и похожие на гвозди. Могучая спина хина служила щитом, но Эсфирь все равно продрогла до костей. Каждый шаг сопровождался шмыганьем. Из носа текло, как из прохудившегося ведра.

Рубин сказал, что Олеандр сам её отыщет. Но когда? Как скоро?

С водицей Эсфирь тоже не повезло. От низины, по дну которой бежала река, исходил зловонный смрад. Чуть поодаль из почвы торчала коряга. К ней крепилась прямоугольная табличка с надписью: «Болотинка».

— Болотинка. — У Эсфирь вырвался нервный смешок. — И не поспоришь. Река-вонючка.

Она повернула назад. Трава под ногами противно скрипела. Сорняки цеплялись за сапоги и заставляли спотыкаться. Это раздражало до того сильно, что Эсфирь чуть не призвала клевец, чтобы воздать гадким злопыхателям по корням. Ну правда! Зачем они пытаются ее уронить?

И Олеандр тоже хорош. И Рубин! Все! Завели её... куда-то. Она не щадила сил, силясь им помочь. Рисковала. А они!..

— Ай!

Браслеты обожгли запястья. Гнев и негодование улетучились. Эсфирь снова кольнула

чувство, будто она коснулась чего-то запретного. Будто подступила к тропе, ведущей во тьму. Подступила к грани, за которой существа перестают думать и отдаются на волю инстинктов. Там кажется, что ты сильнее всех. Там очень легко решить, что жизнь иных созданий ничего не стоит.

Эсфирь поежилась и посмотрела на Мрака. В ответном взгляде алых глаз-звезд тоже читался вопрос.

— Они жгут меня уже не в первый раз. — Она приподняла руку и тронула холодные звенья браслета с пером. Украшение блеснуло. — Но никаких ранок не остается. Это странно.

Другой ночью Эсфирь видела во снах Геру, испускавшую паутины и грозовые разряды. Видела, как дриады падают, сраженные перьями-лезвиями, как бушуют на песке ураганные ветра.

Эсфирь проснулась в поту. Зачерпнула ртом воздух и села. Листок, сорванный с растения-гвоздя, скатился с ног. Не углядев рядом хина, она подхватила с земли флягу и вынырнула из убежища.

И куда подевался Мрак? Ушел воду искать?

— Милая Эсфирь, здравствуйте, — послышался рядом голос, сладкий, как отравленный сироп. — Я ваш друг.

Из-за соседнего кургана выступил длинноногий дриад с каштановыми волосами до плеч. Голову его укрывал смоляной платок. Частокол клинков на поясе навевал мысли о разделке туш. Но лицо отражало довольно-таки приветливое выражение, а потому впечатление складывалось противоречивое.

Скажешь «Он красивее цветущей поляны» — попадешь в точку. Скажешь «Он страшнее пещеры, заваленной черепами» — тоже не оплошаешь. Ну правда! Даже украшения дриада виделись двуликими. Взять хотя бы вон то кольцо в виде затейливо скрещенных лепестков. Или другое: золотые змеи, переплетаясь телами, смотрят друг на друга с широко раскрытыми пастьями. Глаза им заменяют топазы, на клыках висят ядра изумрудов.

А ведь дриад представился Эсфирь «другом». Наверное, его и правда можно было бы так назвать. Добрый друг. Добрый друг, который охотнее выпотрошит собеседника, нежели угостит ужином.

Впрочем, одно другому не мешает, верно? Кто посмеет запретить Доброму Другу сначала накормить кого-то, а потом наделать в животе бедолаги столько дырок, что вся еда вывалится обратно, приправленная кровавой подливой?

Интересно, он умеет зловеще хохотать? Эсфирь оглядела дриада и заприметила на его бедре еще и хлыст.

Дриад широко улыбнулся, отчего его тонкие усики зашевелились совсем как паучьи лапки.

— М-м-м, — протянул он и постучал пальцем о палец. — Пожалуй, начнем с главного. Аспарагус желает вам скорой смерти, я, в свою очередь — долгих лет жизни и процветания.

Устоять на ногах оказалось непросто, и Эсфирь все-таки глотнула из фляги Рубина. Неведомая водица обожгла горло. Проще не стало, зато тело вмиг разогрелось.

— М-мы знакомы? — вырвалось изо рта, когда она совладала с окаменевшим языком и отдышалась.

— Мое имя Каладиум, — промурлыкал дриад. — И так уж вышло, мне есть что вам предложить. Выслушаете?

Эсфирь моргнула, вслушиваясь в отголоски покальваний, разбежавшихся по телу. Разум пробудился, приказывая улетать. Но вместе с ним оживилась и память, шепнувшая: «Мрак не вернулся».

— К-ко-конечно. — Эсфирь переступила с ноги на ногу.

Каладиум позволил застывшей улыбке сделаться шире. Хотя, казалось бы, куда шире? Его губы и так растянулись до ушей — чудо, что еще не лопнули. А ряд белоснежных зубов столь отчетливо выделился на золото-бронзовой коже, что казался чуждым, наспех прилепленным.

— Одной ночью я прогуливался у Морионовых скал, — возвестил он тоном, какой может позволить себе существо, привыкшее повелевать. — Моя подруга протянула вам руку помощи. Припоминаете?

Ох! Сердце Эсфирь ударилось о ребра. Ноги вмерзли в стылую землю, язык задеревенел. И единственное, что она смогла сделать — кивнуть.

— Дивно, — пропел Каладиум.

— Вы убежали! — взвизгнула Эсфирь, обретя дар речи. — Я хотела поблагодарить вас и...

— Погодите-ка. — Дриад приложил указательный палец ко рту, заставляя ее прикусить язык.

Завитки его ушей распрямились. Взор помрачнел и теперь еще хуже сочетался с радушной улыбкой — лучше в петле удавиться, чем повернуться спиной к тому, кто так смотрит. Каладиум вскочил на валун и огляделся с таким видом, будто отовсюду ждал нападения.

Странно. Вокруг не виделось ни души. А слух тревожили лишь плеск ручья и свист ветра.

Но вдруг за темнеющими вдали растениями прошмыгнула тень. Эсфирь потрянула головой. Решила, что привиделось. И в тот же миг сумрак вспорол рев, пробирающий до костей. За ним подтянулся еще один, еще и еще.

Крики летели от Морионовых скал, черными крыльями застывших между лесом и курганами.

Рука Каладиума юркнула под складки плаща. Вытащила оттуда целиком позолоченный кинжал, заточенный столь усердно, что лезвие могло бы померяться толщиной с лепестком цветка. Со звуком, похожим на свист, клинок взлетел. Кувыркнулся. И снова прилип к смуглой ладони.

Эсфирь хотела спросить, кто кричал, как осознание пробило головушку разрядом молнии. На радостях она даже подпрыгнула — и копна завитушек подпрыгнула вместе с ней.

Крик донесся издалека. Но ей уже не единожды приходилось слышать его из пасти хи́на.

Непонятно только, почему ныне рёв напоминал стайную переключку. Но...

— Не страйтесь, господин Каладиум, — заявила Эсфирь, расчесывая пальцами перепутанные кудри. — Это мой друг хин. Он спал, но... Не знаю. Похоже, очнулся и решил прогуляться.

— Ах да, хин! — Каладиум соскочил с камня. Резким движением раскинул руки в стороны и метнул в холмы две зеленоватые вспышки чар. — Досадно, мне не выпала честь

его поприветствовать.

Кругом густела темнота. Но стоило колдовству достигнуть цель, цветы на пригорках подсветились мириадами огней. Как красиво! С губ Эсфирь невольно соскользнул вздох восхищения. В свете цветов тело Каладиума очертило призрачное сияние.

— Давайте начистоту, дитя. — Он прокашлялся в кулак. — Вы одна из тех, кого глупцы нарекают вырожденцами, а мудрецы — двукровными, одарёнными. Для первых ваша жизнь не стоит и плевка. Вторых крайне сложно отыскать. Вы родились под счастливой звездой, дорогая Эсфирь. Моя подруга, как и я, принадлежим к числу последних. Иначе говоря — готовых защищать одаренных от несправедливости мира сего. Поэтому она помогла вам выбраться из пещеры. Поэтому ныне я советую вам последовать за мной туда, где на жизнь вашу никто и никогда не позарится. А случись что — всякое оружие, летящее в вашу сторону, я без тени сомнения остановлю собственным сердцем.

Ни звука не нарушало тишину. Даже ветер, желавший одержать победу в гонке с самим собой, и тот поумерил пыл и подивился на Каладиума. Эсфирь открыла рот, но тут же захлопнула. Возникло ощущение, будто за спиной должно грянуть рукоплескание. Так что она даже опешила, обернувшись и узрев вместо зрителей живописные валуны, на гранях которых скакали блики от мерцающих растений. Могло показаться, она внимала дриаду вполуха. Но нет. Она слушала внимательно. А следом трижды прокрутила услышанное в памяти. Но после каждого круга возвращалась к мысли: «Складно складывается, да что-то не верится».

Как перышко опалить, Эсфирь развесила уши перед существом, по чьим венам вместе с кровью струился обман. Дриад лгал не так явно, как если бы облепил камень перьями и попытался выдать за птенца. Он врал иначе — тонко и вертко. Эту ложь и ложью-то назвать трудно.

Существо просто выкидывает из речи всё, что обычно следует за союзом «но»...

В попытке подловить таких плутов на вранье можно поседеть. Они опаснее, чем мешок, набитый лезвиями. И Эсфирь знала об этом не понаслышке. Чем-то родным веяло от столь вёрткого обмана.

Но заприметить яму — одно дело, а перепрыгнуть — совсем другое.

Вряд ли Каладиум обрадуется, если в чистоте его помыслов усомнятся. Клинки, которыми он увешался, поблескивали, словно приглашая Эсфирь на чудный ужин. И нисколько не намекали, что в случае отказа она сперва послужит им мишенью, а потом и тушкой для свежевания.

Нужно было сразу улететь, — проплыла в сознании полная запоздалого раскаяния мысль.

— Итак, — уронил Каладиум, подобравшись, точно перед броском. Его сиреневые глаза угрожающе сузились. — Смею отметить, ежели у вас есть ко мне вопросы, я непременно на них отвечу.

И опять утаишь лишнее, — подумала Эсфирь, чувствуя, как по телу и крыльям замолотили холодные капли дождя, остужаемые на коже ветром — аж зубы сводило! Заляпанная кровью и грязью кофта вмиг облепила ее второй шкуркой.

Будто решаясь совершить прыжок через пропасть, она сглотнула и тихо выговорила:

— Я не вырожденка.

— Ну разумеется, — последовал высокомерный отклик. — А я, стало быть, плод вашего воображения.

— Серьезно? — Невзирая на издевательский посыл, надежда теплым огоньком вспыхнула в груди Эсфирь.

Каладиум в кулак не то кашлянул, не то коротко посмеялся.

— Это игра слов, дитя. Шутка.

— А-а-а. — Эсфирь поникла. Огонек в груди потух стол же скоро, сколь и разгорелся. — Как с яйцами, наверное.

— С какими яйцами? — Дриад вытаращился на нее так, будто она стояла на рогах.

— Огнедышцами.

Трудно сказать, какие думы в тот миг тревожили Каладиума. Но одно было понятно наверняка: он растерялся. Яйца свое дело сделали, дважды сделали. Сначала Эсфирь сбили с толку, а ныне и дриада — самого красивого, страшного и хитрого из встреченных ею.

Нет, ну а что? Природа не поскупилась ему на блага. К чему лукавить?

— Гм-м. — К левому виску он приложил указательный палец, к правому — острие кинжала.

Эсфирь пристально следила за тем, как кончик целиком позолоченного лезвия елозит по смуглой коже, задевая краешек платка. И тут в голове точно взрыв произошел. Предчувствие опасности — настолько сильное, что чудилось почти осязаемым — легло на плечи грузом.

Дуреха! Какая же она дуреха! Вот надо же было затерять в памяти столь приметный кинжал, по вине которого Гера испустила дух! Выходит, Каладиум убил двукровную? Почему? Испугался ее неистовства? Хотел помочь соплеменникам? А не он ли кичился, что защищает одаренных? Не он ли заявлял, что остановит летящее в их сторону оружие своим сердцем?

Нет! Эсфирь с Каладиумом не по пути. Лишь сейчас она поняла, какую глупость совершила бы, поддавшись на сладкие уговоры. Желание выразить его подруге признательность не шло ни в какое сравнение с жаждой жить, отыскать родителей и вернуть память.

— Я не пойду с вами, — Эсфирь вжала голову в плечи. — Пожалуйста, передайте вашей подруге мою благодарность.

Порыв ветра хлестко ударил по черному плащу. Ткань раздулась. Взвихрилась перед Каладиумом крылом, скрывая лицо — всего на миг, после чего на мир воззрело иное создание. Само собой, дриад не перестал быть дриадом. Просто скинул маску напускного добродушия и сейчас походил на хищника, чья добыча отказывалась добровольно лезть в пасть.

— Уверены? — Он шел к Эсфирь и жестко, рвано, шаг за шагом выплевывал слова в такт шороху сапог. — Быть может, вы передумаете, ежели узнаете, что обвал с Морионовых Скал сошел неспроста, м? Эти скалы заколдованы. Их защиту сложно перебить. Сложно, но можно. Чарами.

— Что?! — Эсфирь не хотела повышать голос, но тот ее желаний явно не разделял: уж слишком велико было потрясение. — Хотите сказать, меня завалили? Зачем? Желали убить?

— О, ради Богов, девочка! — шипел Каладиум, прокатывая лезвие по тыльной стороне ладони. — Ну какая же вы тупая! Истинно, вас желали убить. Ужель это вас изумляет? Привыкайте. Лишь заурядных существ не пытаются убить, а двукровные к таким не относятся.

— Кто?!

— Полагаю, Антуриум. Отец Олеандра.

Истомленный разум Эсфирь переваривал услышанное медленно. А когда перемолот, одну его половину растревожили думы, сколько еще раз ее вознамерятся лишиться жизни, в то время как другую опутал горячий, клубящийся ядовитыми парами стусток гнева.

Убийцы! Кругом сплошные убийцы и обманщики!

Она теребила браслет, щелкала застежку туда-сюда. Шорох чужих сапог растаял в воздухе. Ноздри наполнил запах цветов — удушающий, словно неподалеку разбилась склянка с духами. Эсфирь подняла голову. Каладиум стоял на расстоянии двух-трех локтей и не сводил с нее горящего взгляда. Она чувствовала себя мышью, угодившей под чары змеиного властелина.

Неловкие пальцы сломали замок-колечко. Браслет упал на траву. Эсфирь надумала его поднять, как внутрь лавовым потоком хлынули силы. Чудилось, они пульсируют в унисон с сердцем. Расплываются по крови и вспрыскивают доселе неизведанный, но такой упоительный яд неодолимости.

— Оставаться среди холмов опасно, дорогая Эсфирь. — Каладиум выдыхал горячий воздух. — Услышьте же меня! Удача благоволит вам. Но долго ли то продлится? Везение есть сгнившая лестница во мраке. Один неверный шаг — и падение чревато прощанием с жизнью. Дважды, а то и трижды, вы вырвались из лап смерти. Мы вызволили вас из-под завалов. Что до Аспарагуса...

— С ним мне помог Олеандр, — вымолвила Эсфирь. — Рубин поведал, что Аспарагус...

— Ха! — Губы Каладиума вновь скривились в деланной улыбке. Он вздохнул так, словно был разочарован до глубины души. — Не послужи я нашему дражайшему наследнику подспорьем в нелепой лжи, что вы улетели, Аспарагус вовек не оставил бы вас в покое, поверьте.

Хватит! Надоело! Разум Эсфирь помутился. Чары очарования откликнулись на немой призыв. И её okayмило белесое свечение. Она схватила Каладиума за ворот рубахи и притянула к себе. Его брови поползли на лоб. Он перехватил её руки и оскалился. Она разомкнула губы, поцеловала его — и мир перед глазами взорвался красками. Дурманящий запах дриада очаровывал, заигрывал, порождая в уме жажду вкусить больше.

Каладиум прижал её к груди. Дозволил впитать жар плоти. По-хозяйски скользнул ладонью по спине. И перышки на её крыльях встрепнулись, разбрызгивая влагу. В глубине души Эсфирь понимала — что-то нехорошее происходит с телом. Но клокочущие внутри страсти на корню обрубали путные мысли. С неохотой оторвавшись от податливых губ, она снова к ним прильнула.

Правда, со странным чувством — хотелось ощутить их сладость, но при этом еще и разодрать до мяса.

А ливень между тем усиливался, превращал землю в грязевую трясину. Дождевая пелена застилала всё вокруг. Даже свет цветов на курганах — и тот едва сквозь нее пробивался.

Эсфирь отстранилась от Каладиума и замерзшей рукой смахнула с его скул холодные капли.

— Неплохо, — отчеканил он с мальчишеской, почти озорной ухмылкой.

— Обидно, знаешь ли, — проговорила Эсфирь. — Неплохо? Мне казалось, я хорошо целуюсь.

Она сморгнула дождевые капли и погасила чары.

— О, я вовсе не преуменьшаю...

Он осёкся. Туман в его глазах развеялся. Лицо перекрыла маска ледяного равнодушия.

В воздухе повисло напряжение. Казалось, еще чуть-чуть — и он взорвется фонтаном искр.

Каладиум следил за Эсфирь из-под опущенных ресниц. И под его взглядом каждая мысль в ее сознании истончалась и лопалась, как передутый пузырь. Она отвела взор и увидела кинжал, который он до сих пор сжимал в руке. Из размытой позолоты клинка на нее глядели два глаза: левый залился белым, правый — черным. С уголка губ бежала дорожка смоляной слюны. А виски и щеки, угадывавшиеся за опавшими под дождем кудрями, изрисовали вздувшиеся вены.

Сбоку блеснуло зеленым. Под ногами Эсфирь зашелестело. Лодыжки коснулось что-то склизкое. И она шлепнулась наземь, стукнулась рогами о камень. В ушах расползся звон. Небо закрутилось водоворотом. Прежде чем она опомнилась, запястья и грудь овили дрянные сорняки, пришившие тело к земле. И в тот же миг что-то внутри неё сломалось, высвобождая голод убийства.

Эсфирь рассмеялась. Каладиум отшатнулся от нее, как от сундука с проклятыми драгоценностями.

Хватать, терзать, убивать, — шептало Эсфирь подсознание, когда она разорвала оковы. Врезалась пальцами и ступнями в землю. Она видела впереди живое существо, но отказывалась признавать в нем того, кто достоин чего-то иного, нежели утолить им голод. Их разделяли двадцать-тридцать шагов, но казалось, что не больше трех. Казалось, стоит Эсфирь напасть — расстояние влет сократится. И жертва падет под оглушительный треск раскученных костей.

Чтобы растянуть удовольствие, Эсфирь подступала к добыче крадучись. Ползла на четвереньках и скалилась. Каладиум стоял неподвижно. Тем большим было удивление Эсфирь, когда она прыгнула, а он проехался под ее животом в низком выпаде и сильным ударом всадил в крыло кинжал.

Она вскрикнула. Щеку оросили капли крови — во второе крыло врезался нож с зазубринами.

— Стало быть, боец из вас скверный. — Голос Каладиума звучал глухо и отстраненно. — Прискорбно, но поправимо.

Сердце Эсфирь угомонилось. Застучало тихо и размеренно. Она замерла. Она слышала за пригорками кое-кто притаился, и ждала, пока эти кое-кто подойдут ближе.

Дождалась. Темнота у холма зашевелилась, словно скомкавшись и очертившись знакомыми изгибами чадающих тел.

Один, второй, третий. Сгорбленные и едва различимые хины выползали на тусклый свет, будто только что рожденные самой ночью.

— Ты окружен! — прилетел издали возглас, глубокий и надрывный, но приглушенный шумом дождя.

— Ах ты ж, хиновы потроха! — проорал Каладиум. — Аспарагус, чтоб тебя!.. Какого...

— Глаза разуй, полудурок!

Аспарагус! Упоминание ненавистного имени отдалось в деснах зудом. Эсфирь обернулась.

Хины наступали со всех сторон, окружали Каладиума. Глухо заклацали зубастые черепа. Вспыхнули и разгорелись на крючковатых когтях чары. Под яростный топот дождя звери кинулись на него друг за другом. Он метнул в землю зеленоватую вспышку и закружился,

уворачиваясь от угольных сгустков — с десятков просвистели над головой, четыре-пять лизнули плащ и штаны. Двум хином он позволил приблизиться, а потом швырнул в них выхваченные из-за пояса лезвия и сжался в комок, пропустил над макушкой черный сгусток.

Пара хинов упали, как подкошенные, омыли траву черной кровью. А третьему прыгнувшему Каладиум распорол живот выскочившими из наруча шпорами-лезвиями.

Эсфирь не ведала, сколько времени минуло с начала сражения. Но чувствовала: еще немного, и её душевной болью можно будет без огнива воспламенить свечи, а гневом сравнивать с землей горы. Хинов! Ее друзей-хинов вырезали прямо на ее глазах, а она отползла к холму и сидела сложа рога, потому что никак не могла вытянуть из крыла ножик с зазубринами!

Валуны, на которых возлежали крылья, омывали ручьи крови. Но как она ни долбила по рукояти-шпицу, как не раскачивала туда-сюда, лезвие накрепко въелось в крыло.

Она моргнула раз: Каладиум перескочил через обездвиженные тела. Два: почва содрогнулась, из нее с грохотом выпорхнули корни. Три: несколько хинов попадали, опутанные корнями.

Щелкнула застежка ремня. И уши заложило от хлестка. Скрученный мотком кнут развернулся, взвился над головой Каладиума. Тотчас из-за кургана на поле сражения вылетел другой дриад верхом на скакуне. Левую половину его лица перекрывала до боли знакомая древесная маска.

— Убери хлыст — не поможет! — взревел он и направил зверя в гущу драки.

Каладиум и не подумал исполнять приказ. Кнут со свистом рассек воздух. С гулким шлепком овил ногу хина. Тот рыкнул, подался вперед. Но удавка не позволила сделать и шага. Дриад рванул хлыст на себя, и зверь шлепнулся спиной в лужу.

Хины подняли вой. Затопали. Завертели мордами. Врѣзались когтями в почву и понеслись кто куда, испуская с боков удушающий дым и расплескивая слякоть.

Эсфирь увидела, как к Аспарагусу черными тучами летят чары хинов. Как он прижимается к спине скакуна, ускользя от ударов, а затем хватает его пятками, рвет поводья в сторону чащи целящихся лап. Часть хинов кинулась врассыпную. Он промчался мимо них на полном скаку. Вырвал мыски сапог из стремян и сошел на землю в кувырке.

Сверкнуло. Обнажив меч, Аспарагус широким резком распорол двум хином глотки. А Каладиум насадил на клинок еще одного. И зверь едва ли не повис на лезвии, утратив желание кусаться.

Эсфирь слышала ругань и проклятия, свист хлыста и лязг металла. Вжалась в валун, сотрясаясь всем телом. Смежила веки. Распахнула и вскрикнула. К бедру прикатила дымящаяся морда. Несмотря на расставание с телом, она до сих пор щелкала зубами, но позже замерла с разомкнутым ртом.

Силы растеклись по венам Эсфирь. Разум снова помутился. Она поднялась и расправила плечи. С пальцев потекла тьма. Пучину звуков начало заглушать нарастающее гудение. Хины, стайка мельтешащих черных точек, попрятались — кто в тенях растений-гвоздей укрылся, кто в норах под курганами. Остались только два замерших пятна с ничего не понимающими лицами. Две надоедливые, не достойные жизни кляксы: Каладиум и Аспарагус.

— Темные отродья! Нечисть треклятая! — прорычал Каладиум. Он сплюнул кровь и постучал ладонью по длинному уху. — И откуда их столько повылазило? Не пойму, это они шумят?

— Великий Тофос! — Аспарагус уже смотрел на Эсфирь.

Она светилась. Светилась всё ярче и жарче, подобно солнцу, сорвавшемуся с небесных цепей и опустившемуся на землю. А из пальцев испускала мрак, который сгущался плотнее и плотнее и окаймлял воздух вокруг дриад движущимся лассо.

Мрачное лассо впиталось в почву. Из неё выросли двенадцать теней — рогатых, с перепончатыми крыльями и кожистыми, увенчанными лезвиями, хвостами. Тени окружили дриад. Взялись за руки и повели хоровод. Заплясали, выбивая копытами беззвучную дробь.

— Нужно уходить! — взвыл Аспарагус, тщась перекричать гул и растирая слезящийся глаз.

— Куда, Боги милостивые? — Каладиум прижимал ладони к ушам, по мочкам и скулам стекали кровавые полосы. — Куда?!

— Боль! — отдала приказ Эсфирь и взмахнула крыльями.

Ветер рывком подхватил её, поднимая выше и выше. Тени слились воедино. Превратились в плюющуюся тьмой стену. Ночь разорвал леденящий душу вопль. Несколько ударов пришлось на Каладиума. И он упал на колени. Впился пальцами в голову — мелкий и жалкий, в изодранном одеянии, перемазанном алой и черной кровью.

Аспарагусу тоже достался удар тьмы. Но он устоял. Вновь и вновь он ускользал от мрака в шатких поворотах. Вновь и вновь обращал к небесам дурной взгляд и разжигал на ладони пару невзрачных искр. И отбивался, отбивался, отбивался, размахивая клинком, как сумасшедший. Меч так вращался в его сотрясаемых дрожью руках. Аспарагус был скор, словно вихрь.

И клял на чем мир стоит и выродков, и Каладиума, и Антуриума, и...

Эсфирь зависла в воздухе. Закрутилась веретеном, впитывая накопленные свет и теплоту.

Застыла, выдохнула.

Вздохнула.

Сомкнула ладони лодочкой у живота и направила к дриадам ослепляющую волну света.

— Ежели выживу, — выпалил Аспарагус и припал к земле, — клянусь, я убью тебя, Олеандр!

— Олеандр, — медленно и четко процедила Эсфирь, не обращая внимания на хрипы дриад.

Перед внутренним взором с кристальной ясностью предстало лицо цвета корицы с колючими зелеными глазами и двумя родинками на щеке. И сердце екнуло, ярость улетучилась.

Волна света почти накрыла дриад, но Эсфирь перенацелила ее к холму и полетела к Морионовым скалам.

Тягучее шипение доносилось в спину. Поредевшая стая хинов вынырнула из укрытий и устремилась вдогонку.

Враги или соратники

На своём веку Аспарагус не единожды участвовал в сражениях, где численный перевес приходился на сторону противника. Не раз ему доводилось противостоять и вырожденцам. Но никогда после он не чувствовал себя столь — да простит Тофос его душу! — дерьмово. Даже по завершении схватки, в коей изувечил лицо и навсегда лишился благодати глядеть на мир двумя глазами.

Стоя на коленях в луже угольной-алой крови, Аспарагус попытался осмыслить случившееся и столкнулся с нехваткой умственных сил. Надумал подняться, но и тут потерпел неудачу. Спину прострелило. Кровь галопом забегала в висках, вторя надрывным ударам сердца.

Зелен лист, годы боевого затишья сказались на нем дурно. С приходом к власти Антуриума он поумерил гордыню воина и соглядатая в угоду мирским благам. Женился, познал радость отцовства. И не пожалел. Но, увы, размяк и позабыл, каково это — находиться в постоянном напряжении. Выслеживать то одно существо, то другое. И разгадывать навалившиеся скопом загадки, тщась сложить воедино сотни мелочей, кои не желали обростать смыслом.

И это Аспарагус еще не упомянул об одной занозе, нарекаемой Олеандром. По отбытии из Барклей Антуриум чётко дал понять — защита наследника первостепенна. Но запомнил сообщить, что его дражайший сын-отщепенец, чуть запахнет жареным, сделается в каждом дупле затычкой.

Вот не сидится этому непризнанному дарованию мира сего на мало-мальски безопасном месте — и хоть ты листву с рук обдирай. И плевать оно желало, что его бестолковые метания отягощают груз проблем.

Счастье, теперь Олеандр хоть белокрылую вырожденку не отыщет... Хотелось верить, что не отыщет.

Мертвящий звон в ушах затихал, словно выпроваживаемый из головы тягучим шипением. Сберегая дыхание, Аспарагус медленно приподнял голову и огляделся. Землистый курган слева исчез. Теперь на его месте темнела укладистая воронка, исторгавшая клубы сизого дыма. Сожжённая почва стелилась от неё чернью и перетекала в иссушенную до желтизны траву.

Ни хинов, ни престранных теней поблизости не шныряло. Равно как и двукровного орудия убийства — белокрылой девицы, коя нежданно перенаправила чары и упорхала с поля брани.

Поистине, никогда прежде Аспарагус не лицезрел столь диковинное колдовство.

Чистые свет и тьма. Боль. Очарование. Исцеление. Неведомые существа, сотканые из тёмных чар.

Не многовато ли умений? Даже для выроodka.

Эта девчонка... Что она такое? Кто она, Боги?! Одна из вестниц конца света — не иначе.

Аспарагус всё размышлял, какие ошибки они с Каладиумом совершили в бою. И скоро осознал — заурядные. Недооценили угрозу. Зациклились на борьбе с хинами. А вдобавок малость окостенели, узрев двенадцать хвостатых тварей, пошитых из тёмных чар.

Видит Тофос, Каладиуму надлежало избавиться от Эсфирь, когда выдался случай, но

он... Он до последнего лелеял надежду сохранить ей жизнь, вразумить и пригреть под листвой.

Самонадеянность сыграла с ним злую шутку. Прав был Стальной Шип, говоря, что значительную долю проплешин в броне Каладиума составляет убежденность в своей несокрушимости.

Аспарагус снова задумался над сущностью улетевшей девчонки, но услышал шорох. Превозмогая ломоту, напряг тело, готовый обороняться. Глазами считывал движения собрата, подползавшего слева. И разум обуяло нестерпимое желание отвесить ему пинка.

Вот он, Каладиум, кряхтя и постанывая, волочит израненную плоть по лужам и смотрит на него как на отребье — вроде бы снизу, но вместе с тем сверху вниз. Вот он, дриад, кой с Эпохи Стальных Шипов крутится возле Аспарагуса. Одаривает его при встречах крепкими рукопожатиями, притворными улыбками и восхищением, а на деле поддерживает их дружбу столь же лживо, сколь и горячо. И по сию пору стремится доказать не то соплеменникам, не то духу Эониума, что он надежней и даровитее Аспарагуса.

Ни для кого не было секретом, что в минувшие лета Каладиум метил на должность архихранителя. Обученный виртуозным мастером-океанидом, жаждущий хвальбы и почитаний, он выслуживался перед Стальным Шипом, изъясняя слепую преданность. Но когда дело дошло до перераспределения обязанностей, был послан заниматься грязной работой — калечить и умерщвлять соплеменников, большинство из коих и ножом для измельчения плодов-то орудовали неуклюже.

Каладиум вырвал из-за пояса клинок. Аспарагус со стоическим спокойствием дозволил лезвию подобраться к глотке.

Истинно, — мысленно говорил он Каладиуму, замершему рядом с кинжалом в руке, — Эониум оказал мне честь и предложил занять пост архихранителя еще накануне воинского сбора. Истинно, ты потерпел поражение вне битвы. А ведаешь почему? Не потому, что я изловчился умаслить Стального Шипа. Не потому, что ты в чем-то мне уступаешь. Отнюдь. Причины куда обыденней. Просто я в глазах Эониума отражался вовсе не тем, за кого меня принимали.

Ни живой, ни мертвый, со свалывшимися в пакли волосами и расширившимися зрачками, Каладиум едва дышал, зачерпывал воздух маленькими глотками. Лицо, грудь, пальцы — все в ало-черной крови. Плечо, на коем прежде сомкнул челюсть хин, тоже. Рубаха изодрана в лоскуты.

— Могу я поинтересоваться, какой немой мантикоры ты здесь промышлял? — спросил он и зашелся кашлем. Поди, сказалось отравление дымом. — Решил проследить за мной?

— Похвальная догадливость, — не удержался от издевки Аспарагус. — Рискну заметить, ты избрал не самый изящный способ выразить благодарность за помощь. Не то чтобы я сетовал на неуважение...

— Говори! — донеслось прямо над ухом. И острие кинжала еще тверже уперлось в горло, опасно ерзая под кадыком.

— Следил.

— Треклятый прихвостень Антуриума! — прорычал Каладиум, брызжа слюной, как взбесившийся силен.

— Каладиум...

— Получил, что хотел?

— Каладиум...

— Гнида!

— Каладиум, послушай...

— Да, это я, мразь ты поганая! Доволен?!

Понеслась листва по ветру!.. Аспарагус резко перехватил застывшую у глотки руку, вывернул запястье. Хрустнуло. Каладиум вскрикнул. Выронил кинжал и получил кулаком под дых. Удар был щадящим, но достаточным, чтобы повалить его на спину. Аспарагус выдохнул и огляделся.

Заря украдкой разреживала ночь. Небо, совсем недавно бывшее черно-синим, окрашивалось в золотисто-розовые цвета, подсвечивая рябь облаков.

Верно, Олеандр уже очнулся. Скоро, очень скоро он разбудит поселение и — упаси Тофос! — заявится в курганистые земли и закатит такой скандал, что живые позавидуют мертвым, а мёртвые содрогнутся.

Перебранка с наследником в замыслы Аспарагуса не входила. Потому он поднялся с колен и высвободил меч, увязший под телами хинов. Голова снова закружилась, запах гари душил.

— Некогда мне с тобой возиться, уж не обессудь. — Он поглядел на сжавшегося в комок Каладиума. — Истинно, я следил за тобой. Как часто мы поднимали вопрос о том, кто умертвил Спирию и отравил наследника, м? И всякий раз ты не выдавал правды ни речами, ни лицом. Признаюсь, сперва я подозревал не только тебя. Доверенные мне собратья бдели за каждым Стальным воином, кой вел себя мало-мальски подозрительно. Еще до гибели Спирии среди дриад гуляли разговоры, мол, Стальной Палач оживился, восстает ни свет ни заря и отлучается из поселения. Тогда я не придал этому значения. Тогда я многому не придал значение. Но позже...

Аспарагус тяжело вздохнул и продолжил:

— ...Позже мне доложили, что Клематис и Птерис проявляли интерес к хижине наследника, где сидела эта девчонка — Эсфирь. Позже я спросил себя, не знавал ли Каладиум о ее присутствии в поселении? А ежели знавал, почему не обмолвился и словом? Позже я наткнулся на тело Мирта. Явился на бой с двукровными, где своими глазами узрел, как Эсфирь излечила наследника и ударила по Гере чарами исцеления. К тому мгновению у меня уже были основания предполагать, что ко всей этой неразберихе приложил листья наш бывалый Палач. Я прикинулся слепцом. Рассудил, что ты не упустишь шанса расчистить путь к девице, одаренной благом укрощать выродков. Ты поддержал ложь наследника. Я подыграл вам. И началась гонка преследования. Думается, мы разузнали о местонахождении Эсфирь единовременно, после чего...

Дальнейшее повествование виделось излишним.

Аспарагус кашлянул в кулак, прочищая горло. Обратил взор к притихшему собрату — и удар сердца отозвался в ушах. С осунувшегося лица Каладиума сошли краски. Он упал на бок, безвольно раскинул руки. Не было больше Стального Палача, чья презрительная улыбка снилась дриадам в ночных кошмарах.

На земле лежал изнуренный битвой мужчина — бледный, с распустившимися на лбу почками испарины.

— Сейчас... — Аспарагус в два шага преодолел разделявшее их расстояние и опустился на корточки.

Свистнул элафия и стянул с пояса мешок с отварами: удача — потребные склянки сражение почти не затронуло. Содержимым первой бутылки, заполненной

обеззараживающим раствором, он промыл раны Каладиума. А вторую, с целебным отваром, приложил к его губам.

И спустя мгновение — о, диво! — пузырек оказался начисто иссушен.

Кроткий перестук копыт возвестил о приближении элафия. Впереди расплывчатым пятном замаячил его рогатый силуэт. Аспарагус широко распахнул глаза и часто-часто заморгал, прогоняя усталость. Встал и принялся складывать в кучу выисканные на поле брани клинки.

И чьей милостью Каладиум не валится с ног под их тяжестью?

— Ну-с? — прозвучал за спиной неторопливый, почти сонный голос. — Право, мне любопытно, на что ты рассчитывал. Надеялся, девица последует за мной, а ты осторожненько так за нами покрысятничаешь?

— Теперь это неважно, — уклончиво ответил Аспарагус. — Я хочу помочь, Каладиум.

— Ну да, ну да, — с обманчивой мягкостью вымолвил Каладиум. — Назови мне хоть одну причину, почему я должен верить тому, кто увивается за Антуриумом и его ненаглядным сыночком, м? Ты предал Сталь, Аспарагус! Ты предал владыку Эониума! Ты предал себя!

— Я исполнял долг и...

— Поклялся служить всем потомкам первозданных дриад... Я верный воин, клятвы мои нерушимы.

Аспарагус закатил глаза:

— Ты согласишься мне высказаться?..

Каладиум прищелкнул языком. И кивнул, утирая изодранным рукавом капающую из носа кровь.

— О, благодарю. — Аспарагус растер ладонями полыхавшее лицо. — Давеча я втерся к наследнику в доверие. Навел на думы о твоей непосредственной причастности к смуте и усыпил. Ныне дорога в лес нам отрезана. И я предлагаю тебе два пути. Первый: к нашей общей златоокой подруге мы скачем вместе. Второй: здесь и сейчас я изволю с тобой раскланяться.

Ежели Каладиум и удивился, вида не подал. Только хмыкнул, устремив взор к Морионовым скалам, обагрившимся утренним заревом.

— Хорошо. Я сопровожу тебя.

Беда не приходит одна

Проснувшись утром и спустившись с Древа, Олеандр хотел одного — выпустить небезызвестному гаду в маске кишки.

Каким же скотом нужно быть, чтобы использовать как наживку девчушку, которая толком ничего не помнит?! У Аспарагуса, похоже, совсем верхушка на почве вырожденцев расшаталась. Уже трижды он переступил черту дозволенного. Сперва ударил Олеандра в разгар дуэли Каладиума и Рубина. Потом пощечину ему залепил на глазах десятков соплеменников. А следом усыпил и приказал хранителям не тревожить — дескать, дни у наследника выдались тяжелые, пусть вздремнет.

Каков подлец, а?! Да кем Аспарагус вообще себя возомнил?! Творить столь немислимый произвол!.. Вот кто точно страх потерял!

А что если Каладиум взаправду причастен к смуте?

Что если он уже предстал перед Эсфирь, жажда пригреть её под листвой?

Чувствуя, что того и гляди взорвется, словно переспелый плод, Олеандр метался по поселению. Невольно он подмечал — куда ни сворачивает, везде его поджидают кучки шепчущихся дриад, указывавших на него пальцами. Страх на их лицах сменялся недоверием. Они держались в сторонке, но провожали его столь цепкими взглядами, что он через шаг спотыкался.

— Вы что тут все, с ума посходили?! — рявкнул Олеандр, когда прачка, встретившись с ним глазами, уронила корзину с бельем. — Соревнуетесь в ненормальности?

Он замер посреди улочки, стиснутой одноэтажными домами. Пробежавшие мимо дриады прятали взоры.

— Эй, ты чего разорался-то с утраца? — прогремел за спиной басовитый голос. Распихивая локтями дриад, к нему прорывался Зеф. Позади него прыгала лохматая голова Юкки. — Умер кто?

— Сейчас умрет! — выкрикнул Олеандр. — Если никто не соизволит объяснить мне, что здесь творится! Где Аспарагус? Где Каладиум? И почему, скажите на милость, все пялятся на меня так, будто я голый?

И причины странного поведения собратьев взбесили его еще больше. По словам приятелей, дриады все утро обсуждали подписи к судным листам: «А. — правитель клана дриад». И пришли к выводу, что за непорядками стоит не кто иной как отец Олеандра. Да, причастность владыки к смуте вызывала множество вопросов. К примеру, зачем ему покушаться на жизнь сына? Зачем сперва прощать Мирта, а затем убивать?

Но треклятая подпись, как видно, глушила в умах поселенцев любые прозвучки здравомыслия.

— Это не единственный слух, — подметил Юкка. — Там еще о призраке госпожи Азалии толкуют. О её детях, которых они с господином Летá[1] могли сокрыть. Даже о господине Аспарагусе, простите.

— Отойдём, — вымолвил Зеф.

И они миновали узкий коридор между домов. Приподняв ветви дерева, ступили к ограде поселения.

— Не поймите меня превратно, господин Олеандр, — продолжил Юкка. — Я вас не осуждаю — Тофос упаси! Ваш гнев понятен. Мне тоже не понравилось бы, если бы о моем

отце, семье, какой бы она ни была, распускали сплетни. Но...

— Договаривай, — спокойнее произнес Олеандр, видя, как бедный парень вжал голову в плечи. — Я не кусаюсь, пока меня самого не укусят.

— Он хочет сказать, — встрял Зефирантес, — что вы с архихранителем таитесь. Извини, дружище. Но со стороны чудится, будто это вы, а не дриады, ну, слегка «того». — Он покрутил пальцем у виска. — Носитесь туда-сюда, шушукаетесь. А что поселенцам-то остается?

С каждым укором щеки Олеандра все пуще заливала краска стыда. В упреке прослеживался смысл. С дриадами никто не объяснялся. Вот они и ухватились за перво-наперво возникшие мысли и пустились в додумки.

— Ах да! — защебетал Юкка, опомнившись. — Аспарагуса и Каладиума я с минувшего вечера не видел. Первый в лес ушел. Вроде как до сих пор не возвратился. Второй тоже.

— Что?! — Возглас Олеандра прокатился по поселению, гулкий и надрывный, готовый вот-вот сорваться. — Один? Аспарагус ушел один?

— Один, да, — Юкка кивнул. — Он повелел дозорным освободить гнезда наблюдений. О!.. Еще полномочия сложил.

Твою ж!.. У Олеандра аж волосы на затылке дыбом встали. Он в сердцах долбанул кулаком по ограде.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас?!

— Так вы спали, — прошептал Юкка. — А господин Аспарагус сказал...

— Господин Аспарагус сказал!.. — передразнил его Олеандр. — Засунь его слова себе знаешь куда!

— Тихо-тихо! — Зеф встряхнул его за плечо. — Не кипятись. Юкка-то тут причем, он подневольный...

— Да вы все тут подневольные! — прорычал Олеандр. — Гляжу, своих мозгов ни у кого нет!

Напряжение, схлестнувшееся со страхом за благополучие Эсфирь, достигло точки взрыва. Думать в таких условиях было крайне трудно. И Олеандр в очередной раз пожалел, что рядом нет отца и брата, которые точно помогли бы ему заглушить в голове пожар, испепелявший суть всяких размышлений. Тем не менее опасение, рожденное из недавней беседы с Аспарагусом, подсказывало, что неспроста — ох, неспроста! — они с Каладиумом пропали из поселения.

— Приказал покинуть гнезда наблюдений, — Олеандр выдохнул и добавил: — Какие гнезда? Ближайшие к курганам?

— Перед Морионовыми скалами, — пискнул Юкка. — До курганов там рукой подать, думаю.

— Ну-у, — протянул Зефирантес. — Не рукой подать, конечно. Проскакать придется.

Олеандр растерянно теребил серьги.

Что же получается?..

Аспарагус ушел к курганам следом за Каладиумом? Ушел и приказал дозорным близ тех земель покинуть гнезда наблюдений? Зачем? Как лист сорвать, столь бестолковые потуги по обезвреживанию воинов были направлены на устранение Олеандра. Чтобы под ногами не путался. Чтобы по пробуждении не подал дозорным знак, не направил их в курганистые земли.

Любопытно, что, утя в череде деяний столь неочевидную тонкость, Аспарагус в

придачу сложил полномочия. Словом, добровольно развязал Олеандру руки. Закон клана дриад гласил: ежели посты исполняющего обязанности правителя и архихранителя по какой-то причине освобождаются, их занимает либо истинный владыка, либо его ближайший кровный наследник.

Будучи, к чему уж лукавить, далеко не самым глупым дриадам поселения, Аспарагус явно сознавал, что последует за его уходом с должностей. И все же он сложил полномочия. Правитель оказал ему честь, вверив бразды правления, а он просто взял и подгадил ему в миг раздора.

Странный поступок. Зачем Аспарагус это сделал? Да и чего желал добиться, выслеживая Палача?

Положим, он застал Каладиума рядом с Эсфирь. Положим, убедился, что тот — один из смутьянов. Каковы дальнейшие действия? Попытка задержать подлеца в одиночку?

Или...

А чем же у нас тут пахнет, спрашивается? Не предательством ли? Не изменой, случаем?

Аспарагус ушел за предполагаемым смутьяном и обезопасился от перехвата. Ушел и сложил полномочия.

Почему? Да потому что хотел примкнуть к Каладиуму! Не собирался Аспарагус возвращаться! Не собирался никого задерживать!

Проклятие!

На душе Олеандра заскреблись силины. Неосязаемое ощущение тревоги распространилось по сознанию со скоростью морового поветрия. Он мельком глянул на приятелей, а затем вознес глаза к сероватым — дождь, что ли, прошел? — клочкам неба, проредившим листву.

Скорее всего, Каладиум и Аспарагус давно прибыли в курганистые земли. И Олеандр ничего, совершенно ничего не смог сделать, чтобы им помешать. Он на ветвях Вечного Древа провалился, отравленный сонником.

Он потрянул головой, смаргивая наваждение, явившееся внутреннему взору тенью погибшей Эсфирь. Сглотнул и обнаружил себя сидящим на лавке между хранителей. Один из них, похожий на громадное рыжее дерево, настойчиво тряс его за плечо, которое уже онемело.

— Ну наконец-то, — Зефирантес выдохнул так, словно мгновением ранее залпом оприходовал кувшин вина. — Слушай, ты предупреждай хоть, когда впадаешь в эти свои тяжкие думы.

Нет! Ужель Олеандр сдался?! Ужель даже не попытается уберечь ту, которой обязан жизнью?!

— Зовите Драцену и Рубина! — Он вскочил. — Запрягайте элафия! Мы скачем в курганистые земли!

— Чего?! — охнули Юкка и Зеф, тогда как ноги уже несли Олеандра к главным воротам.

— По дороге расскажу!

— Но...

— Это приказ!

Мимо пронеслись перепуганные лица братьев, шарахавшихся от него, как от безумца, размахивавшего топором. Не обращая внимания на доносящиеся в спину выкрики, он подбежал к воротам и настезь их распахнул. В боку нещадно кололо. Мышцы, не

разогретые после сна, ныли. Но он все равно рванул к Морионовым скалам, только створки за спиной захлопнулись. Приложил два сомкнутых в кольцо пальца к губам — и день огласил раскатистый свист.

Абутилон дремал на ближайшей поляне, потому вскоре Олеандр на бегу запрыгнул ему на спину, и земля под копытами элафия затряслась.

Пусть шанс на успешный исход замысла и невелик — увязающий в трясине, как известно, хватается за травинку. Увидев Палача, Эсфирь могла и улететь, верно? Или спрятаться. Или...

Да мало ли! Вариантов — два мешка!

— Быстрее, Аби! — Олеандр хватанул элафия пятками и направил чуть левее, в объезд светлевшего впереди ручья.

Лесные заросли постепенно разрежались. Иссохшие прутья и листва уступили место высокой траве, хлеставшей по сапогам не хуже кнутов. Обрывки выкриков дриад прилетали в спину под drobный перестук копыт.

При желании Абутилон мог скакать еще быстрее. Но в таком случае он рисковал в кровь изрезать бедра. Поэтому Олеандру приходилось сдерживать норы и зачастую замедляться.

В одну из вынужденных остановок глаза выхватили черную точку, плывшую в небе над скальными гребнями.

Эсфирь? Кто бы это ни был, полет его выглядел жутко. Летун вился в воздухе раненой птицей — того и гляди расшибется о камни. Его подбрасывало. Швыряло из стороны в сторону столь лихо, будто он сражался с незримым врагом. Примерно так, помнится, штормило Зефирантеса, когда он впервые испил крепленого вина. И после четвертой или пятой чаши со словами «Что-то лёгонькое оно какое-то» осушил еще с десятка.

Это Эсфирь! В груди Олеандра будто перегнутая ветвь треснула. Засевшая между ребер тревога въелась корнями в сердце. Он приготовился к новому рывку, но взгляд уперся в дерево на краю поляны. Из-за ствола выглядывали зеленый рукав и склоненная голова...

— Гинура? Эй! Ты чего там расселся? Дурно?

Щурясь от слепящего света, Олеандр снова оглядел небосвод. Эсфирь как водой смыло — хотелось надеяться, не лбом в горный выступ. Ведомый дурным предчувствием, он снова окликнул Гинуру. Но ответа не получил. Вернее, получил, но от кого-то иного, чье зеленое око сверкнуло в полумраке ветвей. То был странный булькающий звук, похожий на вздох тонущего.

В тот же миг почва в двух-трех шагах от Гинуры просела. Заволновалась и растеклась волной прямиком к Олеандру. Он дернул рога Аби на себя. Тот попятился. Поздно — бугры обступили их ободом, который закипел, подобно перегретой похлебке. Копыта элафия начали увязать. Он взревел, пытаясь нащупать опору. Дернулся. И встал на дыбы, испуская с цветов облако пылицы.

Не успев сообразить что к чему, Олеандр потерял равновесие и плашмя рухнул в склизкую жижу.

Лимнада! Осознание сущности нападавшего пришло враз с непониманием, почему дружественное Барклею создание ополчилось на дриада. Вместо вертевшего на уме вопроса из горла вылетел комок слизи. Трепыхания ускоряли погружение в трясину. Любое движение тянуло ко дну. Но Олеандр рискнул перевернуться на бок и вскинуть руку — тело увязло глубже. И виток чар, сорвавшись с пальцев, просвистел мимо запримеченной на дереве лианы.

— Аби, перестать, — шептал он, силясь уговорить охваченного паникой элафия, чьи копыта по бедра засели в болоте. — Пожалуйста, перестать, слышишь? Иначе ты нас утопишь!

Наперекор призыву к успокоению Абутилон вновь поднял рев. Ринулся в сторону и тут же завалился на бок. В лицо Олеандра ударил фонтан зловонных брызг. Перед взором, чудом не пробив висок, пронеслось копыто.

Дриады приближались. Олеандр слышал, потому протянул ладонь к перепуганной морде с глазами-бусинами, приподнял ее над топью.

Помощь подоспела вовремя. Зеф примчался первым. Но в расчет его взять не вышло: разве что в расчет тех, кому голова дарована лишь для того, чтобы зазря болтаться на шее. С криком «Защита наследника — долг жизни!» он на полном скаку понесся к трясине. Его элафия оказался умнее — перед болотом он застыл. Слишком резко. Зеф перелетел через его рога и бочкой плюхнулся в топь.

Драцена дурному примеру не последовала. Ее волей и чарами лозы соскользнули с деревьев. Опутали тела увязших и вытянули их на твердую почву.

— Спасибо. — Олеандр выбрался и плюхнулся лицом в траву, но тут же поднял голову. Сосредоточился на жужжании прибывших хранителей — они уже вытаскивали из зарослей два бесчувственных тела.

Первое принадлежало Гинуру.

А вот второе... Свалявшиеся в пакли волосы цвета болотной слизи говорили в пользу лимнады. Но сероватая чешуя на предплечьях намекала, что девица родилась наядой.

Вырожденка!

Пошла кутерьма.

Сбежавшиеся на поляну дриады загалдели, заверещали, точно согнанные с ветвей птицы. Олеандр доверил Драцене заботу об элафия. Нагнал стражей и помог им уложить Гинуру на траву. Моргнул раз, два — посыльный не подал признаков жизни, — и осознание случившегося громом прокатилось в сознании. Локти выпрямились самовольно, одна ладонь прилипла к другой.

Шестьдесят счетов, сотня надавливаний на грудь с перерывами — круг неотложных действий при остановке сердца. Не зря, вовсе не зря Олеандр в поте лица обучался ремеслу целителя.

Он знает и умеет. Он спасет Гинуру! Обязательно спасет!

Земля вокруг увлажнилась от стекавшей с туники слизи. Олеандр свершал отточенные движение, когда слух перехватил шорох.

Олеандр резко обернулся. В шее хрустнуло, хвост мокрых волос шлепнул по глазам.

— Поздно, Цветочек, — Рубин стоял у него за спиной, переламывая самокрутку, — мёртв ваш дружок.

Мёртв... Олеандра пробрал озноб. Он снова обратил взор к Гинуру. Его рот трещал от напичканной в глотку грязи. К ладоням, подсвечивая листву на предплечьях, стягивалась чары.

В душе разразилась буря. Но Олеандр не позволял ей вырваться наружу. Борьба с желанием закричать, убежать, просто лечь и тупо вытаращиться в никуда отжимала силы. Но усилием воли он заставил себя проглотить очередное поражение — сколько их еще будет? — и подобрался к вырожденке, окруженной кольцом стражи.

— Мертва? — спросил Олеандр и осмотрел её перепачканные в грязи и болотной жиже

ЛОХМОТЬЯ.

— Уже да, — подтвердил коренастый хранитель с длинной коричневой бородой, в которой запутались листья. — Когда выносили, сердце еще билось. А теперь... — Он пожал плечами. — Странно.

И правда странно, — мысленно вторил ему Олеандр. Никаких серьезных увечий на теле девицы не наблюдалось. Пара царапин, синяк у виска. Все! Так что же послужило причиной гибели?

— Ядком пахнет, смекаешь? — прозвучал шелестящий голос Рубина. — При том едким таким, насыщенным. Не могу разобрать, что за отравка... Что-то редкое. Не встречал прежде.

Отравка действительно не оставила бы на теле следов. Но зачем вырожденке травить себя? Или её Гинура отравить успел?

Олеандр жестом повелел стражам расступиться. Присел возле девицы на корточки. Отогнул ворот лохмотьев и узрел на её шее едва различимую точку, похожую на укус кровососущего насекомого. Кожа в том месте воспалилась. Ощущалась холодной, почти ледяной.

Отметину могло оставить тонкое оружие, вымазанное ядом. Отравы разные бывают. На вырожденки они тоже действуют по-разному. Возможно, отравившись, девчонка умерла не сразу. Предположим, она успела выползти и сотворить трясину.

Но интересно другое. Дриады вырожденку не травили. Гинура?.. Сомнительно.

Значит...

Холод. Отдающий льдом яд. Дыра-укус на шее. Игла, — припомнил Олеандр боевую кличку названного брата.

— О, нет-нет-нет, — шепотом залепетал он и схватился за голову. — Только не ты, пожалуйста!

Проклятие! Ну почему беда не приходит одна?! Неужели в Барклей и правда появился Глендауэр?!

На поляне уже, казалось, собрался весь клан. Дриады шумели, как Барклей в преддверии урагана. Маяча за спинами столпившихся вокруг тел воинов, десятки братьев то и дело устремляли к Олеандру пытливые взгляды. Он всматривался в смуглые лица стражей так, словно одно из них могло резко побледнеть до мертвецки-белого. По мнению его внутреннего советчика, все происходящее напоминало сон. Ну или глубокое опьянение, когда ты сперва опорожняешь чашу с глушницей, а потом уже хин знает что творится.

— Прошу. — Темно-алый листок, удерживаемый смуглыми пальцами, завис перед носом Олеандра. — У вырожденки нашли.

Аурелиус! Ну конечно! Олеандр перехватил листок и развернул:

«Ненавижу стукачей!

А. — правитель клана дриад».

Стукачей! В прошлом Гинура часто доносил на соплеменников. Но запомнился он клану по одному доносу — доносу на дочь-изгнанницу Стального Шипа.

Гинура сообщил Эониуму, что Азалия и Летá живут близ Барклей и воспитывают двойняшек-вырожденков.

— Хм-м...

Прежде Олеандр уже думал, что непорядки связаны с его мёртвой тёткой. Но ныне разум почти что тыкал его носом в выдвинутое предположение — смутьяны явно мстили за Азалию. А кому еще мстить за раскуроченную судьбу женщины, как не ее былым лесным воздыхателям: Аспарагусу и Каладиуму? Оба некогда изъявляли желание взять дочь Эониума в жены. Оба столкнулись с отказом. От ворот поворот, данный стальным владыкой Аспарагусу, немало удивил дриад — тогда еще никто не ведал о бесплодии Азалии. Каладиума же позднее сковала воля главы дома, отца, высказавшегося против свадьбы сына с неплодородной девицей.

Стоит ли упоминать, что следом Пилея, отца Каладиума, нашли в лесу мёртвым? Он упал с дерева на торчащий штыком корень. Одно время Каладиума даже отцеубийцей называли — за глаза, конечно.

Но слухи ведь тоже не плодятся на пустом месте, верно?

Отец Олеандра извечно поговаривал, что любовь указывает существу, кто оно есть, как далеко готово зайти в поступках. А влюбленный мужчина и вовсе по природе своей умалишенный болван, не способный отвести взора от одного-единственного бутона и гораздый брести к нему не столько по шипам и колючкам, сколько по отсеченным конечностям и головам.

Слащавые глупости, конечно, но все же...

— Гм-м... — Олеандр уставился на обмякшее тело Гинуры, в котором завял цвет бесценного дара — жизни.

Предположение о мести за любовь сменилось сознательным обдумыванием вопроса.

К мантикорам все сомнения, протесты и отговорки! В насущной догадке прослеживался хоть какой-то смысл — значит, Олеандру надлежит за него ухватиться и попытаться оглядеть с разных углов.

На закорках подсознания замелькали невзрачные картины случившегося. Они вспыхивали в голове сродни звездам, подсвечивая не проясненные вопросы и пути к нахождению ответов.

Итак, Каладиум. Положим, он смутьян и мстит за Азалию. Почему сейчас? Зачем выжидать аж шестнадцать лет после ее смерти, чтобы вершить гнусности? Безусловно, отыскать и сойтись накоротке с двукровными — задачи далеко не из простых. Но много ли пользы в столь опасной затее? Не бестолковая ли это трата времени и сил? Зачем рисковать жизнью и прибегать к помощи вырожденцев, ежели можно устранить неугодных собратьев куда проще? Например, подловить в гордом одиночестве, пырнуть кинжалом и замести следы.

Нет. Вся эта история выглядела как-то не по Каладиумовски. Разве что он свихнулся. Либо преследует иные цели, похлеще убийства десятка соплеменников. И решил воплотить идею Азалии о приручении двукровных в явь, что в целом равносильно сумасшествию.

Глас Зефа вторгся в уши:

— Слушай, дружище. — И Олеандр вздрогнул. — Нам бы это, Гинура...

— Мне нужно подумать, Зеф.

— Но Гинура...

— Я буду думать быстро.

Олеандр снова попытался сосредоточиться. Мозг вгрызся в проблему с другой стороны.

Аспарагус! С ним, в общем-то, уже все понятно. Он не был смутьяном. Он выискивал смутьяна, используя близость к наследнику, как подельника в сокрытии грязных замыслов.

Неясно, правда, зачем он тогда делился с Олеандром чарами, а вдобавок навел на думы о Каладиуме.

Но главное: Аспарагус и Каладиум исчезли из поселения. Ни один, ни другой до сих пор не возвратились, а первый еще и сложил полномочия исполняющего обязанности правителя и архихранителя.

— Так...

К Олеандру опять вернулось то чувство отстранения, которое посетило его при взгляде на тело вырожденки. Драцена за его спиной придруженно пискнула, выглянула из-за плеча и поглядела на аурелиус. Зеф, ныне напоминавший грязевое чудище, выдал короткое:

— Ну дела! — И мотнул головой.

Слизь с его волос брызнула во все стороны. Хранители брезгливо расступились, и поляна потонула в гробовом молчании. Кашлянув, чтобы привлечь их внимание, Олеандр смял судный лист в кулаке:

— Омойте тело Гинуры, чуть позже похороним.

Теперь он оглядывал стражей с нескрываемым подозрением и видел врага едва ли не в каждом, чье выражение лица казалось мало-мальски подозрительным.

Хин их разберёт! Вырожденка почти к поселению подобралась, а хранители её не перехватили.

Не заметили? Или намеренно смолчали, дозволив убить Гинуру?

— А где Змей? — Драцена невидяще смотрела на то место, где еще совсем недавно стоял Рубин.

Действительно. Куда это он подевался? Олеандр моргнул. Вздохнул и уловил запах гари.

— Ох ты ж! — выкрикнул Зеф.

Над кронами деревьев всплывала дымная шляпа, подсвеченная отблесками пламени.

[1]Летá — старший сын Ваухана, бывшего правителя Танглей, незаконный супруг Азалии, отец её двукровных детей.

На поляне воцарилось гнетущее молчание. Все как один замерли, словно дриад разом настигло окаменение. Олеандр глядел на расплывшийся по небу дым и силился натянуть на лицо маску отрешенности. Без толку! Поджилки предательски тряслись, к глотке подбирался комок дурноты.

Быть может, ему предначертано гоняться за Эсфирь и влипнуть в неприятности?

Пожар! Подумать только, пожар в поселение дриад! Дриад! Существ, которые со дня сотворения страшатся огня!

Как?! Откуда?!

Горячие капли пота, сбегавшие по лбу, упали на ресницы. Олеандр вздрогнул. Снова постарался успокоиться. И снова потерпел неудачу.

Проклятье!

Он сглотнул. А затем голосом, звучащим столь тихо и потерянно, что хотелось издохнуть, произнес:

— Возвращаемся в поселение. — К счастью, в наступившей тишине его услышали все без исключений.

Хранители ожили и рассредоточились, врезаясь в оцепеневших собратьев. Аби катался по траве, пытаясь стереть со шкуры болотную жижу. Поэтому Олеандр ринулся к другому элафия, замеченному на краю поляны. А пока шёл, закипал все пуще и пуще. Ступни жестоко отдавляли, ребра саднило от столкновений — удивительно, как скоро он превратился в невидимку.

Не успел он добраться до зверя, на него с двух сторон, едва не схлопнув в лепешку, налетели Юкка и Драцена. Встряска пошла кипевшим мозгам на пользу, Олеандр передернул плечами.

— Скачите к Морионовым скалам, — приказал он. — Эсфирь, похоже, где-то там упала, отыщите её.

— Куда скакать? — громыхнул Зеф, проталкиваясь к ним с остервенением нападающего вепря-гиганта.

— Найти вырожденку? — Голос Драцены звучал спокойно, но взор полнился тревогой. — Вы серьезно?

— Она не вырожденка! — с нажимом произнес Олеандр и отпрянул, спасаясь от пронесшегося мимо скакуна. — Аспарагус считает иначе, знаю. Вам решать, кому вы верите больше — изменнику-архихранителю или мне?

— Изменнику? — На веснушчатом лице Зефа, успевшего поравняться с Юккой, нарисовался испуг. — Почему изменнику?

Видит Тофос, Олеандр избрал не лучшее время для прояснения подобных вопросов.

— Поможете? Нет?

Приятель обменялся задумчиво-неверующими взглядами, и Олеандра словно горячей водой окатили. Наряду с тревогой за жизни поселенцев в голове невольно вспыхнула мысль, что Аспарагус, конечно, зарвавшийся изувер с манией величия. Но стражи всегда вершили его волю без тени сомнения. И причиной слепого повиновения служил не только страх.

Доверие и уважение — вот какие чувства порождает архихранитель в умах подчиненных.

А что Олеандр? К его просьбам и решениям питали недоверие даже друзья. Хорош

наследник клана, что тут скажешь.

Лес в очередной раз огласил протяжный крик, за которым последовала череда трудноразличимых ругательств вперемешку с проклятиями. И Олеандр сорвался на бег — из-под сапог, казалось, вот-вот искры посыплются.

— Да или нет?

— Погодь-ка, братец, не суетись. — Нагнав его на полпути, Зеф прокашлялся. А когда заговорил вновь, чудовищная маска из одеревеневшей грязи, заменявшая ему лицо, пошла трещинами. — Обождал бы ты на поляне. У тебя ж брачное таинство скоро, а случись чего...

— Еще одно слово, — прошептал Олеандр, — и вместо брачного таинства будут похороны!

— Я даже догадываюсь чьи, — крикнул Зеф.

Юкка и Драцена выросли за его спиной и синхронно прошелестели:

— Мы с вами, наследник. — А Зефирантес добавил: — Я рядом, дружище. Жив буду всегда.

Я рядом, Малахит, всегда рядом, — отразился в ушах голос, который Олеандр предпочёл бы забыть. В первое мгновение он почти всерьез поверил, что Глендауэр ступает с ним бок о бок. Но потом стряхнул наваждение и коснулся элафия. Вскарabкался ему на спину.

Рывок — и они помчались к поселению. До того быстро и резко, что в дымящейся голове Олеандра затухли мысли. Все, кроме одной: «Трус ты, Глен. Трус и лжец». Нет, ну а что? Глендауэр заплыл в Барклею? Так пусть хоть на глаза покажется. В самом деле! Шастает по лесу как ни в чем не бывало, с вырождком втихаря подсобил, а как в лицо брату поглядеть так свернул чешую [1]— ищи-свищи.

А впрочем, какие они братья? Вздор! Не братья они совсем. Глендауэр — предатель. Точка.

Визги, долетавшие из поселения, становились громче, схлестывались с топотом и грохотом, скрипом ветвей. Не обращая внимания на доносившиеся за спиной предостережения, Олеандр рискнул бежать напрямик, надеясь сократить путь. Признаться, так лихо он еще верхом не ездил. Да и начинать не думал, рассудив, что мозгам куда лучше живется в черепе, нежели на земле.

К несчастью, элафия его воззрений не разделял. Он несся, как опалевший, не слишком заботясь, что неожиданный оступ на полном скаку чреват... Хорошо, если поломанными конечностями.

Прутья и лепестки градом летели из-под его копыт, хотя казалось, он давно воспарил.

Он галопом промчался по краю тропы, срывавшейся в овраг. Перемахнул через рытвину и вскоре выпорхнул хранителям наперерез. Верткость зверя завораживала. Смена направления на большой скорости приведет к заносу? Нужно замедлить бег? Ха! Правила явно не для него писаны.

Мало того что элафия избежал столкновения, он ещё и развернулся до того изящно, что даже наклона не ощущалось. И спустил с рогов ветви, которые опутали бедра Олеандра и уберегли от падения.

— Ну вы и бешенка, наследник! — слышался позади ор хранителя, приглушаемый стуком копыт. — Уж не сочтите за дерзость!

— Чей это скакун, ведаете?! — выкрикнул Олеандр, хотя ответ уже вертелся на языке.

— Аспарагуса! Иксием кличут!

Кто бы сомневался!

— Пропустите наследника! — Возглас стражей прозвучал столь громко, что на миг перекрыл шум и гомон.

Иксий выскочил на поворот дороги, к цветочной арке. Кучковавшие неподалеку дриады, ахая и гудя, кинулись врассыпную, словно мальки от брошенного в воду камня. Элафия влетел между ними, в самую середину. Заперебирал копытами то влево, то вправо. И ударил Олеандра отросшей с рога ветвью — мол, слезай давай, расселся тоже!

Ну до чего наглый скакун, а! Вот уж истинно: ученик — отражение мастера.

Невзирая на гудящие кости, Олеандр спрыгнул на твердую почву. Как вдруг за сетью ям от вывороченных корней промелькнула чья-то расплывчатая тень. Двух оглядок хватило, чтобы распознать в ней наездника со стальными шипами на плаще и понять, что продирается он в противоположную от поселения сторону. Зачем? Почему?

Докричаться уже не вышло бы. Поэтому Олеандр выцепил в толпе воина без шипов и наказал ему проследить за отбившимся собратом. Тот зову внял и бросился вдогонку, взбивая опавшие листья, дробя землю.

— Что горит? — спросил Олеандр и узрел стайку детенышей, дышавших через влажные тряпки.

— Дом п-правителя, — всхлипнула одна из девиц, прижимаясь к груди матери, которая неловко гладила ее по спине.

— Что?!

Он посмотрел на соплеменницу так, будто у нее выросла вторая голова. Она шмыгнула. Кивнула. Иные дриады тоже закивали. Один за другим и все вместе — точно заговоренные.

Совсем рядом застучали копыта. Захрапели новоприбывшие элафия, доставившие воинов с поляны. Олеандр услышал лязг металла. Повернулся на звук и узрел Зефа.

— Что делать будем? — спросил тот.

— Посох рек и озёр справится с огнём, — заявил Олеандр. — Он в доме правителя.

Всё вокруг сделалось четким и красочным, почти картинным. По ушам ударили стоны от ужаса, в носу засвербел запах гари.

— Отыщите Рубина! — Олеандр миновал врата. Толпа пропустила его, правда, не без помощи Зефа и стражей. — Скажите, нам нужен феникс! Пусть хоть разок пробудит его для дела!

Свет жизни озарял плоть с каждым шагом. Гнев в груди разгорался, а спустя миг полыхнул до того свирепо, что из горла вырвался рык. Олеандр увидел дым. Услышал грохот бочек, толкаемых дриадами к горящему дому.

Потом были лестницы и висячие тропы. Потом — толкотня и давка, очередные гиканья и свисты собратьев.

А в конце пути — пламя.

Огонь, полыхавший зло и ярко, с шипением и рассыпом искр. Огонь, который пожирал дом, где Олеандр появился на свет. На его глазах бутон на крыше треснул. Скособочился. Просел. Почерневший лепесток соскользнул и обрушил подвесной мост — удача, что пустующий.

Кто-то выкрикнул, что пламя отравлено. Кто-то подхватил. И спустя миг весть о яде разлетелась по округе.

Сказать по совести, когда эта мысль впервые потревожила разум, Олеандр откинул ее как нелепую придурь. Тогда он счел умозаключения поспешными. Но ныне все догадки

поросли изначально с смыслом. Неспроста мышцы сводило болезненными судорогами. Неспроста его одолевало смятение по части некоторых рядовых вещей, начиная от собственного имени.

Зелен лист, вместе с дымом по поселению растекалось что-то пьянящее, дурманящее.

Спровоженные хранители догнали Олеандра у мостов, стекавшихся к хижине. Зеф быстро шагнул к нему и всучил влажную тряпку, которую тот сразу же прижал к носу и губам.

— Змея не сыскать, — возопил из-за плеча страж, перекрикивая галдёж. — К дому, толкуют, не подобраться.

— Сносит всех, — Зеф закивал. На его висках блестели капли пота. — При том чудаковато сносит. Веришь, вот так...

Крылья его носа раздулись. Челюсти сжались, а губы растянулись в кривой улыбке, напоминающей оскал. Выглядел он по-дурацки, но весьма красноречиво. Ведь такое выражение лица говорило о непроизвольно-длительном сокращении мышц вследствие отравления...

Вот, стало быть, исчезновение Рубина и возымело причинно-следственную связь.

Огонь, змеиная отравка, побег. Не нужно быть мудрецом, складывая в уме два и два. Едва ли Рубин породил пламя сам, учитывая, что в миг поджога пребывал на поляне. Скорее уж даровал смутьянам смешанные чары.

И тем не менее...

— Это яд дракайна. — У Олеандра возникло такое чувство, будто его с силой пнули в живот. Силясь не думать о том, что Рубин — предатель, он перехватил клочок ткани покрепче и нырнул в кипящий водоворот собратьев. — Я потомок первозданных, продержусь дольше!

— Хочешь залезть в дом?! — Голос Зефа сквозил ужасом. — Рехнулся?! Ты погибнешь!

Олеандр заметил на соседнем мосту Душку — пара дриад уводили его от горящего дома.

— Я справлюсь! Кто поздоровее, уводите поселенцев!

Как ни странно, принудить себя даже не к риску — практически к самоубийству — не составило труда. Куда сложнее было пересиливать ноющую боль. Чем дальше продвигался Олеандр, тем дурнее становились взоры встречавшихся на пути соплеменников. Теперь они напоминали погребальное шествие и волочились с погребальной же скоростью.

Растолкав одних дриад, он замер, пропуская других. Споткнулся. Больно ударился локтем об ограду и вновь ринулся к пламени. Ни тряпица, ни кроткие вздохи от отравления не спасали. Стушавшийся смог душил, пробирался в нос и горло, отчего при каждом вздохе легкие будто наполнялись опилками. В ушах плыл звон. Малейшее движение усиливало его, а шаги, как назло, делались чуждо-медленными, тягучими. Казалось, минуют столетия, прежде чем Олеандр подползет к цели.

— Сапфир, облейте наследника! — взревел кто-то из хранителей.

До хижины оставалось всего ничего, когда Олеандр ощутил над головой шевеление. Через мерцающую завесу слез он узрел крылатую тень, прорезавшую смог. И в то же мгновение сжался, обливаемый ледяной водой. Не успел коснуться дверной ручки, как дверь распахнулась сама, хлопнула по стене дома с оглушительным треском. Хлынувший наружу жар обжигал. Порождал удушающий кашель.

Но Олеандр все равно окунулся в дымную круговерть, в убийственный вихрь огня и света, спиравший дыхание.

В сравнении с тем, чтобы прорваться на второй этаж, окунуться было просто. По пути Олеандру пришлось увернуться от валившихся с потолка лоз и ошметков древесины, словно затеявших игру «Кто быстрее воспламенит вторженца». Он ступил в коридор. Не с первого раза, но выбил ногой заевшую дверь покоев.

Пламя полыхнуло прямо перед носом. Олеандр в ужасе отпрянул к стене.

Куда ни падал взор, все излизывал огонь. В лихорадочной спешке Олеандр проложил взглядом мало-мальски безопасный путь в соседнюю комнату, но в углу, вывалив на пол горящие фолианты, рухнула книжная полка. Обломки перекрыли дорогу — и первый замысел обернулся крахом. А у второго имелся лишь один недостаток: его попросту не существовало.

Поток воды ударил в плечо и заставил Олеандра пошатнуться. Тряпка ухнула на пол. Он обернулся и вздрогнул. Злой, как стадо вепрей, мокрый и окосевший, к нему плелся Зефирантес.

Последовала краткая ругань на языке глухонемых. Не очень результативная. В ответ на просьбу убраться друг посоветовал ему то ли напиться, то ли утопиться: жестами Зеф выражался не слишком искусно.левой рукой он выплеснул остатки воды из ведра на горящие обломки, правой вытащил из-за спины шипастую палицу. Размах, удар — и полка раскрошилась в пепел.

Дальше все пошло гладко. Слишком гладко, отчего в груди Олеандра пророс росток тревоги. Меньше чем за мгновение они миновали арку. Вломились в покои и застыли, округлив глаза. На подпаленном ковре в рдяном обугленном на груди и подоле платье лежала...

— Фрезия!

Она улыбалась, обнажив перемазанные в крови зубы. И смотрелось это настолько жутко, что в жилах леденела кровь. Зеф закашлялся и дернулся к ней. Олеандр проскочил через сужавшуюся щель между двух огней и ринулся к шкафу, облепленному ракушками.

— У-уноси ее... не... немедленно, слышишь? — проговорил он, распахивая полупрозрачные дверцы.

— Ишь чего у-удумал... — прохрипел Зеф, подхватывая Фрезию на руки. Белки его глаз покраснелись, с уголка века текла нитка крови. — Та... так я тебя и о-оставил... Вы не... как... ты...

— У-уноси, я сказал! — процедил Олеандр. — Посох рез и озер — не игрушка! Он... он и по...потопить может! Я никогда не пробуждал его... его силу.

Ответом послужило натужное сопение. Пол затрясся, заходил ходуном. В шипение бушующего пламени ворвался стук каблуков, потом скрип лестницы. Олеандр не обернулся, знал — друг не оплошает, а потому снова заглянул в шкаф. В углу стоял тонкий посох: дотронься — переломится надвое. Его рукоять походила на скрученную в жгут косу из застывших лиан и потоков воды. На верхушке сверкал шар, внутри которого искрилось небольшое озеро.

Глаза щипало так, словно в них засыпали зеркальную пыль — перед взором вспыхивали золотом все созвездия небосвода. Вместо огня он видел ало-рыжие кляксы, обступавшие его со всех сторон. Вместо посоха — пять расплывчатых посохов. Какой настоящий? Взмах рукой раз. Мимо. Два. Опять мимо. Три... О, да! Пальцы сомкнулись на холодной рукояти.

Олеандр сглотнул. Слизнул с полопавшихся губ кровь.

— М-мать ре-рек и о-озер, п-прошу... — И кашлянул, окропляя пол кровяными

брызгами. — П-помоги...

Рот продолжал говорить. Но теперь речь занимала половину внимания. Другая сосредоточилась на треске. Первом. Втором. Третьем. Кажется, полопались оконные ставни. Олеандр отвел голову к плечу. Проморгался, тшась сложить воедино расплывавшуюся пятнами картину. И узрел что-то... Кого-то, излучавшего холод. Кого-то, шагнувшего навстречу.

Еще. Еще. Еще...

Он бежалбесшумно, не выдавал присутствия ни вздохом, ни скрипом половиц. Огонь шарахался от него. Под сапогами вспыхивали морозные островки.

Океанид?..

— Давайте.

Этот голос... Отдающий сталью, но вместе с тем хрупкий и звонкий, ввинчивающийся в мозг штырем. Где Олеандр его слышал?

— Даю...

Посох с тихим стуком ударился о пол. Озерцо внутри шара закипело. Виток чар, соскользнув с рукояти, откатился к двери. Протянулся цепью от стены к стене — и взмыл водяным занавесом.

Ну вот и всё! Уголки губ Олеандра задрожали. Колени подкосились, и он упал в чьи-то милосердные руки. Щеку обожгло холодом, а следом рот наполнился кисловатой водицей, которую захотелось сплюнуть. Да какой там! Морозные пальцы клешнями сжались на челюстях, приневолили хлебать.

Краем глаза он видел, как на комнату пошла волна. Как взбурлили и закружились водовороты, пожиравшие огонь. С треском надломилась почерневшая балка. Океанид спохватился и заточил ее в лед, страхуя от срыва.

Олеандр вжался в его грудь, притиснутый волной. Задержал дыхание и только приготовился тонуть, как перед взором мелькнула чужая ладонь, охваченная белыми чарами. Они выплеснулись потоком. Впитались в волну, и она разрезалась надвое. Обступила Олеандра с боков и с шумом ударилась о стены, сметая пламя.

— Не страшитесь, все хорошо, — проговорил океанид и тряхнул рукой, гася чары. — Я рядом.

Неожиданное озарение отвоевало Олеандра у недомогания. Как говорится, можно закрыть глаза на видимое, но нельзя закрыть сердце на ощущаемое. Он понял, с кем ведет беседу. Понял — и боль стянулась вокруг груди узлом, который никогда не развяжется.

— Всегда рядом?

— Уже нет.

[1] Свернуть чешую, листья, перья — сбежать, удалиться, скрыться. Расхожее выражение.

После пожара

Из бездны забвения Олеандра вырвал перегуд голосов. Он приподнял тяжелую, словно отлитую из стали, руку и растер веки. Нашарил по соседству с ухом край пледа и укрылся им с головой. Не помогло. Гомон беспощадно истязал слух, не позволяя предаться сну.

Зелен лист, дриады — чтоб у них типуны на языках выскочили! — опять перемывают кому-то кости.

Он откинул покрывало. Не отрывая спины от ложа, согнул ноги в коленях, дошагал ими до края ложа. И рухнул на пол, потому как верхняя часть тела отказалась принимать вертикальное положение.

— Ой! — послышался неподалеку робкий возглас Сапфира. — Ты очнулся. Как себя чувствуешь?

— Как дряхлый старик, окоченевший на морозе, — сиплым и будто чужим голосом проямлил Олеандр.

Под кожей, спицами вонзаясь в мышцы, расплзлось онемение. Кряхтя и постанывая, он приподнялся на локтях и стиснул зубы до того крепко, что в челюсти щелкнуло. Боль клыками и когтями вгрызлась куда-то в поясницу, под ребра. Перегородка, отсекавшая воспоминания, треснула, разлетелась вдребезги, и они хлынули в голову ледяными волнами.

Смерть Гинуры от лап вырожденки, судный лист, пожар, отравленный дым, Фрезия, посох рек о озер и...

Сердце, уколотое болью потаенных обид, стукнулось о грудь раз, другой...

Глендауэр!

Олеандр вспыхнул, как спичка, и сел, чувствуя во рту противное жжение. Он вспомнил бледную ладонь брата, подсунувшую ему письмо. Потом в памяти зияла дыра. Затем его тащили, тянули, несли куда-то на носилках. Следом он снова потерялся в неизвестности. И вот очнулся в провонявшей потом и целебными травами хижине. Кажется, в аптеке.

— Давай помогу, — прозвучало над ухом, и он позволил прохладным рукам затащить себя на ложе. — Тебе что-нибудь нужно?

— Понимание, уважение и чтобы от меня все отстали, — тихо, сберегая израненное горло, проворчал Олеандр.

И провел ладонью по груди, прикрытой туникой. Ткань пахла ореховыми благовониями. Беглый взгляд — и мимолетная догадка обернулась явью. Его переодели. Блеск! И где теперь искать письмо? Любопытно еще, куда запропастился океанид, который его настроил?

Сбежал? Снова? Трус! И хватило же ему дерзости вломиться в поселение!

Ах да, Глендауэр ведь у нас — великий покровитель угнетенных, сердобольная душа! Жаждал помочь? Да в гробу Олеандр видал его помощь! Достаточно горя он нахлебался от брата.

И лучше бы Глену исчезнуть из леса!

Легкий ветерок, напоенный запахом цветов, прорвался через приоткрытые ставни и остудил кипящую кровь. Олеандр втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Отер взмокшие руки о плед и осознал, что елозит по слежавшемуся ложу. Под потолком, заливая хижину теплым светом, мерцали три златоцвета. Только они и рассеивали мрак, выхватывали из тьмы изломы сизых крыльев. Правое опутывали тряпицы, пропитанные, судя по сладковатому запаху, отваром из столбистника.

Сапфир устроился на краю перины, зажав ладонь между колен. Его левое предплечье — явно сломанное и примотанное к лубку — покоилось на лоскуте ткани, подвязанном за шей. Неподалёку от ореада у бочки с водой сидел Душка. Один из лепестков на его бутонетушке почернел.

— Бедняга, — Олеандр закусил губу и снова поглядел на Сапфира, потом перевёл взор на его перевязанное крыло.

— Пожар ни при чем, — пояснил ореад с той улыбкой, какая расцветает на лице существа, прикоснувшегося к теплым воспоминаниям. — Я еще на склоне поранился, в бою с вырод...

— Считаешь, мне есть разница? — просипел Олеандр. — Тебе должно возвратиться на Ааронг, Сапфир. В Барклея творится страшное. Ты верный друг, но...

— Полно тебе, — перебил его Сапфир, — я не улечу. Сам подумай, ты бросил бы приятеля в миг нужды? Нет-нет! Не отвечай, я и так все знаю. И прекрасно понимаю, что тебя тревожит.

— Ничего ты не понимаешь, — произнес Олеандр и схватился за горло. — Мне легче заранее спровадить, нежели потом расхлебывать. А если ты умрешь? Что тогда? Пало восемнадцать дриад, Сапфир. Восемнадцать!

— Уже сорок.

— Что?!

Олеандр потерял дар речи. Икнул, ощущая, как потеют ладони, а во рту, напротив, пересыхает. Обугленный листок сорвался с предплечья и, покачнувшись, улегся на плед.

— Да-а, — Сапфир поник. — В общей сложности сорок. Мне жаль. Пожар охватил дом владыки Антуриума сразу. Никто и дыма не успел почуять. Это был, гм-м... Даже не знаю. Взрыв? Гроыхнуло — и все в огне. Слышал, у дома правителя в тот миг кто-то беседу вел. Так их аж на ветви отбросило...

Он продолжал говорить. И каждое его слово увековечивало на душе Олеандра рану за раной. Сейчас он уже не мог отринуть чувства, увяз в них, задыхаясь. Вгони он под ногти иглы, боль была бы не столь сильной, как теперь от осознания, что пожар унес жизни двадцати двух соплеменников. Еще тридцать пребывали без сознания. Зефирантес и Фрезия числились среди выживших, но ежели жизни первого ничего не угрожало, то жизнь второй висела на волоске.

Повествуя о ее самочувствии, Сапфир выражался сбивчиво. То и дело поправлялся, путался в лекарских определениях. Силясь уловить суть его речей, Олеандр будто нитку среди колючих лоз выскивал. Но в итоге, предположив, что Фрез впадала в глубокое забытье[1], попал в точку.

Попал — и страх разрядом ударил по вискам. Ворох дум, вертевшийся в сознании, истаял. Остались лишь погруженная в полумрак хижина, урчание Душки и многоголосое щебетание дриад за окном.

Олеандр тяжело дышал, сжимая и разжимая кулак. Верно, Сапфир догадался, что продолжение беседы смерти подобно, поэтому вжал голову в плечи и хранил молчание. Только нервно улыбался, отчего его глаза, и без того похожие на щели, сужались до черточек.

— Фрезия... — Олеандр сглотнул, принуждая себя к спокойствию и сосредоточенности.

Дуреха! Ну какая же Фрез дуреха! Вокруг беспредел творится, а она опять по дому

правителя решила побродить. На кой она туда пошла? Вот уж навряд ли за тем, чтобы потушить огонь. Скорее, хотела под шумок перевернуть шмотки суженого. А вдруг он припрятал там дары от некоей девицы, дерзнувшей покуситься на чужое добро?

Откровенно говоря, Олеандр не ведал, что оскорбляло его больше. Очередная прогулка суженой по обители его отца — внимание! — владыки клана. Ее убежденность в том, что жених — похотливый недоумок, который не додумается скрыть следы блуда. Или заурядное недоверие.

— Где она? — хрипло спросил Олеандр, уже не чувствуя ни гнева, ни слабости. — Куда ее уложили?

— Э-э... — Сапфир задумчиво уставился на игру теней, бродящих по стене. — Так над нами, в верхней аптекарне.

— Схожу к ней, — Олеандр сунул ступни в сапоги и поднялся, поковылял к двери на неверных ногах.

— Эй, погоди! — возопил Сапфир. — Ты ведь не оклемался толком!

— Оклемался.

— Но...

— Но что?! Что «но»?!

Пнув с досадой подвернувшийся под ногу мешок с травами, Олеандр подхватил волосы опояской и замер, пришиленный тусклым взором синих глаз. В поле зрения проявилось бледное лицо — непроницаемое, как вырезанная из камня маска.

— Выслушай меня, будь любезен. — Крыло Сапфира раскрылось перед дверью с таким звуком, будто кто-то встряхнул покрывало. — Я беседовал с дриадами. Немного, самую малость...

— И? — Олеандр пересилил сопротивление охваченного болью тела и плюхнулся на стул. — Допекли?

— Не совсем. — Ореад почесал когтем макушку. — Хотя они... весьма бойкие и словоохотливые.

Бойкие и словоохотливые? Seriously?! Что ж, Олеандр отложит эти определения в памяти, чтобы в следующий раз, рассуждая о собратях, выражаться чуть поизящнее, чем «Они жадные до сплетен болтуны, гораздые выпотрошить из чужих шкафов все скелеты, только дай шанс. Бодрствуют от рассвета до заката. Но влет оживают ночью, возможно, даже восстают из мертвых, ежели поблизости кипят страсти и пахнет жареным».

— Ты... — снова подал голос Сапфир. — Я... вызнал о судных листах. О всяком вызнал, словом. И Рубин...

Рубин! Ну конечно! Попытка обелить Змея через три, два, один...

— Дриады думают на него, — с нажимом произнес ореад. — А я не верю, что он причастен к поджогу. Ведаю, мы братья...

— Не кровные.

— ...но он не мог так поступить. Рубин не посмел бы навредить владыке Антуриуму. Он уважает его, а тебя и вовсе боготворит со дня встречи. И не гляди на меня столь... огненно. Не мог — и все тут!

Спору нет, Сапфир — истинный сын своего народа, воплощение скромности и добродетели. В мире, где войны развязываются по дуновению ветра, дети порою прирезают отцов и матерей, а брат умерщвляет брата ради перехвата власти, ореады, пожалуй, остались единственным кланом, чья история не запятналась. Такая себе цветущая ветвь на гнилом

древе.

Трудно уверовать, но прославляли их исключительно благими речами.

С другой стороны, сколько существ — столько и воззрений. Каждого не расспросишь.

— Почему ты молчишь? — Веки ореада дрожали, голос упал до шепота. — Думаешь, я заблуждаюсь?

— Я не слишком жалею совпадения, Сапфир, — ровным тоном, взвешивая каждое слово, молвил Олеандр. — Зачастую за ними кроются неразгаданные закономерности. Наша с отцом обитель вспыхивает. Воздух напитывается отравой, братец твой под шумок чешую сворачивает... Да, он не поджигал дом. Подозреваю, просто передал смутьянам чары.

— Зачем, великий Тофос?! — взвизгнул ореад. — Нелепица какая-то! Но... Ладно, предположим. Тогда он, наверное, не сознавал, кому их дарует. А сбежал, потому что испугался заключения под стражу.

В соображениях Сапфира прослеживался смысл. Рубин и правда мог вручить смутьянам — очевидно, кому-то из подельников Каладиума — чары, так сказать, по дурости, не понимая, чем чреват столь сомнительный поступок. Другой вопрос: почему он не поведал о содеянном Олеандру? Не выдался шанс? Быть может, Рубину угрожали? Быть может прижали к стенке и выудили ядовитое пламя силой? Спорный вывод. Тогда он разобрал бы, что дриады замыслили недоброе. А последние, заполучив желаемое, устранили бы ненужного свидетеля.

Или нет?..

Олеандр попытался рассмотреть случившееся под разными углами. Потыкался то так, то эдак, но упирался либо в противоречия, либо в вопросы, которые влекли иные вопросы. Вывод: нехватка сведений. Из пары капель краски картины не нарисуешь — и хоть ты листву с рук обдирай. Посему ему ничего не оставалось, кроме как признать неоднозначность произошедшего.

На что он получил ожидаемый вопрос:

— И что нам делать?!

— Не знаю. — В голове Олеандра сплелся клубок из чувств и помыслов. — Я пока что слабо понимаю, что произошло. Подставили Рубина? Надурили? Бывает, что поделаться! Мир полнится лжецами. Ему следовало рассказать мне о промахе. Излить душу и оправдаться. Побег — не решение. В самом деле! Первый раз, что ли? Рубин и раньше ерунду творил, а потом приходил ко мне — мол, Олеандр, помоги. Почему он сейчас так не поступил? Ты прости меня, Сапфир, но побег твоего брата наводит меня на мысли о его сознательной причастности к злодеянию. Он изменился, ведаешь? Кричал недавно, что он — не сын Цитрина. Давил в себе дракайна... Честно, я с трудом узнал его, когда увидел. Он на феникса стал похож!

— После боя у моря меня травяными настойками опаивали, — признался Сапфир. — Я всё время спал. Вроде Рубин заходил ко мне. Но мы так и не поговорили. Я... Боги, нет! Не верю, что он пошёл бы на такое...

Олеандр только развёл руками и добавил:

— Верю... Не верю... Как было бы прекрасно, если бы мы могли так хорошо знать существ. Тогда любые разбирательства и суды отпали бы за ненадобностью. Достаточно было бы опросить близких провинившегося.

Спасибо Сапфиру — последний разговор повлиял на Олеандра, как ведро водицы, вылитое на костер. Теперь он мог размышлять трезво. И решил не мчаться к Фрезии со всех ног.

Сапфир обмолвился, что от разрушения дом владыки Антуриума уберегают морозные подпорки, сотканые океанидом. И тишина сомкнулась в лекарне сродни огромному кому слипшихся лоз.

Лишь на долю мгновения губы Олеандра разомкнулись, чтобы произнести: «Не упоминай о танглеевце, мне всё равно». Но язык будто одеревенел, не желая выносить в мир столь явную ложь.

С Олеандра сошло семь потов, покуда он снова разлепил губы:

— Где он?

— Сбежал. — Склонившись над тумбой, Сапфир уже накапывал в чашу с водой успокоительное.

Сбежал! Кто бы сомневался! Олеандр усердно растирал виски, отмечая, что боль перестает докучать.

— Ты сколько смешал? — Судя по частому перестуку капель, разбивавшихся о воду, немало.

— Пятьдесят, — произнес Сапфир и передал Душке другую чашу с водицей. — Еще десяточек — и тревоги отступят.

— Сколько?! — У Олеандра волосы на затылке зашевелились. — Хочешь, чтобы я успокоился навсегда?

Пробка, подцепленная крючковатым когтем, заткнула флягу с настойкой. Сапфир шаркнул крылом по полу и склонил голову к плечу. Сощурился. Меньше всего он сейчас напоминал юношу, одаренного завидным умением сохранять благое расположение духа перед лицом опасностей. Куда больше он походил на птицу, присматривавшуюся к ползшей мимо добыче.

— Это Глендауэр? — Прозорливую такую птицу, не ведающую, какие норы безопасны для разведки, а какие — таят погибель.

— Его разыскивают? — Внутри Олеандра все перемешалось. Он уже не понимал ни себя, ни своих ощущений. — Я прав?

— Прав.

Плохо. Для Глена слово «розыск» звучало как приговор. Будь на его месте иной танглеевец, парня просто спровадили бы восвояси, ведь он спас жизнь наследнику клана дриад. Но сын Дуги — дело другое. На долю Глена выпал указ, велевший стражам задержать его и приговорить к казни.

Боги! Олеандр залпом осушил чашу и выбежал во двор. Он надеялся отыскать кого-то из старших хранителей до того, как дриады сообразят, что пора воскликнуть: «Наследник!» Не успел. Пара-тройка шагов — и шумиха смолкла. Его настигло стойкое ощущение, будто он вот-вот примет на щит атаку войска, и его раскрошат в пыльцу, даже ноготка не останется. Соплеменники, роившиеся под навесом из листвы, глядели на него сродни голодающим, выискавшим плодоносный кустарник.

Им-то хорошо — насытятся досыта. А о бедном растении кто-нибудь удосужился подумать? Не только ведь ягоды оборвут, но и ветви и листву до крох обглодают!

Миг подступившей дурноты Олеандр прозевал: вот он взирает на побледневшие лица

поселенцев и тонет во мраке, а вот уже сидит на лавке подле Сапфира и жмурится от сползавших на веки капель пота. Перед глазами снова плыли цветные пятна, в ушах порхали скрипучие вздохи и выдохи.

Стражи быстро пришли на подмогу. Когда Олеандр очухался, от оголтелой толпы его отрезал венок зеленых плащей с шипами.

В ночи звенели, колотя по мозгам, отчаянные выкрики:

— Что происходит, наследник? — Коренастая девица в алом платке, расшитом золотыми нитями, выглянула из-за плеча хранителя. — Чего нам ожидать? Почему вы таитесь?

— Где владыка? — провопил рядом с ней травник. Его кожаный жилет, накинутый поверх рубахи, весь скособочился. — Куда он ушел? Где архихранитель? Зачем он сложил полномочия?

— Огонь!..

— Змей?..

— Почему?..

— Олеандр!..

— Наследник!..

Олеандру захотелось сбежать. Проораться до разрыва легких и уползти в укрытие, как изувеченному воину с поля брани. В душе заворочались обида вперемешку с негодованием: первые ростки смуты по какой-то причине не породили в клане ни тревоги, ни переполоха, бывалый распорядок омрачился лишь пересудами. Хотя, казалось бы, столь жуткие трагедии как гибель собратьев от лап вырождков и подброс судных листов, происходят редко. Но стоило беде коснуться многих дриад напрямую, они взбесились. Перетрухнули, известное дело. Каждый из них считал, что его хижина с краю. И невзгоды непременно обойдут её стороной.

Как бы не так, господа! Получите и поставьте оттиск. Головешке, упавшей в кусты, подвластно уничтожить лес.

Само собой, Олеандр сознавал, что на горбу его пристроился мешок ответственности за благополучие и покой собратьев. Сознавал. Но рассудок упорно велел помалкивать, предвосхищая ураган вопросов, который точно пригвоздит его к ложу — никаких вырождков и пожаров не нужно.

Безмолвный крик шуршал в сплетении ладоней тяжелым дыханием. Олеандр так и восседал на скамейке, сжавшись в сопящий комок. Суматоха, казалось, поутихла. Хранители расступились.

И тут из толпы вылетел плод. За ним просвистел второй, третий. Сапфир не растерялся. Вскочил — и воздух напитался переливами его чар. Щербатый валун вырос перед лавкой и пошатнулся, заклёванный градом снарядов. Свистнули, покидая ножны, десятки лезвий. Стражники, притаившиеся на ветвях, вскинули арбалеты.

Поднялся крик. Дриады разбежались, заслоняясь предплечьями. Кто-то спрятался за деревьями, другие ломанулись к дверям хижин. Запела тетива. И стрела, разрезав ночь, вгрызлась в траву у ног девчушки.

Ужас сковал глотки дриад почище стянутых на шеях удавок. В сторону скамейки никто не решался даже смотреть.

Олеандр тоже молчал, переваривая узорное. Молчал до того долго, что молчание едва не переросло в жест одобрения.

— Никаких нападений! — немедленно выкрикнул он, невзирая на израненное горло.

Эпоха Стальных Шипов: вот чем разило от воинов, ощерившихся лезвиями против «своих». А что хуже — это сработало.

Прежде Олеандр не понимал, почему отец — ярый противник насилия, пыток и тирании — надламливает стальные устои с осторожностью, даже с опаской. Теперь все прояснилось.

Эониум не был властным, он был властью. Он пал, но дело его живет и отравляет умы по сей день. И выдавливать столь едкий гной нужно по капле.

— Наследник? — Чернобородый здоровяк-хранитель, на плечах которого красовались серебряные лозы, вынырнул из-за лекарни. — Благой ночи. Прикажете задержать провинившихся?

— Не прикажу, — тихо произнес Олеандр. — Мы не в Эпоху Стальных Шипов живем. Скажи мне...

— Рипсалис.

— ...Рипсалис. Постой-ка, кто?

Вот кого-кого, а бывалого архихранителя, предшественника Аспарагуса, Олеандр увидеть не ожидал. Среди дриад Рипсалис был своеобразной легендой, бойцом, выжившим в схватках, где его товарищей размолоти в прах. Он трудился на благо клана еще при Цикламене — отце Эониума. Отсюда и отличительный знак на плаще — серебряные лозы.

Рипсалис по праву считался самым опытным хранителем леса, награжденным затейливым прозвищем «Смерч, вьющийся над костями недругов».

— Вы не договорили, — вымолвил он и перекинул меч в левую руку, на которой не доставало двух пальцев. — Ежели изволите: я возвратился в ряды стражей по просьбе Аспарагуса.

Точно! Зефирантес, помнится, упоминал, что после бойни у моря Аспарагус призвал на подмогу былых сослуживцев. Очевидно, Рипсалис был одним из тех, кто откликнулся на зов.

— Ты... — Олеандр ухватился за ладонь Сапфира и уравновесил тело на неверных ногах. — Вы видели его отступную?

— Все уже видели, — Рипсалис кивнул. — Осмелюсь предположить, вы желаете поведать, что теперь хранители подчиняются вам? Что ж, никто не спорит. Повелевайте, наследник. Не робейте.

Олеандр открыл рот, но слова повисли на кончике языка. Возможно, к лучшему, потому что от неуёмных бесед по горлу разливался огонь. На лице Рипсалиса, наискось пересеченном двумя скукожившимися шрамами, проявилось сочувствие. Он едва уловимо взмахнул ладонью — и клинки стражей, описав в воздухе дуги, спрятались в ножнах. Никто не посмел перечить Смерчу.

В крошечной тишине хранители разбрелись, помогая ошарашенным собратям опаматоваться.

Наверное, прав был Каладиум. Дриады и правда потеряли страх. Постепенно, рассвет за рассветом ведя быт и понимая, что никто не лишит их голов за малейшую оплошность.

Сегодня история шагнула в прошлое — в стальную клетку, туда, где властвовали гнет и насилие.

Олеандр никогда не умел общаться с дриадами. Порой даже думал, что глубокий разлом в его сознании произошел до кончины матери и прощания с братом. Еще в детстве, когда все потуги поладить с собратями заканчивались одинаково: он пытался поддержать беседу,

высказывал смелую мысль — например, подвергал сомнению существование Творцов — и соплеменники глядели на него, как на полоумного. И без того замкнутый, скоро он превратился в этакое птенца-отщепенца, который заклюёт всякого, кто подползет слишком близко.

Но сейчас Олеандр точно знал, что сказать:

— Стальные Шипы не возвратятся! — И в голосе его слышался шелест ветра, порожденного лесом.

Ужас не стерся с лиц поселенцев. Только в глазах некоторых забрезжил свет успокоения. И все же Олеандр не сомневался, что остался понятным.

— Клянусь честью, позже я объяснюсь с вами, — добавил он. — К сожалению, не во всех догадках я уверен. К тому же я не ведаю, сколько врагов притаилось в клане. Мне не хотелось бы делиться с ними выводами. Придёт время, и вы всё узнаете. Я взываю к вашему терпению. И прошу о доверии.

Он глянул на Рипсалиса.

— А вас я прошу отозвать стражу, разыскивающую океанида.

Удивительно, но Рипсалис даже не попытался возразить. Никаких тебе «Зачем? Вы уверены?» Никаких напоминаний, мол, океанидам запрещено бродить по лесу без дозволения, а уж тем более — вторгаться в поселение.

— Ваша воля, — только и выдал Рипсалис и кивнул на узкий коридор между лекарнями. — Отойдём?

— Я быстро, — Олеандр посмотрел на притихшего Сапфира и шагнул за волочившимся по земле зеленым плащом.

— Вам рассказали, — произнес Рипсалис, — что огненный взрыв остановил сердца воинов, кои вели беседу у дома владыки?

— Их взрывом отбросило.

— Верно. Но важно иное... — Рипсалис замер и обернулся. Его глаза сверкнули из-под спутанных волос, ниспавших на лицо. — Одна барышня поведала, что стражей тех подвел к хижине Клематис. Сперва он поддерживал беседу, затем ушёл. И вскоре...

— Рвануло, — понял Олеандр.

— Истинно.

Что ж, вывод здесь напрашивался единственно-возможный: скорее всего, Клематис и поджег дом.

— Мы не сумели его отыскать, — шёпотом продолжил Рипсалис. — Полагаю, он сбежал. Как и Птерис. Его в последний раз видели на поляне. Там, где вы на вырожденку наткнулись.

— Эти дриады, — проговорил Олеандр, — которых отбросило. Тела уже опознали?

Рипсалис щёлкнул пальцами, подзывая седобородого воина с лозами на плаще. Тот коротко поклонился и вытащил из кармана шаровар сложенный вдвое листок. Олеандр тут же перехватил бумагу и развернул. Палец заскользил по столбцу имен: Аукуба, Паслён, Клузий, Циссус, Седум. Не то чтобы он знал всех хранителей поголовно. Но упомянутые, как помнится, некогда обнажили мечи и выжили в боине с двукровными детьми Азалии.

Азалия! И снова удар снова пришелся на тех, кто ей подгадил. Совпадение? Как-то не верится. Зелен лист, Клематис разом свершил две пакости: и стражей погубил, и дом неугодного владыки поджег.

Лихо!

Судные листы у павших хранителей не наши, но... Но полно! Тут всё ясно.

Каковы выводы? Каладиум и правда мстит за Азалию? Умозаключение встретило в голове Олеандра протест, сводящийся к сути: «Бред какой-то». И все же на него снизошло просветление. А когда жертва козней прозревает и видит, куда нацелены стрелы, у нее появляется шанс увернуться и спрятать мишени.

— Благодарю за сведения, — Олеандр взмахнул ладонью, спроваживая Смерча. И окликнул ореада: — Сапфир!..

— Страшный какой, — произнес Сапфир, заходя в тень. — Никогда его не видел, кто это?

— Смерч — самый опытный хранитель Барклей, — Олеандр пошатнулся. Обтёр залитую потом шею рукавом, натянутым на ладонь. — Даже я его никогда не видел. Но сейчас о другом. Мне нужна твоя помощь, не откажешь? Нужно пролистать летописи. Меня интересует резня шестнадцатилетней давности. Вернее, стражи, которые ее пережили, а еще их дети. Только дриад выписывай. Океанид опусти.

— Что за сражение? — Сапфир прищурился.

— Близ Морионовых скал. Последняя битва Стального Шипа. В ней же погибли двукровные дети Азалии. Ветхий такой фолиант, обернут листком с Вечного Древа. Он выделяется.

Одним из безусловных достоинств Сапфира была ненавязчивость. Он явно не понимал, что происходит, и все же ответил согласием. Но прежде чем удалиться, вручил Олеандру ещё один листок — белоснежный.

— Углядел в твоих шароварах, пока тебя переодевали, — бросил ореад. — Подумал, вдруг Глен оставил.

Проклятие! Олеандр стиснул кулак, натягивая каждую мышцу; словно напряжение могло погасить вспыхнувшую ярость и придать решимости. Читать? Не читать? Он протяжно выдохнул и развернул послание. Взору предстал чистый лист, не замаранный и точкой, не то что буквой.

Глендауэр что, насмехается? Олеандр надорвал послание, как разум настигла догадка. Невидимые чернила! В былые лета они с братом часто писали либо молоком, либо кислым соком. Такие строки требовали проявки, поэтому скоро он уже сидел за лекарнями у ограды, прятался за высокой травой и — Боги милостивые, до чего он докатился? — водил листком над зажженной палкой.

Долго ждать не пришлось, написанное окрасилось коричневым.

Олеандр задул огонь. Зарыл палку. И, чувствуя себя героем бездарной сказки, прочитал:

«Прошлое зовет вас в дорогу, сын Антуриума. Побеседуем? В роце».

Прошлое... Наверное, Олеандру и правда пора с ним встретиться. Ладно! Он поговорит с Гленом. Но сперва заглянет к Фрез.

Прежде всего в аптеке, прикипевшей к дереву гнездом, бросались в глаза вьюны. Это редкие лианы, целебные соки которых — посмеивались — даже мертвеца пробудят от вечного сна. Сочные и увесистые, они ветвились, облепляли стены, прогибали полки,

змеились по половикам. Seriously! Вьюнов было до того много, что коридор превратился в поле препятствий. В детскую забаву, когда играющие растягивают над землей хитросплетённую сеть и прыгают по островкам земли от одного конца к другому, не прикасаясь к стяжкам и узлам.

Оплошает дитя? Ничего. Получит щелбан. Ну худой конец, прокричит в ночи гурланом[2], распугав соседей. Растения-то уж точно детям не навредят, верно? Разве что с ног собьют, но это ерунда.

Главное, чтобы детвора через вьюны не скакала.

А все почему? Да потому что пара увечий превращали эти лианы в орудия убийства.

Упаси Тофос, дитя наступит на вьюн. Упаси Тофос, повредит его.

Смрад по округе разнесется такой, что запах сгнивших плодов, приправленный навозным, покажется благовониями.

Конечно, Олеандр мог бы призвать чары и расчистить путь, но не рискнул. Кто знает, вдруг вьюн случайно зацепится за торчащий гвоздь — и прощай белый свет. Поэтому он подбирался к нужной комнате без спешки, крадась, точно грызун, которого везде поджидают ловушки.

Береженого, как известно, холодный рассудок бережет. Не Боги, разумеется. Какая дурость!

Целительница показала враз с тем, как под ногой Олеандра что-то скрипнуло — к счастью, половицы, не вьюн. Ступила на порог мягко, бесшумно, не тревожа тишину ни словом, ни шелестом накидки. И угодила в круг света, нарисованный сияющим у притолки златоцветом.

— Слава Тофосу, с вами все в порядке, — гнусаво вымолвила она, пряча глаза за чернотой ресниц и кланяясь. На ее веснушчатом носу красовалась прищепка. — Доброй ночи, наследник. Как ваше самочув...

— Терпимо, — перебил её Олеандр и добавил: — Вьюны не помогут, сознаешь? Не с забытьём.

— У нас много отравленных, — произнесла целительница. — Итанга в Барклея не растет. Столистник и корнебой слабоваты. Так что...

Так что не завидовал Олеандр тем дриадам, кому пришлось лакать столь дивное снадобье.

— Где Фрезия?

Травница нырнула вглубь комнаты, и он безутешно побрел за ней. После всего пережитого, после судорожного переваривания мысли о том, что суженая впала в забытьё, он даже не знал, зачем пришел сюда. Ну, увидит он Фрез. И что? Ничего. Он не кудесник, не божественный целитель. Он не поможет. В самом деле! Совсем недавно Олеандр и раны-тс с трудом сшивал.

Куда ему бодаться с недугом, который в девяносто девяти из ста случаев приводит к кончине?

Многие пытались вытащить существ из забытья. Все потерпели крах.

Олеандр замер за спиной целительницы. Задремавшие было тревога и страх снова угнездились в сердце. И чем дальше отодвигался цветочный занавес, тем пуще они разрастались, напитываясь горечью бессилия.

В углу комнаты, застывшая и побледневшая, в чистом хитоне лежала Фрезия. Удивительно, но тело, прикрытое до колен, не осквернял и мазок крови. Омытая и

подобранная, без дурацких побрякушек, Фрез выглядела непривычно скромно. Но удивляло иное: отсутствие увечий. Глядя на дочь Палача, ни у кого язык не повернулся бы сказать, что недавно её вытащили из горящего дома.

Казалось, огонь умышленно обходил Фрез стороной, чтобы — упаси Тофос! — не запятнать ожогами.

— Ступайте, — Олеандр не обернулся к целительнице, лишь по шороху шагов понял, что она покинула комнату.

Он оглядел тонкие запястья суженой, полопавшиеся от притока крови губы, две рыжие косы, скрученные в раковины. Тронул её пальцы, подхватил ладонь — и сердце ударило по решетке ребер.

Боги милостивые! Зачем? Ну зачем он настоял на помолвке? Зачем поддался искушению и отнял честь суженой до брака? Он ведь не любит Фрез. Не любит! Пропасть между ними разверзлась давно. Очень давно. Когда она начала приходить к нему по десять раз на дню. Когда караулила возле дома и закатывала скандалы. Подсылала подружек, которые следили за каждым его жестом.

Столько недоверия... Столько ревности...

Сознаться, иной раз Олеандру казалось, скажи он Фрез прямо: «Я с тобой задыхаюсь, ты ведешь себя отвратительно» — и она поблагодарит его и ответит, что завтра будет вести себя еще хуже. Удивительно, но зачастую она критику принимала за похвалу.

И все же в разладах всегда виноваты двое. Олеандр тоже хорош. Не предвосхитил, что чувства — не клятвы на века. Не предвидел, что, скрепляя помолвку и отнимая невинность, подставляет Фрезию под удар. Под клеймо, которое, ежели он откажется от брака, выжжет на её плоти печать неприкосновенности. Он мог бы не заключать с Каладиумом договор. Мог бы обождать: тот все равно не выдал бы дочь замуж, зная, что на нее положил глаз наследник клана.

Вот оно — мудрое поведение. Известная истина: не нужно торопить жизнь, все торопливые уже давно напиваются корни Древа соками утраченного бытия. Поумерь Олеандр тогда пыл, поступи по разуму, ныне они с Фрез разошлись бы тихо и мирно. Но нет. Он закинул голову в петлю. И теперь не ведает, как из нее вырваться.

А она... Она лежит перед ним без чувств.

Каладиуму плевать на неё. Он ускакал.

Его улыбки и объятия, любовь, дарованная дочери — всё это было ложью, игрой на публику.

— Держись, — Олеандр скользнул пальцами по щеке суженой. — Держись, Фрез, не смей умирать, слышишь? Ежели Эсфирь жива, она поможет тебе, я уверен. Мы вытащим тебя, ты только крепись.

[1] Забытьё — глубокое угнетение сознания, угрожающее жизни состояние между жизнью и смертью.

[2] Гурлан — лесная птица, очень громко кричит.

Призрак из прошлого

В одном из уголков Барклей ютились озеро и водопад, оцепленные Изои-Танатос — деревьями жизни и смерти. В их листве томились целебные соки, а стволы мало того что стонали, так вдобавок рыдали чем-то вроде кислотной смолы. Змеясь по бороздкам коры, черная слизь сползала на почву и сжигала всё. Поэтому цветы и травы, наученные горьким опытом предков, с годами перебрались к кромке воды — подальше от неприветливых соседей.

Дриады сюда не заходили. Считали рощу Изос оскверненной землей, над которой клубится не то губительная, не то живительная аура — голова дурет!

Олеандр ничего такого не чувствовал. Разузнав о рошце еще по малолетству, он быстро облюбовал её под логово.

Тишина и покой. Что еще нужно для счастья?

Разве что друг. Нет, больше, чем друг. Брат. Тот, кто подхватывал его мысли, рядом с кем он мог думать вслух.

Олеандр подступил к рошце на рассвете, покуда солнце не разлило по миру жар. Белесые кроны деревьев, лоснящиеся в ночи, он заприметил еще с вершины откоса, стекавшего в овраг-колодец к озеру. Шесть лет минуло, а рошца до сих пор выглядела так, будто он еще вчера подцепил к ветви лиану, оттолкнулся и, со свистом распоров воздух, бухнулся в водоем. А вон там, в тени водопада обычно сидел Глендауэр с листком в руках. Окутанный ветрами вдохновения, он порой строчил стихи со скоростью пойманной в банку мухи. Но буквы получал неизменно ровные, украшенные завитками.

Он пел. И песнь его растекалась птичьей трелью. Он пел — и стоны деревьев и шум водопада сплетались мелодией. Музыка и песнопения не для зрителей и рукоплесканий, утверждал он.

Музыка и песнопения — сила, затрагивающая струны души.

Да, рошца Изос хранила отпечатки прошлого. Прошлое... И почему оно отзывается в груди столь блаженным трепетом? Удивительная все-таки вещь — время. Насколько сильно оно влияет на восприятие? Те дни, прежде казавшиеся Олеандру чем-то заурядным, вроде водицы в чаше, ныне превратились в сладкий нектар. Право слово, он даже Глена не обделил доброй мыслью.

Жуть какая, ну!

Мокрая глина и ковер подгнивших листьев приглушили шаги. Обступая лужицы слизи, Олеандр спустился на дно оврага и замер у воды. Утерянный обрывок прошлого закружил в голове, подернутый дымкой забвения, но навеки отложившийся в памяти мрачным воспоминанием о пережитом горе.

Плеск водопада, стоны деревьев... Все звуки перемешались, обернулись режущим слух гудением. Он так и стоял, вперив взор в грудку пожухлых веток. Стоял, потому что понимал: ежели столкнется с братом, внутреннее око заглянет туда, где мечется озлобленное, не смирившееся со смертью матери дитя — в злосчастную пропасть, разверзнувшуюся между ним и Гленом.

— Чего уставилось? — буркнул Олеандр на темнеющий в двух шагах древесный ствол. — Это не так-то просто, сознаешь?

— У-а-а, — протянуло дерево.

— Больше нечего сказать?

— У-а-а...

— Да ты прямо-таки жрец красноречия!

А ты ерундой страдаешь, — подшепнул глас рассудка, и Олеандр тряхнул головой, как силин после купания.

И правда. Что он творит? Стоит тут пнем и беседует с деревом, будто оно ему внемлет.

— Сын Антуриума, — залетел в уши возглас, сплетённый из воды чистейшего родника. — Благого утра.

Сияясь вбить в оцепеневшее тело немного жизни, Олеандр похлопал себя по щекам и обернулся.

Невдалеке, во мраке земляной пещеры, мигали две точки: синяя и белая. Вначале яркие и четкие, они утратили сияние, как только на свет вынырнул беловолосый юноша в простых шароварах и рубахе. Снежинки парили вокруг него, словно покачиваясь на незримых волнах.

— Глен? — Виски Олеандра окропила липкая морось страха.

Чем ближе подступал брат, тем пуще воздух напитывался влагой. А когда он замер, подле них, чудилось, выросли ледяные стены, напиравшие, гораздые вот-вот обрушиться.

— Боги милостивые, — вырвалось изо рта, когда Олеандр взгляделся в иссеченное шрамами лицо напротив. Два увечья рассекали бровь, одно пролегало под скулой, оттеняя ее изгиб. — Ты... ужас...

Стало быть, слухи не лгали. Дуги́ и правда вылепил из сына воина-карателя[1]. Затравленный мальчишка-гибрид, читавший дриадам стихи, сгинул. На смену ему пришел Игла — хладнодушный истязатель, подобие живого существа. Былая неуклюжесть стерлась. Его мышцы окрепчали и наполнились сжатым рывком. А разномастные глаза, раньше чистые и светлые, как озера, подернулись ледяной коркой: теперь уже не угледеть за ними отражения души.

Лучше бы Глендауэр погиб, без шуток. Он и прежде не отличался пылкостью и разговорчивостью, и все же в нем кипела жизнь, юная, ликующая. Глен излучал тепло, Игла излучает холод.

Честно, если бы не разноцветные глаза, Олеандр не признал бы брата.

— Что ж, — вымолвил Глен, едва шевеля губами. — Шесть лет пролетело, истинно.

— Ты об этом желал побеседовать? — спросил Олеандр. — Ежели так, не трать красноречие. Я не хочу говорить о прошлом. Меня от него тошнит.

— Вы лжете.

Треклятые океаниды! Олеандр стиснул зубы, подсчитывая удары разбушевавшегося сердца.

— Что вы хотели сказать, Игла? — И снова уставился на брата. — Говорите и распрашиваемся. У меня и без вас забот хватает.

— Ведаю. — Глендауэр походил на отлитое изо льда изваяние. — И хочу помочь.

— Не утруждайтесь.

За те пару мгновений, пока слух тревожил плеск водопада, Олеандр успел проклясть и себя, и рошу, и брата, который наведалься в лес и призвал его к разговору, но, похоже, не понимает, что их дружба безвозвратно утеряна. Разбитое можно склеить, но трещины не затрешь.

Ничего они уже не исправят. Они больше не братья.

Олеандру вдруг очень захотелось очутиться где угодно, только не среди угольных

стволов, где каждая тень, каждая травинка напоминали о былом. Как он ни отмахивался от вспыхивающих в голове картин — все попусту.

В памяти рисовались воспоминания:

Раз: в ушах прошелестел голос дриады, поведавшей, что госпожу Камелию отыскали близ Вальтос[2] и привезли в Барклей.

Два: Олеандр вломился в отчий дом, не чуя ног.

Три: мир замер, а чувства улетучились, сметенные подкрадывающимся осознанием чего-то важного, переломного.

И понимание пришло. Пришло и врезалось в стену отрицания, нежелания переваривать гнетущую истину.

Канули в небытие дни и ночи, быть может, годы и даже века. Время сдвинулось с мертвой точки, точно застрявший на пике горы валун, и понеслось дальше. Оно не даровало Олеандру шанса на сопротивление. Он не смог повернуть его вспять. Никто не смог бы.

Матушка и правда умерла. Лежала на спине в изломанной, скрюченной позе, с вывернутыми рукой и лодыжкой. Листок сползал с ее лица, оголяя поблескивающие кровью раны.

Затем были рыдания и сумасшедшие метания. Затем — чьи-то руки, отдиравшие Олеандра от тела матери.

Лица-лица-лица! Кто все эти существа?

Отец, Глендауэр, Аспарагус ... Вроде бы они. Но чего они хотят от Олеандра? Пусть уйдут! Исчезнут! Сдохнут!

Отстаньте! Отстаньте! Отстаньте!

— Малахит, послушайте, — прожурчал рядом голос, высокий, но глубокий, как океан.

Олеандр моргнул. И видение померкло, расплывшись тающими пятнами. Он пожелал отозваться, но не сумел разжать сведенные судорогой челюсти.

— Я запятнан, — продолжил Глендауэр. — От позора мне не отмыться, прощения не вымолить...

Прощение? В самом деле? Да скорее снег на Ифлога повалит, чем Олеандр дарует ему прощение.

— Но мы с вами...

— Мы с тобой — ничто, — отрезал Олеандр. — И я до сих пор не понимаю, зачем ты меня позвал.

— А зачем вы вняли зову, коли презираете меня? — парировал брат.

И то верно, — подумал Олеандр. На подкашивающихся ногах он развернулся и пошлепал к тропинке, ведущей наверх.

— Благодарю вас за оказанную помощь, Игла, — бросил он, чавкая сапогами по размытой почве. — Стражей я отозвал. Уходите, путь свободен.

— Малахит, прошу вас...

В затылок дохнуло морозцем. Оборот, размах — и кулак Олеандра впечатался в бледную челюсть.

Ох ты ж!.. В горле увяз крик. По запястью будто раскаленным ножом резанули, костяшки засадило. Щурясь и шипя, Олеандр зашагал туда-сюда, прижимая руку к груди и силясь обуздать ноющую боль.

Глендауэр отшатнулся. Тронул уголок губ, смазывая каплю голубой крови, расправил плечи и оцепенел, как если бы обратился манекеном для оттачивания ударов.

Подставляется?

Что ж, хорошо. Его воля. Пускай тогда прочувствует. Пускай осознает, каково это — похоронить мать и выведать, что твой брат — криводушный мерзавец, который ее совратил.

Вспыхнули и заплясали на ладонях Олеандра витки колдовства. Зеленоватые вспышки, сорвавшись с пальцев, впитались в ближайшее дерево. Одна из ветвей дрогнула. Удлинилась, крепчая и оживая. Выгнулась дугой и наотмашь хлестнула Глендауэра поперек груди. Настолько сильно, что его отшвырнуло к озеру и протащило по грязи.

С лица Олеандра отхлынула кровь. В груди свернулся тугой шар, выталкивающий дыхание. Он задумался, не потерял ли брат сознание, не поломал ли кости. Как вдруг тот перекатился на бок. Его рука чуть согнулась. Из-под дутого рукава в ладонь юркнул кинжал с древесной рукоятью-шипом.

Страх накатила удушливой волной. Олеандр узнал оружие. Когда-то, вырванное из ножен отцом, оно вонзилось в почву у ног Глендауэра — жест, который едва ли можно истолковать превратно, уж слишком он расхож. Существо свершает ложный бросок и откладывает дуэль на неопределенный срок, как бы говорит: «Ежели мы снова встретимся, я убью тебя».

Возможно, взгляды повздоривших никогда не пересекутся. Возможно, столкнутся спустя двадцать, сорок, пятьдесят лет. Как бы то ни было, клинок несет на острие угрозу расправы. А когда прольется кровь — вопрос десятый.

Олеандр сжал кулаки так крепко, как только мог. Но дрожь все равно мелкой рябью разбегалась по телу. В шее и глотке, животе и локтевых сгибах — везде! — гроыхала кровь.

Он вздрогнул, услышав голос:

— Мыслите, дни и ночи мои благоухают умиротворением? — Глендауэр покачнулся на бедре и встал. С его рубахи и шаровар стекала грязь. — Рискну вас разуверить, вы заблуждаетесь. Я таю. Истончаюсь, аки ледник, пожираемый пламенем. Порою мне чудится, будто ваша матушка жива. Но потом отрадное глазу видение омрачается кошмаром, мучительной пыткой, коя подманивает меня к краю пропасти. Камелия деревенеет, лик и стан ее иссекают трещины...

— Пожалуйста, замолчи. — Только Олеандр погасил тяжелые воспоминания, как они вспыхнули вновь и налились красками.

— Верно, то и есть ее нынешний облик? — Медленно, словно крадясь по усеянному ловушками полю, Глендауэр подступал к нему. — Омертвелая плоть...

— Замолчи, Глен, прошу, — Олеандр тяжело дышал, старался прогнать мелькающие перед взором картины.

— ...кости, закованные в древесную броню.

— Да заткнись же ты наконец! — рявкнул Олеандр. — Неужели ты не понимаешь, Боги! Мне больно, Глендауэр! Ты давишь на больное! У меня совершенная память! Ты говоришь, и у меня перед глазами мать мелькает. Её смерть. Поломанное тело. Кровь... Я помню всё в ярчайших красках! Тебе жаль? Тебя преследуют видения? Ты заслужил, Глен. Видит Тофос, ты заслужил. Сколько лет от тебя не было вестей? Ты не снизошел до объяснений. Ты исчез, оставив меня в одиночестве, раздавленного, с вывернутой наизнанку душой. Да, матушка моя сама изменила супругу. Сама повязалась с тобой — юнцом, едва вышедшим из подросткового возраста. Сама надломила росток своей жизни. Но её выбор твоей вины не умаляет!

Прерывистый ветер нагнул ветви, забегал по водной глади пенными гребнями. По оврагу раскатом грома пронесся древесный стон. Внутри Олеандра что-то лопнуло — очередная перегородка. Он получил удар ярости, возможно, сильнейший за пролетевшие годы. Гнев лягнул его в спину. Закружил в вихре и подогнал к существу, которого он прежде нарекал другом и братом.

Клинок отца замаячил перед носом, удерживаемый Гленом. И Олеандр перехватил его и огладил рукоять.

Взмах — и острие уткнулось в синеватую вену на шее брата.

Резок. Всего один резок, и судьба Глендауэра решится. Кровь за кровь, — сказали бы океаниды. Это честно и правильно. Это кара. Отмщение за отца. Так почему Олеандр колеблется? Вот он — кинжал, свидетель давней клятвы, здесь, в его руках. Чирк — и все. Брат падет, истекая кровью.

Они никогда больше не встретятся, не попытаются понять друг друга. Они разойдутся навсегда.

Вдох.

Видит Тофос, ежели бы Олеандр мог позабыть боль, причиненную братом, он позабыл бы. Сил не пожалел бы, чтобы смыть из памяти гнетущие воспоминания. Потому что Глендауэр был первым, кто понял его, протянул ему руку дружбы и даровал немного радости и счастья.

Выдох.

Много долгих лет Олеандр мучился, тщась обуздать горечь потери и расставания. Учился успокаиваться и твердил, что нить его привязанности оборвется, но в итоге лишь осознал свою слабость. В плену обид и потерь он утопал в самообмане, полагая, что ненавидит брата.

Вдох.

Казалось, ежели размышлять о вражде и презрении день ото дня, действительность переменится.

Выдох.

И все же правда сильнее лжи. И все же знать, что врешь самому себе и продолжать упираться — насилие над сущностью. Олеандр давно понял, что ненависть стёрлась, осталась лишь щемящая тоска.

Вдох.

Есть существа, которые врастают в нас до того крепко, что, потеряв их, мы лишаемся опоры.

Выдох.

— Нет. — Шаг назад дался Олеандру на удивление легко. Он разжал пальцы, и кинжал упал наземь. — Не могу. И не хочу...

Прости, отец, — прошептал Олеандр в мыслях и бухнулся в грязь. Внутри будто темное облако развеялось. Гнев испарился. Обратился пустотой, породившей вопрос: жив он или мертв?

— Почему она так поступила? — пролепетал Олеандр дрожащим голосом. — Зачем погубила себя? Она изменила супругу — сознаю. Наверное, боялась признаться, стыдилась. Но смерть... Разве это выход? А я? А как же я, Глен? Она обо мне подумала? Я ведь её единственный сын!

— Желаете услышать моё мнение? — спросил брат, и Олеандр кивнул. — Она

понесла.

— Боги! От тебя, что ли?! Выродка? Фу!

Больше они не разговаривали: ни о матери, ни о прошлом. Зачем? У Олеандра других хлопот невпроворот. Вместо того чтобы расковыривать старые раны, ему должно поразмыслить о собратях, Фрезии, Эсфирь.

Эсфирь! Хотелось верить, Юкка и Драцена вернут её в лес — вернут целой и невредимой. Хин ведаёт, что там произошло в курганистых землях. Каладиум, известное дело, тот ещё полудурок, но его боевые умения достойны похвалы. Да и навыки каверзника, как видится.

Не каждому ведь дано вести столь «чистые игры».

— Вам надлежит промыть увечья. — Голос донесся сбоку — оттуда, где восседал на валуне Глендауэр. — Мало ли какая мерзость прицепится.

— Одна уже прицепилась! — Олеандр оглядел содранную на костяшках кожу, но почти ничего не увидел.

Мир до сих пор плыл от присохших к ресницам слез. Сил утереть их не было, да и руки выглядели не то чтобы чистыми. Поэтому он просто смежил веки и айкнул, ощутив, как ко лбу прильнула холодная ладонь.

— У вас жар. — Прямо над ним, в тени сползших на щеки волос, зависло бледное лицо.

— Не оправился ещё от яда, — Олеандр сглотнул. Ветра ледяных чар желанной прохладой пронесли по телу. — С-спасибо.

— Давеча я беседовал с Аспарагусом, — произнес Глендауэр, и Олеандра как обухом огрели.

— Что?! Ты ничего не напугал? С Аспарагусом? Seriously?!

— Право, Малахит. — Брат разогнул спину и дернул щекой. — Боюсь, его весьма трудно с кем-либо спутать.

Вот уж действительно. А во сне увидишь — ядом не отплюешься.

— Расскажи.

Глендауэр рассказал. Рассказал, как Аспарагус подстерег его на просеке и наказал оберегать наследника клана дриад. Куда и зачем держит путь, архихранитель сообщить не удосужился. Упомянул лишь, что лесу угрожают вырожденцы, за спинами которых прячется Каладиум.

Сознаться, услышанное повергло Олеандра в смятение. Для новоиспеченного смутьяна Аспарагус вел себя на редкость неразумно и противоречиво. Ну какой злоумышленник вопит у каждого куста о том, кто повинен в беспорядках, а вдобавок приставляет к одной из жертв охрану?

Какие цели Аспарагус преследует?

— Ваш черед, — вымолвил Глендауэр, прохаживаясь туда-сюда. Вокруг него снова прыгали крохотные ледяные кристаллы. — Известите, где ныне пребывает владыка Антуриум?

По позвоночнику Олеандра пробежал озноб.

— Не знаю. Он просто ушел. А я... Я даже думать боюсь, что он... Что его могли...

Убить, — прозвенело в сознании. Прозвенело и смолкло, но внутри словно бутылка с жидким огнем взорвалась.

— Давно он покинул лес?

— Незадолго до смуты.

Олеандр и сам не понял, как очутился в ледяной хватке. Загляделся на водную гладь — и вдруг слякоть рядом расплескалась под тяжестью упавшего на колени тела. Брат дернулся к нему и стиснул в объятиях до того крепко, что затрещали ребра, ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Глени... — На глаза снова накатила морось слез. — Глени, я не хочу... Только не он, пожалуйста, только не отец...

— Ш-ш-ш, — струящиеся с пальцев Глендауэра чары снова впитались в кожу, остужая тревоги. — Во страхе и гнев — тьма, Малахит. Во страхе и гнев — бессилие и гибель.

— Плевать! — Олеандр схватился за его рубаху, подобно утопающему, который боится потерять опору.

Трудно сказать, сколь долго они просидели плечо к плечу. Но вскоре мышцы на спине брата напрялись. Зрачки сузились до едва приметных точек и обратились вертикальными щелями.

— Что такое? — По затылку Олеандра прокатился морозец — верный признак того, что неподалеку бродит северянин.

Но кто? Опять двукровный? Чушь! Близ рощи дежурят стражники, он сам призвал их на подмогу.

Не мог же выродок втихаря покровсать семерых хранителей?

— В пещеру! — бросил Глендауэр и поднялся. Медленно поворачивая голову, он оглядывал деревья на вершине оврага. — Живо!

Его правая рука присогнулась, тогда как мысок сапога зацепил и подкинул клинок, валявшийся у камня. Раз, два: одна ладонь сжала кинжал, другая — стилет, который выскочил из-под рукава. Острие кинжала описало в воздухе полукруг и замерло, уставившись рукоятью-шипом на Олеандра.

— Перестань! — Он перехватил оружие и огладил лезвие большим пальцем. — Это не выродок. Думаю, это...

— Олеандр, где ты? — Наверху, за сетью спутавшихся ветвей прошмыгнула сизокрылая тень.

— ...Сапфир.

К оврагу бурным потоком неслась река, но отсюда, со дна земляного колодца, ее было не узреть. Просматривался лишь край, участок почвы, где вода соскакивала с обрыва и расстилалась к озеру водопадом. Над ним-то и выпорхнул ореад, быстро и резко, зависнув в свете восходящего солнца — восхитительное зрелище! — черным силуэтом с распахнутыми крыльями.

— Вот дурной, — Олеандр выругался, видя, как Сапфир дёрнулся в полете. — У него крыло ранено. Как бы не рухнул...

К счастью, опасения не оправдались. Ореад сошёл на землю и тут же плюхнулся на валун.

— О-о-ох, — пропыхтел он и зажмурился. — Дурная была идея, очень даже нехорошая...

— М-м-м, — протянул Олеандр. — Смотрите-ка, зачатки здравого смысла прорезались. Глядишь, ещё не все потеряно.

— С утра скалишься? — Губы Сапфира растянулись в улыбке. — Значит, настроение хорошее. Дай угадаю! Вы с Гленом помирились, верно? Ой!..

Он подобрался и добавил:

— Прошу прощения, Глендауэр. Счастлив встрече.

— Взаимно, сын Цитрина, — произнес Глен, сохраняя ровный тон и горделивую осанку. — Взаимно.

— А почему вы такие грязные? — Ореад почесал когтем макушку.

— Ты что-то отыскал, Сапфир? — Олеандр поспешил увести разговор в безопасное русло. — Пролистал летописи?

Вместо ответа ореад сунул ладонь в карман шаровар, и вскоре перед лицом Олеандра раскрутился пожелтевший листок. У верхнего края друг за другом значились три имени: Антуриум, Птерис, Клематис.

— Интересно, — Олеандр перехватил бумагу. — Клематис и Птерис. Они тоже участвовали в том сражении?

— О чём речь? — подал голос Глендауэр.

— Битва, — Олеандр вздохнул. — Давняя бойня близ Морионовых скал. Там погибли двукровные дети моей тетки. Есть у меня подозрение, что Каладиум мстит за Азалию. Иной связи между жертвами я не вижу, либо её попросту нет. Сами посудите! Гинура и Мирт: они сыграли ключевые роли в судьбе Азалии. Спирея! Её отец погиб в том бою, саму её умертвили недавно. Я — сын Антуриума, воина той резни. Меня трижды пытались убить. Аукуба, Паслён, Клузий, Циссус, Седум — участники того сражения. Их погубил огненный взрыв. Кто остается? Отец мой ускакал... Клематис и Птерис? Ну-у, тут понятно. Каладиум не будет убивать поделщиков.

— Прочие мертвы, — Сапфир кивнул, вода когтём по колену. — А океанид ты велел не выписывать. Кстати! Ты ведь о детях ещё спрашивал. У двух лесных хранителей остались потомки.

— Кто? — Олеандр поглядел на него исподлобья.

— Ты, разумеется, сын владыки Антуриума. И дочь Строманта, гм-м... О, припомнил — Драцена.

Вот она — мишень! Мишень, которая ныне бродит у Морионовых скал. Мишень, которую Олеандр сам спровадил туда, где смутьянам подвластно свершить идеальную, тихую казнь.

Птерис!

В последний раз он был замечен на поляне. Видел ли он, как Драцена и Юкка помчались к скалам?

По венам Олеандра разлился яд обессиливающего страха.

— Возвращайся в поселение, Сапфир, — прохрипел он и устремил взгляд к брату. — Глендауэр, за мной.

[1] Воины-каратели Танглей — элитный отряд океанид, которых обучают с особой тщательностью и со временем превращают в виртуозных мастеров.

[2] Вальтос — территория клана лимнад.

Ярость выворачивала Рубина наизнанку. Отчаянная и неистовая, она корежила, иссушала, порождая нестерпимую жажду — жажду расправы. В мыслях он уже сотню раз приковывал Каладиума к доске, распарывал кожу и выламывал ребра, разводя их в стороны, как крылья.

Костяная птица — рядовая на вулкане Ифлога казнь. Мудреная казнь, требующая сноровки. А Рубин, вот непруха, прежде не воплощал ее в явь. Но ученье, как известно, свет. И змею можно научить курить, было бы желание.

Он поднагужится. Умбра не даст солгать, он отродясь не вождеделел знаний с такими напором и решимостью. А все почему? Да потому что Каладиум и его подпевалы — подлецы, каких душат во чреве.

Заключать с ними договоры — все равно что гнилые ягоды жевать: никогда не знаешь, что случится с тобой в следующий миг. Молчание в обмен на отравленное пламя. Казалось бы, плевая сделка: перетерли, скрепили, раскланялись. Но куда там! Чары рванули, угодив в поселение дриад.

Кто в том повинен? Конечно, Рубин. Ни оправдаться, ни указать на истинных подлецов — волос мойры вгрызлся в шею раскаленным ободом, едва Рубин задумывался над этим.

— Хоть чешую свернул. — Он обернулся и, затаившись самокруткой, выдул из носа дым.

Зашарил глазами по округе, но ничего подозрительного не выцепил. Морионовая гора дышала бездушием. На много шагов вперед и назад просматривались лишь коридор и стискивавшие его каменные стены.

Чудно... Отчего Рубин тогда насторожился? На кой огляделся? Трижды. Нет, уже четырежды. Скалы как скалы, черные, источающие жар, тонущие в грязноватых клочках пара. Утро как утро: теплое и влажное — обычное дело для Барклей и примыкающих к нему территорий.

Рубин щёлкнул наземь истлевшую самокрутку и придавил каблуком сапога. Инстинкты бойца обострились, вызывая к уму-разуму и подсказывая, что тишина редко предвещает что-то путное. Тем более на Морионовой горе — по словам дриад, самом негостеприимном, проклятом месте, куда не призовешь на помощь, не подашь сигнал «Вытащите меня отсюда немедленно!»

— Потрудись-ка, дружок, — прошипел Рубин и вытянул руку, касаясь скалы, — осмотришь чутка.

Его ручной змей, Уголь, выскользнул из-за ворота. Прошелестел по предплечью и юркнул в щель, сверкнув алыми глазами-бусинами.

— Ни к чему нам рисковать. — Рубин сбросил заплечный мешок на валун, ослабил стяжки и вытащил наружу пояс со склянками.

Сонливость закручивалась в голове клубком пряжи. Руки не слушались. И все же Рубин вытащил на волю две нужные колбы. Лишил их пробок и прижал горлышками друг к другу. Искрящаяся рыжиной кровь из первого вместилища хлынула в соседнее, смешалась с каменной пылью, загустевая и превращаясь в кашу.

Опустевшую колбу Рубин откинул в сумку, наполненную — заткнул и принялся встряхивать.

Никаких премудростей. Кровь взрослого феникса, кто бы ее ни испил, дарует исцеление. Каменная пыль для дракайна — яд. Рубин не единожды пробуждал так спящую огненную сущность, поэтому и приложился к снадобью, стоило тому окраситься равномерно багряным цветом.

Жаль, на вкус пошло напоминало мокрый песок, отдающий пеплом и ржавчиной.

Боль нахлынула сразу. Рубина словно в жерло вулкана кинули, и он забарахтался в кипящей лаве, пытаясь пробиться к свету.

Никто не рождается без боли — эту истину он усвоил давно. И все же, сгорая заживо, существа не думают, что боль — это нормально. Они думают о том, как выбраться из пекла. Они вопят, надрывая глотки.

Рубин тоже завопил бы, но не мог. Невзирая на мучения, в голове до сих пор вилась смутная мысль, что рядом кто-то бродит — и рвущиеся на волю крики застывали на губах. Он горел, но не сгорал. Через боль и мучения перевоплощался в феникса — в того, кто он есть.

В один миг он почувствовал, что вот-вот испустит дух. В другой — в глаза ударил солнечный свет.

Чей-то голос, приглушенный стуком копыт, произнес:

— Может, нам разделиться?

Рубин заморгал. Он валялся на камнях. Под боком притулились сумка и растрескавшаяся колба. Сознание он потерял, что ли?

— Считаешь, мы поступим разумно? — проворчал кто-то еще, по-видимому, девчонка. — Эти скалы... Почему они дымятся? Не знаю, Юкка, помяни мои слова, рано или поздно здесь кто-нибудь умрет.

— Не я, — ответил Рубин.

И снова моргнул. Заострил внимание на двух расплывчатых тенях, бредущих сквозь дымную завесу. Послышались отчаянные перешептывания — похоже, дриады его заметили.

Что они на Морионовой скале-то потеряли?

— Ты кто? — вскрикнул Юкка, и его вопрос повторило эхо.

— Древень в пальто, — выдавил Рубин.

Лопатки отчего-то зудели. Так, что хотелось впиться в них когтями и разодрать в клочья. Чудилось, под кожу вживили металлические осколки, которые надсекали мышцы при малейшем движении.

— Змей! — Из уст девицы кличка Рубина прозвучала сродни ругательству.

Он устало вздохнул. Ему бы порадоваться: «Тьфу ты, это всего лишь дриады», но радости не было. Дурные предчувствия не спешили отступать. Напротив, крепчали и крепчали. Царапались в душе, как царапает почву хищное зверье перед нападением — столь же пугающе, угрожающе.

Что-то не так, — в который раз подумал Рубин. Он привалился боком к валуну, взгляделся в подступающих элафия. На одном восседал лохматый паренек с покрасневшим носом. На другом — бритоголовая девчонка. Плоскогрудая и угловатая, с мечом за поясом и колчаном и луком за плечами. Будто оружие ей чем-то поможет, в самом деле! Ей уже ничто не поможет. Она совершила роковую оплошность. Сунулась в ремесло, где девчонки отвечивают языки первыми. Лучше бы замуж вышла да супруга ублажала. Хотя вряд ли на ее тощие кости кто-либо имел виды.

Изящная ножка перекинулась через рога скакуна. Драцена соскочила на землю и

ринулась к Рубину.

— Ядовитое отродье! — воскликнула она, хватаясь за меч. — Подонок! Ты поджег поселение, сознавайся?! Поэтому ты удрал?!

— Захлопнись, дуреха! — Он сомкнул подушечки пальцев. Между ладоней, розовая кожу, вспухло огненное кольцо. — И потеряйтесь где-нибудь. Я ведь и угробить могу, смекаешь?

Вид пламени заметно остудил дриаду. Лоскуты ее юбки, похожие на лепестки, улеглись на бедра, не успев толком взвихриться. Она отняла ладонь от клинка и сложила руки на груди.

— ...Умница, — прошипел Рубин, обнажив клыки. — Прибереги огонь для спальни, в другой раз мы с тобой покувыркаемся.

— Какой же ты!.. — Драцена снова потянулась к мечу и вздрогнула — элафия Юкки фыркнул ей в ухо.

— Что это? — Юкка перевел растерянный взгляд с нее на скалы.

Только сейчас Рубин докумекал, что день посмурнел. Пламя скомкалось в шар и, сорвавшись с пальцев, впиталось в землю. Он задрал голову и ахнул. Их окружали мрак и спертый воздух, какой бывает лишь в склепах. Черная мгла скатывалась по скальным стенам тягучими сгустками. Устилала землю. Липла ко всему, что встречала на дороге, пожирая солнечные лучи.

Сперва Рубин не внял шипению над ухом. Сказать по-честному, он даже не понял, когда Уголь заполз на плечо. Но стоило перевести услышанное, под ложечкой засосало. Приятель поведал, что неподалеку пылятся чья-то туша со вспоротым брюхом и обглоданный скелет вепря.

— Вы как изволите, а я сваливаю, — вымолвил Рубин, подцепив и закидывая на плечо сумку.

— Что это такое? — повторил Юкка, пока Драцена, сощурившись, оглядывала темные сгустки. — Затмение?

Затмение, агась. Затмение в чьих-то изувеченных мозгах — например, вырожденских.

— Не уверен, — отозвался Рубин. — Скорее всего, найр колдует. Ну или найра. Вторую сущность не знаю. Бывайте!

Отозвался — и со всех ног рванул к светлеющей впереди земле. На солнце! Ему срочно нужно выползти на свет, а затем он скроется вон в той расщелине и прошмыгнет в соседний коридор.

— Вторую?! — донеслось из-за спины.

Но Рубин не повел и чешуей. Свет-свет-свет! — только и колотилось в сознании, покуда на него уставились десятки пар глаз. Невидимых глаз, которым подвластно заглядывать в самую суть существа и считывать его страхи.

Точно найра!

Рубин выскочил из зоны поражения, и ноющее ощущение пропало. В тот же миг по скальным выступам кто-то промчался. Он не смог как следует рассмотреть кто — помешал дым. Но некто точно пронесся мимо до того резво, что превратился в размазанную по воздуху стрелу и выпал из виду.

Позади слышалось шебаршение. Рубин против воли обернулся к мрачной взвеси — из нее на скакунах выезжали дриады. Два сгустка страха повисли за спиной Юкки. Он оглянулся. Вскрикнул то ли от испуга, то ли в надежде, что преследователи испугаются и передумают делать ему бо-бо.

— Скачите быстрее! — заорал Рубин и увидел на каменном выступе замершую вырожденку.

Найра-ореада?! Еще и летающая! Да ну в пекло!

— Юкка! — Выкрик Драцены отскочил от скал и разлетелся на отголоски. — Юкка, я помогу...

Как, интересно? В лобик поцелует?

— Борись с выродком! — прогорланил Рубин и зашипел — лопатки снова обожгло болью.

Сгустки страха впитались в тело Юкки. Он заорал. Драцена направила скакуна к нему но поздно. Увесистый валун вырвался из скалы и ударил Юкку по голове, вышиб его из седла.

Драцена завопила. Спрыгнула со спины элафия.

Два скакуна подняли рёв и рванули в лес. Рубин, удостоверившись, что Уголь скрылся в щели, прорвался сквозь взвесь. Откинул сумку. Откинул ножны с мечами-парниками. Выхватил из-за пояса нож и запустил в мрачный сгусток, подкрадывавшийся к дриаде. И на миг ослеп — в лицо дохнуло мертвецким холодом. Лезвие прошло навывлет, и сгусток — источник смертельного страха — расплылся дымом.

— Юкка без сознания! — Драцена сидела рядом с мальцом, под его головой растекалась лужа крови.

— Он издох! — рывкнул Рубин. — Так что, дорогуша, будь добра, отлипни уже от него!

На мгновение показалось, что дриада располосует ему лицо. Но дело пошло веселее. Она распрямилась, подступила ближе. Клинок, выскользнув из ножен, блеснул в ее руках.

— Прикрою. — А голова склонилась в легком, почти неприметном кивке. — Ты феникс, видишь лучше.

Рубин не ответил. Отвлекся на угасавшее свечение, тонкими нитками сползавшее по стене. Не вырасти он с ореадами, наверное, не понял бы, что задумала крылатая стервятница.

Но...

— Ложись! — выкрикнул Рубин.

И они с Драценой припали к земле. Десятки каменных кольев вырвались из скалы и просвистели над их затылками. Часть с грохотом впечаталась в скалу напротив. Два застыли. Крутанулись мельницами. Подогнанные свечением, снова ринулись к Драцене и Рубину.

Драцена призвала колдовство. Вырастила перед ними древесный щит. С глухим стуком колья вонзились в него. Рубин встал. Напружинился. Еще два сгустка страха подкрались незаметно.

Мимолетный проблеск меча, и Драцена рассекла первый. А Рубин развеял второй швырнув в него звезду для метания.

— А ты, оказывается, не совсем безнадежна, — подметил он и зашарил глазами по скалам.

— Ищи вырожденку, Рубин!

— Да ищу я! Ищу! Клятый дым!..

Он искал. Скользил взглядом по округе, силясь узреть в дыму женский силуэт, очертания сизых крыльев. Хоть что-нибудь! Малейшую подвижность, которая подсказала бы, где находится вырожденка. Но вот беда — подвижности было хоть отбавляй — глаза разбегались. Со стен сыпалось каменное крошево. Скальные уступы дрожали — вот-вот рухнут.

Сгустки страха... Колышущийся дым... Блеск танцующего лезвия...

Рубин подмечал все сразу. Сам не понял, когда и как столкнулся с тёмно-серым взором. Столкнулся и пропал. Больше он ничего не видел. Ничего, кроме паскудных глаз, глядящих на него с небес. Два из них сверкали, где положено, еще четыре — на лбу, щеках и подбородке.

Крылатая девица парила кругами, как падальщица. Она не говорила, даже не шевелила губами. Но внутри Рубина креп страх. Он дурманил разум и опутывал сердце удавкой.

— Змей! — прозвенел на краю сознания чей-то голос. — Очнись! Не смей закрывать глаза! Не смотри на неё! Рубин!..

Крылатая вырожденка замерла, но мир вокруг нее продолжал крутиться. Крутились моря глаз — холодных и цепких. Крутилось каменное копьё, которое, вроде бы, приближалось, а может, и нет.

— Рубин, чтоб тебя!.. — провозгласили с вершины обрыва, куда он падал, закручиваясь спиралью.

Вдруг в плечо что-то уперлось. Его толкнули. Тело качнуло вбок, и он грохнулся на бедро. Страх сгинул. По ушам снова ударило оглушительное грохотание, голову оросил град мелкого гравия. Сквозь завесу одурения и дыма Рубин увидел Драцену. Она стояла на четвереньках, прижимая ладонь к затылку. Ее пальцы и рукава туники изгваздались в крови. Над головой, ввинтившись в стену, торчало то самое копьё.

Выдохнув, Рубин отлепил от шеи прилипший ворот. Надумал подползти к дриаде, но не сумел — стукнулся лбом оземь, подбитый резью в спине. Боль ожила. Теперь кости лопаток, мнилось, извивались, дробились на части, выламывая путь к свободе.

Да с чего его так крючит?! А главное — как вовремя-то!

Грохот врезавшегося в почву валуна пробудил Рубина. Правильно говорят: жить захочешь — с кишками навыворот обучишься сражаться. Он вскочил. Увернулся от сгустка страха в пьяном пируэте, выпустил в небо огненный шар. Вернее, шарик, маленький такой, безобидный.

Доли мгновения хватило, чтобы Рубин метнулся к дриаде и повалился на нее, прикрывая телом. Взрыв грянул мгновенно. Шарик рассыпался пламенными брызгами. Снаряд в дриаду так и не прилетел. Напрасно Рубин переживал. А вот вырожденке не повезло. Хин ведает, где она там колупалась, но сгустки страха меркли друг за другом. Разящие камни без контроля посыпались.

— Слезь, слезь, слезь! — Драцена замолотила кулаками по его груди, и он скатился на почву. — Я вижу... Катится.

И правда. Двукровная гадина, дерзнувшая нагнать на Рубина морок, сползала по скале, цепляясь когтями, как умеют только ореады. Любой другой на ее месте был бы, тщась затушить горящее крыло.

А она... Немая, может? Или...

Додумать у Рубина не вышло — Драцена схватилась за лук, запела тетива, и стрела вонзилась гадине в спину. Вырожденка сорвалась и потонула в дыму. Скорее всего, угодила в одну из паровых расщелин.

Тихо. Безмолвно.

— Дуреха безмозглая... — Рубин глотнул воздуха и закашлялся, подавившись пылью.

Что ж, пожалуй, у них с бритоголовой есть повод для гордости. Мало кто мог похвалиться тем, что вышел из сражения с двукровной, досчитавшись конечностей.

— Рубин! — Чем ближе подходила Драцена, тем отчетливее проступали на ее щеках пятна крови. — Ты не ранен?

Благодаря тебе, — подумал Рубин, а вслух произнес:

— Не ранен. Ты?

— Затылок пробит, но...

Все произошло слишком быстро. Рубин увидел вспышку чар. Услышал скрежет, потом свист. Разжег огонь, но удар не парировал. Просто не успел понять, откуда его ждать. Драцена, округлив глаза, рухнула перед ним на колени — из ее спины торчало каменное копьё.

— Достали! — прозвучало из дыма.

Рубин наугад метнул пламя. Очевидно, не туда. Грузный валун впечатался в грудь тараном.

Не маяя, — пролетело в сознании, прежде чем мир канул во мрак.

Рубин не мог пошевелиться. Камни сковывали его, тяжеловесным грузом налегая на спину. Он боялся, что ломота и усталость, одолевающие воинов после боя, не нагрянут по его душу.

К счастью, обошлось. Но слабость накатила смертельная. Он слышал стук сердца. Чувствовал, как воздух застревает в глотке на вдохах, а потом с боем, мелкими глотками пробивается в легкие.

Глупо рассуждать за каждого. Но почему-то Рубин уверовал, что такие мгновения бесценны.

Существ не заботят прошлое и будущее. Они живут настоящим, борются за жизнь в настоящем и...

Боги, что за бредовые мысли? Мозги у него, что ли, от удара через уши и рот вытекли? Клятые выродки! И зачем он полез в драку? Говорил ведь ему Цитрин: «Если ты убежал от двукровного, сын, не гоняйся за ним». Как яду испить, крылатая стервятница охотилась на дриад. Рубина она не то по недоглядке, не то по дурости удостоила шанса на побег, а он взял и бросился в пекло.

Какого потроха, спрашивается? Ради чего? Есть ли ему дело до лесных?

Ну хорошо, до Олеандра, может, малость и есть — приятель все-таки. Но до остальных...

Говнище! Рубину хотелось проклясть себя за тупость и мягкотелость, обругать на чем свет стоит. Но вырвавшаяся на волю брань обернулась кашлем, осевшим на губах привкусом крови. Тогда-то он и осознал, что лопатки отяжелели. Переменившийся ветер швырнул в рот пепел, растрепал оперенье, даруя изумительное ощущение воздушного упора, сопротивления.

— Крылья... — захрипел он. — Крылья... Н-неужели... Не верю... Где?.. Г-где они?..

Рыскать долго не пришлось. Он углядел одно из новорождённых крыльев. Темно-рдяное, оно лежало рядом. И Рубин едва не разрыдался от радости. Мало кто знал, скольких мук ему стоила травля дракайна. Раз за разом он корчился в агонии, ощущая дыхание смерти. Раз за разом увеличивал дозу яда и гадал, что случится раньше: он распахнет крылья или протянет ноги?

Он рисковал день ото дня — и чудо свершилось. Умбра вознаградил его, подарив крылья. О, да! Да-да-да!

— Клематис, погляди-ка! — произнес голос шелковистый, точно волос мойры, заговоренный на обезглавливание. — У нас тут живчик.

Чего?.. Рубин едва не прикусил язык. Встрепенулся и сузил зрачки, всматриваясь в дым. Среди мешанины камней, окутанных паром, бродили двое дриад в зеленых плащах. На миг один из них скрылся за валуном, а выступил уже из-за того, который рухнул в опасной близости от крыла.

Со смуглого лица, изуродованного шрамами, бородатого и потертого, точно заношенные сандалии, на Рубина воззрились два колючих глаза.

— Птерис, — прошипел он, в то время как на шею надавил сапог с высоким раструбом.
— Давно не виделись, — проговорил, возвышаясь над ним, дриад. — Гляжу, крылья заполучил. Bravo, bravo.

— Ну-ка, ну-ка. — На Рубина вдруг снизошло озарение. — Обожди-ка... Кажется, я докумекал... Это ведь вы? Вы умертвили ту девицу — Спирею? Вы траванули Олеандра Потом старика грохнули... как его, Боги... Мирта! Потом посыльного, теперь бритоголовую и мальчика... Пф-ф, ребят... Ну вы, конечно... Д-а-а... Н-нашли тоже кого гробить. Дриад, которые и отпора толком не дадут. А вдобавок — чужими руками... К-как отбирали-то хоть? Кто послабее, на того и спустим вырождков?

По губам дриада пробежала кривоватая улыбка превосходства, излюбленная стальными воинами.

— Зелен лист, истину толкуют, — вымолвил он и почесал щеку алым листком-аурелиусом, — у фениксов отбит инстинкт выживания.

Угрозы угрозами, а расправы за ними не последовало. Птерис взмахнул подолом накидки и скрылся в дыму. Рубин откашлялся и подмигнул перышку, танцевавшему перед носом.

Интересно... Он нахамил стали, но языка не лишился. Неужто дриады не желают ему вредить? Опять! Теперь-то с какого перепугу? Или они решили, что он и так сдохнет, придавленный камнями?

— Ну что, феникс? — Восклик Клематиса загулял от скалы к скале, постепенно утихая. — Поскачешь с нами?

— Сдурели? — Право, если бы не валуны, Рубин расхохотался бы. — После того, что вы...

Волос мойры стянулся на шее удавкой, напоминая о договоре. И он осекся, стиснул зубы.

— ...Не поладим мы с вами, ребят. Извиняйте.

Еще до того, как дриады приблизились, Рубин почувствовал неладное. Кажется, ему в лицо выдули пыльцу. Нос защекотал сладковатый запах, и его склонило в сон. Он одурел по мановению крыла, услышав напоследок:

— Ты будешь говорить не с нами.

Лобовое столкновение

Эсфирь очнулась в холодном поту и резко села, врезавшись когтями в камни. Она проснулась. К счастью, проснулась. Но прогнать увиденные кошмары не вышло. Теперь уже наяву они замелькали перед внутренним взором со скоростью книжных страниц, перелистываемых ветром.

Ну почему?.. Почему она не попросила хинов отступить? Им не следовало сражаться с дриадами! Не следовало погибать!

Хины пытались ее защитить. Угрожай кому-нибудь из них опасность, она бы тоже постаралась помочь.

Но!.. Но!.. Но!..

Каладиум! Вот кто во всем виноват! И за какие только грехи он свалился Эсфирь на рога? Зазывал в неведомые дали, понимаешь ли, туда, где вырожденцы якобы не страшатся за свои жизни.

А то как же! Нашелся тоже защитник двукровных!

Быть может, неведомые дали и существуют, конечно. Да завлекал ее Каладиум в те края явно не за тем, чтобы спасти от... Как он там высказался? От глупцов, для кого жизнь двукровного не стоит и плевать?

Будто для него она стоит больше, ну! Лжец!

А ведь Эсфирь ещё и поцеловала его. В тот миг она совсем потеряла связь с реальностью. Призвала чары очарования и...

Фу-фу-фу!

В ушах отразился скрежет, и Эсфирь с изумлением поняла, что царапает валун, а вдобавок скрипит зубами. Пересиливая боль, она перевалилась на бедро. Медленно согнула ноги, жмурясь и шипя, раскачалась, вытянулась в рост. И тут же упала, подкошенная слабостью в коленях.

Что за напасть? Синяки и ссадины, подсушенные солнцем, усеивали тело от макушки до пят. Парочка кровоподтеков пристроилась в таких местах, что она постеснялась бы о них рассказывать.

— Вот же ш!.. — Хотелось завывать, но горло сдавило, с трудом получалось даже дышать.

Ныне Эсфирь как никогда четко уяснила: мир — не цветущая полянка, где все друг другу улыбаются. Мир — зловонная яма, гиблое место, где она и себе-то доверять не может, чего уж и вспоминать о других. Она двукровная — бесполезно отнекиваться. Велик шанс, Судьба еще далеко не раз сведет ее с существами, которые решат потыкать в нее клинками. А там и до помрачения ума, до вопля «Я разотру вас в пепел, ничтожества!» недалеко.

Никто не спросит, хочет ли она звереть и превращаться в чудище. Никто не встряхнёт за плечи, не заглянет в глаза, взывая к рассудку: «Воспрянь ото сна, девочка, ты не убийца!»

Выродков не жалуют. И она — одна из них, не лучше, не хуже. Очередная ошибка Богов, вынужденная скрываться, изводиться размышлениями, чьи когти опаснее: свои или чужие?

Черные скалы перед глазами задрожали, размылись от накативших слез. Ноги и крылья одеревенели. И чудилось, если она хоть на миг смежит веки — потонет во мраке и уже не выплывет. Где-то в душе еще теплилась вера, что ей протянут руку, скажут: «Вставай, я помогу!» Но она сочла бы себя не очень умной, уповая лишь на веру.

Разбитая на осколки, которые не хотелось склеивать, она так и сидела на дне ущелья и

скребла когтями почву. Опустевшая голова не воспринимала редкие шорохи за угрозу. Но когда мелкие камешки у ног заплясали, словно перепрыгивая через незримые веревки, вдруг повернулась на звук.

Рваное «цок-цок», чудилось, доносилось со всех сторон, сотрясая камни, пробуждая скальное эхо. Вначале бегуны походили на огромную лавину. А, приближаясь, словно раскалывались на части, крепили вместе с охватившим сердце теплом.

Копыта, десятки копыт, черных, как копоть, и правда вбивались в землю, взвихряя подола пыли.

Хины! К Эсфирь спешат хины! И до чего красиво спешат!

Не превратись ноги в водяные ходули, она побежала бы им навстречу, побежала бы на будоражащий кровь запах силы и верности. Алая струйка вытекла из носа, защищала растрескавшиеся губы. Сердце, дважды запнувшись, отмерло. И Эсфирь поднялась, придерживаясь за камень.

Некоторые хины повыскакивали из расколов в скалах, ползком прошмыгнули к ее ногам, другие подоспели позже — и вокруг забурлил, завился кольцами дым. Она встретила стаю, расправив плечи.

— Мрак! — А следом бросилась Мраку на шею, и он обнял ее в ответ. — Живы, вы живы! Мы живы!

Много глупостей она совершила, не раз пренебрегала гласом рассудка. И все же однажды, сбежав из поселения дриад, она поймала удачу за крыло и приняла безусловно-верное решение — доверилась Мраку.

Все они пострадали. Все смотрелись нынче один краше другого. Эсфирь, например, так, будто пробиралась сквозь колючие кустарники, а потом барахталась в крови. Ну и что! Подумаешь, замарались и покалечились. Главное — выжили. Главное — она окружена друзьями. Друзьями, любой из которых и правда остановит летящее в ее сторону лезвие своим сердцем.

Эсфирь отстранилась. Мрак протянул к ней лапу. На крючковатом когте висел...

— Ты нашёл браслет! — Эсфирь тряхнула кудряшками.

Сомкнувшееся на запястье украшение отразило блик, но все равно выглядело блеклым, потерявшим привычную яркость. Эсфирь улыбнулась. И вздрогнула — шумы мира стерлись, затушенные неразборчивыми стенаниями.

Поблизости кто-то умер!

Ряды всадников тянулись по лесу. Мчались галопом, с каждым вздохом подбираясь к скалам все ближе и ближе. Сигнальные чары, выстреливавшие в небо, привлекали внимание иных воинов. Хранители Антуриума, Эониума, Цикламена — кто-то раньше, кто-то позже пристраивались к собратьям.

И теперь Олеандр мог с уверенностью заявить: «Ежели они нарвутся на выродков, бой сделается куда проще».

Полдня прошло с того момента, когда он подал соплеменникам знак. Когда тяга ко сну и покою растворилась в тревоге за Драцену, и они с братом оседлали элафия. Скакали, без продыху, не оглядываясь. Скакали так, что от топота копыт закладывало уши, а взвихрившаяся пыль забивалась в глотку.

Олеандр летел в стержневом строю, прощупывал путь. Двум линейкам он повелел осмотреть левое скальное крыло, еще трем — правое. А сам рванул к среднему ущелью, прильнув к шее Абутилона, чтобы не целовать лбом ветви. Краем глаза он видел, как Рипсалис направил строй к нужному коридору. Видел, как другая линейка стражей вырвалась вперед и затерялась в дыму.

Наверное, впервые в жизни Олеандр чувствовал себя не одиноким дитя, которого жизнь то и дело макала носом в грязь, а частью влиятельного клана, будущим владыкой, ведущим народ.

Прежде чем пуститься в дорогу, он поведал брату о смуте, постигшей лес, и тот посоветовал не браниться со Стальюю.

— Право, Малахит, — вымолвил Глендауэр, — чтобы нажить врагов, довольно и крохи ума. Истинно, приспешников Эониума вы николи не жаловали. Но, молю, поразмыслите, каких умелых союзников вы обретете в их лицах. Союзников, кои сразятся не столь за вас, сколь за шанс отсечь от цепи проржавевшие звенья, наказать изменников, кои спутались с вырожденцами.

Тогда Олеандра занимали мысли, что он заблуждается, и Драцене ничего не угрожает. Тогда время играло против него, поэтому он смолчал. Но сейчас в голове поневоле всплыл вопрос: «Стальные стражи — кто они такие?» В детстве он нарекал их змеями, которым его отец сточил клыки и перекрыл яд. Жадные до жестокости, они служили Эониуму верой и правдой, доспехами и мечами. Он воспитал подопечных кровопийцами, душегубами. И все же в своих опасных заурядности и соблюдении суровых идеалов они, пожалуй, выглядели куда лучше и честнее тех благопристойных дриад, не разумеющих, кому улыбаться, кого чураться.

Стальные Шипы выросли из льда Танглей. Большинство хранителей Эониума обучались у океанид. Единство целей и взглядов. Сплоченность. Стадность. Как и воины Танглей, Стальные стражи отражали собой нерасторжимую цепь. Они никогда не жаловали вырожденцев.

Вывод: спутавшихся с двукровными отродьям они скорее накажут, нежели поддержат, верно?

— Хины! — Возглас, грянувший с небес, выдернул Олеандра из раздумий. — Хины на Морионовой скале!

Ветер рванул ветви деревьев, сыпанул за шиворот листву. Олеандр поежился. Вскинул подбородок, и сердце ударило по оgrade ребер. Сапфир пролетел над кронами, рассекая крыльями мглу.

Клятый храбрец! Мало ему подпалённого крыла и сломанной руки?! Какое из слов «возвращайся в поселение» он не уловил?! Как Олеандр в глаза Цитрину и Яшме посмотрит, ежели их сын пострадает?!

— Бестолочь! — выкрикнул Олеандр и чуть к Тофосу не упорхнул, когда тело кольнуло морозцем.

Скакун Глендауэра выскочил из-за спины, сломав копытом ветвь, и заскользил между стволов, словно по льду.

— Невозмутимость разума — одно из неоспоримых сокровищ мудрости, — прокричал брат.

— Одно — да! — отозвался Олеандр. — А каково второе, знаешь? Молчание, Глен, молчание! Особенно когда тебя не спрашивают!

— Не беситесь!

— Помалкивай!

Впереди, за пышущими жаром парами рисовались коридоры, стиснутые черными скалами. Абутилон влетел тенью за собратом в средний. Проскакал под каменными сводами и аркадами, мимо раскрошившихся скульптур, по легенде, сооруженных древними. Дым взвихрился, заколебался, когда элафия оттолкнулись и перемахнули через щель, словно оперенные листвою стрелы.

Приземлились тяжело. Гравий вбил в копыта, покусал их за ноги.

— Тише, приятель. — Олеандр покачнулся в седле, натягивая поводья. — Вот так, молодец...

Всадники нагнали их быстро. Спустя мгновение-другое он уже ощутил себя начинкой в пироге, зажатой с боков. И с изумлением наблюдал за смуглыми ладонями, которые потянулись к Глендауэру.

— Сын владыки Дуги, сын Клыка[1], — заверещали воины. — Игла... Полагал, зрение меня обманывает... Рад, весьма рад встрече! Ваш достопочтенный отец приходился мне мастером...

Глядите-ка, распушили листья, раскудахтались! А ничего, что указом правителя им велено задержать Глена?

Олеандр гневно засопел, обтирая лоб кулаком. Затем покосился на брата, чья покалеченная рука заочевала из пальцев в пальцы. Меловая прядь волос выбилась из его хвоста и мазнула по скуле.

— Благого дня, сыны льда и стали, — произнес он таким тоном, будто его подняли из гроба, но забыли напомнить, как ведут беседы живые существа. — Не сочтите за дерзость, прежде мне не выдался шанс поприветствовать вас. Прошу меня простить. Должен признаться...

— Не должен, — отрезал Олеандр. — Обменяетесь любезностями позже. Повторюсь ищем Драцену и Юкку. С хиными по возможности не бодаемся, белокрылую девушку не трогаем.

Тишина вновь обрушилась на скалы, порешив с разговорами. Дорога пустовала и упиралась в тупик, поэтому они разделились. Свернули в тоннели, зияющие в скалах, и поскакали дальше, исследуя каждый уголок, каждую яму. Ехали бойко, насколько позволяли узкие тропы.

Щели мало чем отличались друг от друга. Что тут, что там их обступали мертвые неподвижные камни, от коих разило не столько серой и копотью, сколько угрозой.

Внутренний советчик давно намекнул Олеандру, что выискивать Драцену и Юкку на Морионовой скале все равно что ловить пыльцу сетью. Но даже значительно позже, когда он уже свыкся с мыслью, что поиски, велик шанс, не увенчаются успехом, в душе неумолимо горела надежда.

Благо хинов поблизости либо не наблюдалось, либо они попрятались, решив не тягаться с дриадом, который хоть и ухитрился взобраться на элафия, но вскоре точно рухнет и уже не встанет.

— Что за?.. — выругались позади, и скакуны захрапели, затолкались в тесном тоннеле.

Абутилон дернулся в сторону, его рога впечатались в стену. Олеандр ударился локтем, но быстро сделалось не до боли. Между копыт, улепетывая в дым, прошмыгнула мохнатая туша, украшенная рогами-волнами.

— Следуй за силином, Олеандр! — долетел до слуха восклик Сапфира. Он пролетел над коридором. — Там твоя крылатая девочка, слышишь? Со стайей хинов! Драцена и Юкка мертвы. Убиты вырожденкой.

Если бы телесные опоры напрямую зависели от душевных, Олеандр упал бы, как упало все внутри. Дальнейший путь превратился в тысячу лет преисподней, вложенных в одно мгновение. Его будто оглушило. И он не слышал никого и ничего, помимо грохота взбесившегося сердца. Полоска света в конце коридора расширялась, и стены словно расступались под ее натиском.

Беглый взгляд на силина, глоток воздуха — и проход вывел Олеандра в ущелье, по которому, мнилось, пронесся ураган. Первый труп — Юкки — он увидел сразу. Мальчонка пылился посреди дороги, лежа в луже крови, высушенной жаром. Второе тело — сизокрылой вырожденки — полусидело у стены. Глотку ей перерезали мастерски — от мочки до мочки, из плеча выглядывал наконечник стрелы.

— Небо! — произнес голос, тонкий и звонкий, как серебряная нить. — Я думала, ты погиб...

Слова не прозвучали у Олеандра в голове, ни один из его внутренних шептунов здесь был не при делах. Он надумал повернуться, но плоть будто тяжеловесной бочкой с бревнами обернулась. Единственное, на что хватило сил — вскинуть ладонь, пресекая стук копыт и шелест лезвий за спиной.

— З-здравствуй, Листочек. — Только тут Олеандр заметил Эсфирь. Побитой и перемазанной грязью и кровью, ей, чудилось, впору нарезать в котел кожу младенцев и заходиться хохотом. — И вы, господа.

А рой дымящихся зверей, вьющихся по округе, лишь подогревал сложившееся впечатление.

Олеандр почти слышал, как хваленая выдержка Глена лопается струна за струной, когда тот следит за чадящими тушами зверей. Почти слышал, как Зефирантес, пребывая в поселение, прочухался от яда и со словами «Изыди, нечисть!» встряхнул тунику за плечики и хлопнул в ладоши.

— Прошу, опустите оружие. — Эсфирь оглядывала хранителей со смесью страха и недоверия. — Я не убивала ваших соплеменников, честно-честно.

Ее веки подергивались. Смоляные кудри вздымались необъятной копной, едва не перекрывая рога.

— Здесь орада постаралась, — Сапфир сошёл на землю, тревожа дым. И подступил к вырожденке, присел на корточки, оглядывая коридор. — Посмотрите на выбоины в стенах — она их оставила...

Он указал когтём на мертвую двукровную. Потом коснулся кожистой складки на её лбу и открыл ещё один глаз, темно-серый.

Орада-найра! Олеандр дважды разомкнул и сомкнул губы, страшась, что голос подведет и сорвется на писк. Он спрыгнул с элафия и пошатнулся. Сам он не удержался бы на ногах, потому стоически перенес прикосновение холодных пальцев брата, послуживших опорой.

На дне ущелья густела духота от обилия паров и всадников. В сторонке от Олеандра, вынырнув из расколов, выстроились колонной хранители. Не один десяток обнажили клинки, пока другие, шурша плащами, жались к стенам и подкрадывались к телу Юкки.

— Опустите клинки, — приказал Олеандр, подавляя внутренние дрожь и панику. —

Живо.

— Но!..

— Без «но»!

Опасения воинов были понятны. Не каждый вечер дриады сталкиваются со стаей хинов, охраняющих неведомую девицу, которую Аспарагус — архихранитель! — нарек вырожденкой.

Тем не менее угроза в воздухе не клокотала. А ежели и клокотала, смердело от нее не серой, а Сталью.

— Малахит, — хлад ледяных чар, коснувшись затылка, разлился по венам Олеандра, остужая кровь. — Драцена...

Веяние ветров даровало свежесть, и он глянул на брата через плечо, обращаясь к нему как к последней надежде. Глендауэр отвел глаза, словно призывая смириться с неизбежностью.

— Мы прогнали птиц, — правой рукой Эсфирь передала силу одному из хинов, левой взмахнула. — Но... Вот...

Чем дальше отшагивали звери, тем явственнее проступали на земле кляксы крови. Хин, в чьем клыке красовалось кольцо, указал на тело дриады — исклёванное, с вырванными из бедра и боков кусками мяса.

У Олеандра подкосились колени. Он прикрыл веки, спасаясь от пробиравшего до костей зрелища, но без толку. Труп намертво отпечатался в памяти, маяча перед внутренним взором огрызками плоти. Хотелось закричать, растрясти Драцену. Отхлестать по щекам. Отпинать, если понадобится — сделать хоть что-нибудь! Лишь бы она очнулась. Лишь бы выдала какую-нибудь дурость вроде «Простите, наследник, кажется, я прикорнула».

Опять!.. Опять Олеандр проиграл, и двое дриад поплатились за его поражение. Ну почему он уродился столь тупым, Боги?! Почему не вспомнил раньше, что Драцена — дочь Строманта?! Почему не опёрся на мысли и знание, что цель Каладиума — извести и стебли, и побеги?! Не щадить никого, даже детей, которые не обязаны расплачиваться за грехи родителей!

Да, Стромант и Хатиора, отцы Драцены и Спиреи, сражались в числе тех, кто убил отпрысков Азалии. И что? Они погибли в той схватке. По кому Каладиум бьет? Зачем мстить мертвым за мертвую? Что за гниль у него вместо мозгов?

— Пусти! — Олеандр вырвался из рук брата и рухнул перед хранительницей на колени.

И заорал. Заорал так, будто крику подвластно вдохнуть в Драцену жизнь.

Не полегчало. Глупцы те, кто толкует, что с криком улетучивается боль. Никуда она не улетучивается. Она останется с Олеандром навечно — будет грызть до конца дней, въедаться в душу виной и сожалением. Знанием, что он мог защитить Драцену. Мог. И не успел.

— Листочек... — Белокожая ручонка потянулась к нему, и он с размаху саданул по ней ладонью.

Шлепок, противный и влажный, вернулся эхом. Удар вышел несильным, но Эсфирь, отскочив, запнулась о камешек. Упала — и вдох обжег легкие Олеандра. Хинам такой исход не пришёлся по нраву. И без того распаленные, они разожгли смоляные огни, по ушам царапнул скрежет лезвий.

— Не надо! Опустить клинки! — прокричали Эсфирь и Олеандр почти одновременно.

И он зажевал губу.

Проклятие! Да что же он творит? Эсфирь не виновата. Она тоже жертва. Он обещал

настигнуть ее у курганов и не настиг. Он направил к ней Юкку и Драцену, но они угодили в лапы вырожденки.

Одним Творцам известно, каким чудом Эсфирь ухитрилась выжить. Они ведь встретились с Каладиумом, определенно встретились. И встреча та прошла явно не за дружеским распитием вина.

Сгустившееся безмолвие тянуло. Давило под ребра, оседая во рту горечью раскаяния.

Не сокрушайся о мертвых, сын, сокрушайся о живых, — однажды сказал Олеандру отец.

— Прости, — вымолвил он. — Прости, я... Вставай, я помогу!

Эсфирь странно на него посмотрела, но помощь приняла. Похоже, она не расстроилась. Или укрыла расстройство за неловкой улыбкой. Повинуясь неведомому притяжению, он прижал ее к себе, выдыхая и чувствуя, как свалывшиеся перышки щекочут его листву.

И мир не перевернулся. И солнце не упало с небес. Олеандр обнимал все ту же нелепую девчушку, певшую о воине-змейке, испускавшую чары очарования. Девчушку, награжденную удивительным даром сеять тепло и свет, которые хотелось впитать и кожей, и сердцем.

В тот миг он не мог углядеть ни дриад, ни приятелей. Но было ясно: спину ему буравят десятки цепких глаз.

— Ты видела Каладиума? — Олеандр отшагнул, сообразив, что они с Эсфирь чуть не поцеловались носами.

— Ох, Листочек. — Ее вздох звучал красноречивее слов. — Я... Сейчас о другом, ладно? Она хочет поговорить с тобой, понимаешь?

— Не понимаю, — признался Олеандр. — Кто хочет со мной поговорить?

— Драцена. Я вижу души, Листочек.

[1] Клык — боевое прозвище Дуги, владыки Танглей.

Еще недавно, услышав слова «Я вижу души», Олеандр высмеял бы изрекшую сей бред лгунью, сочтя её либо пьяной, либо одурманенной. Любого, кто посмел бы утверждать, что созерцает усопших, он обозвал бы невеждой. На худой конец — тупоголовым витуном, которому пора спуститься на землю и постигнуть, что мертвые не являются живым, на то они и мертвые.

Эсфирь и раньше щебетала что-то о душах — к примеру, в тот день, когда излечила рану Рубина. Но речи ее воспринимались, как блажь. Она толком не понимала, что творит.

Она ведь память потеряла, Боги! Чарами повелевала скорее инстинктивно, нежели осознанно.

Что с нее было взять?

Задумался ли Олеандр тогда над ее словоблудием? Нет. Задумался ли ныне? Да. И даже больше — внутри что-то екнуло. Сердце встрепенулось и забилося в ожидании. Эсфирь отвела подборок к плечу — и пары, струящиеся из расщелины, колыхнулись, будто за ними и правда шевельнулся призрак.

Отец всегда твердил Олеандру, что когда истина недостоверна, разум посылает существам сигнал, именуемый сомнениями. Знак тот как бы намекает, что нужно начать поиски заново. Успокоиться и пересмотреть сложенную картину: все ли кусочки мозаики легли на верные места?

Но о каком покое можно вести речь, когда на глазах разворачивается бесконечно мало возможное действие?

Олеандр уже открыл рот, намереваясь сказать, что ежели Эсфирь дурачится — забавы у нее жестокие и совершенно не смешные, как вдруг она вспыхнула. Теплое, рассыпающее искры, серебристо-белое свечение заперло ее в кокон, повергая в трепет и хранителей, и хинов. Да что там! Его самого прошиб озноб. Хотя, казалось бы, ему-то всплески колдовства уже нипочём. Вдобавок ум упивался совсем иными страхами, воображая беседу с духом.

Эсфирь молчала. Долго. Очень долго. А когда разлепила губы, голос её доносился издалека, как если бы она говорила в один конец полого стебля, а он прильнул бы ухом к другому. Она просила подступить ближе. Он повиновался — вопреки гласу рассудка, вопреки назиданиям отца, предписывающим не совать нос в чужие чары. Она обмолвилась, что не уверена в успешности затеи. Он кивнул, хотя внутренний советчик велел сопроводить её к лекарю.

Заколебался кокон, стекая с чернокудрой головы. Расслоился на ленты, и они закружились, словно обволакивая, пеленая чью-то плоть. Краткий миг — и просветы меж лентами схлопнулись, теперь на земле крутился сверкающий шар. Небольшие створки распахнулись в нем, приглашая войти.

— Ступай, Листочек, — голос Эсфирь потяжелел, окрасившись сталью. От кончика её пальца протянулась белая нить. Искрясь и переливаясь, она окольцевала запястье Олеандра. — Если веришь, конечно.

А он верит? Непростой вопрос. Вообще-то слепое доверие зачахло в нем, некогда растоптанное братом. И все же порой без веры никуда. С наскака трудно угадать, кто замыслил недоброе, кто не замыслил.

Не делятся существа на черных и белых, — любил говаривать отец. — В каждом цветут

два начала, а суть кроется в выборах, в развилках, к коим жизнь подталкивает всех без исключений.

Он рассуждал верно. Был прав как в том, что касается неоднозначности существ, так и в другом: Олеандр ограничен. Ему невыносима мысль, что где-то он мог ошибиться, а плетения мира куда витиеватее, нежели кажется.

Но — Боги! — до чего же страшно разрушать мозаики, складываемые годами; даже одну из них!

Духи?.. Серьезно?! Одолжить, что ли, у Глена каплю хладнокровия?

Олеандр опустил взор к запястью. Белая нить — теперь уже настоящая! — тянулась от него к Эсфирь.

Хотелось спросить, догадывается ли Эсфирь, что стоит за этой нитью. Или за ней ничего не стоит?

Может, Эсфирь тоже видела её прежде? Или...

Потом! Всё потом!

— Ладно, — Олеандр подался к кокону.

Но брат схватил его за плечи, выдохнул в ухо морозный воздух:

— Вы доверяете Эсфирь?

— Знаешь, — произнес Олеандр и усмехнулся, — наверное, это прозвучит странно, но ей я доверяю больше, чем всем вам.

Взмахом ладони он попросил приятелей и братьев не вмешиваться. В два шага подступил к кокону — и створки сошлись за спиной, окуная его в гущу плотного, ослепительного света с ноткой металла. Тогда-то мир и обесцветился. Цвета просто взяли и стекли, как стекает краска с омытого дождем холста. И вздох не нарушал тишину. И мурашка не пробежала по коже от осознания, что хранители и хины исчезли, а пол и потолок поменялись местами.

Что за невидаль? Олеандр очутился на черно-белой земле. Стоял на дне опустевшего ущелья, стиснутого каменными стенами. И уже сомневался, перевернуло ли его на самом деле.

— Драцена?! — Восклик сам сорвался с губ, пробив оковы неверия.

— Здравствуйте, господин Олеандр, — прошелестел из-за плеча хриловатый голос.

Твою ж!.. Сердце древесным грузом ухнулось в пятки.

Олеандр обернулся. Увидел чуть поодаль Эсфирь. Но внимание на ней не заострил. Рядом сверкнула искра, затем вторая. Копясь и удлиняясь, они расстелились по земле кружевом. Сплелись в замысловатый узор, а после взвились и обратились чем-то... Нет, кем-то, сотканным из мерцающих нитей. Кем-то, кто улыбнулся знакомой улыбкой с ямочками.

— Драцена, ты?.. — произнес Олеандр без участия мозга.

— Дух, по-видимому. — Нитевая голова склонилась, оглядывая хитросплетения плоти. — Престранное зрелище, да?

Не то слово! Она напоминала ожившую куклу — нелепую и кривую, смастеренную руками, растущими явно не из плеч.

— У нас мало времени, — вымолвила Драцена, в тот миг как разум помахал Олеандру ладошкой. — Скажите, вы поняли, кто нас убил? Я догадываюсь, но...

Боги! Он встряхнулся раз, другой. Ущипнул себя за бок. Но тщетно: видимое не развиделось.

— Каладиум. — Что ж, ежели сходить с ума, так до конца. — Он истребляет всех, кто

насолил Азалии. Юкка ни при чем, полагаю. Он жертва случая. А ты — дочь Строманта. Твой отец...

— Сражался с ее внебрачными детьми? — спросила хранительница. — Что это? Кровная месть?

— Или придурь старого мерзавца, — пробубнил Олеандр.

— Послушайте, — Драцена подпорхнула ближе, — я не ведаю, причастен ли Рубин к поджогу. Но он помог мне в бою. Если бы не он, я бы погибла куда быстрее.

— Что?!

— Его сбilo камнем, — Драцена закивала. — А дальше...

Интересно. Причастность Рубина к смуте породила все больше и больше вопросов. Выходит, он тоже сражался с вырожденкой, а потом испарился с поля брани? Куда он пропал? Выжил в схватке и сбежал?

А как насчет того, что его приложило булыжником?

Одно утешало: похоже, он и правда вручил смутьянам отравленное пламя то ли из-за угроз, то ли преследуя иные цели, не связанные с беспорядками в лесу. В тонкости замысла по умерщвлению негодных его не посвятили, в противном случае он вряд ли помог бы Драцене, верно?

Вывод: скорее всего, Рубина надурили. Вестимо, он и не догадывался, куда и когда нацелят его чары.

Из размышлений Олеандра вытянул резкий, похожий на кашель смешок.

— Извини, — он встряхнулся. — Задумался.

— Я удивилась бы, поведи вы себя иначе. — Улыбка Драцены, даже поштая из нитей, излучала добро. — Но полно, время торопит. — Она запнулась и тихо добавила: — Наверное, глупо было умалчивать, но я ведь всё знаю. Знаю, что утверждать меня на должность хранительницы владыка Антуриум не спешил. Знаю, что это вы подняли вопрос о моем назначении.

— Потому что ты хороший воин, — отозвался Олеандр. — И хороший друг. Я хотел помочь тебе. И помог.

— Стоило умереть, чтобы услышать от вас похвалу, — Драцена меркла и распускалась на волокна. — Мало кто знает, какой вы на самом деле. Никогда не понимала собратьев, которые вас сторонились. Вы замечательный, господин Олеандр. Спасибо вам. Большое спасибо за веру, за дарованный шанс и... Прошу, победите! Я верю в вас!

На миг ее лицо искажилось, размылось, как отражение в воде. Казалось, тысячи существ тянут ее за нити, распутывают узел за узлом, отнимая жизнь. Десятки плетений расползались по кокону, пока не сжались в крохотный пучок света.

Всё произошло до того быстро, что Олеандр едва успел осмыслить перемены. Вот он взирал на крупицу света, а вот она уже превратилась в чернокудрую девушку, стоящую на том самом месте, где прежде стояла Драцена.

Кокон сгинул. Шумы и краски разлились по округе, словно художник вспомнил о наброске и довел его до ума.

Эсфирь вскрикнула. Колени её подкосились, и Олеандр обнял её, не позволяя упасть.

Не понимал он, как она сотворила кокон, но там все было проще. Там мир будто замер. Оцепенел в безвременье, лишенном чувств и невзгод — а может, даже жизни и смерти.

— Извините, — Эсфирь поковыляла к расщелине в скалах, и стая хинов двинулась за ней дымящейся лентой.

На дне ущелья воцарилась до того глухая тишина, что чьи-то покашливания слышались громом.

Нужно было видеть лица собравшихся. Единственным, кто не разинул рот, оказался Сапфир. Он выглядел как отец, чей сын только что прыгнул в огонь, а затем вышел оттуда без единого ожога.

Олеандр сглотнул, подсчитывая причиненный ущерб. Ему хватило выдержки отчитаться — ведь, помимо него, Драцену никто не видел. Когда его последние слова отзвучали, он осел на валун иссохшим стеблем.

Все вокруг снова крутилось и вертелось. Дышало. Жило. А он до сих пор пребывал рядом с хранильницей. Ловил в парах её улыбки, голос — и боль резала по сердцу, отвращая от действительности.

— Малахит? — тронул слух ледяной шепот, и Олеандр втянул носом воздух, протёр вспотевший лоб подолом плаща.

Тело даже не дёрнулось, когда плеча коснулась прохладная ладонь. Олеандр словно со дна озера выныривал. Наверху гудели голоса, тишину сотрясали заунывные подвывания. Не сразу, но он выцепил в испарениях лицо, чудилось, выточенное из растрескавшегося льда.

Сощурившись, Олеандр долго смотрел на него, будто силясь переиграть, переглядеть неотступный бело-синий взгляд. Да какой там! Статуя резвее отвернётся, чем океанид-каратель.

— Живы? — Глендауэр опускался на корточки медленно, страхась спугнуть его неосторожным жестом.

Туман перед взором развеивался, скатывался в уголках век каплями слез. Язык одеревенел. Но смолчал Олеандр по другим причинам — просто не сумел подобрать стоящих слов. Ответ «Нет, Глени, я мёртв» слышался предсказуемым и глупым. В то время как ответ «Да, все в порядке» — лишенным злобных остроты и изящества, достойных нелепого вопроса.

— Я разговаривал с Драценой, Глен, — прохрипел он. — Я. Разговаривал. С мёртвой.

— Пути Творцов неисповедимы, истинно? — произнес брат таким тоном, каким существа обычно читают молитвы.

Жаль, Боги не отозвались. Они никогда не отзываются, по-видимому, занятые другими делами — насылают стихийные бедствия, например. Но кого это волнует? Подданные их все равно не усомнятся, что остались услышанными. Еще и оправдают безмолвие, мол, Творцы желают, чтобы мы сами отыскивали ответы.

Конечно, есть и такие, с кем Боги ведут беседы. Но тех молившихся сразу заподозривают во лжи. Ну или к целителям отсылают.

— Вы осмотрели ущелье? — Олеандр мотнул головой, вытряхивая неуместные мысли. — Что-то нашли?

Глен указал на плащ, расстеленный в двух шагах. На зеленой ткани покоились аурелиус, явно найденный у Драцены. И фибула-трехглавая змея. Головы её были переплетены, посередке застрял меч.

Брошь Птериса! Он был здесь!

— Читали? — Олеандр кивнул на судный лист и перевел взор на Рипсалиса,

поравнявшегося с Гленом. — Око за око, мир ослепнет, справедливость... Об этом там написано, верно?

— Верно, — подтвердил Рипсалис.

Что ж, Олеандр догадывался, что этот аурелиус окажется близнецом тех, которые подсунули ему и Спирее.

— Ясно.

Сил у него осталось не больше, чем у новорождённого. Поэтому он решил не терять время понапрасну:

— Где Сапфир и Эсфирь?

Как выяснилось, ореад заручился поддержкой стальных хранителей и упорхал по следам Птериса. С какой целью? Поди разбери. Бойня явно грянула на рассвете, а ныне солнце почти уползло за скалы. Кроткие лучи рисовали на земле и камнях прощальные узоры и подгоняли суесящихся дриад.

Зелен лист, Птерис ускакал далеко — едва ли преследователи его догонят. Не упоминая уже, что Сапфир опять не пожалел раненого крыла. Дурень какой, ну!

— Эсфирь там. — Глендауэр указал на разлом в стене, подле которого темнели кляксы угольной крови.

Туда-то Олеандр и поковылял, стараясь не заострять внимание на свертках с трупами, свисавших с элафия. В затылок дышало морозом, брат ступал за ним тенью. Из расщелины, приютившей Эсфирь и хинов, доносилось лязганье, будто кто-то чиркал ножами по стеклу. По пути Олеандра чуть не унесло в паровую щель. Трижды он врезался в воинов и спотыкался. А потому, добредя до нужного места, немало поразился, что все еще ходит и, судя по всему, жив.

— Останься, — сказал он брату и, убедившись, что тот замер, нырнул под каменные своды и углубился взором в дым.

Скальный тоннель походил бы на ров, куда в разгар войны оттаскивают павших и покалеченных. Походил бы, ежели бы не одно «но» — под потолком горели огни, белыми вспышками рассеивавшие мрак. Они вспухали на ладонях Эсфирь, облепляли пальцы, надуваясь, а затем отлетали подобно стайке перепуганных светлячков. Пара хинов валялась посреди дороги. По черепам других, бросивших свои туши у стен, плясали блики, когда чары замирали возле них и впитывались в раны.

Дар целителя, — понял Олеандр, видя, как порез на лапе зверя затягивается под влиянием чудотворного света.

— Листочек?

Голос Эсфирь звучал глухо, как из бочки. Она сидела у стены. Силин, свернувшийся у ее бедра клубком, вскинул морду и задергал рожками.

— Ты... — У Олеандра накопилась прорва вопросов, но вырвался самый незначительный: — Чем ты заслужила расположение хинов?

Огибая зверей и застывшие огни, он крался по тоннелю. И костяные черепа таращились на него, обветривая дымом.

— Ничем, — Эсфирь улыбнулась до того печально, что защемило сердце. К улыбке прилагались ямочки на щеках, подтершие сходство с выползшей из мрачного поверья безумицей. — К сожалению, мы с тобой ошиблись. Мрак со дня встречи не желал мне зла.

Рослый хин с кольцом в клыке рыкнул. Вестимо, он так представлялся, мол, здравствуйте, я Мрак, мы уже дважды сражались. Но Олеандру показалось, что поблизости

рухнуло дерево.

— Ты видишь души. — Он застыл и снова поглядел на Эсфирь. — Я никогда не слышал о таких способностях. Этот... кокон, который ты сотворила. Ты понимаешь, как он работает?

— Постольку поскольку. — Она зарылась пальцами в шерстку силина. — Кокон — это лишь чары. Я создала его, чтобы не пугать твоих собратьев. По сути я перенесла тебя в иной мир. Ненадолго.

— Что?!

— Я не шучу, Листочек, — Эсфирь шмыгнула. — Сперва я не понимала, как работает этот мой дар. Только недавно осознала, что души отделяются от тел и попадают в свой мир, как бы граничащий с миром живых. Попадают и бродят там до тех пор, пока не найдут выход.

Сознаться, Олеандр сейчас не отказался бы от чаши с глушницей. Или от бутылки.

— Выход? — уточнил он.

— ...чтобы уже навсегда уйти, — проговорила Эсфирь. — Я избавляю души от скитаний и мучений. Там их одолевают тяготы. Там они чувствуют даже забытые при жизни боль, вину, сожаления. А ежели они ещё и умерли не своей смертью... тогда всё совсем плохо. Эти существатам будто слепнут. Им трудно найти выход. Поэтому я им помогаю. Но я плохо слышу погибших. Перехватываю только тех, кто неподалеку умер. Могу призвать. Могу проводить. Такое вот интересное умение, угу. — Эсфирь пожала плечами. — Я только познаю его. Думаю, прежде я либо вообще к нему не обращалась, либо обращалась крайне редко.

— Никаких тягот я там не чувствовал, — признался Олеандр, припоминая свои ощущения в мире духов.

— Ты не дух, — произнесла Эсфирь. — Ты попал туда живым и связанным со мной...

... *Белой нитью*, — проплыл в сознании Олеандра ответ, и он сжал переносицу.

Эсфирь нахмурилась и тихо пролепетала:

— Извини, Листочек. Юкку я проводила до твоего прихода. Сизокрылую девушку тоже забрала. Хотя она все равно ничего толкового не сказала бы. Ей ведь горло перерезали.

По коже Олеандра пробежали мурашки.

— За что ты извиняешься? — недоумевал он. — Боги, Эсфирь! Я попросился с Драценой! Это дорогого стоит!

— Правда? — Бледное лицо в обрамлении слипшихся кудрей повернулось к нему, и он горячо кивнул. — Тогда хорошо. Не думала, что у меня получится свести вас. Сама удивилась.

— А я-то как удивился. — Мгновение-другое Олеандр молчал, а затем снова подал голос: — Что произошло у курганов?

— Бой.

— Аспарагус был там?

— Он помогал Каладиуму.

— Клянусь, я не направлял их к тебе! — выкрикнул Олеандр куда жарче, чем подумывал.

Разложить все полочкам помешала врожденная дотошность. Объясняясь, он свернул бы на путь оправданий и въедливого повествования о преградах, которые не позволили ему доскакать до курганов. Тирада вышла бы нудной и путаной. Так что даже хорошо, что язык

отказался повиноваться.

— Прости меня. — Олеандр подступил ближе и воззрился на сонмы хинов, восседавших вокруг Эсфирь, как дети вокруг старца с книгой сказок. — Пожалуйста, прости. Мне так жаль...

— Я ни в чем тебя не виню. — Эсфирь моргнула. Ее глаза, прежде залитые белым, обрели зрачок и радужку. — Я слышала вас с Драценой. Каладиум... вовсе не добрый. Он хотел, чтобы я ушла с ним, знаешь? Говорил, что сопроводит меня туда, где вырожденцы живут спокойно. Туда, где я смогу повидаться с женщиной... Ну, с той самой, которая помогла мне выбраться из пещеры.

Точно. Помимо Каладиума и его подпевал, ко смуте ведь ещё и загадочная дриада листья приложила. Прежде Олеандр о ней не размышлял. Рассудил, что замысел по умерщвлению неугодных выстроил Стальной Палач, а некая женщина просто служила ему подельницей.

— Скажи, — Олеандр посмотрел на Эсфирь, — пребывая в пещере, ты ведь общалась с этой женщиной?

— Только с ней я и общалась. Каладиум со мной не говорил.

Вот оно! Олеандр с самого начала думал не в ту сторону. Почерк злодеяний потому и не похож на Каладиумовский. Похоже, ему загадочная дриада приказы отдала! Она же писала на аурелиусах. В одном из них говорилось о досаде, постигшей смутьяна, когда он узнал, что Мирт до сих пор жив.

Смутьян упомянул, что его раздосадовала весть. Но для Каладиума эта весть не была вестью. Он так не выразился бы. Он давно ведал, что правитель пощадил старого целителя. А вот загадочная дриада, живущая вне клана, не ведала. Видимо, узнала обо всём от Палача и его подпевал.

Проклятие! У Олеандра возникло стойкое чувство, будто происходит нечто большее, чем он способен понять. Его замутило. Не от боли. От странного тянущего чувства, осевшего в груди. Обрывкам мыслей пришлось долго блуждать в голове, прежде чем мозг сложил их в выводы.

Выходит, смуту посеяла загадочная дриада? Скольких вырожденцев она пригрела под листьями? Кто она такая, раз её волю вершит сам Стальной Палач? И каким боком к ним Аспарагус притёрся?

— Каладиум не назвал её имя, если что, — прошептала Эсфирь, невольно отвечая на немой вопрос Олеандра. — Он нарекал её «подругой».

— Малахит?.. — отскочил от скал ледяной возглас, и Эсфирь дернулась, как от пощечины.

— Глендауэр, твою ж!.. — Олеандр вздрогнул. — Ты хоть для вида чем-нибудь пошуршал бы, ну!

Брат заплыл в тоннель сродни призраку. Казалось, еще чуть-чуть — и сквозь плоть его просветят камни.

— Прошу прощения. Смеркается.

— Куда ты сейчас?

— За вами.

Вот так. Без раздумий и запинок. Что для Глена нес тот выбор? Жажду помочь, искупление? Возможно. Олеандр же узрел в его решении лишь глупую смелость. Он даже не обрадовался. Напротив — в крови забурлил гнев. Брат очистит совесть. А Олеандр

лишится ее, рискуя его жизнью в угоду страхам и желанию опереться на знакомое плечо.

А вдруг отец вернется?

— Еще один герой на мою голову, — пробурчал Олеандр. — Будто мне Сапфира мало! — Он перевел взор на Эсфирь и проговорил: — Ныне я исполняю обязанности правителя. Больше никто не посмеет тебе навредить, обещаю. У нас много раненых. Прошу, помоги.

— Я помогу, — после краткого раздумья вымолвила Эсфирь. — Но друзья мои пойдут со мной.

Сомневался Олеандр, что соплеменники встретят хинов с распростертыми объятиями. Но...

— Уверена, что они никому не навредят?

— Уверена.

— Хорошо. Идём.

Переосмысление

Отмахнувшись от жертв, вечер побежал дальше и окунулся в ночь. Ветра около Морионовых скал разбушевались страшные, пробирающие до костей. От холода всадников не спасали ни накидки, ни согревающие настойки. Казалось, природа предвосхищает бурю — вовсе не стихийную! — и силится обездвижить все и вся прежде, чем земля обagrится кровью.

Не то Олеандр таки сошел с ума, не то сказывалось изнеможение, но мысли в его голове крутились на редкость мрачные. Невыносимо стучала в висках кровь, а вскоре стук её разошелся по телу. Напрасно он тешился надеждой, что боль утихнет. Чем глубже элафия пробирались в лес, тем сильнее трещал череп. Он почти ничего не видел — только деревья и зелёные плащи, утяжеленные моросью. Рассудок, отравленный пережитым, бунтовал, отменяя раздумья.

Но главному вопросу всё же удалось его поработить. И звучал тот проще некуда: «Чего ожидать?»

Ежели хранители и сомневались в том, кто причастен к смуте, сомнения их затерялись — частично на дне мешка, куда упала брошь Птериса, частично в речах Эсфирь, поведавшей о встрече с Каладиумом.

Зелен лист, стражи питали к её словам недоверие. Но больше в силу опаски, нежели подозрений во лжи.

Против истины, как известно, оружие не выковано: Каладиум, Клематис и Птерис испарились друг за другом.

Первый сыграл чисто — не придерешься. Второй выдал себя в миг пожара. А третий обронил на поле брани фибулу. В гибелях дриад повинны вырожденцы, которых, как верно выразился Аспарагус, трудно держать под узды. И вот Каладиуму попалась девушка-целитель, способная взывать их к разуму.

Так и получилось, что он позвал Эсфирь туда, где воспитывает двукровных — к дриаде с золотыми глазами.

Кто эта женщина? Может, кочевница, которой Каладиум напел в уши сладких песен? Девицы ведь на него роями мух слетаются. Как сказал однажды отец Олеандра: «Каладиум не только виртуозный боец, природа вдобавок наградила его притягательным внешним обликом».

Словом, у него достаточно красивые лицо и тело, чтобы девушки упустили из внимания его двуликую сущность.

И все же Каладиум не стал бы слушать рядовую соплеменницу! Нет-нет. Глупый вывод! — Златые очи, — в очередной раз прозвенело сбоку, и Олеандр покосился на брата, чей скакун ступал рядом.

— Золотые глаза, — прошептал Олеандр. — У Азалии золотые глаза...

Возможно ли, что она жива?..

Мир перед глазами порвало на части. Проглоченные на скаку плоды запросились наружу, и Олеандр прижал кулак ко рту, загоня их обратно. Створки восприятия захлопнулись, и путь провалился в черноту неосознания.

Вскоре скакуны замерли у главных врат. Олеандр сжался, придавленный грузом неясного будущего и задумчивого молчания. Он помнил, как сопровождал Эсфирь к хижине.

Помнил, как увековечил на листе оттиск, написав, что отменяет приказ отца задержать Глендауэра.

Увековечил, омылся — и упал без сил. Набивка ложа просела, зашелестела под тяжестью его тела.

Сон все крепче сжимал Олеандра в объятиях, когда бессодержательную тьму расшевелил голос брата:

— Припомните давнюю беседу с владыкой Антуриумом. Тогда вы говорили о летописях и бойне близ Морионовых скал.

Вообще-то Олеандр не поддавался словесным внушениям. Но той ночью все пошло наперекосяк. Просьба брата набатом отразилась в ушах. И нужное воспоминание расчертилось в сознании.

В ту пору, когда погибли двукровные дети Азалии, Олеандру не стукнуло и двух лет от роду. Злоключения тётки прошли мимо него, но породили вопросы после прочтения летописей уже в сознательном возрасте. Отчасти интерес к её бедам подогрели подтертые строчки на страницах, где речи велись о бойне близ Морионовых скал. Отчасти — наречение Антуриума сеструбийцей. А ещё тем, кто вынес двукровным детям Азалии смертный приговор.

Все знали: бойню с детьми Азалии развязал Эониум по доносу Гинуры. Тут-то и всплывал вопрос — при чём здесь Антуриум?

Верить слухам все равно что портрет с закрытыми глазами рисовать. Олеандр решил не расспрашивать поселенцев. Он сразу обратился к отцу и спросил, по какому такому праву историки очернили имя правителя.

— Всё верно, — отвечивал тогда отец. Окруженный дымом благовоний, он сидел за столом на веранде. — Летописи не лгут.

— Что?! — Олеандр плюхнулся на стул.

Потрясение стекло по затылку каплей пота. Он расстроился, правда, сам не понял почему. Сердце обожгло какое-то неясное чувство, которому он никак не мог отыскать определения.

— Разочарован? — Отцу всегда было достаточно взгляда, чтобы прочитать его, как открытую книгу.

— Да не то чтобы. Не знаю...

— Ведаешь, порой я спрашиваю себя, — с улыбкой прошептал отец, — Антуриум, чем ты заслужил уважение сына? Пойми меня правильно, каждому отцу льстит мысль, что дети его превозносят, считают героем-миротворцем. Но ты, Олеандр, не склонен к предвзятому мышлению. Отнюдь, я сознаю, откуда растут корни этих чувств. Ты одиночка. Такие создания зависимы. Зачастую они испытывают болезненную привязанность к тем, кто удостоился их расположения. Они склонны упускать из виду дурные поступки близких и...

— Ты уходишь от разговора, — Олеандр зажевал щеку с внутренней стороны и насупился.

Отец тяжело вздохнул. Его лицо выражало подчеркнутое бесстрашие, но взгляд золотых глаз померк.

— Не ухажу, просто задумался, — отозвался он и добавил: — Битву с детьми Азалии и

Летá развязал Эониум. Мы с Аспарагусом отыскали их раньше, но предупредить о нависшей угрозе не успели. Заручившись поддержкой океанид, кои гостили в лесу вместе с Вауханом, владыкой Танглей, Эониум застал нас и дал внукам бой. Тогда я впервые осознал, какая опасность таится в крови вырожденцев. Тогда я оказался на перепутье и принял самое трудное решение в жизни. Десятки воинов из Барклей и Танглей пали. Эониум пал. Бразды правления коснулись рук моих в разгар сражения. Уверен, Азалия думала, что я остановлю бой. И я мог остановить его. Мог приказать хранителям отступить, сложить оружие, но...

Не приказал, — закончил Олеандр в мыслях. Большая часть головоломки в голове сложилась. Но врожденная упорность не позволила развернуться на полпути. Ответа на главный вопрос он не получил.

— Погоди-ка, — произнес он, не успев внять гласу рассудка, повелевшему умолкнуть. — Ты рассказал о детях Азалии. О битве. Океаниды задержали господина Летá по приказу Ваухана — это мне известно, Глен упоминал. Но что же Азалия? Ежели верить писаниям, она погибла от твоей руки. Вроде сбежать хотела. Ты погнался за ней, а затем вынес изувеченное тело.

— Ночь на дворе, — голосом, в котором ясно прослеживалось напряжение, выдавил отец. — Давай побеседуем в другой день, хорошо? Право слово, я очень устал и желаю предаться сну.

Не прошло и мгновения, как раздался хлопок двери. Столь же громкий, сколь и красноречивый, отражающий нежелание возродить разговор ни завтра, ни послезавтра.

В кои-то веки Олеандр без труда разлепил глаза и уставился в потолок. Моргнул раз, другой — и память провела ускоренную перечитку сна, не вместившего ничего, заслуживающего внимания.

Разве что Глендауэр теперь обратился занозой. В том смысле, что раньше Олеандр отмахивался от слов отца об одиночках, которые привязываются к существам, удостоившимся их благосклонности. А сейчас где-то рядом бродило подтверждение услышанного — живое, водно-ледяное.

Интересно, зачем Глен указал на давнюю беседу? Навряд ли из прихоти. Верно, он намекал, что в разговоре том скрываются ценные сведения, возможно, ответы на насущные вопросы.

А какие вопросы насущны? Кто есть та загадочная дриада? Каких ударов ожидать?

Предположим. Но беседа-то велась о том, как так вышло, что правителя клана дриад нарекли сеструбийцей.

Где связь?

Клятые океаниды! Ну почему нельзя выразиться прозрачнее, а?

Силясь ни о чем не размышлять, Олеандр натянул свежие рубаху и шаровары, которые некто благоразумно повесил на спинку стула. Подвязал волосы опояской и, соскользнув с ложа, обошел хижину.

Пусто. Ни Эсфирь, ни Глендауэра. И куда все запропастились?

Впрочем, разбежались — и ладно. Достоин ведь Олеандр передышки? Можно подумать, он раньше в одиночестве не пребывал. На столе вон чаши с травяным отваром появились. Прямо-таки грех не посидеть у окна, попивая ароматный напиток вприкуску с горечью

очередных потерь, верно?

— Благое вечера, — послышался за спиной ледяной голос, и Олеандр поёжился.

— Глендауэр, твое ж копыто! — воскликнул он, чувствуя, как сердце подпрыгнуло к горлу. — Просил ведь, ну! Я на тебя колокольчик повешу!

— Простите великодушно.

Брат выплыл из-за его плеча тихо, словно до сих пор сливался со стенами, а ныне надумал прогуляться. Его штормило. То есть ступал он криво, не по выстроенным линиям, а как придётся. Кроме того странно изгибался, будто в бока врезался ветер, и он пошатывался под его тычками.

Для иных существ выверенная ходьба — ремесло чуждое. Кто в здравом уме прокладывает линии шагов? Но океаниды — существа не от мира сего. Они себе не господа. И ежели они качаются, значит, размякли.

По правде сказать, Олеандр никогда не навещался в Танглей. Впечатление складывал, слушая рассказы брата и отца, из которых следовало, что океаниды-воины там вроде костей и вен в теле, а правитель — сердце. Ходили слухи, Танглей отражает собой единые плоть и кровь, слаженное оружие. Вырываются оттуда зачастую вперед ногами, а слово владыки превыше всего.

Да, океанид отождествляют с силой и мощью, точностью и хладнокровием. Но они заперты в клетках. Они распыляют свою неповторимость в угоду клану. Лепят себя под оттиск, искореняя различия.

Стоило лишь диву даваться, как Глендауэр, чья сущность стремилась в полет, сумел туда влиться и выжить.

Хорошо его выдрессировали. Беспощадно и, скорее всего, увековечив на душе шрамы.

Мысль обожгла и отрезвила. Олеандр уронил взор в пол, страхась, что разразившаяся в душе буря пробилла оковы плоти и затронула дар брата — считку, позволявшую улавливать переживания существ. К счастью, опасения не оправдались. Чужие терзания Глена явно не волновали. Куда больше его занимала собравшаяся в углу стола скатерть, которую он и принялся разглаживать.

— Ты спал? — Олеандр плюхнулся на подушку у стола. — Сколько ты бодрствуешь?

— Я предаюсь сну, Малахит, — вымолвил брат, водя ладонью по уже распрямленной ткани. — Не подолгу, но предаюсь.

— Ты растерян.

— Отнюдь.

— Глендауэр! Прошу вас!.. — выкрикнули они одновременно, и Олеандр вздрогнул — столько мольбы прозвучало в крике Глена.

— ...заклинаю, — голос брата упал до шепота, во взгляде отразилась неподдельная тревога, — извольте побеседует об ином? Не об оторопи моей. Боюсь, мысли мои, кои вы жаждете облечь в слова, слуха не усладят.

Олеандр открыл рот, намереваясь сказать «Излагай, не переломлюсь!», но слова сгинули, так и не родившись. Перед внутренним взором промелькнул лик матери, светом истины озаривший разум.

Нет. Пожалуй, Глендауэр прав. Не стоит Олеандру напирать — пожалеет.

— Гм-м... — Он выдохнул и прислушался к воздуху, струившемуся сквозь приоткрывшуюся дверь.

Снова посмотрел на брата. И вдруг понял, что Глен выглядит, как смертельно-уставшее

существо, подступившее к краю обрыва.

Он ведь тоже потерял семью, — подумал Олеандр. И, наверное, Глен не лгал, когда говорил, что дни и ночи его не благоухают покоем. Он и правда будто истончился. До сих пор не примирился с прошлым. Только заковал себя, разбитого на осколки, в напускную броню неприступности.

— Где Эсфирь? — спросил Олеандр.

— Исцеляет отравленных.

Тьфу ты! Еще одна дуреха! Вообще-то, прося о помощи, Олеандр не подразумевал, что Эсфирь надлежит плюнуть на сон и мчаться к захворавшим. Но разве она и здоровое мышление совместимы?

Интересно, она хоть немного поспала? Помылась? Или шастает от хижины к хижине, перемазанная в крови?

— Вы вспомнили? — Вопрос дался Глендауэру тяжело, будто он ножом выдрал его изо рта.

— Беседу? — Олеандр снова выдохнул и подхватил чашу. Ее прохлада остужала жар тела и мыслей. — Вспомнил. Но если ты на что-то намекал, я ничего не понял. Будь добр, изъяснись прозрачнее.

— Азалия жива.

Повисла тишина. Олеандр поднес чашу к губам и сделал глоток, смачивая пересохшее горло.

— М-м, — протянул он. — Так вот ты к чему вёл...

— Не сочтите за предвзятость, — журчал Глендауэр, очутившись рядом и уложив ладонь ему на плечо, — но почерк злодеяний отдает суматошностью. Поистине девичьей суматошностью, ежели позволите. Сынам Льда и Стали не пристало вершить месть столь картинно.

Да. Олеандр и сам приходил к выводу, что Каладиум действует чересчур показушно.

— Почему отец ваш ускользнул от ответа? — Глендауэр, крутанувшись вокруг себя, выступил слева.

И под взглядом его, подернутым морозно-ледяной коркой, Олеандр прошибли пот и дрожь.

— Прежде я думал, — голос дрогнул, — что он просто не захотел рассказывать, как убил сестру. Ну правда! Кому такое пришлось бы по нраву? Разве что отъявленным изуверам. Какой бы Азалия ни уродилась, где бы ни оступилась, для моего отца она — родная кровь.

— Истинно. — Глендауэр щелкнул на него пальцами и сел рядом, упершись локтями в стол. — Азалия приходится владыке Антуриуму сведеницей. Сестрицей, ежели слово то вам на слух привычнее. Сестрицей, кою он оберегал от ярости Стального Шипа, рискуя лишиться приязни его, а то и с жизнью распрощаться...

...Оберегал, а потом убил, — проскочила в сознании Олеандра мысль, поддетая крючком противоречия.

— ...Я беседовал с океанидами, — продолжал Глендауэр. — И вызнал, что правителя Антуриума и Азалию отрезало от сражавшихся. Воочию её смерть никто не видел. Отец ваш удостоил взорам выживших лишь изуродованное тело.

— Считаешь, он выдал случайный труп за труп сестры? — Олеандр вскочил и зашагал из угла и угол.

— Вероятно, — Глендауэр кивнул. — Он желал спасти сестру, Малахит. Желал спасти,

зная, что она породила вырожденцев. Истинно, он не остановил бой, дозволил хранителям умертвить её детей. Но Азалию он пощадил. Всё сходится. Подпиши на судных листах...

...А. — правитель клана дриад.

Претензия на власть по праву рождения. Двукровные отродья, которых Азалия грезила приручить. Причастность к смуте Каладиума, желавшего на ней жениться. Уход Аспарагуса, который тоже питал к ней недвусмысленные чувства. Эсфирь, поведавшая, что у спасительницы золотые глаза.

И еще много-много кусочков, которые Олеандр уже складывал в стрелку, указующую на тётку. Но потом вышвырнул, сочтя их иссохшими зёрнами, непригодным к проращиванию.

— Проклятие!

Осознание пронеслось по телу разрядами, и живот прилип к спине от накатившей дурноты. Олеандр шлепнулся на подушку. Подтянул колено к груди и уткнулся в него лбом.

— Будьте любезны, — резанул по слуху холодный голос, — отойдите в пристанище мёртвых.

Согласиться проще, чем сделать. Воплощение замысла требовало подготовки. Олеандру надлежало пересмотреть список дежурств и поставить у входа в пристанище мёртвых своего хранителя: ежели догадки не подтвердятся, поселенцам ни к чему знать, что наследник осквернил тело тётки-изменницы. А ежели подтвердятся — велик риск запятнать честь правителя.

Уж слишком тяжкие душу Азалии очерняли грехи, чтобы весть о ее возрождении не пала в народ костью. Поселение и без того стояло на ушах, невзирая на шнырявших всюду хранителей. Сведения о смерти Юкки и Драцены, а вдобавок — причастности к смуте былых подпевал Эониума — породили взрыв и вбили клин раздора между Стальнойю и остальными жителями.

То был яркий пример поспешного обобщения. Ловушка, в которую Олеандр тоже угождал. Выводы должны подкрепляться весомыми подтверждениями. Глен рассудил верно: хранители Стального Шипа долгие годы выступали врагами двукровных. Казалось бы, паре шелудивых скакунов не подвластно отбросить тень на Стальное стадо. Но какой там! Теперь все кому не лень кудахтали у кустов, что воины Эониума — криводушные гады, братающиеся с вырожденками.

Судачили о крылато-рогатой девице — божьем благословении, ниспосланным в лес, чтобы спасти его от гибели. Судачили о стае хинов, один из которых, Мрак, бродил за Эсфирь тенью.

О Глендауэре, Рубине, аурелиусах...

Одна девица — вот ведь наглость! — даже объявила, что Олеандру должно подыскать новую суженую, потому что Фрезия прослыла дочерью изменника. В ответ, прячась среди листвы, он выразил безмолвную надежду, что нахалка скроется с глаз резвее, чем он её придушит.

Судить дочь за грехи отца вздумала! Еще не хватало!

Фрезия, конечно, не белая пташка. Но неправильно клеймить ее позором лишь за кровь, бегущую по венам. Впрочем, не только за кровь, чего уж скрывать. О её прогулке в доме владыки дриады тоже вызнали. И Олеандр подозревал, что ежели случится чудо и они выживут, невероятно важное мнение поселенцев врежется между ним и Фрез пронзающей небосвод стеной.

Возбраняется наследнику клана жениться на девушке, чьему отцу вменяются в вину предумышленные убийства. Возбраняется ступать рука об руку с той, что позабыла о границах дозволенного.

К слову, Фрез до сих пор лежала в лекарне. Олеандр выставил рядом стражей отца, чтобы — упаси Тофос! — на нее не накинлись безумцы. На подмогу пришла и Эсфирь. По её просьбе в поселение впустили десяток хинов, и улочки близ лекарни вымерли. Живущих рядом расшвыряло по норам. А те, кто невольно подступали к оцепленной территории, завидев чадающие туши, сворачивали на другие тропы — будто вспоминая о важных поручениях.

Решающий миг близился, и сборы шли полным ходом. Нагрянуть в пристанище мёртвых решили к ночи, когда суматоха поутихнет. Чуть раньше возвратились стражи и Сапфир. Как и ожидалось, в погоне за Птерисом удача им не улыбнулась. Зато они видели на скалистых

тропах вбитые в гравий копытами элафия темно-алые перья.

— Феникс? — спросил Глендауэр, снова незнамо как и откуда появившись в комнате.

— Может, с Птерисом летел выродок-феникс? — Сапфир обмяк на стуле. Его раненое крыло подергивалось, сводимое судорогами. — Или... О-о!..

Он так и замер с открытым ртом. Складывая в мешок скребки и кирки, Олеандр бегло на него покосился. По-видимому, догадки их посетили схожие. Вот только много ли в тех мыслях правды?

— Что? — Глендауэр тронул красное перо на столе и поглядел на них обычным взглядом непрошибаемой льдины.

Сапфир обратил взор к Олеандру:

— Рубин мог обрести крылья?

— Предположительно? — Олеандр дёрнул щекой. Затянул шнурки на мешке и вздохнул. — Мог. На деле? Не ведаю. В любом случае, гадать нет смысла. Сосредоточимся на главном, хорошо?

Возражений не последовало. Поэтому вскоре они выскользнули из хижины и отправились к пристанищу усопших. Под сапогами заскрипела листва, заломались ветви. Олеандр ступал первым. За ним, нависая тенью, шествовал брат. Сапфир поспевал сзади. Мелкими перебежками, прячась за вздымающимися корнями Древа, они пересекли главную площадь. Шмыгнули в просвет между домов и побрели вдоль ограды, чтобы не привлекать внимания.

Вначале шли осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Но чем дальше их уносили ноги, тем резвее становилась поступь — мало кого прельщали прогулки у входа в усыпальницы. Вокруг не ютилось ни души.

Олеандр раздвинул занавес лоз и вынырнул на пяточок, откуда тянуло холодом — не спасали ни подбитый шерстью плащ, ни деревья, выстроившиеся кругом. Вооруженный до зубов Зефирантес топтался у квадратного люка с таким видом, будто на него надвигалась армия врагов. В левой руке он сжимал меч. Правой то и дело цеплял палицу, торчавшую из-за плеча. Его взмокшие от пота кудри выглядывали из-под налобного платка.

Олеандра так и подмывало завить и выдать что-то вроде «У-у-у, твое время пришло, сдавайся на милость духов!» Но что он, малое дитя? Канули в прошлое деньки, когда он смеялся над страхами приятеля. Ныне разум все чаще посещали мысли, что многие из собранных о мире сведений — и не только о мире! — либо ложные, либо перевернутые. Да что там! Олеандра тоже была дрожь. Есть от чего расшататься нервам, ежели идешь осквернять труп тётки.

Он подтянул сползавшую с плеча сумку. Завернулся в плащ и поковылял к приятелю, чувствуя на затылке морозное дыхание, слыша шелест крыльев. Зефа о замысленном он заранее уведомил, потому тот не выдал и звука. Только поглядел на Глена, как на протухшие помои. И посторонился, бурча что-то о предателях и двоедушных мерзавцах, которые совращают чужих жен.

На миг сквозь ледяную маску, заменявшую Глендауэру лицо, прорезалась обеспокоенность. Но он взял себя в руки столь же быстро, сколь Сапфир подцепил и открыл люк. Древесная крышка со скрипом распахнулась, будто выбитая порывом ветра. И четыре пары глаз уставились в зев открывшегося прохода — на винтовую лестницу. Казалось, она в преисподнюю утекала.

Златоцветы на земляных стенах мигали и затухали, словно кто-то приказал им

запугивать вторженцев.

— Ну-у, это самое, — раскатился по двору бас Зефирантеса. — Идём, да? Или обождем ещё?

— Чего ждать-то? — Олеандр перетащил ногу на первую ступень.

Гибель друзей и тягостная ночь, полная тревожных воспоминаний, сказались на нём дурно. Спускаясь по винтовой лестнице, он даже не оборачивался. Просто шёл вниз, в шелестящий полумрак. Добрался без происшествий. Добрался и уперся в стену, сотканную из древесных отростков. И обернулся. Моргнул, оглядывая пустые ступени в двух шагах.

Сапфир, как они и договаривались, остался наверху. Глендауэр замер на середине лестницы. Но где третий-то потерялся?

На ладонях вспыхнули зеленые огни. Олеандр оглядел стену, потом снова обратил взор к лестнице и на миг ослепил приятеля светом чар. Зеф, вывалившись из-за поворота, попятился. От него несло вином и чем-то поядренее. Он что, глушницы по дороге нахлебался?

— Зефи, прошу, соберись, — вымолвил Олеандр. — Быстрее начнём, быстрее закончим.

— У-у-у, — взвыл Зефирантес. — Там же призраки водятся! Драцена и Юкка погибли. Хины по поселению бродят, теперь это... Я ведь не железный! Только-только от яда отошёл. Чего ты братца с собой не позвал?

— Нет там никаких призраков! — буркнул Олеандр. — А позвал я тебя, потому что ты резьбой по дереву увлекаешься. Ты представляешь, во что тот труп превратился? Он уже весь одеревенел, чистить придётся.

— Ты хоть знаешь, как тетка твоя выглядела?

— Знаю. Отец пару портретов сохранил. Один я видел. Но не думаю, что нам это поможет. Одеревенение зачастую искажает. Ежели не поймем по лицу, будем метку изгнанницы искать.

— Чего?

— Азалия отрезана от рода Примы и Аканта, — пояснил Олеандр. — Дерево помечает таких дриад. Клеймо сохраняется и после смерти.

— Ладно, я спокоен, — произнес Зеф тоном, который отражал что угодно, кроме умиротворения.

Олеандр только покачал головой и метнул в стену чары. Узел за узлом плетение распутывалось, виток за витком разевало пасть в обитель вечного сна и успокоения. По издевке судьбы, тишина внутри густела гробовая. Ни звуков, ни движений — словом, ничего, кроме леденящего кровь безмолвия. Тысячи древесных корней пронизывали земляные пол и потолок. Скрученные в жгуты и косы, толстые и кривые, они сплетались в необъятные коконы.

Издали казалось, что пристанище мёртвых усеяно коконами и гнёздами гигантских насекомых.

Азалию захоронили вдали от Вечного Древа. В отгороженной забором зоне, к которой запрещалось подходить без нужды.

Вот туда-то Олеандр и пошёл, стараясь не обращать внимания на застывшие в корнях лица и силуэты.

— На кой ты Глендауэра в поселение притащил? — бубнил Зеф, пока они плелись по узкой тропе. И захороненные в корнях взирали на них с неммым укором. — Не страшишься, что он снова что-нибудь натворит?

— Не ведаю, Зеф, — Олеандр считал удары сердца, на удивление громкие. — Мне сложно развязать этот узел. Мы с ним уже не братья, но и врагом я его назвать не могу. Когда он рядом, мне легче думается. Он будто направляет мои мысли, приводит их в порядок. Так всегда было.

— Ну-ну, — проворчал приятель. — А Эсфирь где?

— Пытается помочь Фрезии, — Олеандр замер у высокой калитки, толкнул её и шагнул за ограду. — Что-то там не выходит у неё, просила лишний раз не тревожить.

— Скоро все наши полягут...

— Не нагнетай! Я и так еле на ногах держусь!

Взгромоздившийся перед ними корень отбил тягу к беседам. Златоцветы на заборе вспыхнули, освещая алую ткань, которой его прикрыли. Сумка упала на землю, лязгнув инструментами. Олеандр замер. Подцепил ткань — и вот глазам предстала вросшая в древесный отросток женщина, застывшая бочком почти что в танце — того и гляди подхватит вуаль и закружится.

— Гм-м. — Олеандр закусил губу, оценивая её высокую грудь, узловатые пальцы и круглое лицо.

Круглое! Уцепившись за первую несостыковку, он смежил веки и восстановил в памяти портрет Азалии. Дочь Стального Шипа походила на хищную птицу. От отца она унаследовала нос с небольшой горбинкой, чуть вытянутое лицо со впалыми щеками, густые брови вразлет.

Олеандр сравнил тётку с женщиной, застывшей в корнях. И внутренний критик шепнул: «Лицо отличается». С другой стороны, одеревенение порой искажало. Утверждать, не ведая наверняка — затея гиблая. Поэтому он вытряс из сумки скребки и вручил один из них — тот, что побольше — приятелю.

Чтобы добраться до лица дриады, Зефу пришлось взобраться на переносную лестницу — к счастью, этого добра тут хватало. Олеандр в свой черед соскребал стружку с руки женщины.

Закипела работа. Какое-то время безмолвие нарушали лишь тяжелые вздохи и треск, с которым откалывалась кора. Тонкие древесные огрызки сыпались, обнажая светло-бежевое лицо, запыленное и словно приплюснутое.

— Все равно не уверен, — Олеандр стёр со лба влагу. — Слезай, на клеймо вся надежда.

Запястье дриады оказалось чистым. Он срезал стружку до локтя. Тщетно. Принялся оголять вторую руку — просто на всякий случай, вдруг ошибся?! Но чем больше ошметков осыпалось, тем явственнее становилось осознание, что корень приютил не дочь Эониума.

Чисто! Никаких меток! Сердце Олеандра пустилось вскачь. Больше он не осмеливался донимать чужой труп. Скребок выпал из рук, и он отвернулся к забору, не веря, что истина столь беспощадна.

— Дела-а... — Пот градом катился по лицу Зефа. — Знамо дело, прав ты. Не с Каладиумом мы воюем.

— Не только с ним, — поправил его Олеандр, оглядывая грудку древесных ошметков у сапог.

— Что ей нужно?

В ответ Олеандр вынул из кармана один из аурелиусов и ткнул в подпись: А. — правитель клана дриад.

— Власть, полагаю, — едва слышно проговорил он. — Но Азалия отрезана от рода

первозданных. Восстановить её в правах подвластно либо мне, либо отцу. Иного не дано. Меня пытались убить, значит...

— Правитель Антуриум жив! — догадался Зефирантес.

С души будто камень упал, Олеандр протяжно выдохнул.

Часть 3. Эхо былых чувств

Говорил Каладиум мало и редко. На вопросы отвечал либо уклончиво, либо паскудной улыбкой. Зато охотно внимал, когда Аспарагус допытывался, куда они держат дорогу. Известное дело, слова улетали в пустоту, посему вскоре он сдался на милость судьбы и притих.

Пять рассветов канули в безвестность с того мгновения, как белокрылая вырожденка и хины едва не отослали их к праотцам. А ежели двое существ, питающих друг к другу не самые лестные чувства, вынуждены существовать бок о бок, огни напряжения между ними полыхают смертоносные.

Зелен лист, Каладиум спал и видел, как Аспарагус испускает дух, харкая кровью и моля о пощаде. Аспарагус, в свою очередь, силился оттеснить тревоги. Жаль, выходило плохо— поди утихомирь мнительность, деля седло и ночлеги с безумцем, кой потрошит тебя в мечтах аки чучело. Право, с тем же успехом можно хвататься за ветвь, надломленную и подожжённую.

И все же куда отчаяннее сознание подтачивали иные заботы. Ныне Аспарагус словно по гнилой балке ступал, протянутой через пропасть. Чувства и помыслы походили на ворох листьев, гонимых ветром. Мнилось, он не отступал от свершенного выбора, хранил верность клану и правителю. Но теперь память все чаще взывала к прошлому, а жажда узреть милый сердцу лик иссушала с удвоенной силой.

Знал он, что Азалия целехонька. Знал, что Антуриуму не хватило подоплек и духу её покарать.

За какие грехи? Вестимо, таким вопросом он задавался, позволяя сестре улизнуть.

В глазах Эониума и соплеменников она отражалась изменницей, коя спуталась с океанидом и породила вырождков. А Аспарагус и Антуриум видели её жертвой— жертвой нерадивого лекаря, повального отчуждения, предвзятости.

Верно толкуют: за каждым изувером таится своя трагедия. Не урождалась Азалия с клеймом отступницы. Её искалечила жизнь, отравленная несправедливостью. Жизнь. И они — дриады.

Аспарагус кашлянул, пробегая глазами по округе. Кругом царствовали тишина и плотная дымка, еще не исшитая лучами солнца. Сквозь туман проступали очертания лысоватой роци. Редея, она тянулась к землистому склону, у подножия коего раскинулся пруд, затянутый ковром цветения.

Карту родного полуострова Аспарагус изучил от корки до корки. Но ныне угодил в слепое пятно— необжитую местность, коя отваживала кочевников тишью и смрадом. По прикидке, роца простилалась к северу от Барклея. Дорога до ближайшего клана — Вальтос — отняла бы у наездника день, а то и полтора. Потому как скакать ему пришлось бы, огибая цепи смрадных водоемов.

Госпожа Удача потворствовала бы путнику, кой захватил бы с собой прищепку для носа. Аспарагус не захватил. Посему заглывал воздух ртом— жаль, от слезоточивости то не спасало.

Изнурение ломало плоть столь же сильно, сколь и неотступно. Ощущалось ярко, как отсутствие конечности. Аспарагус завёл элафия под листовенные кроны и спешил. Каладиум стёк на землю следом. Улегся на спину и приложил к носу клочок ткани,

пропитанный, судя по сладковатому запаху, духами.

— Погляжу, что там с водой. — Не дождавшись ответа, Аспарагус подступил к склону.

Огибая ямы, спустился к пруду и замер. Скользнул взглядом по обломкам птичьих костей, по цветению, укрывшему воду. Почва здесь совсем размылась, отсырела, впитав зловонную влагу. Аспарагус всё тщился отдаться во власть раздумий, поразмыслить, какой встретит Азалию, но мысли обрывались, рассеиваясь то в заунывном чваканье, то в шлепанье лап по грязи.

Цветение у берега проредилось. Вода пошла пузырями. Аспарагус едва отшагнул, как из пруда вынырнули тощие чешуйчатые лапы. Крючковатые когти врѣзались в почву, подтянули обляпанную илом плоть. Лысый, с глазами навывкате и мясистыми губами, уродец наострил уши-плавники. Выбрался и проскакал мимо на четвереньках. Нырнул в одну из ям, усеявших берег.

— Найпан? — Аспарагус углубился взором в колеблющуюся дымку наверху, а следом отнял руку от меча и отошел от пруда.

Не до того лютая его мучила жажда, чтобы он смочил горло водицей, от запаха коей сводило челюсть.

Он проверил водоем — та еще работѣнка, учитывая, что недавней ночью он век не сомкнул. Страшился пробудиться с кинжалом в спине и принять единственно-благоую вестъ — мучения, как и жизнь, скоро кончатся.

Чувствуя себя старцем, коему для полноты картины не достает бороды и посоха, Аспарагус снова замер и побарабанил пальцами по ножнам. Сгорбленные, похожие на недоразвитых детенышей, найпаны повывлазили из ям, зарыскали по округе. Очи у них сверкали, как у хищников, загоняющих глупцов в ловушки.

Не ведай Аспарагус, что по природе они трусливы и убоги, рассудил бы, что назревает битва.

Найпаны бдели за ним — словно кто-то науськивал их, приказывал тень в тень слоняться за незванным гостем.

К счастью, склон к пруду примыкал пологий. Взобраться на него труда не составляло. Поэтому спустя миг Аспарагус уже брел по рощице выверено и плавно, стараясь позабыть об увечьях. Чваканья позади не утихали — напротив, крепили и крепили, затмевая разум чернью подозрений. Еще издали он понял, что трава, куда прежде улегся Каладиум, пустует.

Элафия дремал ровно там, где привязали — у подсохшего дерева. А вот треклятый лицедей испарился. Куда, любопытно? Справить нужду? На побег требуются силы, кои у Каладиума отжимали ранения. Былым вечером он едва ли с седла не валился. Хромал. Истекал жаром и отдирали от порезов повязки. Далеко ли уволочит кости столь немощный дриад?

Нелепость!

— Каладиум? — выкрикнул Аспарагус. И дурное предчаяние холодным комом заворчалось в груди. — Путь наш окончен, истинно? Стало быть, здесь-то вы и обжились? Ты натравил на меня найпанов? Нет... Дриада они не послушают. А кого послушают? Наяду, верно? Или... выродка наяды?

— Избавьтесь от этого умника! — усыпил тишину ломкий возглас, и Аспарагус вытащил из ножен меч.

Оценить, откуда донесся призыв, не вышло. Зато вышло резануть по привязи и пустить скакуна наутек — тоже недурственно, ежели взять в расчет, что очутились они рядом с

гнездом вырожденцев.

Уродцы повыскакивали из-за деревьев. Ринулись в драку, как одуревшие. Аспарагус напружинился, поднимая напоказ лезвие. И стоило твари прыгнуть, резко ушел в сторону и полоснул по выступающему брюху.

Вечер сотряс хоровой визг: второй найпан цели тоже не достиг. Прежде ниспал, тцась содрать врезавшуюся в глотку лиану.

Так они и барахтались на пару под звучное шлёпанье удирающих собратьев. Первый, шипя и посвистывая, цеплялся за траву. Шлепал хилыми ручонками по крови, натекшей из пуза. Другой перекатывался с боку на бок, впиваясь узловатыми пальцами в удавку.

— Азалия! — прокричал Аспарагус, и крик залетал от ствола к стволу, пробуждая эхо.

Ноги вели его по кругу. Глаза и уши считывали малейшие колыхания и шорохи, ибо поблизости в тумане пряталась угроза посерьёзней. Он ждал, когда двукровная себя выдаст.

И вот коричневые чары — гарпия! — вспыхнули и заискрились, поглощая густеющий в листве мрак. Струя воздуха, подогнанная хлопком крыльев, врезалась бы Аспарагусу в грудь, но он ускользнул от нее в повороте.

Удар пришелся на дерево, и оно содрогнулось. Дрожь прошибла его от корней до вершины.

— Азалия! — проревел Аспарагус, как вдруг слух потревожили хлопки ладоней.

— Эсен, будь добра, вернись в логово... — произнес голос, расшевеливший застарелые воспоминания.

— Азалия...

— ...а ты брось железку.

Придушенный уродец до сих пор хлюпал. Аспарагус чиркнул мечом по его горлу, повлекая за собой безмолвие.

— Bravo! — долетело из-за спины. — Ежели я напишу историю жизни, обязательно упомяну, как ты разделся с найпанами.

— Много чести.

На мгновение среди деревьев показалось узкое лицо в обрамление зеленоватых, напоминавших тину, волос. Сверкнула белым клыкастая улыбка. И вырожденка, шелестя крыльями, скрылась в тумане.

Гарпия-наяда, — понял Аспарагус.

Время текло. Меч давно покоился у ног. А он, как юнец какой, все не смел прервать молчание.

Не изгнанница восседала на краю ямы — правительница, снизошедшая до беседы с подданным. Один ее взгляд — острый, как укол иглы — рассыпал по коже мурашки. Годы бродяжничества не пощадили Азалию. Они вычли из нее толику мягкости и напитали упрямство и властность. За хрупким телом ныне скрывался стальной, поросший шипами стержень. Изумительно, но одеяние ее не дышало бедностью. Широкий пояс в две ладони окольцовывал талию, отчего темно-алая блуза плотно прилегала к телу и подчеркивала грудь. На запястье темнела бархатка, кою окаймляли кружево и золотые снежинки, само собой, дар Лета.

Зелен лист, за украшением Азалия скрывала клеймо — рассеченный посередке листок, метку Вечного Древа.

Видит Тофос, единственным, что выдавало в ней отверженную, были не по возрасту увядшая листва и плечи, поникшие и ссутуленные. Помнится, Эониум извечно внушал

Азалии, что об осанке надобно думать смолоду, иначе потом жизненные невзгоды изогнут позвоночник дугой.

Изогнули, — подумал Аспарагус, а вслух выдал:

— Ты постарела.

— Ну, знаешь, — Азалия сдула со скулы локон, оголяя пересекший щеку шрам, — ты тоже не цветешь молодым цветом.

Она поднялась и водрузила остроносый сапог на бревно. Сверкнула глазами, чудилось, отлитые из чистого золота.

— Итак, — продолжила она, поигрывая с кисточкой на поясе. — Веришь, я скучала по тебе. Никто не умеет глядеть столь пронзительно. Но!.. На кой ты сюда наведалься, м? Слыхала, вы с Антуриумом теперь заклятые друзья, почти братья. В самом деле, истина — упрямая вещь, Аспарагус.

— В изложении Каладиума? — поинтересовался Аспарагус. — Что ж, возможно, не спорю. Истина в устах повествующего, Азалия. Правды не существует, существуют разные точки зрения.

— Желаете, чтобы я выслушала твою?

— А ты позволишь мне высказаться?

Ухмылка стерлась с её лица, уступив место задумчивой отстраненности. Она отвернулась и картинно возвела взор к небу — общение с Каладиумом сказалось на ней дурно.

— Идём. Послушаю.

И юркнула в яму.

Аспарагус так и не поговорил с Азалией. Она позволила ему спуститься под землю и попросила подождать. Пятерых вырожденцев он встретил, пока ступал за ней тенью. Спросил, скольких двукровных она пригрела под листьями. Но ответа не получил. Она только ухмыльнулась — едва заметно, опустив взор, и тени от ресниц задрожали на её веках.

Третью ночь кряду Аспарагус томился в затхлой, пропахшей сыростью пещере под покровами почвы, где вырожденцы прорыли тоннели и логова. Нашлось между их убежищем и лесным поселением кое-что общее. Во-первых, и там, и там чужак заплутал бы без провожатых. Во-вторых, галдёж двукровных порой терзал уши столь же нещадно, сколь и трёп дриад, гадающих поутру, женит Фрезия на себе Олеандра или тот раньше умом пошатнется.

Видят Боги, смеживая веки, Аспарагус порой даже терялся, не понимая, где пребывает.

Ещё и мысли не давали покоя. Вспомнилось время, проведённое с Азалией.

Вспомнились слова владыки Эониума:

— Женившийся на ней познает, — изрёк он лишь однажды, прозрачно намекая на дочь.

Изрек, снедаемый гневом — и как в воду поглядел. Ведал бы он тогда, что слова его явятся пророческими, наверное, выколол бы очи всем, кто упивался очарованием Азалии дольше положенного.

Истинно, радости благословлённого брака она не познала, но мужчин завлекала в сети играючи. Любых. Не только тех, кои вздыхали ей вслед, питая недвусмысленные побуждения. Многие шли ради нее на риск. Многие свершали глупости без оглядки на

последствия.

Каладиум, Аспарагус, Летá, Антуриум... Даже владыка Эониум, милостивые Боги!

Стальной Шип, кой выносил смертные приговоры быстрее, чем пылинки смахивал, вызвав об утехах дочери с наследником Танглей, избрал ей в наказание отречение от рода и изгнание, но не казнь. По-разному расценили его деяние. Преимущественно дриады сошлись во мнении, что гибель — кара шадящая. Долгое время Аспарагус придерживался мнения схожего. Но чем дольше созерцал метания владыки, чем чаще утихомиривал его, когда кто-то кланялся ему не столь низко, сколь приписывали устои, тем гуще разум заплотнялся сомнениями.

Был еще один поборник того решения: Тень Океана — Ваухан, былой правитель Танглей, отец Летá. Рассуждать о его решениях все равно что на чужбине свои устои диктовать.

Но Эониум... Из всего вытекало, он попросту пощадил дочь и отпустил в свободный полет.

Ведал бы он тогда, что она падет на дно, наверное, казнил бы её. Словом, обратился бы к мечу расправы — надежному, никогда не подводившему оружию, кое раз и навсегда отсекало тягу к бунтарству.

Ведь позднее Азалия и Летá подарили жизнь двукровным детям.

Аспарагус прищелкнул языком, гоня прочь безотрадные мысли. Безуспешно. Размышления оголили замшелую боль. Крах эпохи Стальных Шипов мог бы связать их с Азалией узами близости. Мог бы, ежели бы ранее на пути Азалии не встретился Летá, ежели бы она не понесла от него.

Что за дрянные мысли? Аспарагус едва не наградил себя пощечиной. Ужель в нем до сих пор теплятся чувства к Азалии? Спустя столько лет? Ну не глупец ли он? Не безумец ли?

Чтобы восстановить душевные опоры, пришлось воззвать к разуму и припомнить, чья кровь бежит по его венам.

Ожидалось, что Каладиум появится в мгновение ока, засыплет Аспарагуса руганью, проклятиями и плевками. Но нет. Только накануне, когда из коридоров потянуло кровью, откуда-то сверху прозвенел его истощенный вопль:

— Мы договаривались!

— Я обещала подумать, — сухо, даже безразлично ответила Азалия.

— Можно мне уже поесть? — вклинился в разговор третий — похоже, подросток.

— Нет, — отрезала Азалия. — Сперва приведите в чувства огневика, потом возьметесь за трапезу.

Огневика? Аспарагус моргнул. Вдалеке что-то шлепнулось — будто кусок сырого мяса кто уронил. Он ума не прикладывал, что там творилось. Но восполнять пробел в сведениях не торопился, ибо в неведении — благо.

Крутящаяся голова ничего не видит, — сказал ему однажды Антуриум. — Выборы, кои существа свершают в спешке и суматохе, размениваясь на все и сразу, чаще ошибочны, неразумны.

Зелен лист, соседство с исхудавшим ведром, куда предлагалось справлять нужду, угнетало. Но Аспарагус не спешил высовывать из пещеры носа — не спешил ровно до тех пор, пока ноздри не защекотал запах духов. Рядом послышался шелест шагов, и Аспарагус вышел в коридор. Но тут же отступил обратно в нору. Каладиум пронесся мимо столь стремительно, что плащ его надулся крылом, а каблук сапог наплодили в почве вмятин.

— Постой! — крикнул ему вдогонку Аспарагус, и собрат замер, словно в стену уперся.

— Ты! — процедил Каладиум и обернулся. Он сжимал и разжимал кулаки, казалось, выжимая омывающую пальцы кровь. — Стало быть, ты доволен? Счастлив, надо полагать? Не обольщайся. Своей смертью все равно не подохнешь. Пощадив тебя, Азалия лишь уважила прошлое.

Аспарагус выдохнул и посмотрел на бывшего сослуживца. На знакомое лицо, достойное героя любовной повести. На броские, полные неприкрытой боли, глаза в сети кровоподтеков.

И спросил:

— Было время, когда ты нарекал меня приятелем?

— Что за?..

— Просто ответь.

От срывающихся с ладоней Каладиума капель на земле множились темно-багровые пятна.

— Было, — произнес он и скривился, будто не слова из себя выдавливал, а жизнь выбивал удар за ударом. — По юности.

— А потом?

— Потом? — Каладиум хмыкнул и громче выдал: — А то ты не ведаешь, что было потом!

— Владыка Эониум оказал мне честь, — вымолвил Аспарагус. — Я ступил на должность архихранителя. В этом дело?

— Должность — дело сорок пятое, Аспарагус. — Печаль глубокой тенью залегла под глазами Каладиума. — Это была последняя капля. Эониум слепо благоволил тебе. Он толкал тебя везде и всюду, выделял, ставил в пример. Я до сих пор гадаю, какой бес его тогда попутал. Чем ты заслужил его расположение? Чем?! Наверное, я никогда этого не пойму.

Как не поймут и другие, пока я храню молчание, — подумал Аспарагус, поправляя маску.

— Не только я подвёл Стального владыку, — ответил он. — Думаешь, он возрадовался бы, узнав, что ты учудил ныне?

— Он мёртв, — Каладиум отвёл взор. — И стальные устои мертвы. Благодаря Антуриуму, коего ты так любишь. Но ещё не вечер...

Ах, вот оно что! Стало быть, он решил, что Азалия желает возродить Стальные устои? Слепец! Влюбленный идиот! Право, ошибиться сильнее Каладиум попросту не сумел бы.

— ...Разговор окончен, — бросил он.

Ни брызганья праведным ядом. Ни отвратной ухмылки и издевок. Краткое «разговор окончен» — и все. Живописно взмахнув накидкой, Каладиум скрылся в соседнем, залитом тишиной тоннеле.

Бессмыслица! Какая мантикора его укусила? А что занятнее — в чьей крови он измарался? Отчего выглядит так, словно все его вычурные одеяния и драгоценности сгнули в пучине океана?

— Хм-м... — Аспарагус скользнул взглядом по багряным каплям, кои стелились в обе стороны кривыми узорами.

По столь явному следу разве что слепец не нашел бы искомое. Но он медлил, помня, что поблизости прячутся выродки. Да и отсутствие меча бравады не прибавляло.

Быть может, окликнуть Азалию? Где она?

— Глупо. — Аспарагус сорвался с места до того быстро, что огонь свечи на стене сжался до крохотной точки.

Азалия сказала, что он не узник, двери для него распахнуты. Но лучше бы ему дожидаться её, потому как двукровные есть двукровные: ударит в голову безумие — и песнь его спета.

В полумраке коридоров терялись очертания пещер. Не слышалось ни бесед, ни ругани. Аспарагус миновал с десятков поворотов, а картина не менялась. Везде его встречали тоннели и подсвечники, увитые резьбой застывшего воска, изредка — толстые бревна, коими подперли потолок.

На очередной развилке он приостановился, сверяясь со следом. Подался к нужной дороге и замер.

Юная двукровая, еще одна гарпия-наяда, отодвинула огрызок коры, прикрывавший вход в пещеру. Вынырнула из логова, волоча кожистые крылья и подкидывая чей-то... палец.

К её залитым кровью щекам прилипли волосы, когда она слизнула с него кровь и скрылась во тьме за поворотом.

Видимо, некоего огневика растрясли, — рассудил Аспарагус. Отогнав тревоги, он немного выждал, затем скользнул в пещеру и проглотил вздох. Зверски истерзанные существа, схороненные там, были ему знакомы. Он наткнулся на сослуживцев, соратников Каладиума — Птериса и Клематиса. У одного не доставало кисти, левая половина тела превратилась в крошево, ощерившееся костями. Другой выглядел краше. Но и его знатно искромсали, трудясь урвать кусок пожирнее.

Огни свечей плясали на огрызках плоти, выхватывая из кровавого месива отблески мяса и прожилок.

Всё обрело смысл: и неожиданные податливость и откровения Каладиума, и его недавняя ссора с Азалией.

— Боги, — Аспарагус выдохнул сквозь стиснутые зубы. Мнилось, давно очерствевшее сердце застучало часто-часто, как у до смерти перепуганного силина. — Почему они? Не понимаю.

— Ты и правда не понимаешь? — просвистел за плечом шепот, сопровождаемый цокотом каблуков.

— Прости мою неосведомленность. — Он поглядел через плечо. Азалия уже стояла на пороге, неподвижная, как манекен. — На объяснения Каладиум не расщедрился, вдобавок ныне он и сам потрясен. Птерис и Клематис...

— Вершили для меня правосудие, — кивнула она. — Помогали. Но преданность мне доньше не умаляет их былых провинностей. Цепь роковых случайностей написала историю моей жизни, Аспарагус. Выборы, невежество и стремления тех, кто губил меня, отравлял существование на протяжении долгих лет. Полудурок-лекарь, посыльный, отец, брат, хранители...

— Стальные воины? — уточнил Аспарагус. Неспешное смыкание век служило подтверждением. — Поясни.

— Сражение близ Морионовых скал. — Голос Азалии огрубел, кромсая, как осколки стекла. — Припоминаешь? Стражи Эониума и Ваухана убили моих кровных детей. Не знаю, кто именно. До океанид мне не добраться. Пока что. Но лесным я отомстила. Почти всем. Клематису и Птерису в том числе.

— Почти?..

— Не догадываешься, кто изприговоренных до сих пор дышит?

— Антуриум.

— И?..

— Я?

Годы, проведённые бок о бок с Летá, не прошли для Азалии даром. Аспарагус до пощипывания в глазах смотрел на неё, но безрезультатно — она не выдала ответа ни лицом, ни жестом. Пожалуй, у многовековых ледников Танглей скорее прощупалось бы биение жизни.

— Сын Антуриума, Олеандр, — вымолвила она и, развернувшись, упорхнула за стену. — Идём. Эсен...

Крылатая девица, коя до сих пор топталась где-то сбоку, шмыгнула за ней, звякнув пряжками обуви.

От запаха крови, утяжеленного сыростью, у Аспарагуса уже завитки ушей сворачивались. Он еще разок оглядел павших собратьев и последовал за удаляющимся стуком каблуков.

— Думаю, он ещё жив, — добавила Азалия. Эсен брела за ней, дышала в затылок и укрывала, словно щит. — Этого мальчика небеса берегут. В бою с Герой и Вией выстоял. Недурственно.

— Ему помогли, — пояснил Аспарагус, шагая за ними и стараясь не наступать на крылья двукровной.

— Та девчушка? Эсфирь?

— Истинно.

— Удивительное создание. Жаль, она не с нами. Ты ведаешь, кто она?

— Понятия не имею.

Пещера, куда они зашли, мало чем отличалась от других убежищ. Разве что выглядела чуть опрятнее. Затоптанный, штопанный-перештопанный ковер укрывал пол. У стены громоздился тяжелый стол, на коем покоились перья для письма, алели два аурелиуса, сверкая кляксами чернил.

— Чего притих? — Свечи на стенах мигнули, когда Азалия уселась на табурет и закинула ногу на ногу. — Изумлен, что до сих пор дышишь? Ты ведь тоже воин той резни у Морионовых скал.

— Беглец, — поправил Аспарагус. Он покосился на замершую в проходе вырожденку. — Я не сражался.

— Верно. Потому ты и жив.

— Лишь поэтому?

Зрачки Азалии расширились, перекрывая золотую радужку. Она разомкнула губы и сомкнула. Вопрос выбил её из колеи. Пещеру окутала тишина.

Толкуют: молчание — золото. А еще оно красноречиво. Порой за безмолвием таится куда больше чувств, нежели за словом. Нужно лишь уметь видеть и вовремя считать их, обнажая истину.

Пойди Азалия нынче на попятный, Аспарагус не поверил бы ей, напротив — укрепился в выводах. Он уже знал ответ. И она знала, что он знает.

— Эхо былых чувств желаешь пробудить? — Она наградила его одним из тех взоров, коими Эониум награждал выслужившихся дриад. — Какой в этом толк? Что ты хочешь услышать? Истинно, я помню, как ты ухаживал за мной. Помню, как мы подолгу бродили по лесу, болтая ни о чём. Я помню всё, Аспарагус. И мне искренне жаль, что брак наш не

удался. Ты дорог мне — это правда. Очень дорог. Вдобавок мне особо не в чем тебя упрекнуть, что тоже немаловажно. Ведаешь, я долго думала, как мне с тобой поступить. Будь ты на моей стороне, я...

— Я здесь, — перебил её Аспарагус. — На чьей же я, по-твоему, стороне, м? Полагаешь, я Антуриуму верен? Я оставил его наследника, ведая, что вы, возможно, вновь попытаетесь его умертвить.

— Скажи еще, что не хочешь убить меня. — Она усмехнулась, барабанила пальцами по столу.

— Ныне? — Аспарагус прижал кулак к губам, тая улыбку. — Интересно. Вот беседовали мы наедине, клинок при мне был, а я... Растерялся я тогда, право. Видать, старость одолевает. Самой-то не смешно? За любителя меня держишь? Разочарую, я мастер, уж не сочти за высокомерие. За юнца горячего? Боюсь, ты спутала меня с сыном Антуриума. За смертника, кой отнимет чужую жизнь ценой своей? У меня супруга и дети. Двое. К слову, их я тоже покинул.

— Что ж, хорошо. — Голос Азалии смягчился. Морщинка, залегшая между бровей, разгладилась. — Говори, я слушаю.

Нелегко было выдерживать её взгляд — тяжелый и изучающий, глядящий, казалось, в самую душу. Она и правда изменилась. Каждое её слово, пусть и лишённое угрозы, раскалённым клинком било по ушам, выжигало в Аспарагусе былые чувства, рождая отстранённость.

Всегда от Азалии веяло силой. Всегда она, как истинная дриада, выросшая на Стальных Шипах, показывала мало, прятала много. Но никогда прежде от неё не исходила столь лютая ненависть. Никогда прежде очи её не горели огнём безумия, не темнели, будто в них копился чад.

Зря Аспарагус думал, что сумеет наставить дочь Стального Шипа на путь искупления грехов. Даже ему неподвластно переписать её прошлое на белом.

— Воззовем к честности, — наконец, произнес он, услышав покашливания вырожденки за спиной. — Цель твоя — не только покарать неугодных. Чары твои иссыхают, ты отречена от рода излишне долго. Вернуть отвергнутого в род подвластно либо Антуриуму, либо его наследнику. Проще говоря, один из них нужен тебе живым, в противном случае ты уже не возвратишь утраченного. Ты жаждешь власти и восполнения отнятого, но захвата не свершила. Почему? Осмелюсь предположить, повинны в том страх и неуверенность. Ты решила повременить. Достигнуть, так сказать, хотя бы одной из целей. Но что дальше? Нападешь на Барклея? Когда?..

На лицо Азалии набежала тень. Она откинулась на стену, прикрываясь ладонью от жара свечи.

— ...М-м-м, — протянул Аспарагус. — Стало быть, я рассудил верно — ты сомневаешься. Зелен лист, задаешься вопросами, куда подевался Антуриум? Быть может, он о чём-то догадался? Быть может, что-то замыслил? Вздор. Ничего он не замыслил. Он ускакал ещё до того, как мы отыскиали тело Спиреи.

— Где он?

— Не подскажу, ибо не осведомлен.

— Аспарагус...

— Я не лгу, — с нажимом произнес он и наградил Азалию прямым взглядом. — Он и сыну не поведал, куда держит дорогу. Но я не думаю, что в том сокрыт какой-либо

потаенный умысел. Я советую тебе дождаться брата. Не торопись. Антуриум и Олеандр совершенно разные. Наследник из тех существ, чей разум молчит, покуда в крови кипит ярость. Ежели он жив, он может рубануть сгоряча, попытаться дать отпор. Не думаю, что ты жаждешь править пеплом и разрухой. Антуриум разумнее сына, есть надежда, он снизойдет до беседы.

Молчание послужило Аспарагусу ответом. Но он знал: Азалия задумалась над услышанным. Оставалось надеяться, что владыка Барклей в пути не задержится. Мало ктс ведал, что Антуриум наделён даром предвидения. Дар редко давал о себе знать, и картины будущего часто были туманными. Зелен лист, поэтому Антуриум и ускакал из леса — чтобы наведаться к мойрам и придать видениям четкость.

Скоро он вернётся с решением. Ему нужно лишь время, кое выиграет для него Аспарагус.

Поначалу Рубин не понимал, что лакает. Его опаивали снадобьями. Но он не ощущал ни вкуса, ни запаха, будто в ноздри и гортань пробок понатыкали. Чувства возвращались нехотя. С каждым глотком, с каждым вздохом они растрясались ото сна. И вот под ребрами запекло.

Он дёрнул плечом и тут же зашипел — в грудь, казалось, иглы вонзают: неглубоко, часто-часто. Картинка перед глазами собиралась из мытых, дрожащих обрывков, порождая бредовые мысли, что кто-то пыжится склеить расколотый мир. Воспоминания вломились в голову.

Побег из леса. Драка с ореадой-найрой. Смерть Драцены. Клематис и Птерис, которых его усыпили.

Взор, точно мотылек, устремился к пламени — к проржавевшему подсвечнику на стене, оскалившемуся зубьями свечей. Рубин заворочался на жестком, неотличимом от голой почвы настиле.

И тут на грани слуха растекся бархатный голос:

— Переломы зажили. Всё в порядке.

Знакомый говорок! Рубин попытался отвести голову к плечу, чтобы углядеть толковавшего. Но тщетно — не так-то просто, лежа на животе, воззриться на того, кто стоит за спиной.

— Сын Цитрина? — обратились к нему, и он осознал, что голос тот принадлежит Аспарагусу. — Слышите нас?

— Кого это вас? — прошелестел Рубин. — У тебя... Как это называется?.. Расщепление сознания? Где мы?

Ответом послужило безмолвие, подогреваемое жаром чужих вздохов. Два расплывчатых пятна попали в поле зрения, обрели чёткость. И теперь Рубин мог смотреть на них прямо, не пытаясь свернуть себе шею.

Аспарагус узнавался без дотошной оценки по древесной маске, за которой скрывал половину лица.

А вот дриада подле него озадачивала. Высокая. С точёным телом и полной грудью, какой впору мужиков душить. Темно-коричневые волосы, вьющиеся крупными кольцами, стекали ей на плечи. Брови вразлет и веки, удлиненные чёрной краской, делали её похожей на хищную птицу. Глядя на неё, хотелось уронить взор в пол и сбежать — мол, извиняйте,

столько дел, столько дел. Её присутствие напрягало. Давило, словно прибывало к полу в поклоне.

Но что ещё любопытнее, Рубин, кажется, где-то с ней встречался. Кого-то она ему напоминала.

— Подсказать? — вдруг поинтересовалась она, и слова её обожгли, словно удар прута. — Долго думаешь.

— Обожди-ка, милая...

Рубин приподнялся на локтях и сел. Его крылья расстелились по земле рдяными полотнами.

Разные дриады вертелись на уме. То был и Олеандр, и Антуриум, и Эониум...

Эониум?..

— Хм-м... — Рубин сощурился.

Его зрачки сделались вертикальными, потом расширились. И он чуть не ахнул — настолько сильно женщина походила на дриадского тирана. Подбородок бы ей еще повнушительнее. Бородищу отпустить и, спору нет, сам Эониум спутал бы её с собой и прирезал, сочтя иллюзией.

Или... Или что? Сходство это — не издёвка природы? А может...

— Я издох? — соскочило с языка первое, что пришло на ум.

— Благого вечера, Рубин. — Дриада улыбнулась, как улыбнулся бы кинжал. — Ты не мертв, не тревожься. Все куда проще. Жива я.

— С какого перепугу? Тебя ж убили!

— Кто сказал?

— Олеандр! — выкрикнул Рубин, не подумав. — Антуриум! Да все так скажут, ежели спросить!

— Когда воеет один орф, другие подхватывают, сами не ведая почему.

— Да ну в пекло! — Рубин обратил взор к Аспарагусу. Тот кивнул. — Чушь! Вы меня дурите!

— Оставим это, — отчеканила Азалия. Она подтянула к себе единственный стул и уселась на него, сунула ладонь в карман портков. — У меня к тебе предложение. Но сперва ответь на пару вопросов, хорошо?

Змеиное говнище! Ну почему Рубину так не везет, а? Сначала настальныхполудурков напоролся, теперь на подохшую, но не издохшую дочь Стального Шипа. Одна сладость к горькому пойлу неудач: крылья заполучил. Но — хин его раздери! — оно того не стоило.

Впрочем, довольно жалости к себе. Рубин отошёл от главного. Выходит, Антуриум не прикончил изменницу-сестру? Выходит, солгал дриадам? На кой? Страшился потерять их уважение и доверие?

После смерти Азалии он как раз бразды правления перехватил. Вроде бы.

Ха! Интересно, Олеандр ведает, что отец его — редкостный темнила? А с виду-то такой правильненький.

Ох уж эти владыки! Все они одинаковые. Хлебом не корми — дай туману и тайн наварить.

— М-да, — Рубин тронул языком пошатывающийся клык, затем откинулся затылком на стену.

Что и говорить, история пованивала скверно. Скверно и очень знакомо. Некогда дриады уже вваливались к нему спредложением. И к чему это привело? КлятаяСталь сковала его

клятвами, выставила виновным в поджоге — и вот он гниет в земляной норе, пропахшей мочой и кровью.

Азалия! На неё намекали Птерис и Клематис, обмолвившись, что Рубин будет говорить не с ними. Любопытно, чего она хочет? Это ведь она спустила на дриада двукровных, пусть и чужими руками. Она посеяла смуту. Она отравила Олеандра. Из-за неё Сапфир сломал руку и поранил крыло.

Ярость против воли восстала из недр души, растеклась по венам пламенными волнами. Рубин вскинул подбородок, чтобы выкрикнуть, что скорее в петле удавится, чем выслушает очередное предложение. Как вдруг перед носом возник клочок бумаги, удерживаемый Азалией. Одряхлевший и затертый, прежде он покоился в его заплечной сумке.

С листка на мир взирало бледное лицо с разномастными зенками. Глендауэр, раньше бастард, а ныне сын владыки Танглей.

— Могу я спросить, — проворковала Азалия, — зачем ты носишь с собой портрет сего океанида?

— Не твоего это ума дело, дорогуша, — Рубин с трудом переборол желание шлепнуть её по руке.

— Ты злишься, я понимаю. — Рукав её блузы закатался, оголяя увядшую листву на предплечьях и выжженное на запястье клеймо — рассеченный лист. — Каладиум и его доверенные насолили тебе. Но ты тоже молодец. На кой ты с огнём-то на него набросился? Запомнил, кто он?

— Поучать меня вздумала?

— Нет. Вовсе нет. — Азалия вздохнула. — Странно все-таки. Обычно кочевники хранят в сумке портреты семьи, возлюбленных, а тут... Что связывает тебя с племянником Лета? Дружба? Вражда?

Рубин молчал. Хотя на слове «вражда» гнев, не успев схлынуть, нагрел и подсветил крылья алым.

— Так я и думала. — Улыбка тронула губы Азалии. — Хочешь, секрет открою? Глендауэр, похоже, нынче в Барклей пребывает.

— Чего?!

Вопль Рубина заколыхался в воздухе, отскакивая от стен. Опаляющий жар мгновенно обнял тело.

— Это правда, — прошептала Азалия, и внутри Рубина словно натянутая нить оборвалась. — Как ты понял, я заручилась поддержкой некоторых дриад. Они упомянули, что в лес наведалься океанид. Кое-кто предположил, что это племянник Лета, кое-кто подтвердил догадку. Слышала, с семьей Антуриума у Глендауэра не заладилось. Брат мой даже издал указ задержать названного сына, ежели тот ступит в Барклей. И здесь мы подбираемся к развилке. Аспарагус!..

По спине аж озноб пронесся. Рубин и забыл, что поблизости ошивается дриадский архихранитель.

— Я вижу три варианта развития событий, — безучастным тоном вымолвил Аспарагус. — Возможно, Глендауэра найдут и заключат под стражу. Возможно, он останется в тени. Возможно, примкнет к дриадам.

— Словом, Барклей он не покинет? — Азалия покосилась на него, обмахиваясь листком.

— Пока Олеандру угрожает опасность? Едва ли.

— Итак. — Она смерила Рубина долгим взглядом. — Вот мы и подошли к сути: тебе нужен Глендауэр, мне — сторонник, одаренный огненными чарами. Истинно, ты гибрид, но заполучил крылья феникса. Ты обучен пробуждать пламя. И этого достаточно. Никаких клятв. Со мной существа остаются по доброй воле. Они либо благоволят мне, либо видят выгоду для себя. Цепи не сковывают тебя, Рубин. Хочешь уйти — уходи. Но прежде подумай. Я предлагаю тебе настигнуть жертву без беготни и мороки. Скоро. Очень скоро.

— Хочешь бразды правления перехватить? — Рубин до сих пор смотрел на нее, надеясь, что она сгинет.

Нет, ну а что? Вдруг он все же упился до бредней. Или почил-таки.

Но мысли мыслями, а дочь Эониума не исчезала. Так и восседала напротив, облокотившись на колени. И вырез её блузы сбивал с толку, позволяя углядеть куда больше, нежели положено.

Зачем она клинками увещалась, спрашивается? Грудями ведь вернее всех заколошматит.

Слизнув проклюнувшийся яд, Рубин напряг слух. Вслушался в шорох почвы неподалеку, в отзвуки чьего-то трёпа, в топот наверху. Сознаться, он и в страшном сне не мог представить, что Судьба подтолкнет его на столь дурное перепутье. Он просто желал поговорить с Олеандром. Расспросить его о Глендауэре, а позже, свершив месть, влиться в клан фениксов.

Но Судьба распорядилась иначе. Не имел Рубин ничего против Олеандра, а уж тем более против Сапфира. Беда в том, что ныне и один, и другой пребывали в Барклей, как и Глендауэр.

С другой стороны, Азалия все равно нагрянет в лес, верно? С Рубином или без него. А ежели он последует за ней, глядишь, сумеет оттащить брата подальше от возможной резни. Вдобавок воплотит мечту в явь. Исполнит обещание, бросит к сапогам Янара клятую беловолосую голову.

И примет наследие.

Гибрид, нареченный от рождения Рубином, испарится. Его провозгласят Оганом, сыном Азера.

— Вижу, ты согласен, — Азалия поднялась. — Сразу предупрежу: надумаешь обмануть меня — тотчас жизни лишишься.

— Не подпускай ко мне Каладиума и его подпевал! — прошипел Рубин. — Иначе жизнью лишатся они!

— Птерис и Клематис мертвы, — выдала она, и он вскинул брови. — Да-да, не удивляйся.

Взмахнув плащом, Аспарагус покинул пещеру. Прежде чем ступить следом, Азалия обернулась и наградила Рубина лукавым взглядом, словно говоря: «Можешь убить Каладиума, ежели желаешь».

— Окажешь мне услугу, — добавила она, подтверждая домыслы, и упорхнула в коридор.

Не хотел Олеандр пятнать имя отца, но нависшая над Барклей угроза не оставила выбора. Страх за будущее клана, а вдобавок осознание, что один в поле не воин, вынудили его покаяться — рассказать дриадам о вылазке в пристанище мертвых и упокоенной там лже-Азалии.

Сердце рвалось из груди, когда он ступил к Вечному Древу и во всеуслышание объявил:
— Дочь Стального Шипа жива!

Лес затих. Испуг и отрицание. Предчувствие беды и перемен. Чувства дриад слились в сплав, из которого сковалась тишина. Над поселением будто тень огромного крыла нависла.

Сознаться, Олеандр малость опешил. Ко всему он подготовился: к ураганам вопросов, суматохе, нападкам. Он даже брата рядом поставил на случай, ежели в лоб снова полетят плоды. Но от безмолвия страховки не нашлось. Жаль, потому что выносить его оказалось куда сложнее, нежели брань и укоризненные взоры.

Еще и отцовская тиара — подумать только, тонкий обод с золотыми листьями! — сдавливала череп раскаленной цепью.

Что сказать? Как поступить? Олеандр сглотнул, взывая себя к успокоению. Молчание угнетало. Заводило мысли в тупик, обращая пеплом те немногие крохи уверенности, возвращенные накануне сбора. Не сумел бы он подсчитать, сколь долго тишина отравляла воздух, обычно горящий криками и пересудами.

Просто в какой-то миг солнце заиграло на кронах прощальными отблесками.

В голове что-то щелкнуло. Слова нашлись. Олеандр подобрался и произнес:

— Что ж... — Голос не подвел. Прозвучал ровно и твердо, словно гул низких струн. — Не мне судить о содеянном правителем. Но мне, как его единственному сыну и наследнику, отвечать за последствия. Многим из вас известно, что в прошлом, прежде чем изгнать дочь, владыка Эониум ужал её чары и отрезал от рода. Полагаю, за долгие годы скитаний Азалия заручилась поддержкой вырожденцев. С их помощью она умертвила наших собратьев. За ней уже протянулся кровавый след, а ныне она жаждет власти и возвращения отнятого. Хочется верить, в клане нет дриад, которые ей потворствуют. Но если таковые имеются, прошу, воззовите к разуму. Подумайте дважды, кому вы благоволите, кого ведете к верхам.

Последние слова отгремели и затерялись в умах собравшихся. Олеандр скрестил ладони у груди. Показал братьям сперва тыльные их стороны, а потом внутренние. Благо он хоть омыться не запамятовал — ведь жест тот как бы говорил, что речи его столь же искренни, сколь чисты руки.

Тогда-то поселение и ожило. Разговоры окружили Олеандра, летая от членов правительственного совета к знати, от ремесленников к травникам и оружейникам. Площадь наполнилась шепотками, сквозь которые он пробирался твердым шагом существа, которого все — он знал! — разок, но сравнивали с отцом и дедом. Кто-то подсакивал ближе, чтобы увериться в правдивости услышанного. Кто-то сокрушался, мол, слабая голова наследника не выдержит испытания властью — куда ему, юнцу, тягаться с вырожденцами и дочерью Стального Шипа?

Двух таких умников Олеандр пронзил взглядом. И мужчины, смутившись и добавив суховато: «Господин», повалили прочь, прячась за соплеменниками и придурковатыми улыбками.

Зелен лист, он мог бы призвать их к ответу. Мог бы спросить, как они, великие мудрецы, сподобились бы отразить удар Азалии. На худой конец — заверить, что не свершит необдуманных поступков.

Но какой с того прок? Всё равно дриады только отшутятся. Бросят, дескать, военное дело — забота правящих и хранящих. И отступят с доброжелательными поклонами превосходства. Следовательно, нужно идти дальше. Шаг за шагом, пока не потухнет в груди пламя гнева.

Тычок брата остановил Олеандра. Они застыли посреди узкой тропки, стиснутой лекарнями, которые держались на честном слове. В одной из них, прикипевшей к древесному стволу гнездом, непрерывно разжигали свет. Белесые вспышки били по ставням, рассыпаясь ворохом искр. Долбились в стены, отчего хижина казалась живой — того и гляди отрастит ноги и убежит в неведомые дали.

— Вот ведь гадство! — донесся оттуда девичий голосок, и Олеандр тяжело вздохнул.

Стало быть, Эсфирь опять постигла неудача. Что ж, он предвосхищал, что даже она не совладеет с недугом Фрез.

— У тебя ладный почерк, — вымолвил он и покосился на брата. — Напиши владыке лимнад Гайе. Расскажи об угрозе. Скажи, я прошу у Вальтос помощи. Пусть направят к нам хранителей.

— Не желаете уведомить Танглей? — Из рта Глендауэра вырвалось морозное облачко. — Ааронг?..

— Глен, где Барклей, — с нажимом произнес Олеандр, — и где Ааронг, а уж тем более Танглей? Положим, я напишу им. Как скоро они приведут воинов? А ежели я вытяну океанид зазря? Да твой отец мне потом шею свернет!

Он запнулся и тихо добавил:

— Все мои предположения шиты белыми нитками, сознаешь? А вдруг Азалия водит нас за нос? Вдруг эти её слова и подписи на аурелиусах ничего не значат? Вдруг это хитрый ход? Я вытяну океанид сюда, а она между тем на Танглей нападет. У вас там Летá в узилище заточен, не забыл?

— Вы недооцениваете мощь океанидов.

Возможно. А скорее, попросту паникует, утопая в страхах и сомнениях.

— Получилось? — Восклик Эсфирь вторгся в уши столь же резко, сколь и беспрепятственно.

Неужели?.. Олеандр ринулся к лекарне, но холодные пальцы поймали его за ворот рубахи и дернули на себя.

— Пусти, Глен! Фрезия...

— Ответьте.

— Найди Зефа, — отозвался Олеандр под звучные щелканья: хины у лестницы, ведущей к лекарне, чистили когти. — У него мое кольцо-печать. И... хорошо, напиши Цитрину и Дуги. Перестрашуемся.

Глендауэр развернулся на пятках и скользнул в просвет между домами, уплывая во мрак неслышной тенью. Олеандр фыркнул ему вслед. Вбежал по ступенькам и прошел на веранду.

— Листочек!

Чернокудрая голова высунулась в распахнувшиеся ставни, и Олеандр будто в горячую купель окунулся. Он закашлялся, глядя, как через подоконник перекинулась сперва правая нога, потом левая, и шелк кроваво-красной юбки соскользнул по ней, оголяя усеянное синяками и кровоподтеками бедро.

Эсфирь устроилась на подоконнике, уложив ногу на ногу, водя коготком по голому колену. Покои, видимые за белыми крыльями, тонули во тьме. Но света на веранде хватало, чтобы Олеандр мог рассмотреть Эсфирь. Взгляд его полз выше и выше, подмечая голые руки, корсет на талии и черную кофтенку на зашейных подвязках, сквозь которую проступали бусинки...

Боги! Куда он смотрит вообще? Краска стыда обожгла щеки и шею, Олеандр уронил глаза в пол. Не то чтобы на полу много интересного имелось. Просто... Ну он ведь не мальчишка уже, в самом деле! А взрослому мужчине не пристало пялиться на откровенно-разодетых девиц.

И кто только вырядил Эсфирь во столь вызывающие одежды? Девчонки-дриады, что ли, постарались?

— Я хотела найти тебя, — как ни в чем не бывало пролепетала она, пока он взывал себя к разуму. — Угроза для жизни миновала, но я столкнулась с другой проблемой. Вот вы говорите, что Фрезия впала в забытие, так? А с моей стороны это похоже на кривые зеркала, среди которых плутает ее душа. Ныне я укрепила ее, но это временная мера, она снова сорвется с места. И мы пойдем по кругу.

— У тебя не выходит укрепить ее насовсем? — спросил Олеандр скорее инстинктивно, нежели осознанно.

— Не выходит, — Эсфирь вздохнула. — Пока лабиринт существует, душа, сколько ни ставь ее на место, все равно туда убегает. Если я бью «зеркала» по одному, они выстраиваются снова, когда я останавливаюсь или отворачиваюсь к их друзьям.

— К друзьям зеркал?

Боги, что за бред?!

— С лета схватываешь!

— Я всегда отличался живостью ума.

— Думаю, нужно разбить их побыстрее, — заключила Эсфирь. — Тогда душа никуда не убежит, сядет там, куда усадили. Поможешь?

Ну разумеется! Олеандр только хранителей быстренько позовет. Они обнажат клинки, вонзят их в зеркала, которые проросли внутри Фрезии и запутали ее душу — и готово. Делов-то! Пф-ф!

Воображение живо нарисовало картину, как он пересказывает этот разговор стражам, и они советуют ему навестить лекаря, после чего тихонько так, по шажочку, отступают все дальше и дальше.

— Листочек? — Эсфирь прыгнула с подоконника и, рассеивая по воздуху запах серы, подпорхнула к нему. — Поможешь?

— Как? — Он посмотрел на неё. — Извини, но я ничего не понял.

— Мне не хватает целительных чар, — пояснила она. — Но я могу их восполнить, напитавшись чужими теплом и лаской.

Олеандр быстро сообразил, что ждут от него поцелуя. Куда дальше он решался свершить замысленное, сознавая, что неподалеку лежит суженая. Все-таки он дриадом уродился, получил соответствующее воспитание — традиционное, не приемлющее измены в любом

ключе. В конце концов, его помолвку еще не расторгли. Но с другой стороны, Эсфирь уже не раз его целовала.

И небеса не упали ему на голову, верно? Вот только... Хин его раздери, она привлекала его все сильнее, рождала все больше вопросов. И он опасался любого движения ей навстречу. Казалось, стены за их спинами сдвигаются, подталкивают их друг к другу. Олеандр безбожно солгал бы, сказав, что сердце не забилося чаще, когда он понял, чего Эсфирь хочет.

Время текло медленно, будто нарочно дразня и раскаляя плоть. Пока Олеандр думал, Эсфирь подступила к нему вплотную. Вскинула голову и посмотрела с нежностью, смахнула с его лица прилипшую прядь. Он наблюдал за бледными ладонями, которые окольцовывали его, ползли по бокам, чтобы сомкнуться на спине. Потом ответил ей взглядом, полным решимости. Тогда-то все тревоги и схлынули. Рядом с ними не нашлось места волнению.

Следующие мгновения сплелись в один тягучий поцелуй — столь напористый, что Олеандр растворился в волне удовольствия. Он ничего не видел, только чувствовал сладость нектара на податливых губах.

Вскоре Эсфирь упорхнула в окно видением, окаймленным белесыми чарами.

Олеандр не верил, что Эсфирь справится. Но — о, чудо! — листва Фрез окрашивалась зеленью тем пуще, чем дольше он вслушивался в биение её сердца и частоту вдохов. Никаких ошибок и обманов зрения. Она цвела. Расцветала на глазах, как расцветает дивной красоты бутон с восходом солнца.

У Эсфирь получилось!

Список долгов перед ней пополнился. Олеандр в очередной раз убедился, что никогда не оплатит столь длинный счет. Редко он кому-либо кланялся. Но чтобы отблагодарить Эсфирь, расшиб бы лоб. Поклялся бы, что вернет ей память. И последует за ней куда угодно — хоть на Ифлога! Ведь она свершила для него невозможное.

А значит, он свершит невозможное для неё!

Конечно, ни поклоны, ни клятвы Эсфирь не интересовали. Она отдала Фрезии все свои силы, а сама, иссушившись, мгновенно потонула во снах. Олеандру ничего не оставалось, кроме как отнести её в аптеку пониже и уложить на кушетку.

Той ночью он почти не спал. В одно мгновение вскакивал и выбегал на улицу. Носился от хижины к хижине, страшась, что кто-то из девушек испустит дух. В другое — растекался на подоконнике лужицей и думал, думал, думал, подкармливая отчаяние. Думал, как погибли Мирт, Гинура, Драцена. Думал, как приведенные к дому владыки хранители сгорели заживо, отброшенные и охваченные пламенем. Думал о соплеменниках, которые распрощались с жизнями либо в миг пожара, либо в бою у моря.

Распрощались, потому что и выродки, и смутьяны не ведали пощады.

Каладиум искупал лес в крови, а виной тому — ненависть женщины, которая считалась мертвой.

Интересно, ёкнуло ли что-то в душе Азалии, когда она повелела ему отнять у собратьев жизни? Вряд ли. Скорее всего, она полагала, что права, а все беды дриады навлекли на себя сами.

Дескать, не она посеяла смуту.

На самом деле — она. Ежели не в далеком прошлом, так в день превращения из жертвы в убийцу.

И борьба с нею выпала на долю Олеандра, перешла к нему от отца, подобно проклятому наследию.

— Одеялко убежало, — пролетел рядом сдавленный шепоток, вырвавший его из мрачных раздумий.

Из вороха златоцветов, прилепленных к потолку лекарни, свет разливал лишь один. Прочие лишились чар и погасли. Поэтому Олеандр не сразу заметил на полу утекший с кушетки плед.

— Растеряха. — Он соскочил с подоконника и подхватил потерю.

Шерстяное полотно расстелилось в воздухе. И осело на хрупкое тело девушки, чьи крыло и рука свесились с кушетки. Коготки безвольно скребли по полу, а виски и лоб поблескивали зернами испарины.

— Листочек, это ты? — спросонья голос Эсфирь звучал с присвистом. — Как Фрезия?

— Еще не очнулась, — отозвался он. — Но ты спасла ее, спасибо.

— Это хорошо.

Олеандр улыбнулся. Не то чтобы его позабавило услышанное. Просто в последнее время, когда он глядел на Эсфирь, губы сами кривились в улыбке — широкой и искренней, не насмешливой.

— Слушай, — он уселся на край кушетки, — ты так и не вспомнила, где живешь?

— Не-а. — Она шмыгнула. — Хотя... Есть одно место, которое кажется мне знакомым.

— Что за место?

— Морионовы Скалы.

— Нет. — Олеандр разочарованно прищелкнул языком. — Это пристанище древних существ, Эсфирь. Никто из ныне живущих их не видел. Бытует легенда, что их изгнали и заперли Творцы.

— За что? — удивилась Эсфирь.

— Где-то я читал, что за нескончаемые войны и разрушения. Но правда ли это? Никто не знает. Разве что зверье. Силины, например. Или хины. Их тоже считают древними.

Олеандр растёр грудь, где уже давно распускало лепестки новое теплое чувство. Разум вдруг настигло осознание, что ежели они справятся со смутой и выживут, Эсфирь покинет лес.

И почему он не может думать об этом без сожаления? Потому что он перед ней в неоплатном долгу?

Или?..

— Могу я тоже кое-что спросить? — Эсфирь спустила ноги с кушетки и уселась рядом.

— Разумеется. — Щёки Олеандра запылали.

— Ты, верно, сочтешь меня не очень умной, но меня тянет к тебе. Мы с тобой будто связаны...

— ...Белой нитью, — хором произнесли они.

— Тебе она тоже являлась, — поняла Эсфирь. — А я сшила её из чар, чтобы сопроводить тебя к Драцене.

— Помню. — Олеандр заглянул в чёрные глаза. — Ты хочешь знать, что эта нить воплощает? Боюсь, у меня нет чёткого ответа на этот вопрос. У моего отца кулон есть, подаренный мойрами. Дружба, вражда, любовь: он показывает связи, возникшие между

существами. Они похожи на золотые нити разной толщины. О белых нитях я ничего не слышал. Полагаю, они... Ну или она тоже отражает некую связь между мной и тобой.

Оставшийся златоцвет потух, и лекарня погрузилась во мрак. Не завывали больше хины, дымящимися тенями бродящие за окном. Не слышались споры и пересуды дриад, уже отошедших ко сну после долгого вечера, полного потрясений. Казалось, кто-то стер у мира ненужные звуки. Стер, потому как хотел сосредоточить внимание на главном — на гулком стуке сердца, на прерывистых вдохах и выдохах, шелесте скомканных простынь и перьевых крыльев.

На связующей белой нити, которая соединила Олеандра и Эсфирь.

Он почти призвал чары, чтобы разжечь свет, но она схватила его за руку и стиснула в объятиях, пуская по телу жар и дрожь. Она говорила без умолку. Внушала, что ему не нужно размышлять о ее проблемах. Щебетала, что он должен поразмыслить о смуте. Что многого она, известное дело, не знает, но верит — не существует таких препятствий, которые он не сумел бы сломать.

Поначалу он пропускал её кудри сквозь пальцы. Купался в переливах её голоса, как в источнике успокоения. А когда очнулся, понял, что тратит драгоценные мгновения попусту. Понял, что каждый обрыв мысли и промедление подогревают не только греховное желание, но и презрение к себе.

Замешкайся Олеандр хоть на удар сердца, не поддайся бы искушению. Но вот Эсфирь подалась к нему. И чувства, усиленные стократ, впрыснули в кровь кипяток. Они не легли — упали на кушетку. Она уселась на него. Он взял ее за руку, поднес теплую ладонь к лицу, прильнул к ней губами. Она ткнулась ему носом в нос, потерлась. Олеандр терпел, пока она скользила пальцами по его груди и плечам. Но стоило им слиться в поцелуе, действительность сгинула, растворилась в сбивчивом дыхании и робких прикосновениях.

Боль от совершенных ошибок. Горечь потерь. Мрачные мысли. Тяготы улетучивались виток за витком. Эсфирь поглощала их, осушала Олеандра до дна, даруя сладкое умиротворение.

Одно он усвоил — жизнь слишком мрачна и непредсказуема, чтобы подавлять побуждения, рожденные в честности и откровенности. Кто знает, что придёт завтра: утро или смерть?

Истина (часть 2)

Будучи очень приметным, Глендауэр мог оставаться совершенно неприметным — ежели желал, разумеется. Иногда существа не замечали его. Пораскинув мозгами, они, верно, припомнили бы, что встречались с ним. Возможно, он даже беседовал с ними, а то и сообщил что-то важное.

Но в тот миг они сразу же забывали о нём. А возвращались к услышанному немногим позднее, когда уже кто-то иной повторял мысль, которую Глендауэр не удосужился закрепить в чужом разуме.

Словом, кинул, но не докинул. Вроде и поблизости оставил, но в то же время далеко.

Так и вышло, что поутру Олеандр услышал со двора восклик Сапфира «Фрезия очнулась!» — и внутреннему оку явился брат. Порочная льдина, которая наведальась в лекарню раньше, выдала речи схожие и уплыла.

Клятые океаниды! Олеандр вздохнул и поприветствовал сопевшего в углу приятеля Душку.

Внутренний шептун подсказал, что от недавней близости с Эсфирь появятся не столько дети, сколько неприятности. Поэтому Олеандр вскочил с кушетки и забегал по лекарне.

Порой он терял опояски, перчатки или пояса. Но ныне превзошел себя, посеяв всё. К счастью, рубаха скоро нашлась за горшками на подоконнике. Сапоги невесть как угодили в сундук с травами — неплохой бросок, однако! А шаровары... С ними дела обстояли интереснее всего.

С одной из древесных балок, сетью протянутых под потолком, слетел комок пыли, спугнутый кое-кем, кто волочил штаны за собой и спешил скрыться. Стоило отдать силуину должное — кражу он свершил мастерски, тихо и незаметно. Жаль, времени на побег не рассчитал. Вдобавок, удирая по балкам и сберегаясь от слежки в пучках листвы, запомнил спрятать ворованное.

Право, шаровары, мелькавшие под потолком то тут, то там, не изумили бы разве что слепца.

Олеандр оглядел ветви, стекавшие по стенам и овившие балки. Отыскав нужный сучок, напил его чарами. Отогнул, ожидая, когда рядом пробежит мохнатый наглец.

Штаны до сих пор двигались, будто кто-то смецал их по натянутым веревкам. Силин рванул к застывшему сучку. Пора! Олеандр щелкнул пальцами. Ветвь дрогнула, ударила зверя по задку.

Кроткий писк — и силин свалился с балки меховым комом. Угодил в приоткрытый бутон Душки и тут же вывалился оттуда. Кувырком прокатился по комнате, окруженный облаком пылицы.

Потерянные шаровары рухнули на пол тряпкой, и Олеандр подхватил их, принялся натягивать.

— Злопамятный гаденыш, — прошипел он, косясь на кушетку, где все еще спала Эсфирь.

Зрачки силина сдвинулись к переносице, словно он углядел присевшую на нос бабочку. Олеандр скрутил волосы в узел на затылке. Нагнулся, чтобы сунуть ноги в сапоги, как вдруг рядом послышалось журчание. В ноздри вторгся отвратительный запах, который сложно не узнать.

Дрянной силян чиркнул по плащу когтем и шмыгнул под ложе. На зеленой ткани, расстеленной по полу, пухло ссаное пятно.

Твою ж!.. Олеандр скрипнул зубами, притупляя вспышку гнева силой здравого смысла.

Без накидки он обойдется, верно? Так стоит ли гоняться за наглым зверем, чтобы потом засунуть его в мешок и поджарить над костром? Стоит, конечно. Но не сейчас.

— Еще поквитаемся, — бросил Олеандр и выскользнул из лекарни навстречу унылому серому дню.

Удивительно. Даже в разгар дождевых сезонов солнце ухитрилось то лучом выстрелить, то облака подсветить. А теперь будто умерло, задавленное непроглядной тучной серостью.

К счастью, лекарню повыше уже очистили от вьюнов. Олеандр ступил в коридор и наткнулся на пожилую целительницу.

— Благого утра, наследник. — Она поклонилась, подхватила ведро с водой и прижалась к стене.

— Благого. — Он прошагал мимо, толкнул нужную дверь и нырнул под цветочный занавес.

Покои встретили застоявшимся воздухом, опоенным сладким запахом духов. Фрез нашла перине. Жёлтое шелковое платье, чуть приспущенное с плеч, мягко облегало её тело и обрывалось у босых ног. Из подобранных в пучок волос торчала золотая шпилька с висюлькой-лепестком на конце.

— Олеандр? — Фрез отвела голову к плечу и придирчиво оглядела Олеандра с ног до головы.

Он поймал себя на мысли, что куда лучше она смотрелась бы рядом с мужчиной, который ценил бы её за красоту.

— Здравствуй. — Половицы скрипнули, когда он подступил к скамейке и уселся на неё, сложив руки на груди. — Как самочувствие?

— Неплохо, даже хорошо, — отозвалась она и добавила с грустью: — Мне рассказали об отце, и я... Право, я даже не знаю, что сказать... Я и подумать не могла... Не ведала...

— Верю, что не ведала, — произнес Олеандр. — Правда. Каладиум умен. Играя против наследника, он не посвятил бы его суженую в грязные замыслы. Мне интересно другое. Зачем? На кой ты опять полезла в обитель владыки? Что ты хотела отыскать там? Дары, которые мне якобы преподнесли девицы?

— Могла ли я предугадать, что случится пожар? — Фрез сидела неподвижно, поигрывала деревянным гребнем.

— Ты могла не заходить туда. Я же просил, Боги! Предупреждал! Мои просьбы для тебя имеют хоть какую-то ценность?

— Конечно, имеют! — воскликнула Фрез. Ветерок, прорывавшийся сквозь приоткрытые ставни, трепал подол её платья. — Я просто...

— Нет-нет, погоди!

Олеандр вскинул ладони, прерывая суженую. Выдохнул, собираясь с мыслями и подбирая слова.

— Давай-ка разберёмся. — И сцепил пальцы в замок. — Ты ревнуешь, не доверяешь мне. Я давал повод? Что-то не припомню. Фрез, я не привлекаю девушек! Они видят меня излишне резким. Излишне порывистым, инакомыслящим. Вдобавок я выгляжу не так, как должно выглядеть супругу — опоре и защитнику. Посмотрим правде в глаза, меня нередко нарекали хилым и похожим на мать. Дриадам иные мужчины приходится по нраву. Внешне

такие, как Зеф, например. Да и никогда я не заглядывался на других девушек!

— Они заглядываются на тебя! — с нажимом вымолвила Фрез. — Не замечал? Ты наследник клана! Поверь, девушки готовы со многим примириться ради шанса назвать себя женой будущего правителя. Ради шанса породниться с потомком Примы и Аканта! Мужчину несложно очаровать, Олеандр. Несложно подсыпать ему что-нибудь... Что-нибудь! И разделить с ним ложе!

— По себе судишь?

Фрез отвела взор и уставилась в окно, подтверждая догадку. Олеандр уткнулся лбом в сцепленные ладони. Удивительно, но он даже не разозлился. Давно подозревал, что от той ночи, когда они разделили ложе, пахивало дурманящими травами. Ну не мог он устать и забыться! Не мог потерять связь с реальностью настолько, чтобы бездумно лишиться Фрез невинности.

Но мог не заметить, как в чашу с нектаром подсыпали лишнего. Тут да.

— Кто эта девушка, Олеандр? — донёсся до ушей сдавленный голос.

— Какая девушка?

— Которая меня излечила. Это ведь за ней ты бегал по лесу в моей накидке? Что вас связывает?

Боги! Олеандр не поверил ушам. Сознаться, переваживая достаточно разумную беседу и доводы, он подумал было, что Фрез отринет ревность. Даже проникся к ней некоторым состраданием.

Но без толку! Воспоминания о былых ссорах обрушились на Олеандра волной, подтягивая желание сбежать. Одно утешало — впервые недоверчивость Фрез пустила корни на подкормленной почве.

Эсфирь ведь и правда заинтересовала Олеандра. И ей не пришлось прибегать к гадким уловкам. Она ничего не подмешивала ему в нектар — он разделил с ней ложе по доброй воле.

Потому что хотел. Потому что... Влюбился?..

— ...Прости. — Фрезия посмотрела на него искоса, а следом уронила взгляд на ладони.

Щеки обожгло, и Олеандр стиснул челюсти, загрызая рвавшие наружу ругательства.

— Я задыхаюсь с тобой. — Странно, но голос его всё еще звучал тихо, даже немного смиренно. — Вечно нас трое: ты, я и твоя воображаемая соперница. Заглядываются на меня дриады или нет — не столь важно. Иногда мне кажется, будто ты не видишь дальше своего носа, будто только и ждешь повода, чтобы поругаться со мной. Ты хоть поняла, что лес смута постигла? Когда ты превратилась в ревнивую королеву, Фрез? Право, от дриады, которая меня привлекала, уже ничего не осталось.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты очень красива, — Олеандр поднялся с лавки. — Но я уже давно не гоняюсь за красотой, веришь? Куда важнее для меня то, что здесь... — Он постучал пальцем по виску. — А еще здесь. — И ударил кулаком в грудь, вслушиваясь в стук сердца. — Подумай об этом, прошу.

— Ты уходишь? — Глаза Фрез, наполненные влагой, блестели в лучах солнца. — Скажи, Азалия в самом деле жива?

— Да, — Олеандр кивнул.

— Ты ожидаешь нападения?

— Предвосхищаю.

— Я помогу.

— Нет, — отрезал Олеандр.

И задумался, как поступить с Фрезией. Оправить её к лимнадам? Да. Наверное, это лучший выбор.

— Ты отступишь с поселенцами в Вальтос, — возвестил он, растирая затекшие плечи. — Ты только от забытья отошла. Какое сражение? Вдобавок... Неужели ты не понимаешь, как дриады ныне к тебе относятся? Ты дочь смутьяна!

— Я докажу, что не поддерживаю отца! — вскрикнула Фрез. — Я не совершила ничего дурного!

Она обратила к нему взор и сжала кулаки, будто готовясь вступить в схватку с армией врагов.

— А вторжение в дом правителя? — Олеандр улыбнулся уголком губ. — Это благое деяние?

Разговор шел по кругу и заходил в тупик. Поэтому, не дождавшись ответа, он развернулся, бросил напоследок:

— Сперва мне докажи, что у тебя голова на плечах имеется. — И быстро покинул лекарню.

Редко Эсфирь теперь встречалась с Олеандром. Но точно знала: где бы он ни был, куда бы ни ступал, везде и всюду его сопровождали разноцветные глаза, цепкие и холодные, как острия стилетов. Глендауэр, его названный брат, бродил за ним бесшумной, а порой и незримой тенью.

Сознаться, океанид пугал Эсфирь. Он странно ходил. Странно говорил. Странно смотрел — она знала, ведь когда он не глядел на Олеандра, он глядел на неё. И от взглядов тех, подёрнутых морозной дымкой, в жилах стыла кровь. Она долго наблюдала за тем, как Глендауэр наблюдает за ней. И вдруг поняла, что он оценивает её с той же дотошностью, с какой следит за братом.

Верно, тоже думает, что я выродок, — решила тогда она и повела себя умно, как показалось — перестала обращать на океанида внимание. Все равно он не горел желанием вести с ней беседы. Только смотрел. Странно смотрел. Бр-р!

Дни сменяли друг друга, словно спицы в колесах. И вот лесные земли, где еще недавно суетились поселенцы, омертвели. Парились в серой духоте покинутые дома, хозяйственные постройки и лавки торговцев. Качались на лозах брошенные шаровары и рубахи — оглядев их, можно было угадать, сколько дриад жило в семье. Непрерывно отражался в ушах шелест металла: у Вечного Древа хранители проверяли и обтачивали мечи и копья для земляных ям.

Неподалеку от лекарни, где спала Эсфирь, за листвой и крышами тут и там виднелись коконы-качели — листовенные шарики, сплетенные из прутьев, полые внутри, с дверцей. Они висели на длинных веревках, привязанных к ветвям. Изредка покачивались, толкаемые ветром.

Той ночью Эсфирь выпорхнула во двор. Заползла в ближайший кокон и прикрыла дверцу. Вперед-назад, вперед-назад: она раскачивалась, попутно расшатывая укрытие, силясь развеять скуку и тревоги.

Эсфирь хватило дурости вернуться к дриадам. В кого она превратилась? Не считая океанида, больше никто не оглядывал её с толикой подозрения. Для дриад она стала доброй девочкой, призывающей целительные чары. Доброй девочкой, которая всегда поможет. Она и правда помогала. Помогала и надеялась, что браслеты не разрушатся. Она отжимала у жизни мгновения покоя и только во тьме ночи, томясь в одиночестве, возрождала в памяти картину боя — того самого, у курганов, когда внутри бушевало пламя неодолимости.

Стрела зелёных чар пролетела над деревьями, и Эсфирь вздрогнула. Ворох искр с щелчками пронесся следом, и всё стихло. Остались только погруженная в полумрак улочка и бредущий по ней юноша, белокожий, словно неживой. Вокруг него прыгали крохотные кристаллики льда.

Глендауэр ступал к коконам и казался куда менее настоящим, чем все вокруг. Он не растворялся в воздухе. Просто выглядел, как призрак. Как светлое пятно на цветастой картине, которое хочется залить красками.

— Хм-м... — Эсфирь открыла дверцу кокона, спустила ноги на землю.

В тот же миг перед ней застыл океанид. Левую руку он отвел за спину, правую приложил к груди и учтиво поклонился.

— Прошу прощения, милая Эсфирь, — произнес он тихо, но четко. — Я потревожил ваш покой.

— Нестрашно, — с запинкой отозвалась она. — Как вы там говорите... М-м... Чем обязана?

— Клинки помыслов моих яд злокозненных умыслов не оскверняет, — нараспев вымолвил Глендауэр. — Как воды рек, намерения мои чисты. Бродил я по лесу, снедаемым вопросом странным. Он рвался с уст моих, оковы плоти сокрушая. И вот я перед вами. Стою. Гляжу на звезды, ожидая, что леди до ответа снизойдет.

— Красиво. — Эсфирь не могла не заметить, что за поясом у него висит изогнутое лезвие. — Вы хотите что-то спросить? Я верно вас поняла?

— Верно.

— Спрашивайте.

— Мы не встречались прежде?

Она моргнула и отвела взор. Задумалась. Потом снова посмотрела на океанида. Разномастные глаза, прорезанные вертикальными зрачками, глядели на нее почти в упор, отражая свет.

Эсфирь вдруг увидела, как от её запястья к Глену протянулась чёрная нить. Но видение тут же сгнуло.

Показалось? Нет! Вряд ли.

С тобой я тоже чувствую связь, — поняла Эсфирь, глядя на океанида.

— Я ничего не помню. — Она тряхнула головой. — Но... нет, не думаю. Мне кажется, вас я не забыла бы.

— Истинно, я тоже, — прошептал Глен, и печаль льдинками притаилась на дне его зрачков.

Почему он задал столь странный вопрос? Тоже увидел чёрную нить? Что-то ощутил? Эсфирь не посмела прояснить всё ни тогда, ни позже. Душа Глендауэра дышала болью, подавленной, сжатой-пережатой. Но все равно до того сильной, что по коже бегали мурашки.

Что-то тревожило его, выгрызало изнутри, отравляя и подавляя силу духа.

— Отпусти всё, что можешь отпустить. — Белесый огонек чар вспыхнул на ладони, и Эсфирь сдула его к океаниду. — Помоги всем, кому можешь помочь. Держись, пока можешь держаться. Дыши, пока можешь дышать. Не ведаю, какие тяготы тебя гложут. Но не смей сдаваться, слышишь?

Целительный свет впитался в его грудь, и он сглотнул. Зачерпнул ртом воздух и облегченно выдохнул.

Глендауэр взирал на Эсфирь в молчаливой тревоге. Взирал — и в уголках его век скатывалась влага. В ускользящем свете среди бродящих теней чудилось, будто он снова обернулся бесчувственной оболочкой.

Но нет. Ныне в нём теплилась жизнь, проступившая на устах улыбкой, сползшая по щеке капелькой слез.

— Мне нужно поспать, — пискнула Эсфирь, и океанид снова ей поклонился.

— Да. Мне тоже.

Проснувшись утром, Эсфирь выглянула в окно. Гроыхая, последние повозки катились по улочке — катились в облаках пыли и топоте копыт и терялись в дорожной пыли.

Детей, женщин и юнцов, не познавших хлада оружия, Олеандр уже спровадил в Вальтос — клан лимнад, откликнувшийся на призыв о помощи и направивший в Барклею вооруженный отряд стражников.

В лесу остались только старцы. Но теперь и они пропали из виду — вестимо, скоро главные врата минуют.

Наследник и Эсфирь хотел загнать к лимнадам, но она уперлась рогами: не уйдет — и всё! Еще чего! Разве она настолько бесполезна? Разве не она вылечила отравленных дриад и Фрезию?

— Старайся не высовываться, — в конце концов сдался Олеандр, и Эсфирь победно захихикала.

Через пару дней он вдруг спросил, чего она страшится? И она, поразмыслив, ответила, что боится озлобиться.

— До кровожадности опуститься? — уточнил он. — До беспричинных убийств?

— Угу, — подтвердила Эсфирь и даже не соврала.

Двукровным ведь так просто пасть до жестокости. Так просто решить, что иные существа — грязь на пути.

— Незаурядный ответ, удивила, — хмыкнул Олеандр и, подмигнув ей, в который раз выскользнул из лекарни.

— Да уж...

Только дверь хлопнула, Эсфирь упала на ложе и заворчала, ругая себя и используя хлесткие словечки, которые подхватила от Зефа. В голове вспухали темные мысли. Они толстели, прыгали туда-сюда, опутывая мозг. А когда тот перестал думать, в груди вспыхнуло пламя гнева.

Удивила! Ведал бы Олеандр, что она двукровная, наверное, прикончил бы её.

Интересно, исказится ли его лицо, мелькнет ли в глазах ненависть, когда он поймет, что она вырожденка?

— Нет-нет-нет! — Эсфирь зажмурилась.

И отмела пугающие думы. Зарылась умом в лежавшие у окна фолианты — всяко лучше, чем злиться и размышлять, как ты звереешь и превращаешься в чудовище.

Часть книг уцелела в пожаре, и наследник завалил ими лекарню. Теперь они выстраивались у стен стопками, наваливались друг на друга на полках, теснились на подоконниках. Чтобы пробраться на второй этаж, приходилось ступать по раскиданным по ступенькам фолиантам — можно сказать, они второй лестницей строились, уложенной поверх первой.

Эсфирь не жаловалась. Книги отвлекали, даруя почти воздушное облегчение. Правда, с десяток она отложила, едва открыв — уж больно мудро выражались сочинители. Но фолиант со сказками прочла от корки до корки. Одна история рассказывала о девушке-цветке. День ото дня она раздаривала свои лепестки приятелю-сорняку, который не мог похвастаться красочной шляпкой. Сперва они ладили. Но когда она облысела, он бросил её и отыскивал другую спутницу, покрасивее, с нераспустившимся бутоном.

Полудурок! И она дурочка! На кой она пожертвовала лепестками ради тупого сорняка?!

Другая книга, которую вечером доставил наследнику посылный, тоже оказалась страшно интересной. Сперва Эсфирь не решалась её трогать. Во-первых, принесли её Олеандру. Во-вторых, она едва ли не рассыпалась в руках — настолько долго, видимо, жила на свете. Все страницы были разрезаны на три части. Они переворачивались отдельно друг

от друга. С каждого листка на мир глядели различные существа, населяющие землю.

Так Эсфирь собрала неведомое создание с алыми крыльями, рыжей чешуей на предплечьях и мшистыми ногами.

— Феникс, дракайн, лимнад, — прочитала она приписки к каждому из кусочков и усмехнулась. — Интересно.

Задор вдруг охватил разум. Пыль страницы укрывала до того плотно, что от пальцев оставались следы. Уголки листков едва ли не крошились, но Эсфирь неотрывно листала книгу, складывая все новых и новых существ. Листала до тех пор, пока не собрала существо, заставившее сердце подпрыгнуть к горлу. На голове его красовались угольные рога-волны, затерянные в смоляной шевелюре. За спиной стелились белоснежные крылья — её крылья!

— Кто это? — Руки и губы Эсфирь дрожали, когда она сощурилась и вгляделась в подписи на обрезках страниц. — Ой-ой-ой! Кто это... Кто?!

Рога-волны украшали существо, нарекаемое эребом. Внизу шла сноска, подсказывающая, что он древний исчезнувший. На втором обрывке листа, где художник нарисовал крылья, темнела иная сноска — они украшали геме́ра, тоже древнего исчезнувшего.

— Гемер. — Эсфирь нашла все его «кусочки». Помимо перьевых крыльев, он ничем по сути не выделялся.

Тогда она собрала эреба. Рога-волны, кожистые крылья, копыта, увенчанный грузным лезвием хвост. Такое существо она видела. Она сама лепила из чар схожих созданий и пускала их в бой, приказывая навлекать боль.

Перед глазами, как наяву, встала драка с Аспарагусом и Каладиумом. Встали хороводом эребы — эребы!

В тот миг Эсфирь не понимала, что творит. Думала, что воплотила первую картинку, нарисовавшуюся в уме. Но ныне... Боги, картинка-то, как видно, неспроста в голове возникла!

Хлопок двери чуть не подбросил Эсфирь к потолку. Она сунула книгу под плед, для надежности еще и уселась на неё, уложила ногу на ногу и судорожно выдохнула, уловив запах серы.

— Мрак! — Друг проник в лекарню вместе с рыжеватой пылью и дымным ветром. — Иди сюда!

Она вызволила книгу из заточения. Перелистнула нужные листки, складывая эреба-геме́ра. Ткнула когтем в рисунок. И костяной череп хина — невероятно! — склонился в кивке, подтверждая выводы.

— Погоди-ка, — вымолвила она, повернувшись к приятелю. — Хины! Олеандр говорил, что вы тоже древние. Еще он упоминал, что звери чувствуют близкие сущности. Чувствую тех, с кем дружили или соседствовали. Он говорил, что раз-два в год твоя стая подступает к Морионовым скалам. Зачем, Мрак? Твои предки дружили с эребами? Это ведь они там жили, верно? Поэтому вы навещаете эти места, верно? Поэтому твои сородичи помогают мне! Ох!..

Вскрик затерялся в сложенных ладонях. В уме заколотилась одна-единственная мысль: «Больше, нужно больше сведений». Эсфирь снова принялась листать книгу. На последнем листке значились краткие пояснения к каждому существу.

После названий «эребы» и «геме́ры» шли почти одинаковые слова, кое-где обесцвеченные и затертые временем:

«Эребы.

Подданные Умбры, считаются исчезнувшими. Их народ существовал задолго до пришествия ныне живущих. Бытует мнение, что они были наказаны за нескончаемые войны и разрушения и низвергнуты создателем под землю.

Место обитания — Морионовые скалы».

«Гемеры.

Подданные Тофоса, считаются исчезнувшими. Их народ существовал задолго до пришествия ныне живущих. Бытует мнение, что они были наказаны за нескончаемые войны и разрушения и подняты создателем к небесному светилу.

Место обитания — Хрустальные скалы».

Эсфирь захотелось отпрыгнуть от книги, но тело будто прилипло к ложу. Она только отклониться сумела, как если бы перед ней обнажила клыки змея.

— Я помесь исчезнувших древних?! — вскрикнула она и захлопнула фолиант, чихнув от взвихрившейся пыли. — Морионовые скалы! Они казались мне родными, понимаешь? Это правда? Я... Куда их там сослали? Как мне найти их дом? Мрак!.. Я... А почему я тогда не исчезла? Сколько лет прошло? Сколько мне лет? Я должна быть... Где? Под землей? У солнца? Где я живу? Или они изгнали меня, как двукровную? Или... Олеандр! Олеандр!..

Книга жгла ладони, как проклятое сокровище. Она словно доносила забытые голоса исчезнувших, они звенели в ушах колоколами — безумным смехом сотен братьев. Эсфирь осязала века, грузом упавшие на плечи. Чувствовала жизнь, по-прежнему стучавшую в сердцах эребов и гемеров.

Они жили! Жили где-то там, низко и высоко, под толщами земли, у небесного светила.

— Олеандр!

Он знает! Он умный! Он разберется и поможет! Эсфирь будто волной подхватило. Она вскочила. Ринулась к двери, но тут же застыла. Страх сковал плоть, не давая продохнуть. Осознание, что она двукровная, пусть и древняя, горькой отравой разлилось в сердце.

Нет! Нельзя оповещать наследника! Она метнулась к подоконнику. Несколько фолиантов попадали, когда она выскользнула в распахнутые ставни и спрыгнула на траву. С одной стороны её прикрывала стена лекарни, с другой — ограда поселения, обрывавшаяся у древесных верхушек.

Костяная морда хина, испуская дым, выглянула из окна. В алых глазах-звездах читался вопрос.

— Упаси Боги, кто-то найдет эту книгу, — пояснила Эсфирь. — Я поняла достаточно, дриадам этого понимать не нужно. Олеандру тоже! Не могу, Мрак! Не могу! Знаю, что должна ему рассказать, но... Ведаю я, как он на меня посмотрит, ежели я сознаюсь. Ведаю, что будет! Ни за что! Не сейчас! Я спрячу книгу, ладно? Зарою, наверное, да? А ты помалкивай!

Последний вопрос она задала, подколотая страхом. Вообще-то не собиралась, и так понимая — хин не выдаст. Просто не сумеет.

Замысел правителя

С приходом лимнад давление ослабло. Жаль, не исчезло. Но теперь Олеандр мог дышать глубже.

Ряды бойцов пополнили пятьдесят воинов — преимущественно женщины, вооруженные мечами и копьями. Со стороны казалось, будто они не на войну собрались, а надумали в грязи побороться для увеселения толпы. Ни брони, ни доспехов. Предплечья лимнад укрывали мшистые рукава. Рваные юбки едва прикрывали смуглые ноги, тонувшие в сапогах на завязках. Нагрудники из варёной кожи обтягивали лишь верхние части туловищ, оголяя полосы кожи на животе. То тут, то там в волосах, заплетенных в мелкие косицы, торчали висюльки с нанизанными монетками, перья, веточки, амулеты.

Дриады никогда не жаловали женщин-воинов. И все же никто не посмел бы усомниться в боевых умениях лимнад.

Поговаривали, что сражаются они, как звери. И не при каких условиях — как существа, которым ведом страх.

— Сын владыки Антуриума. — Одна из девушек, высокая и поджарая, вышла из строя. Бусины и монеты, вплетенные в шевелюру, звякнули, когда она преклонила колена. — Мое имя Айон. Я архихранительница Вальтос. Премного о вас наслышана. И счастлива встрече.

Айон протянула ладонь. Олеандр пожал её, оглядел выстроившихся в линейку воительниц.

— Взаимно. — И горячо кивнул. — Вы пришли, невзирая на опасность. От имени владыки клана дриад я благодарю вас. Ныне всё тихо. Для вас освободили хижины. Прошу, располагайтесь, мы удовлетворим ваши нужды. И оповестим вас, ежели враг подберется к Барклею. Предупреждаю, в поселении ныне пребывают хины. Но они под надзором, не тревожьтесь.

— Поняла.

Арчихранительница встала и щелкнула пальцами. Строй лимнад двинулся за ней вдоль улочки, стиснутой домами. Двое воинов-дриад поравнялись с Айон, чтобы вручить ей связки ключей на кольцах.

Олеандр превратился в натянутую струну. В последующие дни расслабиться не помогали ни чары, ни тепло Эсфирь. Он всё хотел поговорить с ней о ночи, которую они провели вместе. Знал — она переживает из-за Фрезии. Вроде и себя не осуждает, вроде и его не осуждает — во всяком случае, вслух. Но все-таки размышляет о правильности того порыва, приведшего к разделу ложа.

Да что там! Олеандр и сам об этом думал. Пытался. А разум обрезал мысли на корню, не позволяя прорасти, и твердил: «Ты что, рехнулся? Возможно, вы скоро погибнете. О битве думай, о тетке и вырождаках». И он запирали рот на замок. Запирал, хотя Эсфирь мрачнела всё пуще и пуще. Запирал, потому что вступать в сражения нужно с холодной головой.

Барклею застыл в ожидании. Жизнь, чудилось, больше не текла по венам дриад. Не только Олеандр — многие боялись думать о будущем, потому как оно виделось туманным. Маячило вдали. Но чтобы подступиться к нему, существам надлежало перепрыгнуть пропасть, утыканную кольями.

Чем больше дней терялось во времени, тем сильнее маялся Олеандр. Ночами он толком век не смыкал — то терзался мыслями, верно ли расставил воинов, то из угла в угол бегал,

чтобы просто отдышаться. К чему скрывать, привык он, что плечо и совет отца всегда рядом.

За себя решать несложно: ошибешься — сам пострадаешь. Иное дело, когда нужно решать за клан. И гадать, к чему приведут свершенные выборы. На чьих шеях ненароком затянулись петли.

Олеандру хотелось закрыть глаза. Сосчитать до десяти и понять, что никакие выродки и чокнутая тетка по душу не грядут. Хотелось осознать, что все опасения — страшный сон, плод воображения. Но куда там! Рассветный ветерок тронул уши вместе с воем конха.

Трубное оповещение прокатывалось по улицам, сметало воинов с кроватей и выгоняло во дворы.

— А?.. — Эсфирь как лежала, так и вскочила, завертелась вокруг себя, что-то выискивая.

Сбежал по лестнице Сапфир, на ходу цепляя за пояс ножны с мечом. Проплыл мимо него Глен, одергивая кожаный нагрудник. Спустя миг Зеф заколошматил в дверь лекарни, надрывно вопя, что небо озарили вспышки чар — знак, что дозорные у Морионовых скал заметили в небе подозрительное движение.

— Сколько? — спросил Олеандр, когда приятель прорвался в лекарню вихревым потоком.

— Поди сосчитай всех! — прогорланил Зефирантес. — Много! Больше пятидесяти! Феникс среди них!

Твою ж!.. Еще и огонь! Плохо дело!

— Идем навстречу? — Голос Зефа дрогнул. Уголки век задрожали. — Ждут все твоего приказа.

— Боги!

Олеандр сглотнул. Первая же мысль, что бой вот-вот грянет, отозвалась в груди жжением. Страхом за чужие жизни. Осознанием, что его воинские навыки оставляют желать лучшего.

Он оглядел друзей. Они поочередно кивнули, вдыхая в него спокойствие и уверенность.

— Вперед, Листочек. — А улыбка Эсфирь и вовсе обнадежила и подтолкнула его ко двору.

Зелёное свечение окаймило Олеандра. Колдовство растеклось по листе на предплечьях. Он вышел на крыльцо. Вскинул руки, намереваясь пустить в небо сигнал, дать хранителям понять, что пора запрягать скакунов.

Как вдруг в уши вторгся трубный вой. Из будки, восседавшей на ветви дерева, выскользнул юный дозорный.

— Правитель Антуриум! — прокричал он. — Владыка вернулся! Велит не нападать!

— Что?! — воскликнул Олеандр.

— Что?! — выкрикнул за его спиной хор голосов.

Местом встречи дозорный назначил главную площадь, где раскидывало корни и ветви Вечное Древо. Туда Олеандр и рванул, чувствуя, что на предплечьях от радости того гляди бутоны проклюнутся. В боку кололо. Он едва не врезался в двух хинов. Звери отпрыгнули от него, как от полоумного. Друзья что-то кричали вслед, догоняя. Но он лишь отмахивался.

А корни Древа уже прошивали дорогу. Олеандр обогнул один. Нагнувшись, нырнул под другой, изогнутый кривой аркой. Нырнул — и сердце ударилось о ребра, растревоженное радостью встречи.

Отец! Его отец, живой и невредимый, уже спешил. Хлопал загнанного элафия по

боку, подавая хранителям ладонь для рукопожатий. Все такой же. Ни капли не изменившийся. С короткостриженной бородой, обступавшей губы плотным квадратом. С темно-каштановыми волосами, небрежно зализанными к затылку. И золотыми глазами, которые пронзали насквозь, глядели в самую душу.

— Мой сын, моё сердце, — произнёс отец, и Олеандр встретил его золотой взгляд. — Иди ко мне!

Олеандр храбрился. Старался не выдавать чувств. Но тщетно. Слезы застелили взор, поэтому шагал он, ничего не видя. Ступал на голос до тех пор, пока лицо не уткнулось в ткань походной накидки, пропахшей пылью дорог. Пока горячие руки не обняли его, не прижали к груди.

Устал Олеандр быть сильным. Здесь и сейчас, рыдая в объятиях отца, он чувствовал себя ребёнком, который выставлял колючки из страха уколоться о чужие. Глупцом, которого впервые затянуло в круговерть интриг. И по итогу он совершал ошибку за ошибкой, раз за разом терпел поражение.

— Ведаю, что подвел вас, — шептал отец, пока хранители обступали его ободом. — Ведаю, что обманул. И все же прошу о доверии. Я знаю о смуте. Пускай сестра моя подходит к Древу. Обращать лес пеплом она не жаждет, поверьте. Она не нападет, ежели не нападём мы.

— Где ты был? — Олеандр вскинул голову и посмотрел на него. — Почему так долго, Боги?!

— Неважно, — шепнул ему на ухо отец. — Одно скажу: я многое видел, очень многое. Доверься мне, сынок. Ты молодец, слышишь? Ты достойно сражался. И всё сделал правильно — не сомневайся. Расставил хранителей, защитил поселение, призвал лимнад. Я горжусь тобой и хочу помочь. Позволишь? В конце концов, это моё прошлое и мои выборы.

— Я верю тебе, — вымолвил Олеандр. — Всегда верил...

Свет золотых глаз ускользнул. Устремился к хранителям, по чьим рядам поползли шепотки.

— Мы верим вам, владыка, — прозвучало за спиной Олеандра. — Ежели позволите, сообщим о вашем решении стражам в лесу.

— Поторопитесь.

Сквозь складки ткани Олеандр услышал, как сердце отца ускоряет бег, долбит по ребрам все сильнее и сильнее. Отец глядел куда-то вперед, не мигая взирал на кого-то, кто источал холод.

Глендауэр! Олеандр медленно обернулся. Друзья догнали его: Сапфир тут же пожал его отцу руку. Эсфирь, окруженная хидами, замерла неподалеку у корня. А Глен припал на колени, и белые волосы скатились ему на плечо, словно оголяя полоску кожу — для меча, которому должно отсечь её от тела.

— Боги милостивые, — прошелестел отец. — Вставай, Глендауэр. Вставай и сражайся за тех, кто тебе дорог. А прошлое... — Он тяжело вздохнул. — Оставим прошлое на суд времени.

Его взор переметнулся к Эсфирь и хидам.

— Рад знакомству, господи.

— Здравствуйте, я Эсфирь, — произнесла она, и Олеандр усмехнулся. — Я слышала о вас много хорошего.

— Отрадно. Но потом, все потом!

Отец хлопнул в ладоши.

Пошла суматоха. За считанные мгновения дриады обратились в одно целое. Не слышалось ни ругани, ни споров. Невзирая на ложь правителя, никто ему не перечил. А оставшаяся в поселении Стальвообщене сводила с него глаз.

Только Олеандр и выбился из стаи. Вопросы варились в мозгу и раздирали на куски. Он не понимал, почему молчит, в тот миг как отец творит невесть что — позволяет Азалии подступить к Древу в сопровождении двукровных.

Никаких бесед с узурпаторами! Никаких снисхождений! Отец что, запомнил писанные уставы? На кой ему сдался разговор с сестрой? Снова жалеет? Думает, есть шанс примириться?

С той, кто ведет в Барклей полчища вырожденцев?

Бред! Олеандр прицокнул языком и перемялся с ноги с ногу, уверенный, что скоро либо загорится, либо взорвется. Его потряхивало. Но он все еще держал язык за зубами — отец явно что-то замыслил.

Часть воинов выстроилась у Древа, чтобы оберегать владыку. Другие разбрелась по поселению и лесу. Очертания Эсфирь терялись в сизом дыму, хины стискивали её с боков. Чуть поодаль, рядом с ниспавшей на землю ветвью-громадиной, маячили Сапфир и Зеф. Глен углядывался на сучке над ними — оцепенел там с таким видом, будто внизу вот-вот пробежит злоумышленник, и он спрыгнет ему на шею, за чем последует влажный хруст, с которым сворачивают шею.

Лишь правитель стоял близко-близко к Древу, у трона, будто главная мишень.

Даже Олеандра он отослал подальше — к Рипсалису и парочке лимнад, которые сидели на корточках и разве что орехами не щелкали.

Что поделать, клан клану — не двойник. К противостояниям и сражениям везде относятся по-разному.

Ждали долго. Даже очень долго. Скучившиеся над головой ветви не позволяли углядеть и клочка неба, что уж и говорить о двукровных летунах. Свет золотоцветов, заливший площадь, не помогал.

Но в какой-то миг вой конха прокатился по улочкам и стих. В сгустившейся тишине скрип главных врат звучал поистине угрожающе.

Началось...

Вторжение откликнулось в груди Олеандра протестом. Желанием броситься в бой и вымести вырожденцев из поселения и леса. Чем больше двукровных приземлялись на крыши и тропы, тем отчаяннее рвалось из груди сердце, тем крепче Олеандр стискивал рукоять меча.

Бойня у моря не раз преследовала его в кошмарах. Тогда Гера и Вия забрали жизни многих дриад. Вдвоем. А что натворит стая вырожденцев? Да они и прутика от поселения не оставят! Разобьют всё в труху!

Капля пота скользнула за шиворот, и Олеандр поежился. Не сразу, но приливший к лицу жар ударил в голову. Колесики разума завертелись, подсчитывая угрозу. Найры, гарпии, стемфы, сирены, лимнады, элиады. Кого только Азалия не пригрела под листвой! Со стороны казалось, что она собрала всех существ мира, чистокровных тоже — по-видимому,

таких же изгнанников.

Они подлетали и подступали со всех сторон, заполняя улицы. И большинство из них посматривало на Азалию с благоговением, как на божество. Они следили за ней, медленно поворачивая головы. Следили, как она ступает к площади твердым шагом, скрываясь за телами иных вырожденков, словно за прутьями клетки.

Оцепленная живыми щитами, Азалия нырнула во тьму ветвей, и златоцветы на стволах и оградах вспыхнули. Замерла в тридцати-сорока шагах от трона. Вскинула подбородок выше, чем положено. Скрестила руки на груди, и ветер качнул её локоны, оголил пересекавший щеку шрам.

Золотой свет мигнул и снова озарил площадь. Отразился от эфесов мечей, заиграл на вздымавшихся корнях и листве.

Каладиум нашелся по левую руку от Азалии. По правую — чтоб ему поперхнуться! — пристроился Аспарагус.

А подле него...

— Рубин? — придушено пискнул Сапфир.

Олеандр полагал, что зрение его подводит. Всё ждал, когда юноша с алыми крыльями сгинет. Но нет. Рубин не расплылся видением. Так и шаркал каблуком сапога по земле. Пряжки его сапог клацали, умерщвляя тишину.

— Ты с горы рухнул? — Восклик ореада прозвенел в воздухе, оборвавшись на самой высокой ноте.

— Сапфир! — воскликнул Олеандр.

Но его голос потонул в отцовском:

— Сын Цитрина, попрошу вас! — Отец вскинул ладонь, пресекая дальнейшие вопросы.

— М-м-м, — протянул Каладиум с лукавой улыбкой. С губ его сорвался тяжелый вздох, когда он посмотрел на Эсфирь. — Гляжу, не сильно вы от нас отличаетесь. Тоже кдвукровнойобратились? Антуриум?.. В жизни не поверю, что ты счел эту девушку чистокровной. Или?.. Или что? Не понимаю. Дайте угадаю... она не рассказала вам, что у курганов учудила?

— Помолчи, Каладиум, — раздался женский голос, от которого у Олеандра листва встала дыбом.

Вырожденки расступились по щелчку пальцев. Азалия шагнула вперед, и рукава её алой рубахи, стянутой на талии кожаным поясом, на миг раздулись. Слухи и портреты не лгали — уродилась она красавицей. Хотя ныне лицо её несло печать отчуждения, словно взирала она на чужака — не на родного брата.

— Здравствуй, Антуриум. — Она тоже покосилась на Эсфирь и усмехнулась уголком губ. — Думаю, ты понимаешь, чего я хочу? Думаю, сознаешь, что долгие беседы меня не возрадуют?

Олеандр посмотрел на отца. Тот не повёл и бровью. Его черная накидка отчетливо выделялась среди зелёных — двое хранителей стиснули его с боков.

— Уверен, переубедить тебя мне неподвластно, — вымолвил он, изучая то сестру, то Аспарагуса. — Ненависть твоя глубока. Но разрушения и жертвы ни тебе, ни мне чести не сделают.

— Дозволив нам войти, ты поступил разумно, — произнесла Азалия и сомкнула зубы, будто запирая рвавшиеся на волю проклятия. — Но что дальше? Возвратишь меня в род, вверишь бразды правления?

— Истинно.

Тишина грозила растянуться на целую вечность. Нечасто владыка раскидывался пустыми словами. Да что там! Он никогда не выпускал в мир решения, прежде не взвесив «за» и «против». Перешептывания стёрлись — мало кто предвосхищал столь дрянное развитие событий.

— Я не вчера родилась, Антуриум. — Голос Азалии заскрежетал, как клинок по металлу. — Где подвох?

— Нет подвоха. — Отец пожал плечами. — Я просто хочу разрешить спор малой кровью. Ужель это тебя изумляет?

Олеандр едва дышал. Отец что, и правда хочет передать сестре правление? Это не сон? Не шутка?

— Докажи, — бросила Азалия.

Отец мазнул ладонью по воздуху. Зеленая дымка соскользнула с его пальцев. Закружилась и развеялась, являя взорам собравшихся посох правителя. Его древесную рукоять венчал опутанный лианами стеклянный шар. Внутри шара качал ветвями миниатюрный близнец Древа.

— Изволь. — Отец подхватил посох и прижал к стволу.

Не прошло и мгновения, как Древо начисто его поглотило. Каждую ветвь охватило свечение, тут же погасшее.

Вечное Древо признало нынешнего владыку, поняло, кто посмел воззвать и обратиться к нему.

— Что он творит, Боги?! — прохрипел Олеандр, чувствуя, как трясутся пальцы и поджилки.

— Сердце наше, — между тем бормотал отец. — Защитник наш и прародитель, я взываю к тебе и молю: прими в род старшее дитя моего отца. Доверь ему бразды правления, напитай силой...

Невзрачная тень отделилась от отца, нырнула в ствол. Древо вспыхнуло пуще прежнего. Замахало ветвями, рассыпая листву. Корни дрогнули, извиваясь и раскачивая почву.

Старшее дитя! Азалию! Нет-нет-нет! Олеандр пожелал остановить это безумие. Но из рта вырвался невнятный писк. Он поглядел на Аспарагуса. Бывший архихранитель скрестил пальцы у бедра и улыбнулся в усы.

Молчать просит? А не пойти бы ему!.. В груди разгорелся пожар. Но Олеандр умолк, сам не ведая почему.

Желанный дар преподнесли Азалии на блюдечке. По её лицу пробежала тень сомнения. И все же жажда власти победила. Она тронула свисавший у щеки прут.

Аспарагус вдруг отступил от неё и скрылся за спинами вырожденцев, взвихряя пыль.

Свечение растеклось по коре Вечного Древа. Загуляло по ветвистой крыше, стелясь к Азалии, будущей владычице Барклей.

Влево-вправо, влево-вправо. Олеандр не верил. Отказывался верить узримому. Он снова открыл рот, намереваясь окликнуть отца — прокричать, что тот, верно, с ума сошел. Как вдруг свечение, подлетев к Азалии совсем близко, резко устремился вбок, приковывая взоры.

Сотни существ синхронно повернули головы, следя за чарами. Огонёк метнулся вниз по скрученной лозе, угодил за вздымающийся корень и сгинул. Кровь загромыхала в ушах, когда Олеандр понял, кто ступил к ним, охваченный светом, кого правитель принял в род.

Аспарагус?! Серьезно?! Он сорвал с запястья лозу и размял шею. Распахнул залитые

зеленым глаза. Волосы его превратились в травяные нити. Посох выскочил из ствола и угодил в поднятую ладонь.

Волна потрясения захлестнула всех, кроме Аспарагуса. Олеандр и пискнуть не успел, как тот ударил посохом о землю.

Древо издало пронзительный гул. Вспыхнуло, испуская искры, разгораясь все ярче и ярче.

— Убирайтесь из поселения! — не восклик — рык сорвался с губ Аспарагуса и прокатился по округе.

Мир затопило зеленью чар. Неведомые силы подняли Олеандра в воздух, толкнули в грудь. В ушах засвистел ветер. Перед взором все закружилось. Он не сумел бы сказать, как долго летел. Но вскоре его вышвырнуло в лес, и он прокатился по траве. Моргнул, силясь осмыслить произошедшее.

Аспарагус — сын Эониума? Старший?!

Рядом прозвенел голос отца:

— В бой!

Рубина вымело из поселения. Он и пальцем не успел пошевелить, как зеленая вспышка ударила в грудь, и он рухнул далеко за оградой. Проехался, срывая колосья и сорняки, и ударился головой о камень.

Говнище! В ушах загудело, мир вокруг расплылся пятнами. Расколупывая когтями землю, Рубин встал на корточки. Дернул лопатками — и крылья распахнулись, алые перья посыпались.

Последствия удара еще долго давали о себе знать, сотрясали видимое. Ребра саднило, бок тоже — в миг падения рукоять клинка врезалась Рубину чуть повыше тазовой кости, и теперь там наливался синяк.

— Спокойно, — Рубин смахнул с плеча грязь и огляделся.

Он очутился на поляне. Чуть левее валялись две девицы с кожистыми крыльями, на их шеях стянулись лианы. Впереди, нанизанный на стоящий колом корень, висел еще один выроденец.

Вдали сверкала над кронами шапка зеленого купола — поселение защищал колдовской кокон.

Что ж, знатно Аспарагус ударил. Подумать только, сын Стального Шипа!

Сперва Рубин хотел поджарить пару деревьев и сбежать, но мысли о побеге выветрились. Боковым зрением он выцепил бледное тело того, чьи кишки с радостью намотал бы на ветви.

Глендауэр! Рубин сощурился, следя за деревьями, обступавшими поляну, и белой тенью, которая прыгала по ветвям. В просветах листвы снова мелькнул хвост меловых волос.

Рубин по-птичьи заклекотал. Искра гнева вмиг обернулась потоком звериного бешенства.

— Ты! — Струи пламени сорвались с пальцев, ударили в ствол раз, второй, третий, четвертый...

Огонь разгорелся мгновенно. Охватил деревья, пуская по ветру жженую листву, рассеивая запах гари. Как и ожидалось, убийца Азера прыгнул, сошел на землю в длинном кувырке.

— Ну здравствуй, падаль! — прокричал Рубин, когда разномастные зенки уставились на него.

Глендауэр разогнул спину под сумасшедших хор голосов и лязг металла, доносившийся издали. Нити белых чар вспыхнули между его ладоней. Рубин снова ударил огнем. Пламенный шар ринулся к Глендауэру и врезался в ледяной щит, выросший из почвы.

Щит ухнул на траву, рассыпая брызги. Взметнулась волна. Она понеслась на Рубина искрящимся капюшоном. Клятые океаниды! Он ушел в сторону. Хлопнул крыльями, поднимаясь в воздух. Не рассчитал маневра — вода ударила по крылу.

Рубин покачнулся. Воззвал к чарам, и пламя окутало его защитной оболочкой. С высоты он видел, как на поляне вьются десятки белых существ. Видел, как между ними вырастают ледяные копыя. Понял, что его пытаются надурить. Запутать и рассеять внимание на морозных двойников.

Где настоящий?!

Все они теперь пялились на Рубина. Пялились снизу-вверх, как и положено столе

мерзким отродьям. Первое ледяное копьё просвистело над плечом. Второе едва не пронзило грудь, но Рубин резко ускользнул в сторону. Третье цапнуло край крыла, сбивая перья.

Проклятие! Рубина повело. Он привык сражаться, чувствуя землю под ногами. Поэтому ринулся к поляне, выделяя взглядом существо, чьи очертания не плыли, не серебрились морозной окантовкой.

Сосредоточенность и молчание Глендауэра раздражали, напивали кровь яростью. Еще до того, как ступни коснулись почвы, Рубин воззвал к пламени, приземлился в приседе. Встал и сбил очередное копьё пламенным хлыстом, отшвыривая в сторону уже воду.

Брызги разлетелись дождем. Алый шарик вспух между ладоней Рубина. Огонь выплеснулся потоком. Превратился по пути в птицу, которая понеслась на Глендауэра, раззявив клюв.

Какое-то время Рубин видел лишь дым и огонь, пожиравший врага. А когда отозвал чары, уронил челюсть. Глендауэр припал на колено, водяная оболочка облизывала его, как вторая кожа.

— Да ну в пекло! — прошипел Рубин.

Глендауэр распахнул веки. Его глаза расчертились вертикальными зрачками. Он выкинул руку в сторону, и водица стекла с него вуалью.

— Хин бы тебя побрал! — Рубин напряжился.

И пошла пляска.

Скорость океанида поражала. Если бы Рубин отвлекся хоть на миг, из крыла, а то и сердца, уже торчал бы стилет. Только он хотел ударить, осколки ледяной пыли устремлялись к нему, сбивали с толку. Только ускользал от осколков — глаза перехватывали сверканье лезвия.

Приходилось отходить, отступать, чтобы не подохнуть. Ни мгновения, чтобы ударить! Ни шанса, чтобы прийти в себя!

Морозный туман и дым заполнили поляну. Океанид выматывал Рубина, заставлял ошибаться. Рубин отскочил от полоснувшего воздух клинка. Взмахнул крыльями, чтобы взлететь, и вдруг в шаге от него рухнул грузный булыжник. Крылатая тень отразилась на траве.

— Глендауэр, не надо! — качнул дымную взвесь знакомый голос. — Беги к поселению, я сам разберусь!

— Где Малахит? — подал голос Глендауэр.

— Не ведаю! — Сапфир сошел на булыжник в полуприседе. — Нас раскидало, но у врат я видел владыку Антуриума!

— Сгинь, Сапфир! — прошипел Рубин и вздрогнул — два валуна грохнулись по бокам от первого. — Дай мне убить его!

— Ты со скалы рухнул?! — Брат повернулся к нему. — Зачем ты связался с Азалией?! Зачем, Рубин?! Что ты творишь?! Зачем бьешься против друзей?!

Морозные двойники схлопывались один за другим. Волна тянулась за убегающим океанидом, как хвост.

— Язви вас!.. — Рубин дернулся за ним, но тут же отскочил — дорогу снова отрезал тяжеловесный булыжник. — Сапфир! Не хочу я с тобой драться, смекаешь? Мне нужен только Глендауэр!

— Зачем?!

— Он убил моего отца!

Возглас прокатился по поляне, загулял от дерева к дереву. Рубин тяжело дышал, крылья то подсвечивались красным, то гасли. Сапфир глядел на него, как глядят на душевнобольных:

— Наш отец жив! — Его возглас заглушил треск горящих деревьев. — О чем ты, брат? Наш отец...

— Мой отец! — гаркнул Рубин. — Не наш! Мой! Азер! Я узнал его имя! Он пал от руки Глендауэра и его пособников!

— Что?! — Сапфир дернул плечом. — Азер! Владыка Ифлога? Ты принц?

— Буду им, брат, — Рубин осклабился. — Буду!

Пелена замешательства спала. Он взмахнул крыльями. Ветер подхватил его, поднимая и унося к полыхавшим деревьям.

Рубин набирал скорость, чувствуя, что брат летит за ним тенью. Резко дернулся вбок, чтобы уйти от преследования. Да какой там! Сапфир предвосхитил маневр, на лету вцепился в него мертвой хваткой, и они кубарем повалились на кроны. Путаясь в лозах и ломая ветви, рухнули на землю.

Боль вгрызлась в тело, но Рубин вскочил. Поглядел на сжавшегося в комок брата. И рванул в лес, разжигая пламя.

— Идиот! — выкрикнул Сапфир.

С каждым проблеском лезвий, с каждым всплеском чар лес трясло всё сильнее и сильнее. Барклей превратился в поле боя — в полосу препятствий, где любой луч света, любой звук мог повлечь смерть.

Друзья и враги слились в одно движущееся пятно. Остались только инстинкты, толкавшие Аспарагуса вперед. Осталась только бурлящая в крови сила, дарованная братом и Вечным Древом.

Стрелы вонзались в деревья и указывали безопасные направления. Хранители носились на высоте — и прутья, охваченные зеленью чар, сплетались под их сапогами тропами.

Травяные волосы Аспарагуса шевелились как живые. Он бежал по земле, на ходу вызволяя из ножен меч. Поворачивал голову то влево, то вправо, выхватывая в отблесках колдовства недругов.

Арбалетный болт пронесся рядом. Разрезал воздух и воткнулся в грудь твари, хлопнувшей перепончатыми крыльями.

Другую полугарпию Аспарагус умертвил, подкравшись сзади. Клинок с влажным хрустом врезался ей в спину.

Аспарагус пинком отправил жертву к краю ямы, утыканной копьями. Она шагнула в пустоту и сгнула. Он обернулся. Увидел, как неподалеку пробежал на крохотных ножках блуждающий огонек. На миг тот завис в воздухе. Развел ручонками, как бы говоря «Вы и сами тут справились». И метнулся вверх, к сидящей на ветви лимнаде, которая подмигнула Аспарагусу и скрылась в листве.

Песнь сирены растекалась по лесу, тревожила слух, но разум не дурманила — слишком далеко!

Ямы окружали Аспарагуса. Земля между ними бурлила. Но тратить чары на выделку «моста» и спуск ветвей он не желал. Повезло — одну яму пересекало упавшее дерево. Ствол,

ощерившийся переплетением корней, вел к твердой почве. Аспарагус пробежал по нему. Узрел на дне насаженного на колья дриада — наполовину обглоданного, его вывернутые ребра омывала кровь. Нагнулся, избегая корней и свисавших с них комьев почвы.

Вскинул голову, услышав сверху шелест. Еще чуть-чуть — и двукровая спрыгнула бы на него и впиалась в шею когтями. Он ускользнул от нее в повороте. Она сошла на землю в шаге от него. Выгнулась, поднимая дрожащий вопль. Аспарагус выхватил из-за пояса нож. Прицелился.

И в тот же миг к вырожденке подскочил Зеф. Обрушил ей на ухо удар палицы. Казалось, голова её должна отлететь, утягивая за собой хвост крови. Но нет. Вырожденка только отступила. Запнулась о выросший сорняк и рухнула в плотоядный цветок, раскинувший на траве лепестки. Бутон сомкнулся. Из чрева его донеслось шипение вперемешку с бульканьем.

Наверху запела тетива — чуть поодаль несколько хранителей со стальными шипами на плечах всаживали в ковылявшую по тропе стемфу стрелу за стрелой. Она шла на них, как живая мишень.

Шла и «собираала» стрелы, превращаясь в нечто, истекавшее кровью.

— Мастер. — Зеф смахнул со лба мокрые кудри.

Одернул кожаный нагрудник и кивнул. Аспарагус наградил его ответным кивком и огляделся.

Он ведал: многих двукровных погубило Древо, но выродки есть выродки. Часть из них выжила, раскиданная по Барклею. Одни уже напоролись на мечи хранителей. Другие еще буйствовали.

Дым от горящих деревьев утекал в небеса. Пускал по ветру листву и разносил запах гари.

— Где наследник и правитель?! — выкрикнул Аспарагус, тшась перекричать звон стали и треск коры.

— Так вы же правитель!

— Зефирантес, не тупи!

Зеф схватил за поводья бегущего мимо элафия. Запрыгнул в седло на бегу, тревожа дымную взвесь.

— Я найду их! — пробасил он под drobный перестук копыт.

Аспарагус ощутил поблизости шевеление. Выцепил среди смога и горящих обломков летящее копьё. Две лимнады выскочили из кустов. Перепрыгивая через валявшиеся трупы, понеслись невесть куда и затерялись в дыму. Аспарагус поглядел влево: стрела прошла выродка наяды, тот упал на колени, прижал ладони к груди, пропуская кровь между пальцев. Поглядел вправо — и перехватил взглядом блеск разящего кинжала.

Проклятие! Аспарагус ускользнул от лезвия в повороте. Позолоченный клинок просвистел у шеи. Вонзился в дерево, раскрошив кору. Не удержался и упал на островок выжженной земли.

Золотой кинжал! Ну конечно! Кого еще госпожа Судьба могла подвести к Аспарагусу?

Каладиум подходил, едва переставляя ноги. Жирная капля крови свисала с его подбородка. Незажившие увечья тяготили его. Кривили лицо. Отжимали силы. И все же неспроста его одарили столькими незатейливыми прозвищами. Он не внушал бы братьям страх, ежели бы не умел терпеть, ежели бы оседал из-за ранений в кустах и сдавался на милость врагов.

— Бастард Стального Шипа, стало быть, — прошипел Каладиум. — Озарение меня настигло, ведаешь? Все на места встало, Аспарагус! Эониум знал, истинно? Знал, но сокрыл греховное деяние. Первый сын! Первый внебрачный сын, чтоб вас мантикоры разодрали! Вот почему он не позволил тебе жениться на Азалии! Вот почему тянул к верхам, плюнув на меня, хотя я день ото дня выслуживался перед ним, исполняя малейшую прихоть!

Они двигались по кругу, держа клинки наготове. От Каладиума смердело гневом и уязвленным самолюбием. Меч его рисовал в воздухе косые полосы и отражал свет чар, гулявших по лесу.

— Ты тоже знал? — рявкнул Каладиум.

— Нет, — Аспарагус до боли стискивал рукоять клинка. — При жизни его не знал, узнал позже — мать перед кончиной покаялась.

— Антуриум?..

— Догадывался.

Аспарагус и моргнуть не успел, как собрат налетел на него. Звякнула сталь, клинки скрестились, проехали друг по другу, рассыпая искры. Каладиум отскочил, снова замахнулся, но рассек воздух — Аспарагус выгнулся назад, пропуская удар.

— Не о том ты думаешь! — прокричал он, отступая. — Скажи мне, Каладиум! Скажи, на что ты рассчитываешь? Воззови же ты к разуму, Боги! Любить — не значит слепо следовать. Полагаешь, Азалия возродит Стальные устои? Ты ведь сам толковал!.. Сам обвинял меня, мол, это я предал Эониума! А что насчет тебя? Ты жаждешь возвращения давних порядков! Но одного желания, поди, маловато! Азалия ненавидит нас! Она нарушила данные тебе обещания! Она убила Клематиса и Птериса! Она убьет тебя, коли...

— Заткнись!

Очередной удар меча Аспарагус парировал наискось. Каладиум ловко вывернулся, нырнул под скрестившиеся клинки и зашипел. Пробежал к ближайшему дереву, едва не пропахав носом почву. Одевание не позволяло углядеть его раны, но рубаха его насквозь пропиталась кровью, подсказывая, что дело плохо. Оставленные хижами сшитые порезы открылись.

Ослабевшее тело подвело Каладиума. Он упёр острие меча в землю, навалился на него и слизнул с губ кровь.

— Не враг я тебе, — вымолвил Аспарагус. Каладиум обратил к нему взгляд, полный смятения. — Видят Боги, я не желал переходить тебе дорогу! Никогда! Хватит, Каладиум! Ради Тофоса, прекрати ты уже доказывать мне свое превосходство! Или?.. Или что? Признания ожидаешь? Хорошо! Ты лучше! Ты всегда превосходил меня! И я восхищался твоим мастерством!

Аспарагус протянул ему ладонь. Прильнув виском к дереву, Каладиум зыркнул на неё так, будто ему дохлую крысу подсунули. Было видно, услышанное лезвием истины кромсало его и без того израненную гордость.

Каладиум цветисто выругался. Устремил глаза к дымной взвеси, провожая прорывавшихся сквозь неё птиц. Минула, казалось, вечность, прежде чем он отлепил пальцы от коры — и две ладони с хлопком встретились. Аспарагус дернул его на себя, помогая сохранить опоры и равновесие.

Забившаяся в ноздри гарь напомнила, что сражение не окончено. Близость пламени пронеслась по телу покалываниями. Жаром явно тянуло с высоты. Аспарагус вскинул голову.

Поздно он заметил крылатую тень Рубина, зависшего над ними.

— Ты должен править! — Каладиум уперся ладонями в грудь Аспарагуса, оттолкнул его и упал на колени, оказываясь на четвереньках.

Словно из ведра, пламя хлынуло с неба и охватило Каладиума. Он даже не вскрикнул. Повалился на бок, превращаясь в кучку пепла, кою скоро разнесет по миру ветер.

— Сдохни! — Рубин хлопнул крыльями и скрылся в удушливом смоге.

— Боги... — Аспарагус смотрел на пламя, чувствуя странную пустоту внутри.

Он медленно выдохнул.

— Прощай, друг. Прощай, брат.

И рванул на луг — к мешанине сражавшихся, откуда то и дело высверкивали вспышки чар.

Олеандр не ведал, куда отшвырнуло остальных. Но его, чудилось, забросило в самое пекло — во чрево разразившегося побоища. Он вообще не понимал, почему до сих пор жив. Разноцветные вспышки чар били по земле и деревьям, разрезали воздух то тут, то там.

Отец желал разрешить спор малой кровью? Малой, твою ж деревяшку?!..

Трупы усеивали лес, полыхавший колдовским адом. Всё вокруг гремело и звенело. Но Олеандр бежал напролом. Эсфирь и хины кружили на лугу, окутанные дымом, искрами сталкивающихся снарядов. Он видел их, видел и мчался к ним, позабыв об осторожности.

Слава Богам, живы! Еще живы!

Один раз Олеандра прибило к дереву воздушным потоком. Дважды он отпрыгнул от водяных струй, которые едва не смыли его в овраг. А чуть раньше почти угодил в пасть плотоядной искусительнице сирене — её заунывная песнь на миг поработила разум, пробудила внутри греховные чувства.

К счастью, Айон очутилась рядом. Метнула в мерзавку копье, и та рухнула с дерева.

За спиной Олеандра шлепнулось тело дриада с рассеченным горлом. В груди разгорелся пожар, но он не позволил ему омрачить суждения. Только на миг обернулся и снова рванул на луг.

Олеандра прикрывали. Поэтому он просто мчался вперед, надеясь спасти крылатую дуреху, которая сдуру вмешалась в сражение.

Зря, очень даже зря он не отослал Эсфирь в Вальтос! Но кого теперь волнуют его сожаления?

— Олеандр, слева! — Он услышал крик Зефа и прильнул к стволу, пропуская летящую стрелу.

И полунайра с крыльями, моргнув сразу шестью глазами, захромала, прошита навывлет. Шлепнулась лицом на траву, и кровавая струя забила из ее спины. Тут же десятки мшистых — лимнады! — копий прибили её к почве.

Почти пьяный от творившегося вокруг безумия, Олеандр вскинул голову. Отец и Зеф скакали к нему галопом, прорываясь сквозь дым, комья грязи летели из-под копыт двух элафия.

Паника распускалась внутри, словно побег цветка. Оглядываясь, чтобы не пропустить новый удар, Олеандр дождался, когда отец замедлится и свесится с седла, схватился за протянутую руку и заскочил на спину элафия.

— Опомятуйся, Олеандр! — прокричал отец. — Воззови к разуму и сосредоточься! Ты

рассеян!

Да ну?! Олеандр не отозвался, шуря слезящиеся от ветра глаза. Беспокойный элафия вертел мордой. Рвал поводья в сторону, не желая скакать к звону и всполохам. Дорога под ним казалась движущейся полосой — пыльной и бесконечной. В невообразимом прыжке он перелетел через поваленное дерево и стрелой выскользнул на луг.

На глазах Олеандра водяной ураган смёл двух хинов и обрушился на землю брызгами. Отец круто развернул элафия, отчего тот встал на дыбы. И метнул в землю сгусток чар.

Перед Эсфирь вырос древесный щит. Поток скрученного воздуха врезался в него и не сумел пробить. Только содрогнул и рассеялся, тревожа дым. Стрелявшая полугарпия взмыла в воздух. Крылья её затрепетали.

— Олеандр! — выкрикнула Эсфирь, и эхо её крика прокатилось по полю брани.

Их взоры пересеклись. Ненадолго. Она устремила залитые белым глаза к гарпии и ударила. Белесая дуга света, ускоренная поворотом, сорвалась с разведенных рук Эсфирь, как резинка с рогатки.

Гарпия парила на такой высоте, с какой нельзя упасть, не превратившись в сломанную куклу. Она тоже ударила — ударила потоком скрученного воздуха. Два снаряда встретились в небе, рассыпая искры. Свет не подавил ураган, но перетек через него, будто через пустоту. Воздушная струя врезалась в почву, Эсфирь ускользнула от нее, забрызганная грязью.

Свет окутал гарпию, и она закричала. Захлопала крыльями. Заплясала в воздухе, как пьяная.

— Уведи её, Олеандр! Спрячь! — резанул по ушам крик отца. — Пусть бережет силы! Азалия близко!

Потерянность и страх исчезли — словно схлынули к траве, когда Олеандр соскользнул с элафия и закрыл Эсфирь собой. Вырвал меч из ножен и бросил в почву вспышку чар. Корень вынырнул на волю, и пикирующая гарпия сама насадилась на его острие.

Её янтарные глаза сверкнули. Обрывки одеяния дымились. Обожженное, разрисованное вздувшимися венами лицо несло печать безумия. Недолго. Скоро гарпия сомкнула веки. Пала с самодовольной усмешкой на губах, в тот миг как в спину ей еще вонзались копья.

Воздух клокотал, перенасыщенный чарами, остервенением и гневом. Пыльца и пепел забивались в нос и глотку. Выродков на лугу становилось не меньше, а больше — казалось, кто-то гонит их в одну точку.

Олеандр схватил Эсфирь за руку, утягивая в тени крон. Боковым зрением он видел тела выродков, хинов и дриад. Раскиданные по округе, они настаивались в кровавых лужах. Видел, как когти выскочили из наруча отца. Как он резанул по горлу не то нереиду, не то наяду, и голубые брызги оросили его лицо.

— Налетайте, хиновы дети! — прорычал Зефирантес под свист ветра, стрел и копий.

Ударом палицы он сшиб гряду. Еще одной вырожденке рассек глотку, и карминовый ворот окрасил её шею. Рухнув, она успела свернуться, как дитя в лоне матери.

Неподалеку бился Рипсалис. И как бился! Звериный рык, удар первый, второй, третий: чары выродков тухли, а сами они разлетались, падали друг на друга, сбивая соратниц.

— Тебя обучали сражаться? — проорал Олеандр, перепрыгивая через рытвины и ямы.

— Не знаю, — пискнула Эсфирь. — Не уверена... Не знаю, не помню... Куда ты меня ведешь?!

— Спрячься! — Олеандр затащил её под ветви и, дождавшись неуверенного кивка, рванул на луг. — Отец что-то задумал, велел тебе не тратить силы!

— Почему?!

— Не ведаю. Но я верю ему!

Олеандр чуть отогнулся, пропуская копье. Следом мимо него друг за другом пролетели две стрелы. Он отдался во власть чувств и инстинктов. Тронул лапу хина, кивком направляя его к Эсфирь.

Тронул и замер, стирая кровь с рассеченной губы. Вниманием завладела бредущая к нему элиада — чистая, без примеси второй крови. Чудилось, она просто так прохаживалась по полю боя, надеясь собрать уцелевшие цветы. Туманная дымка окутывала её. Оголенные плечи перекрывали серебристые дорожки, казалось, кто-то рассыпал по ним лунную пыль.

Она улыбалась — улыбалась мягко и тепло, как если бы старого приятеля встретила. Олеандр даже малость растерялся, гадая, друг она или враг. Но следом принялся отходить.

Элиада наступала. Он отступал, изучая ее, подмечая морщинки вокруг светлых, почти белых глаз, выдающие почтенный возраст. Подмечая серые шипы на предплечьях, между которых, будто разряды, пробегали сизые зигзаги чар.

Холодного оружия при ней не было. Вроде бы. Верхняя часть её тела пряталась за бежевой туникой, стянутой на поясе корсетом. Ноги обтягивали черные штаны, тонущие в сапогах с широким раструбом.

Удар. Один удачный удар мог решить всё! Но растерянность сыграла с Олеандром злую шутку. Напрасно он посмотрел элиаде в глаза. Она считала его воспоминания и навлекла на него, усиливая стократ.

Серебристая дымка соскользнула с неё. Окутала Олеандра, насильно унося в прошлое. Ощущения обострились настолько, что он почувствовал толчки крови, бегущей по венам. Почувствовал, как под ладонью натягиваются и рвутся клейкие нити — липкая обмотка на рукояти меча.

Моргнул раз, и сердце отозвалось тянущей болью. Моргнул два — и потонул в серебряной круговерти. Олеандра выкинуло к краю обрыва — того самого, откуда спрыгнула его мать.

Боги милостивые! В горле невыносимо запершило. Олеандр вытянул шею над пропастью и узрел на дне розовые цветы, точно повторявшие очертания её мертвого тела.

Они проросли там, где оборвалась её жизнь. Возможно, две жизни.

Обман! Обман! Обман! Олеандр не хотел смотреть, отказывался верить узыримому. Но голова будто окаменела. Горечь потери разлилась в душе ядом, он шагнул вперед и...

Не упал.

Тогда-то разум и ухватился за несоответствие. Заработал, трезво оценивая обстановку.

Дурман схлынул, открыв взору поле боя. Нож сверкнул рядом, и Олеандр перехватил элиаду за запястье. Вывернул её руку за спину и всадил ей в спину меч.

Матушка не хотела бы, чтобы Олеандр погиб столь нелепо. Она не хотела бы, чтобы он сдался так рано!

Слишком рано! Нет! Ни за что!

Пекло (часть 2)

Ураганные ветра проносились по лугу. Неистовые и порывистые, они пропахивали землю, наклоняли ветви, разгоняли сражающихся. Эсфирь будто в кошмар окунулась. Мир утрачивал краски, и она видела души павших. Видела, и боль выжигала из груди воздух, сердце заходило в бешеном танце.

Она не могла их забрать. С ума сошла бы, проводив на покой столько умерших.

Слезы текли по щекам Эсфирь, омывали ссадины на лице и шее. Резь в крыле и кровь на руке убедительно говорили, что она не затерялась в лабиринтах страшных снов, откуда нет выхода.

Эсфирь прижалась к дереву. Задрала голову. Сквозь игру теней и света узрела в небе летунов. Воздушные потоки скручивались рядом с ними и срывались к живым мишеням. Перья-лезвия дождем сыпались с крыльев иных двукровных. Почва вздрагивала, взрывалась грязью после каждого глухого, раскатистого удара.

Многие дриады и лимнады уже примчались на поле боя. Окруженный морозной дымкой, Глендауэр отталкивал Олеандра к отцу, Аспарагусу и другим стражам, которые сбегались к краю луга и выстраивались вдоль деревьев шеренгой. Некоторые хранители леса и хины не успели отступить. Не успели прошмыгнуть между навалами трупов и обломками копий, врезавшихся в почву.

Невозможно было смотреть, как ветра подхватывают опоздавших, кружат в дыму и сбрасывают наземь.

Помимо нападающих врагов, по лугу бродили и другие, обгладывающие тела.

— Путы! Вместе! — Выкрик Антуриума прозвучал до того громко, будто кто молотом по колоколу ударил.

Выстроившиеся шеренгой дриады присели. Десятки пар рук, охваченных светом чар, прилипли к траве. Зеленый ковер расстелился к наступавшим выродкам. Те из них, кому Творцы даровали крылья, сразу же рванули ввысь. Другие поплатились за нерасторопность. Шипя и скалясь, принялись вырываться из сорняков, окольцевавших ступни.

Луг вспыхнул зеленью колдовства. Искрясь, чары обращались древесными удавками. Те облепляли двукровных, сковывали и сдавливая их тела, забивались в глотки, прорастали изнутри.

Эсфирь зажмурилась. Потом распахнула веки — и взору предстали застывшие на лугу... статуи. Не верилось, что еще недавно подопечные Азалии рвали и терзали, снедаемые гневом. Ныне они окостенели, закованные в растительные доспехи. Превратились в обтянутые сучьями изваяния; кровь просачивалась сквозь изломы прутьев.

Сотни цветов распустились на связанных, поросших мхом телах.

Одна вырожденка оцепенела, словно в мольбе вскинув руки к небу. Вторая замерла над лежащим на траве дриадом, чьи глаза невидяще глядели вверх. Из шеи его были вырваны куски мяса.

Рот Эсфирь приоткрылся, с похолодевших губ сорвались слова:

— Так жестоко...

Она уже не ведала, к кому обращается. Не то к тем, кто защищал Барклей, не то к Азалии, за которую вырожденцы — и не только! — бились насмерть, бросались под удары.

Кто прав? Кто виноват? Войны и битвы уродливы. Везде и всюду! С любой стороны!

Слотнув, Эсфирь оглядела линейку бойцов за лес. Дриады, лимнады: кто угодно! Истощенные и израненные, большинство из них едва держались на ногах. Друг за другом они устремляли дурные взоры к небу, оглядывали двукровных летунов, взмывавших выше и выше.

Вырожденцы явно взяли передышку. Выжидали.

Кровь! Кровь! Кровь! Каждый воин в ней перемазался.

Алые нити сосульками свисали с волос Олеандра.

Голубые кляксы осели на нагруднике и лице Глена, он прихрамывал.

Их очертания терялись и смазывались, тонули в огне и дыму, в мороси и тумане.

Эсфирь посмотрела на Антуриума, возрождая в памяти бой у курганов. Это ведь о нем говорил Каладиум? Правитель Барклея, отец Олеандра некогда заточил её в пещере, верно?

Или нет? Может, Каладиум солгал? Поди разбери!

Одно она знала: Антуриум вел себя странно, даже очень странно. С того мгновения, как он прискакал в поселение, Эсфирь не покидала мысль, что он о чем-то умалчивает. Будто наперед обо всем ведает — и отыгрывает свою лучшую партию в живые шахматы.

Почему он желал, чтобы она сберегла силы? Почему Олеандр повелел ей спрятаться? Она должна ударить, когда прикажут? Она чем-то превосходит других бойцов?

Глупости! Хотя... Она поймала золотой взгляд Антуриума и тронула браслет с лоскутом кожи.

— Я знаю, кто вы, — одними губами произнес он и прижал ладонь к сердцу, едва заметно поклонился. — Помогите... Прошу...

Знает!.. Антуриум знает, что она вырожденка! Он знает куда больше, нежели говорит!

Ежели она сбросит украшения... Ежели воззовет к запертых силам...

Рёв конха прокатился по лесу, оповещая об угрозе. Линейка бойцов дрогнула, готовая отразить атаку пикирующих летунов. Но раньше, чем до этого дошло, Эсфирь выбежала на луг. Обогнула пару зелёных «статуй». Сорвала браслеты и хлопнула крыльями.

Она одна осталась на доске? Ее приберегли для последнего хода, чтобы свергнуть королеву?

Да будет так!

— Вихрец! — донесся в спину крик вперемешку с шумом ветра, шелестевшего в ушах.

Не только выродки ныне плясали в воздухе. В затылки им, приближаясь в полете, дышало существо, похожее на огромную ящерицу. Голубое сияние играло на его белоснежной чешуе, облизывало вытянутую морду, оплетало шипастый хвост и перепончатые крылья.

Из тьмы клыкастой пасти вырвалось сперва морозное облако, а затем рык, напоминавший треск древесной балки. Вихрец ушел вбок, словно белая лента. Эсфирь, наконец, рассмотрела восседающую на нём наездницу — пышногрудую, тоже окаймленную голубым светом.

Глаза Азалии переливались золотом, горели, как две монеты.

Вот она — виновница всех бед. Только она заслуживает смерти!

Чары растеклись по венам Эсфирь. Боль и злоба. Обиды и сожаления. Чувства вспыхнули в глазах пламенем, подернули мир чёрной пеленой. Эсфирь дымилась. Сизые сгустки стекали с тела, обращались туманными черепами. Двенадцать теней — теней эребов! — теперь сопровождали её.

Она сверкала — сверкала, как солнце, сорванное с небесных цепей. А с пальцев её

соскальзывала тьма. В нарастающем гуле умирали звуки. В угольном тумане терялись контуры и краски.

Перо-лезвие укусило Эсфирь за плечо. Второе отсекло прядь волос.

Плевать! Ныне она не видела ничего, кроме паскудных золотых глаз. Ни жалости, ни сострадания. Она не питала к Азалии никаких чувств, помимо жажды смотреть, как ее кости глодает белый огонь. Как сперва краснеет, а затем пузырится, сочится гноем, лопается медовая кожа. Как она чернеет, лоскутами слезает с тела — и вот жертва уже охвачена жарким светом и неспешно в нем растворяется, захлебываясь криком.

Столь отрадная картина достойна воплощения!

Это ведь так весело! Так забавно!

Призывы к отступлению сотрясали воздух, били по ушам, заставляя вздрагивать. Олеандр слышал крики соплеменников. Чувствовал, как его подталкивают к деревьям, заводят в чашу леса. Он отступал. Спотыкался о коряги, но отступал, тщаь осмыслить видимое.

Ещё до того, как Эсфирь выбежала на луг и поднялась в воздух, Олеандр увидел, как глаза её перекрыла тьма, а на лице, извиваясь, расчертились и вспухли чёрные вены. Теперь же она летела навстречу вихрецу и врагам.

Летела — и от её безумной улыбки мороз проходил по коже.

Выродок! Она выродок! Но как?..

Привычная картина разбилась, разлетелся на осколки. Но ненависть и отвращение не отравили разум. Чувства Олеандра остались прежними. Разве что удушающий страх сковал горло. Разве что изумление вперемешку с непониманием пустили по телу мурашки.

Двукровная, чистая — неважно! Об одном Олеандр молился: чтобы сражение не отняло у Эсфирь жизнь.

Он не сводил глаз с солнца, которым она обернулась. Кокон слепящего света окутывал её, разрастался всё пуще и пуще. Сотканые из мрака, вокруг неё кружили неведомые существа, похожие на плотные тени. Не присмотришься — не поймешь, что слеплены они из чар. Рогатые, с перепончатыми крыльями, с копытами и хвостами, увенчанными грузными лезвиями, они мухами вились рядом с Эсфирь. Прикрывали её с боков, испуская мрак.

Нараставшее гудение терзало слух, пожирало песнь битвы. Враги приближались к кокону и теням. Но сразу же отлетали, спугнутые либо светом, либо тьмой, и опаленные тела сыпались на верхушки деревьев.

Некоторые падали в заросли. Другие повисали на ветвях, безвольно раскинув дымящиеся конечности.

Эсфирь преследовала вихреца.

— Боль! Боль! Боль! — От её криков, звучащих все напористее, вздрагивали дымные черепа.

Каждый возглас отводил в сторону тень за тенью. Скорость их полета восхищала. Они вспарывали воздух крыльями и хвостами, и черные сгустки чар соскальзывали с них, били по выжившим врагам.

Их крики еще прорывались сквозь гудение. Друг за другом вырожденцы падали с высоты. Тонули в дымных шляпах, вспухавших над кронами. Тени схлопывались и

возрождались. Снова и снова расплескивали тьму. Снова и снова брались за руки и водили вокруг пикирующих тел хороводы.

Свет и тьма — всё перепуталось! Олеандр уже ничего не понимал. Ничего не видел, кроме черно-белой мешанины. Из-за усиливающегося жара мысли путались и испарялись. Глаза щипало от слез. Но он уловил мутное белое пятно — вихреца, вынырнувшего из облака.

Вихрец хлестнул искрящимся хвостом. От туши его разошлась волна, как от брошенного в воду камня. Морозные вуали стекли с крыльев, лавинами понеслись на Эсфирь. Без толку! Снежные потоки не настигли окутавший её кокон. Раньше испарились, высушенные жаром.

Как видно, зерно понимания проклюнулось и дало всходы. Быстро Азалия сообразила, что преимущество ей не улыбается. Не в этой битве! Она сменила тактику. Теперь вихрец избегал Эсфирь. Выписывал в воздухе кривые узоры. Петлял, сияясь запутать, сбить её с толку. Сияясь оторваться от преследования и выкроить шанс для побега.

— Малахит!

— Олеандр!

— Наследник!

Знакомые голоса будто со дна колодца доносились. Олеандр вцепился в дерево, наблюдая за сражением. Уши болели. Дурнота подкатывала к горлу. Малейший вздох отдавался резью в груди.

Его тянули к укрытию, отрывали от дерева. Но он врос пальцами в кору. Как дитя малое, едва ли ногами ствол не обхватил.

Вихрец рванул с высоты, водяная броня обтекала его и Азалию. За ними ожидаемо помчался световой кокон, перенасыщенный жаром и гулом.

— Эсфирь...

Зверь раззявил клыкастую пасть. Серебристые нити чар, толстая, спутались в темноте его глотки.

Азалия что, решила по отступающим ударить?

Твою ж!.. Олеандр вдруг понял, что решение — прилипнуть к дереву — далеко не самое удачное. Он опустил руки по швам. На запястье сразу же сомкнулись холодные пальцы брата.

Рывок! И Олеандра снова куда-то потащили. Развернули, толкнули в спину. Он пошел. Он побежал, поглядывая через плечо. Собственная противоречивость рвала на куски. Одна его часть желала броситься в пекло и помочь Эсфирь. А другая отметала столь безумную затею и велела спастись.

В самом деле! Да он скорее в обугленную головешку там превратится, закованную в лед!

Вихрец приближался. Его крылатая тень расплзлась по лугу. Он пикировал почти отвесно, когда голубое пламя хлынуло из недр его горла. Обрушило на землю град, плодя ямы. Мелкие льдины заколотили по деревьям, стоило зверю изменить положение тела и мазнуть брюхом по раскиданным телам. Он взял круто вверх и почти вертикально устремился ввысь.

Световой поток вырвался из кокона Эсфирь и врезался в почву. Тела и горящие обломки словно взрывом разметало. Часть их них скатилась в образовавшуюся воронку. Сгинула в столпах черного дыма.

Ожидалось, что Эсфирь вновь рванет за вихрецом. Но нет. Её кокон замер над полем боя и закрутился. Лучи выстреливали из сердцевины, покуда белое сияние заливало луг.

Воистину, с небес второе солнце упало!

Стоявшие на ветвях хранители вскинули луки и арбалеты и начали шить. Но стрелы и болты не долетали до вихреца. Он набирал высоту, терялся в тучах и увеличивал расстояние.

Дриады и лимнады бежали в лес, перепрыгивая через трупы. Но Олеандр такой прытью похвалиться не мог — лодыжку дергало болью. Почва под ногами переменялась неожиданно. Хватаясь за ветви, он скатился по склону. Чуть ли не в полете нырнул в землянку под деревом.

Глен заплыл следом. Отец и Аспарагус примчались за ним. Тут же принялись заколачивать проход древесными щитами — одним, вторым, третьим. Перегородки наслаивались друг на друга и отсекали свет.

Тьма в укрытии сгустилась всего на миг — белые огни заплясали на ладонях Глена и разогнали мрак. Отец оперся о выросшие щиты. Тронул кулон на груди — небольшой обод опутывали золотые нити мойры. Они мигали. Чудилось, в толщах их бьются крохотные сердца.

Аспарагус стоял в шаге. Промокший от крови, он теребил маску; глаза его до сих пор перекрывала зелень.

Перед взором Олеандра взрывались тысячи звезд. Тело горело. Он приложил дрожащий кулак к губам и смежил веки.

Одним Богам известно, что творилось снаружи, но вскоре по щитам ударило. Не сильно — будто кулаком кто стукнул. Белесые искры просочились сквозь плетение и рассеялись.

Кулон отца погас. Он откинул меч и приосанился.

— Еще немного.

Только по движению губ его слова и распознавались, пожираемые застрявшим в ушах звоном.

Щиты раскрошились и осели грудой дымящихся обломков, подпалённых с внешней стороны. Дым, словно враг, прорвавший осаду, заплыл в землянку, рассеивая запах крови и жженой древесины.

Спасаясь от жара, Олеандр прикрыл ладонью нос и губы. Из-за застрявшего в ушах гудения он не слышал ни разговоров, ни стонов дочерна иссушенных стволов. Прихрамывая, он вынырнул из укрытия следом за отцом — и мысок сапога зарылся в омертвевшую почву, усеянную огоньками. Часть ростков и кустарников сгинула. Из других пламя еще вытягивало жизнь, пожирало их медленно, прутик за прутиком, листок за листком.

Лес терялся в дыму. Два облысевших, вырванных из земли дерева, упали друг на друга и сцепились верхушками — они походили на угольные скелеты.

Боги милостивые! Потрясение выжигало из груди воздух. Олеандр стоял снаружи, раздавленный узримым. Стоял и смотрел, как горят деревья. Как из трещин в почве еще вырываются витки чар — остаточный свет от разгоревшегося кокона, который стёк с Эсфирь.

Невероятно! Раз... Ударив всего раз, она уничтожила природу на сотни шагов от луга!

А где Азалия? Где вихрец? Сбежали? Или пали?

Чудовищный порез на предплечье сочился кровью, алые кляксы запеклись на листьях. Олеандр поймал золотой взгляд. Отец посмотрел на него, будто за что-то извиняясь, и зашагал к лугу.

Дриады и лимнады выползали из убежищ. Давали о себе знать шевелением губ, опасливыми взорами, переговорами, к которым Олеандр тщетно пытался прислушаться.

Глен и Аспарагус стиснули его с боков. Они тоже оглядели мёртвые земли, послужившие усыпальницами и друзьям, и врагам.

Отец шёл вперед. Шёл, и чары срывались с его разведенных рук. Зеленые паутины разбегались по лесу, тревожили дымные взвеси. Распутывались, делясь на пары скрещенных линий.

Приказ не нападать? Не вмешиваться? Олеандр не сумел развить мысль, но уцепился за неё, просто чтобы не сойти с ума. Он увидел Эсфирь. И один взгляд на неё сжал и разогнал сердце.

Она стояла на лугу. Впившись когтями в почву и скалясь, застыла среди обгоревших тел — вся всклокоченная, заляпанная кровью, с прилипшими к лицу кудрями. Кокон света исчез. Теперь из спины Эсфирь росли черные плети. Они били по воздуху. Плоть её дышала мраком. Расплескивала темноту, которая укрывала луг, застилая следы побоища.

Эсфирь вскинула руку. Полоса чар, чёрная, с едва приметными белыми вкраплениями, вспыхнула у её ладони. Развеваясь, оголяя повисший в воздухе клевец. Его угольную рукоять венчали пальцы, сжимавшие изогнутое лезвие — призрачно-тонкое, вроде как и не настоящее.

Что за оружие? Оно казалось знакомым. Но Олеандр никак не мог вспомнить, где его видел — к несчастью, на пересмотр отложенных в памяти картин требовались силы, которых не осталось. Поэтому он наблюдал. Щурясь, скользил взглядом по лицу Эсфирь, обезображенному вспухшими венами, и подспудно сознавал, что она покончила с бойней.

Покончила. Но какой ценой?

Ныне поза её отдавала звериной хищностью — она словно куклу для терзания выискивала. Не было больше девчушки, певшей о войне-змейке. Твердившей, что нет таких препятствий, которые Олеандр не сумел бы преодолеть. На лугу расплескивала чары вырожденка. Её глаза горели огнем ненависти — готовностью снова ввязаться в битву и непониманием, кто есть друг, а кто враг.

Наверное, Олеандру хватило бы смелости рвануть к ней. Хватило бы дурасти сжать её плечи и встряхнуть — по какой-то непонятной причине он верил, что сможет вернуть Эсфирь потерянный покой. Но его останавливали ранения. Скоровало знание, что беспочвенная уверенность породит жертвы.

За ним ведь потянутся брат и Аспарагус. Потянутся и другие выжившие воины.

И скольких из них убьет Эсфирь? Не погибнет ли Олеандр? От её руки.

Череду путаных мыслей разбил голос брата:

— Владыка Антуриум желает отнять у неё чары.

— Истинно, — вторил ему Аспарагус.

Олеандр затаил дыхание, узрев подступившего к лугу отца. Часть хинов защищала его, другие выскользнули из-за деревьев, окружая Эсфирь. Все как один звери подняли лапы, на каждом когте плясал угольный сгусток чар.

Эсфирь сжала клевец. Встала. Плети на её спине разрослись, снова зашевелились.

— Партэ ти магейя[1]! — услышал Олеандр крик отца, и удары обрушились на неё градом.

Сперва она уворачивалась. Пыталась взлететь — тщетно. Хины попадали в неё, били непрерывно, и колдовство утекало из тела Эсфирь. Росшие из спины плети таяли, не успевая никого опутать.

Леденящий кровь визг сорвался с её губ и прозвенел в воздухе. Она швырнула клевец.

Тот рассек воздух и врѣзался хину поперек груди. Столь пустяковый удар разве что дитя сбил бы с ног. Но зверь вдруг оцепенел и упал замертво. За ним на окрашенную кровью траву осела и Эсфирь.

Она упала без чувств рядом с телами, часть из которых были сожжены не то что до мяса — до костей.

— Не убил. — Олеандр зашипел. Ногу дёрнуло болью, и он оперся на плечо брата. — Отец!..

— Возвращайтесь в поселение! — отозвался отец и присел на корточки рядом с Эсфирь.

— Но...

— Без «но», Олеандр! Возвращайтесь и ждите меня! Ваш бой окончен! Азалия улетела!

Отец подхватил Эсфирь на руки в тот миг, как Мрак поднял с земли её браслеты.

Олеандр хотел броситься к ней. Обнять. Прокричать, что произошла чудовищная ошибка. Не испускала она потоки чёрно-белых чар! Не сверкала, как сорвавшееся с небес солнце!

Это ведь Эсфирь, Боги! Она исцелила дриад. Исцелила его, Фрезию, Рубина — чтоб ем рядом поперхнуться!

Она друг — не враг!

Слова рвались на волю и оседали на губах горечью понимания. Того самого, которое уже пустило корни в сознание Олеандра, исказило лица борцов за лес. Все они смотрели на Эсфирь. Одни — с опаской и недоверием. Во взорах иных читалось желание перерезать ей глотку.

В тот миг Олеандр осознал, почему отец поспешил унести её с поля боя и затеряться в клубящемся дыму. И тогда же разум озарила и другая истина — Эсфирь не вернётся в Барклей.

[1]Партэ ти магейа — слова, сказанные на древнем языке. Просьба отнять магию.

Там, где всё началось

Эсфирь не хотела приходить в себя. Неведомые силы тянули её к свету, но она сжимала кулаки и веки. Запиралась во тьме и ныряла в забытье, спасаясь от мрачных мыслей.

Жаль, сопротивление давалось всё тяжелее. Слух против воли перехватывал чьи-то шаги и копошения. Но куда сильнее мешали картины пережитого. Они наливались красками и крепчали. Маячили перед внутренним оком, тревожа сердце, растягивая нити терпения.

Осознанно или нет, но Эсфирь тряхнула рукой — правый браслет, с перышком, звякнул о пол. Левый, с лоскутком кожи, тоже был на месте. Они вновь сковывали запястья, будто изощренные оковы.

Значит, её не умертвили. Просто обезвредили, лишив колдовства. Хорошо. Но где она? Как сюда попала?

Так странно... После того, как она узнала свою сущность, её присутствие в этом мире казалось неправильным. Казалось, кто-то насильно вырвал её... из дома? И выкинул в Барклей.

Может, неспроста она у Морионовых скал в прошлом очнулась? Может, она с эребами жила под землей?

А ежели она пророев дыру — очень глубокую дыру! — и попытается отыскать собратьев?

Глупость какая, ну! Досадуя, что укрепиться во снах не вышло, Эсфирь моргнула раз, второй. Ни луга. Ни воинов. В четырех-пяти шагах напротив высилась стена — чёрная, дрожащая и смазанная. Паровая дымка облизывала её, оседая на шербатых камнях крупинками влаги.

Глухая тишина зазвенела в ушах, и Эсфирь вдруг осознала, что её бросили в пещере, и рядом никого нет. Только неподвижные сталагмиты и пара чёрных валунов.

В груди вспыхнул пожар, она до крови прикусила губу. Ломота охватила тело, подогревая кровь. Глубокий вдох повлек жгучую боль — в легкие будто раскалённые жала врезались.

Почудилось, Эсфирь увидела себя со стороны — увидела на лугу озверевшую вырожденку, внутри которой зрела ненависть, непрерывно копились чары.

Бой. Навалы мёртвых тел. Враги и друзья. В какой-то миг они перемешались. Сила, тяжелая и древняя, отравила Эсфирь. Она пожелала уничтожить всё и вся! И на души мёртвых она тогда наплевала. Пусть бы они хоть вечность искали путь к упокоению!

Чистая ярость ослепила. Чары переполнили до краев, готовые пронестись через лес и взорвать горы. И свет растёкся по округе. Рванул, дотла изжигая мёртвых, круша деревья, испепеляя траву.

На глазах Эсфирь существа падали, охваченные белым сиянием. Сгорая заживо, оседали обугленными останками.

Хины! Потом она убила одного клеветом. Быстро и бездумно. Без колебаний, без тени сожаления.

Вина и боль обожгли только ныне. Смертельный удар по другу не должен был даваться Эсфирь так легко. Не должен был!

Стягивая браслеты, она сознавала, что рискует и ступает на лезвие ножа. И все же внутри теплилась надежда. Эсфирь до последнего верила, что сумеет удержаться на грани и сохранить ясность ума.

Не получилось.

— Я чудовище, — возвестила она равнодушным сводом пещеры над головой.

Возвестила и заворочалась на лиственном настиле. Села, борясь с желанием отыскать что-нибудь острое и воткнуть в сердце.

Словно по подсказке свыше, рядом прозвучал голос:

— Мы там, где всё началось.

— Там, где всё началось... — эхом повторила Эсфирь.

И поёжилась, сообразив, что беседует с существом из крови и плоти — не с внутренним голосом. Кажется, она признала сидящего в тёмном углу мужчину, и признание не радовало. Правитель Антуриум? Хотелось ответить «нет». Потому что даже вырожденцы, по которым она была, гоняясь за Азалией, внушали куда меньше страха, нежели отец Листочка.

Вообще-то Эсфирь толком и пообщаться с ним не успела. Не довелось, не выпал шанс. Просто он таил в себе столько загадок, что ему давно полагалось бы распухнуть и затрещать по швам.

— Я... — Она сглотнула. — Вы... Сражение окончено? Вы отразили удар?

— Истинно.

— А ваша сестра?..

— Жива. Вы её спугнули.

Что же получается? Эсфирь спалила луг. Изувечила тела павших. Умертвила хина, но до тётки Листочка не дотянулась?

На коже россыпью выступили мурашки. От невольного осознания с уст соскочил нервный смешок. Эсфирь прикрыла рот ладонью, потому что на такой ноте расхохотаться было бы попросту некрасиво.

— Там, где всё началось, — произнесла она, чтобы отвлечься от дум о превратностях судьбы.

В пещере клубились пары, причём довольно едкие и зловонные, отдающие серой и копотью. Эсфирь скользнула пальцами по полу, смазывая угольную пыль. И в ушко прокралась верная догадка.

Там, где всё началось! Ну конечно! Морионовы скалы! Пристанище эребов!

Она очутилась в каменном логове, откуда прежде её вызволила Азалия. Только ныне валуны не преграждали путь к свободе. Рассеянный и пыльный лунный свет втекал в пещеру сквозь проходную щель, серебрил лужайку за ней. Блики прыгали по черепам бродивших там хинов, мерцали на их чадающих тьмой телах.

— Они не ушли! — Эсфирь растянула губы в улыбке, по сердцу будто пушистой лапой мазнули. — А Небо?..

— Найдёт вас, — прошелестело сбоку. — Обождите. Я видел его в лесу. Силины довольно умны.

Верно, Антуриум и сам давеча вынырнул из дрёмы, либо от ужасов сражения ещё не отошёл. Так или иначе, его скупые речи и движения говорили об усталости, о попытках справиться с думами.

Выходит, он унёс Эсфирь с поля боя? Унёс от клана. От Олеандра...

Что ж, здоровое решение. Будь она на месте Антуриума, тоже утащила бы кого-то вроде

себя подальше.

На вкус Эсфирь молчание слишком уж затянулось, поэтому она его нарушила:

— Вы не боитесь меня?

Антуриум ожил. Тронул ножны за поясом и поглядел на неё исподлобья. Угрозой от него не веяло. Золотой взор не резал. Напротив, он словно прогонял тяжесть и согревал, заставляя дышать.

— Не боюсь, потому что вы не чудовище, — выдал он мягко и вкрадчиво. И откинулся на стену, согнув ноги в коленях. — Не сущность нас определяет, Эсфирь. Важное кроется в выборах.

— У меня...

— Нет выбора? — Антуриум усмехнулся. — Вы ошибаетесь, выборы стелются перед каждым. Некоторые из них ни к чему не ведут. Некоторые несут благо или разрушают. А другие и вовсе судьбоносны, они диктуют и пишут истории и существ, и мира.

Ежели поразмыслить, Эсфирь и правда выбирала. И не раз, не два. Она могла бы не ждать Олеандра у курганов.

Могла бы не возвращаться в Барклея, не срывать в бою браслеты. Но она ступала на другие пути. Разгоняла ветра и сеяла бурю, отдавая предпочтение иным выборам.

Правильным? Неправильным? Кто знает? Дорога решений сложилась и привела её туда, где всё началось.

— Я поселил в вашей голове тяжелые мысли, — вымолвил Антуриум. — Прошу прощения.

— Нет-нет, вы ни в чём не виноваты. — Морщась и кривясь, Эсфирь сложила за спиной затекшие, перемазанные кровью крылья. — На самом деле, это очень интересный разговор.

— Соглашусь. И сын мой согласился бы.

— Листочек...

Ненавидит ли он её? Проклянулись ли в нём презрение и отвращение?

— Я поступил грубо, сознаю, — негромко продолжил Антуриум. — Поначалу я желал укрыть вас в поселении. Но позже счёл сию затею безрассудной. Боюсь, далеко не все хранители отнеслись бы к вам с должными пониманием и снисхождением. Да и для нас соседство со столь незаурядной двукровной — непозволительный риск. К несчастью, большинство дриад видит вас...

— Чудовищем?

— Прискорбно, но истинно. А сын мой... — Антуриум стряхнул с кожаного нагрудника листья, прилипшие к запекшимся пятнам крови. — Ныне сознание Олеандра охватили смятения и страх, — голос Антуриума опустился до шёпота. — И тем не менее, невзирая на произошедшее, невзирая на вашу сущность, думаю, он до сих пор благоволит вам. Он многим вам обязан. Вы рождаете в его уме вопросы, а его всегда вели интерес и жажда познания нового. Словом, он побежал бы за вами. И такой исход не приходится мне по нраву.

Последние слова ударили наотмашь. Гнев пробудился, окрашивая щеки Эсфирь румянцем. Но к нему примешались и светлые чувства — радость и умиротворение. Она знала: Олеандр любит и уважает отца, беспрекословно ему верит, постоянно твердит, что тот знает его и понимает.

И ежели только Антуриум не солгал. Значит, Листочек не возненавидит Эсфирь, переборет испуг. Даже больше! Олеандр помчался бы за ней, если бы не...

Она обратила взор к его отцу, и сердце кольнуло холодком, как если бы она пришла

свататься, а предки суженого дали бы ей от ворот поворот.

— Верно, ныне вас терзают вопросы. — Антуриум внимательно смотрел на неё, и глаза его отливали золотом. — Я хотел бы ответить на них, поведать о своих выборах. Разрешите?..

Запутавшись в противоречивых чувствах, Эсфирь смогла лишь хлюпнуть носом и кивнуть.

— ...Что ж. — Он потёр короткостриженую бороду. И наградил Эсфирь взглядом, казалось, ищущим прощения. — Веруете, от рождения я наделён даром предвидения. Картины, кои я созерцаю, невнятны и туманны, а порою откровенно лживы, ибо будущее нестабильно и многогранно. Зачастую я отмахиваюсь от них, и они теряются в неизвестности. Но одно видение тревожило меня изо дня в день. Повторялось раз за разом, и я всерьез обеспокоился.

— Что вы видели? — поинтересовалась Эсфирь, и голос дрогнул, сорвавшись на писк.

— Вас. — Антуриум хмыкнул. — Чёрные плети росли из вашей спины. Вы стояли на лугу. Среди горящих деревьев, окруженных дымом и трупами. Я не знал, кто вы. Не знал, где вы и когда появитесь... ежели появитесь. Я не смог разгадать вашу сущность и покинул Барклей, чтобы отыскать ответы. Направился в клан, которому подвластно прояснять и разворачивать видения. К мойрам.

— Вы заточили меня в этой пещере? — Эсфирь старалась глядеть куда угодно, только не на Антуриума.

— И едва не совершил непоправимую ошибку, — отозвался он. — Едва не поплатился за спешку и суетливость. Истинно, я наткнулся на вас и обрушил камни. Прежде я понял, что вы уродились с чарами двух. Вы предавались сну, и черно-белые сгустки окутывали вас облаками. А черное и белое — главные противоположности, несовместимые от начала времен.

— Ясно.

А что она могла ответить? Эсфирь не посмела бы осудить Антуриума. Правителем он стал не для того чтобы шадить врагов, которые подобрались к лесу. Он тревожился о клане, верно? Разумно ли винить его за беспокойство? Вздор! Не винит же никто травника за прополку сорняков.

И всё равно она теперь взирала на Антуриума как на непреложное зло. Двойное! Он ещё и сына своего от неё отвадил.

— Я полагал, что вы погибли под завалами, — прервал Антуриум безмолвие, которое из неловкого перерастало в гнетущее. — И помчался к мойрам, рассудив, что в одиночку вы вряд ли сумели бы воплотить в явь увиденные мною разрушения. По издёвке небес, тогда же Азалия и Каладиум посеяли в Барклей первые семена смуты. Ростки пускали корни, покуда я пребывал в пути. Я достиг цели и... Что вы знаете о мойрах, Эсфирь?

— Почти ничего. — Она развела руками.

— Это дети Тофоса, одного из Богов, — пояснил Антуриум. — Но для поклонения они избрали иную не то божественную, не то полубожественную сущность — Судьбу. Часто их так и называют — слуги Судьбы или Рока. Мало кого прельщает общество мойр. И они отвечают взаимностью, не торопятся распахивать двери перед всеми желающими. Народ их считают весьма своеобразным. Опасным. Отчужденным. Но так уж вышло, некогда я уберёг их сестрицу от гибели. И меня нарекли благоприятелем. Мойры преподнесли мне два дара. Один из них — шанс заглянуть в круговерть прошлого и прощупать дороги будущего. Вот его-то я и потратил, прискакав к ним. И узримое перевернуло мои представления о грядущем

ненастье. Много я тогда узнал, многое переосмыслил. Я понял, кто посеял смуту. Увидел сестру, Каладиума, Аспарагуса, Олеандра, вас... Увидел и просмотрел дороги будущего. Изучил каждую из них и помчался в Барклею.

Ну точно! Прежде Эсфирь как в воду поглядела, предположив, что отец Листочка ведаёт о многом наперёд и отыгрывает партию в живые шахматы. Вернувшись в поселение, Антуриум с ходу влился в суматоху. Вроде бы даже обмолвился, что многое видел, но в объяснения не пустился.

Почему, интересно? Насущный вопрос закружил в голове, но Эсфирь не позволила ему соскользнуть с языка.

Вдохнув поглубже, Антуриум дополнил:

— ...Все мы свершали выборы, кои влияли на последствия. По-разному могла сложиться история. Но одна точка будущего извечно оставалась неизменной и нерушимой. Сестра моя напала на поселение при любом раскладе. Благо я вернулся до того, как сын мой дал ей бой. Я возвратился и слегка изменил его планы, постарался разрешить спор малой кровью.

— Почему вы смолчали? — всё-таки выпалила Эсфирь. — Вы могли бы рассказать нам обо всём и... Вы видели глаза братьев? В тот миг, когда вы сказали, что передадите сестре бразды правления...

— Полагаю, они изумились...

Не то слово! Олеандр так вообще едва не взорвался!

— ...Будущее нестабильно и многогранно, — повторил Антуриум. — Это очень тонкая материя. Это образы, гуляющие во времени. Мчащаяся по переплетению дорог повозка. Хлипкая. Шаткая. Она легко сворачивает с намеченного пути. Мои познания о грядущемотчасти грядущее породили. Но познание других существ могли его переиначить или разрушить, сознаёте?

Нет! У Эсфирь уже голова кипела. И она схватилась за неё, потянула за кудри, чуть не выдрав клочок.

— Бой отгремел, — донеслись до ушей слова. — И моё былое видение воплотилось. Я наяву увидел вас. Чёрные плети росли из вашей спины. Вы стояли на лугу. Среди горящих деревьев, окруженных дымом и павшими. Не врагом вы нам приходились, а другом. Простите меня, Эсфирь. Простите мою предвзятость. Боязно подумать, как повернулась бы история, ежели бы обрушенные мною камни отняли у вас жизнь. От лица клана дриад я благодарю вас за помощь.

Хины на лужайке давно замерли и устроились на траве, усиленно делая вид, что переводят дух, а вовсе не наблюдают за Эсфирь, опасаясь Антуриума. За чадящими телами чуть поодаль чернели деревья, лунные блики подрагивали на листве и зелёной поросли, словно подмигивая.

Ни дыма, ни всплесков чар. Казалось, лес снова задремал, смахнув суету и грязь побоища.

Сколько времени прошло?

— Вы знаете, кто я? — выдавила Эсфирь. И раньше, чем получила ответ, узрела его на смуглом лице. — Это правда? Я...

— Древняя. — Антуриум неспешно моргнул, не выказав и тени удивления. — Эребагемера, истинно. Браслеты, кои вы носите, сдерживают вашу сущность. Никому из ныне живущих неподвластно сотворить столь ценные артефакты. Они уникальны, и я посоветовал

бы вам беречь их как зеницу ока. И ни в коем случае не доверять посторонним клевец Погибели.

— К-клевец... Чего?..

— Погибели, — тихо, но с толком проговорил Антуриум. — Или Танатос, ежели переводить на древний. О клевце мне известно побольше, ибо упоминается он в легендах. Божественное оружие, касание коего отрезает душу. Ходят слухи, призрак его иногда проявляется там, где истекают кровью толпы. Думаю, однажды он признал либо в вас, либо в ваших предках достойных хозяев. В чем-то схожий клинок ныне покоится у дриад. Сабля Дэлмара. Вот она некогда тоже признала хозяина в Дэлмаре.

Так просто?.. Нет. Тут у Эсфирь что-то не складывалось. Прикасаясь к клевцу, думая о нём, она ощущала себя чем-то большим, нежели хозяйкой редкого оружия. Она могла видеть души. Она знала, что существует другой мир — мир духов, лишенный жизни и красок.

Её мир. Её территория. Её земля. Её частичка всегда там — с потерянными душами. И здесь. И там. Она и клевец — одно целое. Они не убивают. Они провожают и успокаивают.

Она родилась такой, потому что души нуждались в помощи. Потому что кто-то должен был занять это место.

Она... она и есть Танатос? Погибель?

— Предвосхищая ваш следующий вопрос, — дополнил Антуриум, — скажу, что не ведаю, как вы очутились у Барклей. Эти загадки мне ещё предстоит разгадать. Но подозреваю, что перемещение отняло у вас память.

— Она вернётся?

— Не берусь судить.

Под прицелом двух золотых обманчиво добрых и понимающих глаз Эсфирь лихорадочно размышляла. А затем полубопытствовала:

— Почему вы рассказали мне обо всем? Не страшитесь, что я раскрою ваши секреты?

— Вы о моём даре? — Повеселевший золотой взор скользнул по Эсфирь, отзываясь дрожью. — О, право слово, не такой уж он и опасный. Во многом мне мойры помогли, но... Дайте-ка подумать. Положим, о нём узнают мои недруги. Положим, замыслив недоброе, они станут действовать умнее и осторожнее. Хм-м... Нет, Эсфирь. Не страшусь. Это даже интересно.

Эсфирь дёрнула плечами и зашипела — боль в крыле пробудилась, пронеслась по телу покалываниями.

Этот Антуриум... Да что он за дриад такой? Складывалось впечатление, что он притворяется милым и пушистым, а на самом деле испытывает существо на прочность. Забавляется, ища того, кто сумеет дать ему отпор. Он не может сидеть сложа ласты. Он слишком умен и проворен, чтобы не вмешиваться в запутанные истории. И достаточно мудр, чтобы говорить ровно столько, сколько нужно и урезать силу своих умений.

Он... Игрок? Да. Пожалуй, это слово отражало и охватывало оттенки его сущности лучше прочих.

И она еще услышит о нём. Ежели поутру рога не откинёт, конечно.

— Вот. Возьмите.

Ещё до того как Эсфирь поняла, о чём ведется речь, у ног упал кожаный мешочек, звякнувший монетами.

— Не считите за подачку, — поспешил оправдаться Антуриум, поднимаясь и разминая плечи. — Вам нужны деньги. Там же вы отыщите и карту. Точками я отметил места, кои

посчитал для вас безопасными. Будьте осторожны. Взывайте к разуму, прежде чем принять то или иное решение.

— Уходите, Антуриум. — Голос Эсфирь звенел сталью. — Правда. Вы сказали достаточно. Прощайте.

— Мы ещё встретимся.

Тьфу ты! Вот только она обрела уверенность, и он разрушил её — разрушил парой слов, звучавших из его уст угрозой. Он что-то видел в будущем? О чём он смолчал? Как скоро они встретятся? Или слова его ничего не значат?

Жуть какая, а!

Эсфирь была близка к тому, чтобы взорваться. Ругательства и проклятия вились в уме, грозясь пробить выстроенную перегородку. Не говоря ни слова, Антуриум прошагал мимо — плавно и бесшумно, будто весил не больше пушинки. И она уставилась на чёрную стену, ничего толком не видя.

Она рисовала в памяти знакомые лица тех, с кем её свела судьба.

Зефирантеса — доброго здоровяка: ему и оружие не нужно, он сам на огромную палицу похож!

Сапфира — мечтательного ореада, очень необычного.

Глендауэра — белокожего океанида, окутанного туманом загадочности, истерзанного телом и душой.

Рубина, Аспарагуса, Антуриума. Даже Каладиума, Азалию и двукровных!

Эсфирь запомнит всех! И уж точно не забудет одного колючего дриада, в чьем хрупком теле помещалось столько сил и стойкости. Дриада, пытавшегося уберечь её от опасностей, несмотря на постигшую лес смуту. Дриада, искавшего успокоение в книгах и живописи. О чем-то размышляя, он забавно замирал, будто выпадал из реальности, блуждая в мире мыслей и грёз.

— Удачи, Листочек.

Слова осели на губах горечью потери. Эсфирь сглотнула. Кряхтя, подползла к проходу и упала лбом на ладони. Сквозь разведенные пальцы она оглядела задымленную лужайку и хинов, вскинула голову — окаймленный рассветным заревом, лунный шарик таял в небе. Дело близилось к утру.

Наверное, Эсфирь на миг уснула или тоже выпала из реальности. Но она даже не почувствовала, как силин взобрался ей на плечо. Она очухалась, когда он уже свернулся вокруг шеи пушистым воротником. Небо и впрямь снова нашел её — распластался, намурлыкивая песенку.

Он не сражался. Но по какой-то непонятной причине от него пахло кровью и мокрым мехом.

Ручей! Точно!

Сперва они найдут, где помыться — может, карта подскажет, — потом разберутся, что делать дальше.

Последствия

Одна хижина Олеандра пострадала от пожара. В другой они с Зефом прежде набедокурили, угодив под чары очарования. На первом этаже царила разруха: пол усеивали дыры, перина в углу пропиталась кровью, бочка с водой до сих пор пылилась у стены.

К счастью, второй ярус схватка не затронула, и Олеандр занял покои наверху. Только раны промыл и настил сплёл из веток, потому что комната пустовала.

Два дня канули в пустоту. А он всё лежал бревном, качаясь на волнах отупения. Он ведал, что будет непросто. Но и помыслить не смел, что тяжести пережитого пригвоздят его к ложу.

Олеандр жаждал ответов. Но куда больше ему требовалась передышка — мгновения покоя, чтобы осмыслить минувший бой. Изнеможение вгоняло его в краткие дрёмы, изредка он ел и пил, перебарывая одеревенение.

Иногда дверь поскрипывала и отворялась. Помимо солнечного света, в покоях селилась прохлада. Отражался от стен голос, но разум не желал его распознавать. Неведомый гость исчезал и возвращался, без усталости чесал языком. Выбесил до того сильно, что Олеандр очухался и признал брата. И в тот же миг, когда слух передал мозгу услышанное, в груди стянулись узлы.

Рипсалис — воин Цикламена, легенда Барклея — не пережил битву. Каладиум пал от пламени Рубина. Зефирантесу и Айон удача улыбнулась. Повезло и Сапфиру — он отделался вывихами и ожогами.

Лекарни уже наполнились ранеными. Число умерших пока не называлось. Стражи ещё опознавали тела — нелёгкая работёнка, учитывая, что многие воины обгорели до черноты.

Для Глендауэра тоже нашлось дело. Он помогал тушить огонь в лесу. Благо на поселение пламя не перекинулось. Защитный купол, выращенный Древом, до сих пор нависал над домами.

Время шло, и голова Олеандра всё пуще трещала от вопросов. Тело дергало болью, зудели порезы и ссадины. Отец не возвращался, и его затяжное отсутствие плодило и подкармливало мрачные мысли.

Убил ли он Эсфирь? Нет. Вряд ли. Желал бы лишить жизни — лишил бы на поле брани на радость борцам за лес.

Да и хины не позволили бы ей навредить, так?

Она ведь знала, что уродилась с кровью двух. Знала и смолчала. И глупцу понятно, почему она держала рот на замке.

Право, Олеандр сам не понимал, гневается он или радуется, что Эсфирь скрыла сущность и даровала ему столько тепла, столько приятных мгновений, которые хотелось сберечь в памяти.

Браслеты! Они сдерживали её порывы и колдовство? Поэтому она никогда их не снимала. Он видел, как она сорвала их в бою. Сорвала уверенно, но с затаённым страхом в глазах.

Как много она о себе узнала? Когда? Что с ней будет? Одна-одинёшенька во враждебном мире.

Боги милостивые!

К горлу подкатил комок тошноты, Олеандр сжался и упал лицом на подушку. Ещё он

размышлял об Аспарагусе, и мысли о нём тоже не сеяли в душе успокоение. Бастард Стального Шипа! Немыслимо! Почему он сокрыл родство с Эониумом? Не желал очернять его имя? А Эониум?.. Каков двоедушный нахал! Поборником чистоты и верности слыл! Головы сносил за измены и раздел ложа до брака! И сам втихую позабавился на стороне и заделал дитя!

А Бегония, почившая мать Аспарагуса? У неё же супруг был. Точно был. Ежели бы она вышла замуж после соития с Эониумом, суженый отказался бы от неё в первую брачную ночь, осознав, что она не невинна. Выходит, Бегония предала и надурила мужа? Родила чужое дитя и выдала его за плод брачной любви? Или она не ведала, кто приходится Аспарагусу отцом? Возможно, принесла Эониуму новорожденного, и он проверил, откликается ли Вечное Древо?

Так или иначе, но Стальной Шип знал, чья кровь бежит по венам Аспарагуса. Определенно знал. В ином случае он не благоволил бы ему — сдался правителю Барклею отпрыск прачки и кузнеца!

И отец Олеандра тоже хорош! Давняя битва у Морионовых скал. Ваухан и океаниды сковали Летá и увезли в Танглей. Зелен лист, от лесного владыки дриады ожидали либо заключения Азалии под стражу, либо вести о её гибели. Но нет. Антуриум пошёл по сложному пути. Он позволил ей скрыться. Обманул соплеменников, выдав случайный труп за труп сестры.

Ради чего, спрашивается? А чтобы мнимую честь не запятнать. Время тогда суровое царило. Стальная братва властвовала и процветала, желая видеть в лице Антуриума второго Эониума. Никто не оценил бы его жеста добросердечия. Не упоминая уже, чем это добросердечие аукнулось.

Отец пощадил Азалию и нажил в её лице смертельного врага.

А Рубин?.. Ядовитый полудурок тоже отличился. Похоже, растерял остатки мозгов и спутался с фениксами.

— Он нарёк себя сыном Азера, — поделился минувшей ночью Сапфир. — И обвинил Глена в его гибели.

— Азер мёртв?! — изумился Олеандр. — Значит, у фениксов власть сменилась. Янар стал правителем?

— Вероятно, — ответил Глендауэр. — И бразды правления он перехватил недавно, ибо до океанид слухи ещё не дошли. Но любопытно иное. Истинно, порою каратели Танглей отлавливают кочующих разбойников и мародёров с Ифлога. Но, право, Малахит, лик и отличительные черты Азера мне известны. И ежели бы я лишил его жизни, он не остался бы неузнанным.

— Да и что владыка Ифлога забыл бы среди разбойников? — подметил Олеандр, нахмурившись.

— Это как раз не удивительно, — подал голос Сапфир. — Фениксы отрекаются от кочующих мародёров-собратьев — это верно. Но много ли в их речах искренности? Думаю, Азер мог бы влиться в ряды разбойников. Ради забавы. Столь безрассудные поступки под стать детям огня.

— Соглашусь, — Глендауэр кивнул и добавил: — Отмечу ещё, что Рубин и Азер похожи.

Слова прозвенели, и комната потонула в тишине. Возникла заминка, часто возникающая в разговорах, когда собеседники приходят к одному выводу, читаемому во

взглядах, отворотах головы, жестах.

— Твое ж хиново копыто! — выплюнул Олеандр, чувствуя, как кровь закипает в жилах.

Из всего вытекало, Рубин и правда мог приходиться Азеру кровным сыном. Видать, заявился на Ифлога, наслушался небылиц о гибели родного отца и развесил уши. А Янар и обрадовался, решил понасмехаться над заблудшим парнишкой. Чем не лекарство от скуки? Верно, он и указал Рубину на заведомо труднодостижимую цель — казнь наследника Танглей.

Молодец, конечно. Bravo, Янар! Стоило отдать ему должное. Спровадил Рубина и умыл руки. Прикончил бы тот Глендауэра? Что ж, прекрасно. Янар подгадил бы ненавистным океанидам, оставшись не при делах. Погиб бы в битве? Тоже неплохо. Больно нужен на Ифлога мальчишка-дракайн, пусть и бастард павшего правителя.

Серьёзно! Да фениксы сами его придушат, когда Янар власть порезвится! И ведь не докажет теперь никто Рубину, что Глен не отнимал у Азера жизнь. Треклятый идиот уже под влияние владыки Ифлога угодил.

Мрак какой, ну! В кого не ткни, все в шкафах скелеты хранили. И ныне кости разом вывалились и завоняли.

Смрад чужих секретов душил Олеандра. Он устал думать, но не мог перекрыть поток мыслей. Устал лежать, но тело будто приклеилось к ложу. Хотелось не то орать, не то лбом о дерево биться.

А ведь он ещё с Аспарагусом не сцепился. Витали слухи, что на власть тот не претендует, называет себя воином и соглядатаем, учителем и советником — кем угодно, но не правителем.

И все же чем чаще Олеандр о нём вспоминал, тем отчаяннее желал порубить его на кусочки. Но наступил себе на глотку. Через Глендауэра передал Аспарагусу весть — призыв к беседе.

Но получил отказ:

— Голова наследника забита вопросами. Ежели я приду, она лопнет. А я не желаю мараться в крови. Пусть отца ждёт.

К исходу третьего дня силы возвратились. Тело до сих пор пробирала дрожь. Сердце билось до того медленно и гулко, что каждый его стук громом отражался в ушах. Но теперь почва не утекала у Олеандра из-под ног. Больше он не лежал камнем, пялясь на позолоченную солнцем пыль.

Довольно жалости к себе! Довольно бестолковых дум и терзаний, порождающих лишь головную боль!

Тепло жизни разлилось по венам, и он отринул тревоги. Вытащил из закромов засушенные травы и коренья. Промыл. Нарезал и растёр в кашу, чтобы приготовить настойки для раненых.

К полуночи на подоконнике выстроились котелки и чаши. В некоторых уже томились лечебные соки, в других хранились нетронутые стебли. Олеандр перебирал побеги столистника, изредка поглядывая в окно. Свет от златоцветов, распустившихся на стволах, заливал круглый двор. Отрезанный от суматохи, он будто дремал, убаюкиваемый шелестом листвы. Дремал и не ведал, что вдали, в сердце поселения, хранители носят, как

полоумные: кто с увечными собратями возится, кто жертв подсчитывает, складывая у Древа трупы.

Там тишина и покой не приживались. Там безмолвие разрывали стоны искалеченных воинов и элафия. Скрипели ворота, перепачканные кровью. Пятна её темнели на листве и кустарниках.

Разок Олеандр высунул нос из обители, чтобы навестить Зефа. Не дошёл — дыхание спёрло. Откуда-то появилось вяжущее чувство. Показалось, он ступил в мешанину крови и кусков плоти. Одним словом, его вывернуло остатками непереваренных плодов, и он поспешил скрыться. Снова не выходил. Только обузой и неженкой прослыл бы, вмешавшись в суматоху.

Олеандр не чурался раненых. Вовсе нет. Просто он до сих пор не пережил смерть друзей. Мёртвые тела Драцены и Юкки рисовались перед внутренним оком, когда он смеживал веки.

— Пф-ф. — Он опустил глаза к пальцам, перемазанным в травяной жиже, и втянул носом воздух.

И тут до слуха донёлся шорох шагов. Завитки ушей развернулись, и он снова уставился в окно. За двором темнел зёв сплетённого из ветвей тоннеля, во тьме которого вспыхнули зелёные огни. Поначалу едва приметное, сияние их разрасталось тем пуще, чем ближе подходили визитёры.

Ожидалось, что к дому подступят стражи, чтобы обещанные снадобья забрать. Но предчаяние не воплотилось в явь. С ног до головы покрытый дорожный пылью, дриад в чёрной накидке вынырнул на свет и замер. Вскинул голову, и капюшон стёк с его макушки, оголяя знакомое лицо.

Отец! Олеандр даже не рассмотрел его спутников. Отбросив стебли в котелок, рванул к лестнице. Выскочил из хижины ещё до того, как отец и его провожатые поднялись на веранду.

Выскочил и тут же упёр кулаки в колени, запыхавшись. Аспарагус и Глендауэр обратили к нему взоры. Отец бегло поздоровался и щелкнул с плеча иссохший лепесток.

— Где Эсфирь? — Голос Олеандра дрогнул.

— Я всё расскажу, — с нажимом произнес отец.

Глендауэр схватил Олеандра за локоть и утянул под лысоватый навес веранды. Огрызки лоз и сухие листья валялись на полу и столе, ветром сорванные с крыши. Отец устроился на покосившемся стуле и уложил перед собой книгу — незнакомую, толстую и ветхую, меж страниц её застряли комки грязи.

Он что, из-под земли её вырыл?

— Побеседуем вчетвером, — произнес он, пока все рассаживались. — Я доверяю вам, сознаёте?

— Я всегда относился к тебе с почтением! — воскликнул Олеандр. — В бою я беспрекословно следовал твоим указаниям. Я увёл Эсфирь с поля боя, повелел спрятаться, толком не понимая, что ты замыслил. И что же вышло? Ты швырнул её к Азалии! Да-да, видел я ваши переглядки!

— Эсфирь хотела помочь. И я дозволил.

— Она ребёнок!

— Ребёнок? — Отец задумчиво поглядел на фолиант и добавил: — Постарше нас с Аспарагусом сей ребёнок будет.

— Что?.. — Олеандр растерянно моргнул, но быстро взял себя в руки. — Ты знаешь — я терпеть не могу слово «должен», — чуть спокойнее произнес он, выдохнув жар гнева. — Но ныне ты должен, нет, обязан сказать мне, что с ней произошло. Она жива? Где она?

— Не кипятись. — Отец примирительно вскинул ладони. — Она цела и невредима, клянусь честью. Истинно, я унёс её из леса. Ради её же блага. У Стальных воинов много достоинств, но терпимость к двукровным в их число не входит. Выкроив мгновение, они могли бы убить Эсфирь.

Могли бы. А возможно, отец просто защитился. Совсем как в прошлом, когда солгал о смерти сестры.

Проклятие! Олеандр засопел, как бешеный вепрь. Он чувствовал себя обманутым, хотя никто его не обманывал. Всюду секреты! Всюду фальшь! Подозрительность проросла на щедро удобренной почве.

— Запаситесь терпением, — нарушил гробовое молчание отец. — Разговор нам предстоит долгий. Я зайду издалека, чтобы избежать лишних вопросов. И начну со своего отъезда из поселения...

Отец уродился провидцем! Уму непостижимо! Видение с Эсфирь. Путешествие к мойрам. Дарованная ими возможность — шанс заглянуть в прошлое и прощупать дороги будущего. Возвращение в Барклей. И встреча с Азалией, которой он, по сути, пустил пыль в глаза, сыграв на её неведении.

В решающий миг бразды правления пали в руки Аспарагуса. Он воззвал к защите Вечного Древа. А оно в свою очередь не только укрыло поселение, но и разом погубило дюжину вырожденцев.

Один удар — и вражеское войско проредилось, господин Преимущество обратил взор к хранителям леса.

Тонко. Красиво. Зелен лист, возвращаясь в Барклей, отец Олеандра точно не знал, к какой точке пребудет. По-разному могла сложиться история. Но ему повезло. Он прискакал в преддверии вторжения. Влился в суматоху. Оценил положение и выстроил замысел, которой и воплотил в явь.

Воплотил. И выиграл!

Расчёт века — не иначе! Как итог, всё закончилось там, где началось, как в ожившем видении, увиденном им до отъезда из Барклей — на Эсфирь, стоящей на лугу, окруженной дымом и телами. На девушке, которую он счёл врагом и едва не похоронил под завалами камней.

Олеандр ведал, что отец вхож в клан мойр. Ведал, что однажды он спас их сестрицу от гибели, за что его нарекли другом Судьбы. Ведал о первом подарке — кулоне-ободке, оплетённом золотыми нитями, который показывал привязанности, возникшие между двумя существами. Но вот о втором даре — шансе заглянуть в прошлое и будущее — отец умолчал. Вдобавок не рассказал о собственных умениях.

Главное, с Аспарагусом поделился, а с родным сыном нет. Мило.

Впрочем, услышав о таком прежде, Олеандр, наверное, только бровь недоверчиво приподнял бы. Внутренний критик сразу подверг бы сомнению столь несуразную способность. Да что там! Даже сейчас, внимая речам отца, Олеандр чувствовал себя

осквернённым попыткой просто поверить. Хотя, казалось бы, уже признал, что плетения мира и колдовства куда запутаннее, чем кажется.

Спасибо Эсфирь. Она вывернула мировоззрения Олеандра наизнанку, показав дух Драцены.

Теперь он многое воспринимал легче, без брыканий и криков «Что за бред?! Это невозможно!» И очень вовремя его настигло переосмысление. В противном случае, он рассмеялся бы, когда отец завёл речь об Эсфирь. Изумительно, что ответ на один вопрос лежал под носом — скрывался в перечне существ, который в разгар военной подготовки доставил в лес посыльный.

В тот миг Олеандру было не до книг. Доставленный фолиант забрала Эсфирь и спрятала под землей за лекарней, где они предавались сну. Вестимо, тогда она и узнала свою сущность.

Эреба-гемера. Древняя двукровая, невесть как очутившаяся у Барклей. Хозяйка божественного оружия — клевица Танатос, соединяющая в себе черное и белое, свет и мрак.

Каково, а?! У Олеандра щека и веко задёрнулись — глядишь, так и будут подрагивать до конца дней.

Беседа с отцом вогнала его в отупение. Единственное, на что хватило выдержки — прижать ценный фолиант к груди.

— Аспарагус? — Олеандр говорил тихо. Старался принести исцеление израненному разуму. — Я считал тебя изменником. Думал, ты предал клан и переметнулся на сторону врага. Но в то же время я понимал, что поступки твои противоречивы.

— Я желал, чтобы сведущие сочли меня предателем, — отозвался Аспарагус, облокотившись на стол. — Хотел, чтобы оставшиеся в Барклей подельники Каладиума решили, что я примкнул к нему. Я ожидал, что впоследствии они, вероятно, тоже возвратятся к Азалии. Их слова о моем поведении могли бы стать неплохим доводом в пользу того, что я действительно благоволю ей. Хотя я не имел чести вести с ними бесед, думаю, так оно отчасти и вышло. Азалия не сразу умертвила Клематиса и Птериса. Осмелюсь предположить, что сперва она выслушала их рассказ. О моих истинных побуждениях ведал лишь сын Дуги. Его я попросил оберегать вас, наследник. Ему же открыл имя одного из смутьянов, Каладиума. И обмолвился, что покидаю лес и рискую жизнью, ступая в змеиное гнездо.

— Помнится, вы пинка просили вам отвесить, — подшепнул Глен, — ежели мы выживем.

Он восседал на стуле нарочито прямо, словно палку проглотил.

— Да-да. — По губам Аспарагуса пробежала тень улыбки. — Чтобы в голове моей больше не зарождались столь дикие идеи...

— Уезжая из Барклей, — Олеандр все ещё смотрел на него в упор, — ты знал, что за спиной Каладиума стоит Азалия?

— Разумеется, — кивнул Аспарагус. — Я ведал, что она жива.

Блеск! Олеандр упал лбом на запыленный стол. Прикрыл веки, стараясь осмыслить услышанное.

— Верно, ныне вы гадаете, почему я не рассказал вам обо всём? — тронул слух бархатный голос. — Что ж, и на этот вопрос у меня припасен ответ. Я понимал, что цели Азалии не ограничиваются убийством неугодных соплеменников. Понимал, что она жаждет захватить трон. И рассудил, что мне подвластно воззвать к её разуму и заставить свернуть с

намеченного пути. Я желал скрыть правду об Азалии, чтобы не подставлять владыку Антуриума под удар. Ожидание, что она прислушается к моим словам и отойдёт в тень, тогда не казалось мне лишенным опор.

— Ежели она к кому-либо и прислушалась бы, — вступил в разговор молчавший до сих пор отец, — существом сим несомненно явился бы Аспарагус. Они всегда ладили.

— Но встретил я вовсе не ту леди, коя некогда мне благоволила, — устало продолжил Аспарагус. — Я встретил дриаду, коя отняла жизни двух вершивших для неё мечь соплеменников. Я встретил дриаду, коя отняла бы жизнь всякого, кто встал бы на её пути. Я узрел полчища вырожденцев и отверженных. Осознал, что просьбам того же Каладиума Азалия не придает значения — он, как выяснилось, просил её пощадить Клематиса и Птериса. Я столкнулся с бездной ненависти и непоколебимой уверенности и решил тянуть время.

Голова Олеандра кипела, переполненная сведениями. Но он собрался с силами — через стол протянул Аспарагусу ладонь. Тот пожал её и усмехнулся столь красноречивому жесту примирения.

— Признаете, что заблуждались на мой счёт? — В золотом глазу Аспарагуса плясали смешинки.

— Самую малость, — буркнул Олеандр.

— Может, ещё на объятия расщедритесь?

— Тофос упаси! И дядей я тебя называть не буду!

Олеандр поглядел на отца, скрывавшего широкоую улыбку за прижатой ко рту ладонью.

— Что будет с Фрезией?

— Не стоит ей пока что возвращаться в Барклей. — Отец устремил взор к навесу над верандой, с которого срывались сухие листья. — Это опасно. Пускай поживёт с лимнадами. Я навещу её. Поведаю о случившемся и расскажу о гибели Каладиума.

К несчастью, Глендауэру пришлось покинуть поселение. Раньше он отправил Дуги письмо с просьбой прислать в Барклей стражей. Что случилось с тем посланием? Дошло ли оно до океанид?

Нужда позвала Глена в дорогу. Ведь всё могло обернуться ненужным выводом ледяных войск из Танглей.

Узнав о намерениях брата, Олеандр совсем поник — казалось, внутри последняя струна терпения оборвалась. Не осталось ни сил, ни желания разбирать груз обрушившихся сведений.

И все же в день отплытия он проводил Глена до Вечного Древа. Они пришли на площадь ночью, когда усталость разогнала воинов по домам. Синхронно замерли и вскинули головы к переплетениям ветвей.

Ветерок шумел в лиственных лапах и нагонял щемящую тоску. Пальцы Олеандра окутало зелёное сияние. Он тронул свисавшую лозу, пустил по ней чары. И облепившие её златоцветы вспыхнули, озаряя его и Глена.

А нужные слова всё не приходили на ум. Вестимо, потому что они оба не желали разлучаться.

Олеандр косился на брата и чувствовал, как в горле скатывается комок. Глен стоял в

двух шагах и улыбался. Вернее, улыбались его разноцветные глаза, в которых играли золотые блики. Возможно, на нём сказалась встреча с прошлым. Возможно, что-то иное. Но ныне от него веяло теплом.

Тут, в Барклей, его ледяная броня порой трескалась, возвращая окоченевшие тело и разум к жизни.

— Желаете поговорить об Эсфирь? — Голос брата прорвался сквозь назойливый шум в ушах. — О правителе Антуриуме? Я мог бы задержаться.

— Нет, — Олеандр отрицательно мотнул головой. — Мне нужно всё обдумать. Тяжело. Ты попрощался с отцом?

— Истинно. — Глен кивнул. Прядь меловых волос стекла ему на щеку. — На жаркие объятия он не расщедрился.

— Он не убил тебя — уже хорошо.

— Я не жалею. Малахит?..

Олеандр оторвал взор от мысков сапог. Снова сглотнул, пытаясь перебороть комок, но тщетно.

— ...Молю, скажите, что мы братья. — Глендауэр смотрел на него не мигая. — Скажите, что не ненавидите меня.

— Не ненавижу, Глен, — твёрдо произнес Олеандр. — Мы не братья. Но мы и не враги. И вообще! Не разводи тут вселенскую скорбь! Ступай давай, потом напишешь. Надеюсь, Дуги тебя не прикончит.

— Не прощаюсь.

— Да. Я тоже.

Бледная, изрезанная шрамами ладонь, протянулась к Олеандру. И он пожал её, накрыл пальцами второй руки и смежил веки, чтобы пережить расставание, не растеряв стойкости.

Один, два, три, четыре... Когда он распахнул глаза, о брате напоминал лишь застоявшийся запах мороза.

Колёсики разума закрутились, желая осмыслить его уход, разбудить запертые чувства и посеять в душе тревоги. Олеандр метнул в сторону ближайшей улочки обеспокоенный взор и плюхнулся возле Древа. Голова шла кругом. Больше он ни о чём не думал, никуда не смотрел. Скользил взглядом по округе, не ведая, за что уцепиться, пока не наткнулся на бутон.

Бутон? На Вечном Древе?

Кровь прилила к мозгу. Олеандр моргнул раз, второй. Все верно. Никаких ошибок. Над ним висел бутон, при том весьма необычный: черно-белый, будто на тьму и свет поделённый.

Невозможно! Откуда он взялся, Боги?!

Ежели верить легенде, ему должно отражать взаимные чувства — чувства одного из потомков первозданных дриад.

Чьи? Отца? Вздор! Аспарагуса? Вздор! Может, он и любит супругу. И все же он недавно вошёл в род.

А что если...

— Листочек. — Зов Эсфирь на удивление чётко отразился в ушах, повлекая озноб и мурашки.

Вздрагнув, Олеандр даже огляделся — никого. Его окружали лишь вздымавшиеся над почвой корни.

В тот же миг внутри всколыхнулось странное ощущение. Почудилось, он подступил к судьбоносной развилке. Стук в голове распространился от висков к затылку, невыносимо захотелось увидеть Эсфирь.

Да, она опасна. Да, она двукровная. Почти оживший миф, невесть как поавший в Барклей.

Что между ними может быть? Да ничего! Но... Глупо отрицать, их связала неведомая белая нить. Их притягивало друг к другу. Они разделили ложе и ничего не прояснили.

Олеандр так и не сказал, что... любит.

А потом заявила Азалия. Потом отец унёс Эсфирь. И Олеандр просто смирился с таким исходом.

Только ныне он осознал, как сильно скучает. Как ему не хватает её улыбки, присутствия, задорного смеха.

Другой такой на свете нет! Во всех смыслах!

— Ой, да пошло оно все! — Олеандр вскочил и рванул к главным воротам.

Он найдёт Эсфирь. Поможет и исполнит данные клятвы и обещания. Признается в чувствах.

Падёт? Ну и плевать! Как сказал бы Глендауэр: жизнь — это всего-навсего дорога к гибели.

Рубин улетел с поля боя после того, как две стрелы навывлет прошили крыло. В воздухе он и без того чувствовал себя неоперившимся птенцом. Казалось бы, на земле обретал уверенность. Да как бы не так! Крылья бесили. Мешали, превращая его в неповоротливое бревно.

Он оплошал. Не докумекал прежде, что манеру боя надо бы переосмыслить. Не докумекал — и поплатился за браваду. Одним Богам ведомо, каким чудом он выстоял в дуэли с Глендауэром.

Ледяной ублюдок! Отродье блудной девки! На кой Дуги́ его сыном нарёк?! Иных отпрысков не заделал?! Так стараться нужно лучше! Деяние-то немудреное — одноглазого змея в девицу засунуть и подёргаться.

Тьфу ты! Рубин зашипел. Прильнул виском к булыжнику и перевалился на бедро, усаживаясь поудобнее. Недавно он перелетел Морионовы скалы и курганы. Надумал рвануть на юг к Ифлога и огненным собратьям, но изувеченное крыло подвело — не успев затянуть раны, феникс зачах, подавленный дракайном. Пришлось сойти наземь и осесть на равнине в тени лиственных крон.

Да что там! Он не сошёл наземь — рухнул! Едва зубами почву не пропахал, взвихряя клубы пыли — они всё ещё забивали нос. Казалось, от его падения до сих пор стволы трясутся и листва сыплется.

Позорный побег. Но что оставалось? Хоть клятого Палача поджёг и спалил — и то отдушина.

Интересно, Азалия жива? А Олеандр? Сапфир?

Мысли о брате отозвались тянущей болью под сердцем. Рубин побился головой о булыжник — не помогло. Только он смыкал веки, перед глазами рисовались мёртвые тела существ, которыми он по-своему дорожил. Хотелось надеяться, у него просто воображение разыгралось.

Как бы там ни было, ничего уже не перепишешь. Всё, что он сказал и сделал, окончательно, как смерть. Дочь Стального Шипа не тащила его силком, он пошёл за ней добровольно. Пошел и отрезал себе путь в Барклей, на Ааронг. Может, к счастью? Нет выбора — нет колебаний.

На Ифлога Рубину место. Он феникс, верно? Да как яду испить! Вот только дорога и соплеменникам выслана для него пеплом бесславия. Не может он вернуться к ним с пустыми руками. Фениксы его на смех поднимут! И будут правы! Не умертвил океанида. Не исполнил клятву. Не отомстил за Азера.

Проклятие! Рубин бросил попытки подняться со скользкой от крови травы. Откинул пояс с мечами-парниками и улёгся на бок, облизывая запекшиеся губы.

Тихо. Вокруг ни души. Только он валялся под деревьями — пёстрое пятно, распластавшееся на ничейной земле.

Раздражали ветра, гуляющие по равнине, разрезавшие траву и колосья. Надоедали лучи солнца. Прорываясь сквозь листву, они жалили, били по глазам, заставляя ворочаться и тревожить крылья.

По спине Рубина струился горячий пот, но он не шевелился, даже пером не вёл, так и возлежал на земле — словно нет большего блага, чем жариться под палящим солнцем,

привлекая падальщиков. Запах растопленной крови все крепче заседал в ноздрях.

Чудилось, он вечность пялился на сновавших у носа муравьев. Но в какой-то миг мозг перегрелся от пустых дум и тревог. Усталость и изнеможение взяли своё, и мир провалился в черноту.

Очнулся Рубин от острой рези. Мокрая тряпка упала на крыло, и боль штыком ввинтилась в голову.

— Что за?!.. — Он даже выругаться не смог — стиснул зубы, скованный судорогами.

— Хворь подцепишь.

Женский голос донесся из-за спины, и у него недобро засосало под ложечкой.

Азалия? Да ну в пекло! Уповая на неполадки со слухом, он растёр ладонью лицо и приподнялся на локте. Не повезло. Та, что поначалу походила на чёрный силуэт, окаймленный солнечным светом, и правда оказалась дочерью Стального Шипа. Она уже возвышалась перед ним — всё такая же пышногрудая и златоглазая, с густыми бровями вразлет и шрамом на щеке.

Удивительно, но побоище почти её не испортило, разве что кровью и грязью забрызгало.

— Выжила? — процедил Рубин, чувствуя, как по телу рассыпается взволнованная дрожь. — Что ж, браво-браво. Моё почтение, дорогущая. Покрасовалась? Теперь вали отседава. И без тебя тошно.

— Дерзишь? — Губы Азалии сжались в тонкую линию. — Языка не боишься лишиться?

— Не я к тебе припёрся! — Рубину потребовалась вся выдержка, чтобы не выдохнуть ей в лицо яд.

— Думала, кто-то из моих уцелел, — пояснила она. — Спустилась. Гляжу, феникс наш без чувств лежит. Река неподалёку. Чего раны не промыл?

— Тебе-то какое дело?

— Сама не ведаю. — Азалия пожала плечами и, зарывшись пальцами в землю, уселась в шаге от него. — Вестимо, материнские инстинкты иногда пробуждаются. Ты умертвил Глендауэра?

Рубину будто пинка отвесили. Сердце ухнулось в пятки, но тут же взметнулось, подхваченное гневом.

— Ни мне, ни тебе удача не улыбнулась, — прошипел он. — Но я поджёт Палача — уже неплохо.

— Я ожидала от Антуриума подвоха, — призналась Азалия. — Я предвосхищала, что Аспарагус может перевернуться, но не видела в том угрозы. Право, одним врагом меньше, одним больше — ерунда, ежели подумать. Они вырастили для меня подножку, о существование коей я не подозревала.

— Занятненько, — безучастно выпалил Рубин. — Выходит, Аспарагус тебе братцем приходится.

— Старшим, истинно.

— Почему ты сразу его не прикончила?

— Ты не поймешь. — Азалия подняла глаза к кронам, с которых изредка срывались листья. — Какие-то чувства всё равно умирают. А какие-то, пусть мы и сжигаем их, оставляют следы.

— Чё?

— Сказала же, не поймешь.

Повисла тишина, и все же тут и там реяли негромкие отзвуки: то птица какая горланила, то шелест колосьев в уши залетал. Три дерева, возле которых Рубин бросил кости, стояли неплотно. Просветы меж ними открывали взору степи, где каждая травинка гнулась под натиском ветров. Стылые, пробирающие до трясучки, они холодили кровь, прогоняли из тела жар.

Кряхтя, Рубин сел. Сгорбившись, облокотился на согнутые в коленях ноги. И посмотрел на Азалию, невольно позлорадствовал. Подле него восседала некоронованная королева. Дочь Стального Шипа, чьих подопечных перебили. Но ей ещё хватало наглости взирать на Рубина как на отребье.

При ближайшем рассмотрении она выглядела жалко. Золотые глаза совсем впали, глядя на мир с осунувшегося исцарапанного лица. В паре мест кожаный нагрудник и портки порвались, оголив жженую листву. Она вдобавок рукав блузы искромсала, чтобы перевязать его крыло.

Спасибо, конечно. Но лучше бы она свалила восвояси. На худой конец — заткнулась бы.

Казалось, Азалия подушку для нытья хотела отыскать. Потому что трещала она без умолку.

— ...А ещё эта девчонка, Эсфирь. — Слова так и слетали с посеревших губ. — Что она такое? Нет, Каладиум рассказывал мне о её умениях, но знание не равняется живому противостоянию...

Дурость какая-то! Плевать Рубин желал на Эсфирь и дриадские интриги. Куда больше его заботило собственное будущее. Поэтому он напрягся и отрезал лишние шумы. Углубился в мысли.

Рано или поздно сын Дуги отчалит из Барклей. Рубин мог бы застать его в одиночестве, снова развязать дуэль. Но выживет ли он? Не накинёт ли на шею вторую петлю, которая таки затянется?

Нет. Глупость. Сперва нужно с крыльями разобраться. Понять, как двигаться в бою, чтобы они не гасили скорость.

— Слушай, милая, — прервал бестолковые речи Рубин. — А как ты выродков под контролем держишь? Я не из праздного любопытства спрашиваю. Вот куда ты нынче листья отволочишь? Что делать собираешься? Перед братьями склонишься, чтоб на ветру не сломаться?

— Ежели склонюсь, — сухо выдавила Азалия, — упаду на меч, приставленный к глотке.

— Я бастард Азера, — похвалился Рубин, и тон его посерьезнел. — Племянник владыки Ифлога — смекаешь? Он тоже грезил приручить двукровных. А у тебя не то дар, не то... Не знаю... Знания? Умения? Опыт. Ты ж не всех в бой повела, верно? Не хочешь отвести их к Янару? Думаю, вы с ним поладите. Супруг твой в Танглеи ведь нынче тухнет?

— Ближе к делу, Рубин.

— Янар танглеевцев помышлял шугнуть. Не ведаю когда, но... Ежели ты пособишь ему, глядишь, фениксы мужика твоего вызволят. Неплохо, м? Уверен, вы договоритесь.

Азалия дёрнула щекой и склонила голову. Свалявшиеся локоны перекрыли смуглое лицо. Но он заметил, как на дне её зрачков едва приметным огоньком вспыхнул и разгорелся интерес.

Пока она раздумывала, Рубин покосился на ползшую по стволу гусеницу — мохнатую, ядовито-зелёную. За ней тянулся по коре кровавый след — как видно, она с травы на деревце поднялась.

А недурственную идею ему ум подкинул, верно? Видит Умбра, он не жаждал брататься с дочерью Стального Шипа, но ежели она согласится, он обелит себя в глазах Янара, а заодно время выиграет.

— Мне нужны подробности, — после краткого затишья вымолвила Азалия, и Рубин победно ухмыльнулся. — Расскажешь по дороге. Я вихреца у реки оставила. Не по нраву ему палящее солнце.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net